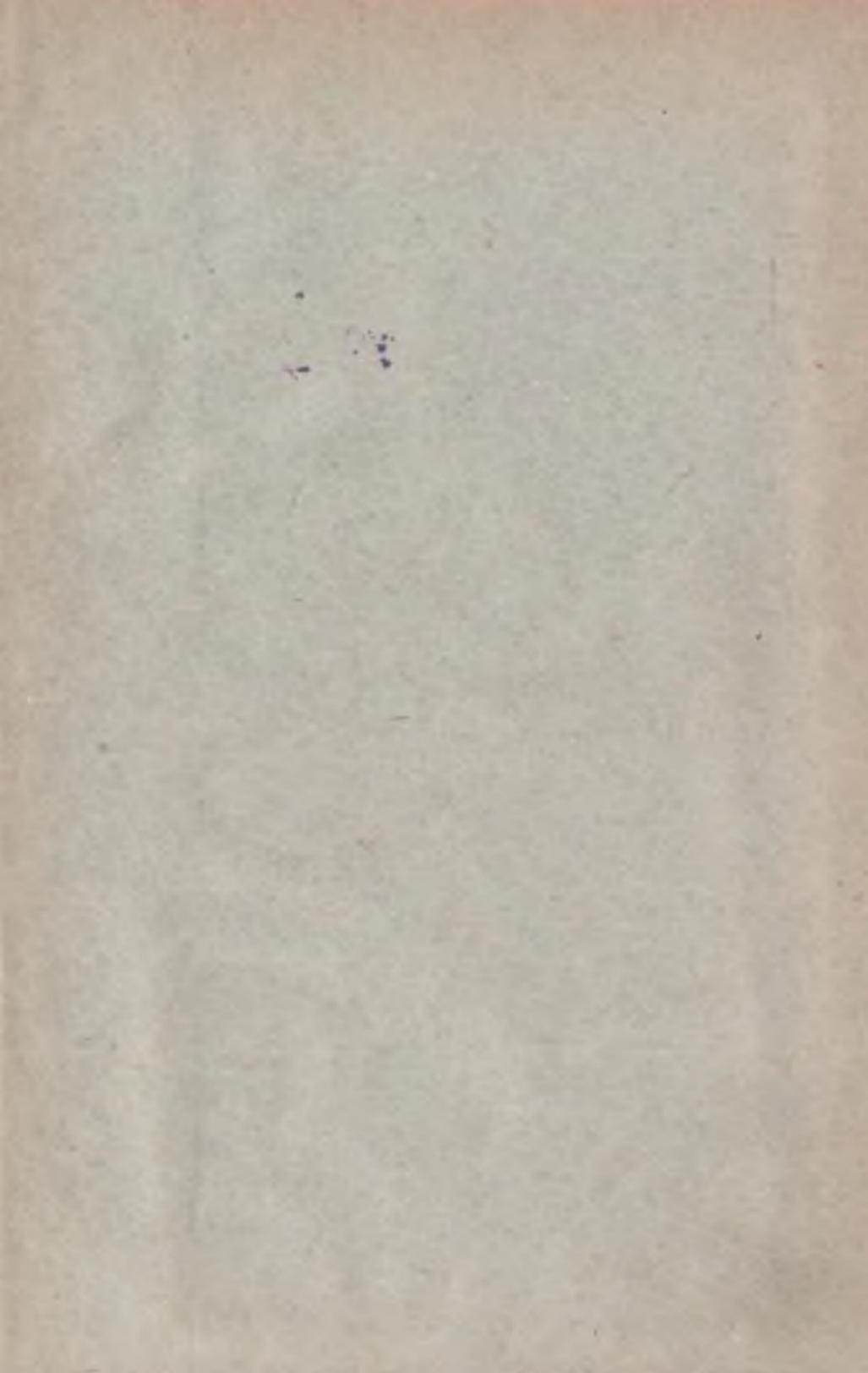

Доминиковский, П.

Л. XVI - XVIII

на кн. Венерки
и др. рал.
схазы.

10

99
2012

84 P1

8-181

СОЧИНЕНИЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНИЕ ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,

ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Профессиональный Союз
РЛБ - СССР

Заведский Комитет

Приложение къ журналу „Нива“ на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание А. Ф. МАРКСА.

1901.

183.8143.1
✓
✓
✓
✓

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

БѢСЪ НА ВЕЧЕРНИЦАХЪ.

(СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ.)

— «Не такъ страшенъ чортъ,
какъ его малюють».

Поговорка.

Дѣдъ поставилъ ружье въ уголъ, уѣлся на теплой лежанкѣ и сталъ рассказывать...

Это было въ Изюмѣ,—говорилъ онъ:—на святкахъ. Шелъ мѣщанинъ Явгѹхъ Шаповаленко по дальнему переулку, заглядывая во все окна и загрогивая всехъ прохожихъ. Шелъ онъ ужъ поздно на зарѣ, на вечерницы, т.-е. посидѣлки, которыя справлялись на десяти-копеечную складчину молодежи ближней слободки, въ лѣсу, на водяной мельницѣ, и потому-то онъ нарядился въ пухъ и въ прахъ. Синіе панковые шаровары, только-что купленные на торгу, были туго перестянуты ремнемъ, съ висящими на немъ гребенкой и коротенькой трубочкой. Концы шароваръ были засунуты въ высокіе, съ желѣзными подковами, санogi. Поверхъ бѣлой рубахи, съ синимъ и краснымъ шитьемъ у воротника, на плечи молодецки была накинута сѣрая свѣтка, а на волосы была надвинута высокая, съ синимъ суконнымъ верхомъ, черная барашковая шапка. Въ его лѣвомъ ухѣ болталась серьга, а изъ кармана шароваръ выглядывалъ конецъ желтаго съ разводами платка. И шелъ онъ, предаваясь всякимъ потѣхамъ. То просунетъ голову въ узенькое окошко подслѣнковой бабы-вдовы и надъ самымъ ея ухомъ крикнетъ: «а-гу!» То совершенно неожиданно, передъ домомъ волостного писаря, начнетъ на рукахъ и погахъ вертѣться колесомъ—и рохнетъ по пыльной дорогѣ то трубку, то платокъ, то цѣлую дорожку пятякови; или погонится за толпою

разряженныхъ дѣвокъ, а тѣ разбѣгаются отъ него съ визгами и криками, какъ стая воробьевъ отъ налетѣвшаго ястреба... То, наконецъ, у воротъ двухъ сосѣдей-стариковъ, съ громкимъ крикомъ «*Ходилъ гарбузъ по городу!*» пускается отилясывать въ присядку. Его сапоги звенятъ подковками, выбивая лихой тапецъ. Густая пыль летитъ столбомъ, и въ ея облакѣ мелькаетъ по временамъ баранья шапка, складка шароваръ, или его длинные черные усы. Съ громомъ летитъ мимо таратайка пробѣжлага купца, и послѣднй, поднявъ съ подушекъ изумленное лицо, смотритъ и, съ просонковъ не понимая, что передъ нимъ дѣлается, исчезаетъ въ концѣ улицы.— «Молодецъ!—говоритъ въ одно слово ватага парней, идя мимо плясуна.—Молодецъ Явтѣхъ! Молодецъ гуляка Шаповаленко!»— И Явтѣхъ понимаетъ, что онъ точно молодецъ, -потому что наконецъ и головы столѣтнихъ старцевъ поднимаются передъ нимъ, и устремляются на него глаза тѣхъ людей, которые уже столько лѣтъ съ утра до ночи сидятъ, какъ могильные камни, у своихъ воротъ и смотрятъ въ землю, не поднимая головы ни передъ чѣмъ на свѣтѣ.

«Любо жить на свѣтѣ! Вотъ такъ любо!»—думаетъ между тѣмъ Явтѣхъ, минуя околицу и огородами пробираясь къ лѣсу. Тряхнулъ онъ волосами, нагнувъ шапку, подтянулъ туже поясъ и взглянулъ на ясное звѣздное небо... Звѣзды дрожатъ и будто колышутся, точно огоньки воздушныхъ свѣчекъ. Но вотъ, изъ-за лѣса послышался далекий говоръ и смѣхъ. Хата мельника скоро выльнетъ изъ-за деревьевъ. А тамъ веселье, шумъ, толкотня, и среди всего—красавица Найда, дочка мельника...

«Что за краля эта Найда!—думаетъ Явтѣхъ, пробираясь къ околицѣ и пересказывая то черезъ камышъ, то черезъ ровъ, обросшй осокой.—Была не была!—скажу сегодня всѣмъ, что Найда—моя невѣста и что я женюсь на ней! Посмотрю тогда, какъ заартачится старый мельникъ!» И, разведя кусты, онъ смѣло вошелъ въ лѣсъ. Темнота и мертвая тишина кругомъ. Ни соловей, ни филинъ не оглашаютъ лѣса. Между деревьями, на мѣсяцѣ, сверкнуло болото; черезъ него, по мостику изъ бревенъ и вѣтвей, лежитъ дорога... Подойдя къ болоту, Явтѣхъ бодро ступилъ на мостъ, размахивая длинною хворостиною и расточая разные замѣчаня насчетъ людскаго трудолюбя. «Эка народъ эти изюмцы!

пять лѣтъ копались по поясъ въ водѣ и выстроили такой мостъ, прости Господи, что съ нечистымъ не разминешься; а ужь куда необъемистъ этотъ вражій сынъ!..» И вдругъ онъ видитъ, какъ разъ на срединѣ моста, усѣлось что-то маленькое, худенькое, черненькое и мохнатое. Явѹхъ къ нему, а оно сидитъ, и только его зеленые глазки сверкаютъ, какъ у кота. Явѹхъ закричалъ:—«брысь!» а оно и ухомъ не ведетъ и только выливаетъ чернымъ и длиннымъ, какъ у собаки, хвостикомъ. «Э-ге-ге, дѣло недоброе! Только упомянуть нечистаго, а ужь онъ и подвернулся! Пстой же ты, пророва душа:—я тебѣ покажу, какъ вашего брата учать!»

Онъ быстро подошелъ и со всего размаха хлестнулъ его длинною хворостиной. Завизжалъ, залаялъ бѣсъ, какъ собака, и кинулся подъ ноги парня. Явѹхъ пошатнулся, скользнулъ съ мостика и со всего размаха полетѣлъ внизъ усами, въ болото.

— Вотъ вода, такъ вода, да и холодная какая!—пробурчалъ онъ, выкупавшись въ лужѣ и опять взбираясь на тощія бревна. Съ его шароваръ, съ рубахи и съ усовъ текло, какъ съ крыши во время дождя.—Эхъ-ма!—прибавилъ онъ, осмотрѣвшись и выворачивая карманы шароваръ и свитки:—ни кисета, ни платка, ни денегъ нѣтъ! Все тамъ!—И онъ показалъ въ воду...—Погоди жь ты, бѣсовъ сынъ:—я тебѣ утру носъ! Заставилъ выкупаться, точно пьянаго москаля! И на вечерницы теперь опоздаешь!.. Ахъ ты, свиное твое ухо... Ахъ...—И въ самомъ досадливомъ расположеніи духа, онъ пошелъ обратно въ Изюмъ.

Онъ шелъ, едва передвигая ноги отъ намокшихъ шароваръ, а тутъ еще казалось ему, за плечами, по кустамъ, кто-то шагалъ и будто говорилъ ему: «что, братъ? смѣяться вздумалъ? Что? драться вздумалъ? Вотъ, теперь и пляши! и пляши!» Закинула мечь въ его груди. «Не поддамся!—крикнулъ онъ и плюнулъ:—добѣгу до хаты, переодѣнусь и еще посиѣю на вечерницы!» Сказалъ и во всю прыть пошелъ къ Изюму...

Но не добѣжалъ Явѹхъ и до половины пути, какъ холодъ сталъ принимать его до костей. Онъ остановился, оглянулся по полю и, не видя вокругъ ни души, присѣлъ на траву, да не долго думалъ начать раздѣваться. «Теперь не будетъ холодно!»—сказалъ онъ себѣ, взялъ свиту и рубаху подъ мышки и еще нибче побѣжалъ, несся по высокой

травѣ и перепрыгивая черезъ рвы и кочки... Мѣсяцъ кстатн спрятался въ тучи и не смотрѣлъ на полураздѣтаго парня. Изюмъ скоро выглянулъ изъ-за пригорка. Огороды Явтѹхъ миноваль счастливо и, прошмыгнувъ подѣ заборами, вѣбжалъ въ околицу. Тутъ онѣ остановился и бросилъ пугливый взглядъ по сторонамъ: на улицѣ—ни души. Старики и бабы сидѣли ужѣ въ хатахъ, а молодежь повалила на вечерницы въ подгороднюю мельницу... Явтѹхъ вздохнулъ свободнѣе и впопыхахъ пустился далѣе... Но не миноваль онѣ и четверти улицы, какъ изъ воротъ мѣщанки Хйври Макитренковой, съ пѣснями и криками, выступила ватага дѣвушекъ и длинный, какъ цапля, ткачъ Юхимъ Бубликъ... Разряженная толпа щебетала вокругъ ткача, а онѣ, со всякими припасами для вечерницъ, важно шелъ по улицѣ.

Завидѣлъ дѣвокъ Явтѹхъ и обомлѣлъ отъ ужаса. Мокрую свиту и рубаху онѣ оставилъ на дорогѣ, подѣ огородомъ, думая завтра рано взять ихъ оттуда. «Вѣдь это бѣда!»—подумаль онѣ, да такъ въ однихъ мокрыхъ шароварахъ и остался посреди улицы. Ватага приближалась къ нему... Ужѣ дѣвки близко, ужѣ онѣ слышать ихъ голоса, какъ счастливая мысль мелькнула въ его головѣ: онѣ оглянулся, вскочилъ въ первый ворота и забился подѣ опрокинутую бочку. Въ то же время выглянулъ мѣсяцъ. Пѣсни и говоръ раздались подѣ самымъ его ухомъ.

— Охъ, стойте, дѣвки,—я кого-то видѣла!

— И я.

— И я...

— И я видѣла! — посыпались звонкіе голоса, и толпа остановилась у воротъ. Явтѹхъ, ни живъ, ни мертвъ, сидѣлъ подѣ бочкой.

— Куда же оно дѣлось? Какъ въ воду упало!—замѣтили нѣкоторые голоса.

— Да, точно странно:—куда бѣ ему дѣться? Только-что видѣли...

— Да не подѣ бочку ли залѣзъ какой-нибудь дурень?—замѣтила рябая и косая Вѣкла.

— Можетъ-быть, и подѣ бочку! — отозвались другія, и ужѣ направлялись къ бочкѣ.

— Да нѣтъ, стойте, то вѣрно слѣпой Кондратъ проснулся и зачѣмъ-нибудь ночью выходилъ изъ хаты,—пересбилъ длинный ткачъ.

— Ну, такъ и есть!—захотали дѣвки и, поглядывая на опрокинутую бочку, пошли далѣе...

На душѣ у Явтуха отлегло. Онъ выглянулъ, переждать, пока толпа исчезла за околицею, и что есть духу понесся по улицѣ. Прибѣжалъ къ своей хатѣ, ударился въ дверь:— на двери виситъ замокъ; дверь заперта. Онъ къ окну—оно изнутри заперто; да и безъ того въ окно развѣ одна рука его могла бы свободно пролѣзть... «Ахъ ты, судьба моя горемычная!—сказалъ онъ себѣ, чуть не сквозь слезы:—надо же было матери уйти и запереть двери. Ну, гдѣ я ее теперь найду?» И онъ съ досады хлопнулъ кулакомъ по двери... И вдругъ слышитъ:—за его плечами въ темнотѣ кто-то заливается тихимъ, дребезжающимъ смѣхомъ. Явтухъ обернулся и наставилъ передъ собою увѣсистый кулакъ. «Не поддамся я тебѣ, окаинный! Не поддамся, да еще при случаѣ и побью! Хотя въ чужую юбку и въ бабьи чужіе башмаки одѣнусь, а вотъ пойду на вечерницы и горѣлки напьюсь, и съ моею красавицею насмѣюсь надъ твоею собачьею харей!» Сказалъ и подошелъ къ окну сосѣдней хаты. Въ хатѣ не было ни дуни. Мѣсяцъ отражался на гладкомъ полу, на печи и на полкахъ, уставленныхъ посудой. Онъ вошелъ во дворъ, ступилъ на крыльцо и толкнулъ ногою дверь. Дверь отворилась.—«Это не по нашему! — замѣтилъ онъ:— не запираются, какъ отъ татаръ, прости Господи!»

Вошелъ Явтухъ въ хату своей кумы, молодицы Нивги Лободы, у которой мужъ былъ въ отлучкѣ, на заработкахъ; приперъ дверь засовомъ, досталъ изъ печи уголь и засвѣтилъ огонь. «Кума посердится, да и проститъ, а на вечерницы я все-таки попаду!»—подумать онъ и сталъ снимать со стѣны оставленные наряды сосѣдки... Надѣлъ длинную женскую рубаху, голову повязалъ платкомъ, надѣлъ красные башмаки съ подковками, ожерелье «добраго мониста», накиннулъ зеленую кофту и посмотрѣлъ въ зеркало. «Не будь усовъ, и вышелъ бы молодница-молодицею,—сказалъ онъ съ усмѣшкою:—и, какъ, право, странно рядятся эти женщины! Точно писанки на Пасху... Распотѣну же я теперь всю сходку! И набѣгается, насмѣется и навеселится моя Найдуса, моя зорька, моя краля ненаглядная!»

Онъ погасилъ огонь, вышелъ изъ хаты, заперъ дверь и ступилъ за ворота. Городъ молчалъ. Свѣтлая глубина неба переливалась тысячами звѣздъ... Мѣсяцъ неподвижно и ярко сто-

ялъ надъ горою Кремлянцемъ.—«Впередь, Явтухъ, Остаповичъ, впередь!»—сказалъ самъ себѣ Явтухъ, двинувшись въ путь по опустѣлой улицѣ, и вдругъ заболталъ по воздуху ногами...

Протеръ глаза, посмотрѣлъ внизъ—и обомлѣлъ отъ ужаса. Земля у него далеко-далеко подъ ногами, а его тянетъ кверху какая-то невидимая, страшно-могучая сила, и онъ летитъ все выше и выше, покидая облитый луннымъ блескомъ городъ и быстро разсѣвая воздухъ ночи.

— Что? будешь теперь смѣяться да грозить?—спросилъ за плечами чей-то голосъ... Явтухъ обернулся и увидѣлъ, что маленькій и черненькій бѣсенокъ торчитъ у него за спиной, а мохнатые лапы бѣса держать его подъ руки.— Вотъ тебѣ и невѣста, и горѣлка, и твои вечерницы!»—говоритъ парубку чортъ, быстро унося его все выше и выше. Холодомъ обдало парня при мысли о мести и силѣ нечистаго, и отъ страху онъ закрылъ глаза. Когда онъ вновь посмотрѣлъ—земля, городъ, лѣсъ и окрестности, все исчезло подъ его ногами... Онъ летѣлъ въ необъятной пустотѣ, и воздухъ съ шумомъ скользилъ мимо его ушей.

— Куда ты несешь меня, дядюшка?—спросилъ, опомнясь, Явтухъ.

— А вотъ я сейчасъ тебѣ скажу!—отвѣтило у него за плечами:—я тебя, братъ, посажу верхомъ на мѣсяцъ; и просидишь ты у меня на немъ день, два, а можетъ и годъ, развѣ, когда мѣсяцу придется опуститься до краевъ земли, усгѣнешь ты соскочить на стогъ травы, или на какое-нибудь дерево...

— А какъ я неравно засну и упаду съ мѣсяца?

— Ну, туда тебѣ и дорога!—отвѣтилъ чортъ и рванулъ его еще скорѣе...

«Прощай, Найда! Теперь ужъ я тебя не увижу никогда!»—подумалъ Явтухъ и отдался на волю бѣса.

Летѣлъ онъ долго, минуя воздушныя пространства; наконецъ, мѣсяцъ, спрятавшійся и опять явившійся, мелькнулъ между разбѣжавшихся тучекъ и сталъ къ нему такъ близко, что онъ, какъ послѣ самъ рассказывалъ, могъ даже разглядѣть, изъ чего онъ сдѣлалъ; а сдѣланъ мѣсяцъ, по его словамъ, изъ серебра, только вызолоченъ, какъ блюдо изъ хорошей посуды, да еще въ одномъ мѣстѣ, — должно быть, задѣлъ обо что-нибудь на землѣ, — позолота потерялась, и оттого пятна на мѣсяцѣ. Онъ поднялся высоко и вдругъ слышитъ, что-то въ воздухѣ шумитъ, и въ то же время

чортъ за его плечами задрожалъ и увильнулъ, отшатнулся въ сторону.

— А! такъ ты дѣвокъ таскаешь, сякой-такой?—раздался хриплый и сердитый голосъ.

Старая, сморщенная вѣдьма, верхомъ на метлѣ, палетѣла на бѣса съ поднятыми кулаками.

— Да это, полноте, не дѣвка; это паренъ, — пропницаль нечистый.

— Какъ паренъ?.. Ахъ ты, сякой-такой!.. А юбка?

— Да вы, Мавра Опуфрѣевна... да я, право... ужъ я же вамъ говорю!—кричала чортъ, осыпаемый кулаками вѣдьмы.

— Вотъ я тебя, вотъ я тебя!—кричала вѣдьма, отъ ревности и злобы не зная, съ какого конца лучше отсчитывать удары. Она ухватила бѣса за хвостъ и за загривокъ и такъ стала его трясти, что съ ея рыжей косы слетѣлъ платокъ, а изъ когтей чорта выпалъ Ивгухъ и камнемъ полетѣлъ на землю... — «Ну, теперь ужъ и мнѣ не сдобровать!»—сказалъ бѣсъ и понесся выше и выше, силясь стряхнуть съ себя злую вѣдьму.

И долго въ воздухѣ сыпались клочки волосъ, и крупная брань бѣса и вѣдьмы оглашала темныя пространства. Ивгухъ камнемъ летѣлъ на землю...

Между тѣмъ весело лилась бесѣда въ низенькой свѣтелкѣ подгородной мельницы. Складчина на этотъ разъ удалась какъ нельзя лучше, потому, во-первыхъ, что мельникъ, старый вдовецъ и скряга, уѣхалъ въ Чугуевъ на ярмарку и дочка его осталась хозяйкою хаты; и, во-вторыхъ, потому, что многіе изъ изюмской молодежи надѣялись на этотъ разъ привести къ окончанію свои сердечныя дѣла.

Поль мельниковой хаты былъ чисто прибранъ и вымазанъ заново охрою; стѣны, также вновь выбѣсенныя, украсились вѣнками и пучками цвѣтовъ. Печь ярко горѣла и въ ней шиѣли на горячихъ сковородахъ, въ маслѣ, пше-ничные орѣшки, ячные блины и сладѣны. Дубовый столъ, покрытый бѣлою скатертью, помѣщался въ главномъ углу, подъ образами; на немъ стояли графинчики съ горѣлкой. На лавкѣ у печи, близъ двери въ темную комнату, лежали куски сдобнаго и прѣснаго тѣста, яйца, свиное сало и стручковый перецъ. Вокругъ этого стола двѣ молодницы, и одна изъ нихъ Ивга Лобода, хлопотали надъ печеніемъ и замѣ-

шиваніемъ сладѣнъ и орѣшковъ. По скамейкамъ, опрокинутымъ ведрамъ и корытамъ, вокругъ хаты, сидѣли дѣвки и парни. Смѣхъ, говоръ и пѣсни перемѣшивались съ трескомъ печи и жужжаніемъ веретѣнъ. Дѣвки, сяди на рѣзныхъ дѣщахъ, тянули изъ гребней пряди и бойко водили веретенами. Иныя сидѣли молча, другія пѣли пѣсни, а третьи болтали и щебетали, какъ ласточки въ весеннее утро. Парни, кто за столомъ, кто на перевернутомъ боченкѣ, а кто и просто на полу, сидѣли и тоже занимались разными работами. Иной точилъ деревянную чашку, другой строгалъ веретено своей красавицѣ; третій гнулъ дугу; четвертый расписывалъ вывѣску для хуторянскаго кабака, а иныя говорили сказки. Сказки смѣнялись хорошими пѣснями. При окончаніи одной изъ послѣднихъ, длинный ткачъ Бубликъ вдругъ приложилъ ладонь къ уху и, давъ знакъ рукою, чтобъ все замолчали, затянулъ тоненькимъ голосомъ весьма жалобную пѣсню. Это не помѣняло ему протянуть въ печку спичку и потянуть оттуда, подъ общій хохотъ, горячую галупку. Все веселилось, хохотало, шумѣло, рассказывали сказки. Не веселилась одна хозяйка, мельникова дочка...

Прошло уже немало времени, а Явгѹха не было да и не было. Сперва она думала, что онъ зашелъ къ своему приятелю писарю; потомъ ей казалось, что онъ только притворяется, что давно ужъ пришелъ и спрятался гдѣ-нибудь по близости, за хатою, ожидая, что вотъ она не вытерпитъ и выбѣжитъ сама къ нему навстрѣчу. Найдѣ ужъ готова была встать и выдти, какъ будто невзначай. «Нѣтъ! — подумала она, — лучше подожду его. Нечего баловать жениха! Положишь ему налецъ въ зубы, такъ и не вынешь!»

И она осталась.

Прошло еще нѣсколько времени. Найдѣ забылась и слушала, вода веретеномъ, страшную сказку, которую пачалъ ткачъ. Нитка прижи у нея оборвалась, и она выронила веретено. Нагнулась подъ столъ и вдругъ видитъ: въ углу, подъ лавкой, сидитъ что-то худенькое, маленькое, черненькое и, виляя хвостомъ, смотритъ горящими, какъ угли, глазами... Найдѣ обомлѣла отъ ужаса... Чортъ, между тѣмъ, посидѣлъ и юркнулъ въ дверь; дверь за нимъ тихо затворилась. Кромѣ Найдѣ, никто не замѣтилъ ни его появленія, ни бѣгства. Сказка тинулась своимъ чередомъ.

И вотъ, чувствуетъ Найдѣ, что непонятная сила тише

и ее съ мѣста за дверь. Она знаетъ очень хорошо, что за дверью, въ темныхъ сѣняхъ, ожидаетъ ее то же страшное чудище, что за дверью она перепугается до смерти, знаетъ и—дивное дѣло!—не можетъ себя побѣдить. Встала она съ лавки, тихо сложила гребень и отворила дверь. «Куда ты, Найда?»—спрашиваютъ ее подруги. «А вотъ я... въ сарай... коровѣ сѣна нужно подложить!»

Она ступила въ темныя сѣни. Въ сѣняхъ—ни души. Она на крыльцо—и на крыльцѣ никого не видно. Площадка передъ хатою также пуста. И только подъ заборомъ маленькаго садика бѣгаетъ котъ. «Васька, Васька!» стала она звать кота. Котъ вошелъ въ калитку садика. «Еще забѣжить въ лѣсъ!—подумала она,—пляется за сосѣдскими кошками...» Но не успѣла сдѣлать и пяти шаговъ, какъ котъ къ ней обернулся и сталъ мяукать и рости. Холодъ пробѣжалъ по ея жиламъ. «Врысь!»—закричала она.—Котъ оцѣтнился, выпустилъ когти, страшно засверкалъ зелеными глазами, такъ что освѣтилъ сосѣдніе кусты и плетень, замюкалъ еще сильнѣе и, выгибаясь, сталъ рости и рости... Найда хотѣла бѣжать и не могла: ноги не слушались; хотѣла кричать: языкъ, какъ во снѣ, не двигался. А котъ прыгнулъ и, поднявшись на заднія лапы, протянулъ къ ней усатую морду... «Гьфу!»—крикнула Найда и спрятала лицо. «За что же ты бранишься?»—спросилъ у нея пѣжный и сладкій голосъ. Найда смотритъ: передъ нею стоитъ ужъ не котъ, а Явтухъ, ея Явтухъ, ея милый суженый...

— Это ты, Явтухъ?

— Я, моя кралечка!

— Какъ же ты напугалъ меня! Богъ знаетъ, чѣмъ показался!

И она кинулась къ нему на шею и потащила его за руку въ хату.

— А, Остаповичъ, Шаповаленко! — залепетали вокругъ парня собесѣдники:—а мы васъ ждали, да все думали, куда это васъ занесло.

Найда отъ радости бѣгаетъ по хатѣ и ставитъ на столъ миски съ угощеніями. Явтухъ, крутя усы и нахмурившись, стоитъ посреди хаты, не снимая шапки и сурово поглядываетъ по сторонамъ. — «Будетъ вамъ, щебетухи, языкомъ торохтѣты! — сказалъ ткачъ: — садитесь вечерять».

Найда всыпала въ миску варениковъ.

Всѣ при этомъ бросили болтовню и, крестясь, сѣли за столъ. Явтухъ молча сидѣлъ, сложа руки.

— А ты же что паномъ разсѣлся?—спросила его съ до-садою Найда, видя его невѣжливость: — не велика птица! на полотенце, да занавѣсь свои шаровары, а то еще какъ разъ съ усомъ каннетъ!

Явтухъ нагнулся къ столу и раскрылъ ротъ. Въ ту же минуту дивныя дѣла произошли въ хатѣ. У одного изъ парней въ карманѣ были припасенные орѣхи и рожки; вдругъ карманъ раскрылся, и орѣхи, а тамъ и рожки, будто воробы, стали вылетать оттуда, направляясь въ ротъ Явтуха, который только раскусывалъ ихъ. Долго никто не могъ придти къ себѣ отъ изумленія. «Э-ге-ге! да что же это такое?» — подумали въ одинъ разъ всѣ гости и остались неподвижными. Молчаніе сдѣлалось такое, что слышно было, какъ муха жужжала и билась гдѣ-то подъ опрокинутымъ кувшиномъ.

— Ой, лѣлечко, братцы!.. караулъ! — закричалъ вдругъ ткачъ, весь въ мукѣ вскакивая изъ-подъ стола, куда нагнулся искать упавшій кисеть съ табакомъ: — да это — не Явтухъ; это, братцы, такое, чего и назвать нельзя... у него хвостъ собачій! Смотрите!..

— Чортъ, чортъ! — закричали всѣ, и во мгновеніе ока, выскочивъ изъ хаты, побѣжали, куда глаза глядятъ. — Въ то же время у мнимаго Явтуха упала съ головы шанка, и на лбу сверкнула пара золотыхъ рожекъ. — «Такъ вотъ это кто!» — подумала Найда и замерла отъ ужаса, оставшись глазъ на глазъ съ тѣмъ, котораго, по словамъ ткача, даже и назвать было нельзя...

Выроненный изъ рукъ чортомъ, Явтухъ стремглавъ понесся съ неба, посылая прощанія милой и ожидалъ каждое мгновеніе, что вотъ снизу, изъ воздушной тьмы, выяснится рѣка, болото или сухое, рогатое дерево, и онъ распростится на-вѣки съ жизнью, — какъ вдругъ неожиданно почувствовалъ подъ собою что-то мягкое. Онъ осмотрѣлся и видитъ, что упалъ со всего размаха въ стогъ свѣжаго, пушистаго сѣна и утонулъ въ немъ по самую шею. Почувствовать пріятный запахъ травы, Явтухъ сперва убѣдился, что всѣ ребра у него цѣлы, потомъ выкарабкался изъ сѣна, легъ на стогъ и посмотрѣлъ внизъ...

Возлѣ стога былъ разложенъ огонь. Толпа чумаковъ, наклонясь надъ чугуннымъ котелкомъ и курия трубки, сидѣла у огня.

— Здорово, паны-браты! — сказалъ со стога Явтухъ.

Чумаки, не поднимая головы, не двинули ни плечомъ, ни усомъ, а только въ одинъ голосъ отвѣтили:

— И ты будь здоровъ!

— А я къ вамъ! — сказалъ опять Явтухъ.

— Милости просимъ! — отвѣтили чумаки, не поднимая головы и спокойно сѣя коротенькія трубки.

Явтухъ оправилъ на себѣ бабью юбку и кофту и съ такою рѣчью обратился къ чумакамъ:

— А посмотрите-ка, добрые люди, въ чемъ я!

Чумаки вынули изъ рта трубки и подняли къ нему головы.

— Хорошъ? — спросилъ Явтухъ.

— Хорошъ.

— И банмаки хороши?

— Хороши.

— А платокъ? — спросилъ Явтухъ.

Чумаки, которые опять было принялись курить, удивляясь, что это за человѣкъ ихъ разсираниваетъ и откуда онъ взялся, опять отняли изъ рта трубки и, смотря на Явтуха, отвѣтили:

— Хорошъ и платокъ.

— Хлѣбъ же соль вамъ! — сказалъ нежданный гость, спускаясь на землю со стога: — должно быть, борщъ варите, съ таранью.

— Нѣтъ, кашу съ саломъ.

Явтухъ спустился на землю и подошелъ къ костру.

— А позвольте узнать, господи-чумачество, откуда васъ Богъ несетъ?

— Изъ Крыма.

— За солью ѣздили?

— За солью.

— А гдѣ мы теперь, паны-браты? — прибавилъ Явтухъ.

Чумаки молча переглянулись: вотъ насмѣхается человѣкъ.

— То-есть... какъ оно... насчетъ, то-есть?... гдѣ это мѣсто, на которомъ вотъ мы теперь сидимъ? — прибавилъ Явтухъ, указавъ пальцемъ на землю.

— Гдѣ это мѣсто? — спросили чумаки, опять переглянувшись между собою.

— Да, добрые люди.

— За Мелитополемъ.

— Слышалъ, слышалъ, братцы, про Мелитополь! слышалъ! это отъ насъ версть пятьсотъ будетъ! Еще оттуда,

то-есть — тѣфу! отсюда... коробейники къ намъ съ ситцами ходятъ. Ну, хватилъ же нечистый! въ полночи пролетѣлъ полъ-тысячи верстъ.

Чумаки перестали курить.

— Такъ ты, стало-быть, не здѣшній? — спросили они.

— Не здѣшній... Я изъ Изюма, коли знаете. Еще сегодни ходилъ тамъ по базару и купилъ себѣ шаровары,—замѣтилъ Явтѣхъ, да и загнулся на этомъ словѣ. — То-есть, просто диво!—вздохнулъ онъ и, придвинувшись поближе къ чумакамъ, сталъ рассказывать обо всемъ дивномъ и непонятномъ, что съ нимъ случилось въ тотъ вечеръ.

«Съ няню!» — думали, глядя на него, чумаки.

— Да что, — сказалъ въ заключеніе Явтѣхъ: — я вамъ, братцы, скажу такое еще, что просто огъ смѣху за бока ухватишься... Дайте трубочки покурить... Какъ легли мы съ чортомъ, встрѣтилась намъ вѣдьма, рыжая да старая, такая старая, что только воронье пугать. Завидѣла меня у него въ лапахъ, подумала, что я—не казакъ, а дѣвка, потому что въ этой юбкѣ быть, и вѣщилась въ него. Нечистый выронилъ меня, а съ головы вѣдьмы свалился платокъ. Такъ она простоволосая и полетѣла съ нимъ подь самыя звѣзды... Когда я надалъ сюда, вижу — по дорогѣ летитъ оброненный вѣдьмою платокъ; я его захватилъ налету съ собою! Должно быть, вещь важная! — заключилъ Явтѣхъ и, спрятавъ трубку за пазуху кофты, выложилъ передъ глазами чумаковъ яркій, невиданнаго цвѣта платокъ.

— Эка, бѣсово племя! да еще и козырится!—прибавилъ Явтѣхъ, собирався спрятать находку, и видитъ: сзади его, на корточкахъ, сидитъ тончая, простоволосая старушонка и изъ-за его плеча протягиваетъ костлявую руку. «А! такъ ты тутъ?» — закричалъ Явтѣхъ, такъ что чумаки привскочили на мѣстѣ, и ухватился за сморщенную лапу вѣдьмы.

Вѣдьма заметалась, закричала, какъ заяцъ, когда собаки поймаютъ его за длинныя уши, и стала, подпрыгивая, подниматься съ Явтѣхомъ изъ кружка изумленныхъ чумаковъ. Тихо всплылъ онъ съ ней оныть на воздухъ и, освѣщенный блескомъ костра, взмахнулъ ногами, сталъ исчезать въ темнотѣ, превратился въ красноватую точку и скрылся... И долго еще чумаки, въ сѣрыхъ бараньихъ шапкахъ, сидѣли подь стогомъ, съ опрокинутыми головами и неподвижно смотрѣли въ темное небо...

Какъ легкое перо, носимое вѣтромъ, летѣлъ Явтухъ по небу, держась за руку вѣдьмы. Вѣдьма бросалась изъ стороны въ сторону и стонала, выбиваясь изъ силъ. Наконецъ, она поднялась такъ высоко, что, какъ рассказывалъ впоследствии Явтухъ, чуть не зацѣпила за край мѣсяца и стала опускаться на землю. Явтухъ не унывалъ и, держась за ея руку, смотрѣлъ внизъ.

И вотъ, видитъ онъ, далеко-далеко внизу, сверкнули огоньки, сперва одинъ, потомъ два и, наконецъ, цѣлыя сотни. «Что бы это было такое? — думалъ Явтухъ, — у насъ въ Изюмѣ давно уже спать. Ужъ не Полтава ли это, или Бахмутъ?»

Воздухъ съ шумомъ летѣлъ мимо его ушей, а съ земли неслись къ нему навстрѣчу чудныя картины. Утесы и горы, покрытые лѣсами; на скалахъ каменная крѣпость, башни, лѣсъ, глубокия, какъ колодцы, долины и, наконецъ, цѣлый огромный городъ, залитый огнями. Явтухъ только высматривалъ, обо что ему придется грянуться и распроститься съ жизнью, и вдругъ почувствовалъ, что снова тихо и плавно на что-то опускается. Онъ сталъ на ноги, а вѣдьма, утомленная несеніемъ здороваго парня, воспользовалась счастливымъ мгновеніемъ, вырвалась у него изъ рукъ и съ быстротой молніи исчезла въ темномъ пространствѣ.

Явтухъ окинулъ взоромъ окрестность.

Богатый городъ разстилался у его ногъ; онъ самъ стоялъ на плоской кровлѣ высокой башни. Гдѣ-же это онъ? и что это за городъ?

Башни помѣщалась въ нижнемъ отдѣленіи сада, идущемъ уступами въ гору. Вокругъ башни — рядъ тополей. Далѣе, вправо, небольшой прудъ, окруженный мраморною набережною; кусты широколиственника темнѣютъ здѣсь и тамъ, и мѣсяць ярко отражается въ стеклѣ пруда... Другая, болѣе высокая ограда окружаетъ и тополи, и прудъ, и башню. За садомъ виденъ пространный дворъ; его обступаютъ высокіе терема, съ островерхими крышами и причудливо-рѣзными окнами и деревьями. Въ глубинѣ двора возвышается новая башня съ воздушнымъ крылечкомъ. Глядя на огоньки въ оконечкахъ домовъ, прилѣпленныхъ къ уступамъ горъ, между которыми легъ городъ, Явтуху показалось, что по сторонамъ его не горы, а огромные дворцы, съ тысячами оконъ. «Нѣтъ, это не Полтава!» — сказала онъ самъ себѣ, и для того, чтобы убѣдиться, точно ли онъ все это видѣлъ на яву, а не во снѣ,

онъ ущипнулъ себя за ухо, а потомъ за носъ. Ничуть не бывало! онъ, точно, не спитъ и находится въ какомъ-то далекомъ, дивномъ городѣ.

Осмотрѣвшись еще нѣсколько вокругъ себя, Явтухъ протянулъ руку въ карманъ кофты и, вынувъ оттуда трубку, взигую у чумаковъ, а изъ шароваръ огниво, вырубилъ огонь и, стоя на крышѣ башни, принялся курить и посматривать на городъ, на скалы и небо. «Оно бы и выкупаться хорошо!»—подумалъ онъ, глядя на прудъ. И, нагнувшись съ башни, увидѣлъ, что сойти съ нея очень легко: тополь росъ у самой ея крыши. Недолго думая, онъ уцѣпился за стволъ и сталъ спускаться на землю, но не успѣлъ миновать и половины дерева, какъ дверь изъ терема въ садикъ отворилась, и цѣлая толпа женщинъ, въ бѣлыхъ покрывалахъ и желтыхъ и красныхъ остроконечныхъ башмакахъ, потянулась черезъ крыльцо къ пруду. За женщинами шель черный губанъ-арабъ, въ широкихъ шароварахъ, зеленой чалмѣ и съ саблей у пояса. Сердце застыло въ груди Явтуха, и руки приросли къ стволу тополи. Онъ остановился въ воздухѣ, а вонедниія женщины, не замѣчая его, съ хохотомъ и съ криками окружили прудъ и, въ пяти шагахъ отъ него, стали скидать съ себя длинныя, легкія покрывала...

Найда, оставшись, между тѣмъ, глазъ на глазъ съ чортомъ, долго не могла опомниться: мнимый Явтухъ сидѣлъ передъ нею за столомъ и пристально глядѣлъ на нее. Наконецъ, онъ шевельнулся, поправилъ усь, кашлянулъ и протянулъ къ ней руки...

— Краля ты моя, Найда, садись возлѣ меня. Да обними, да поцѣлуй.

Найда вскочила.

— Сгниь ты, окаянный, нечистый!—крикнула она и бросилась въ другой уголъ хаты.

Вѣсь засмѣялся и кинулся вслѣдъ за нею. Найда, не смотря на то, что приходилось возиться съ чортомъ, ловко увертывалась и отбивалась отъ него. Ужь одна изъ лапъ нечистаго ухватила ее за рукавъ рубашки, а другая порвала нитку красныхъ гранатовъ, и тѣ со звономъ посыпались на столъ и по лавкамъ; ужъ она почувствовала на своихъ щекахъ дыханіе чорта. «Явтухъ, Явтухъ!»—закричала она въ отчаяніи и, однимъ взмахомъ руки отбившись

отъ объятій бѣса, кинулась въ темный чуланъ, заперла за собою дверь и наложилла на нее крестное знаменіе. Чортъ грянулся въ двери и остановился. Найдя, въ страхѣ, смотрѣла въ замочную скважину и увидѣла странныя вещи...

Бѣсъ, принявшій образъ парня, сѣлъ за столъ, придвинулъ къ себѣ миску оставленныхъ варениковъ, достала съ полки здоровенную флигу водки и съ голоду принялся закусывать. Все было тутъ же вскорѣ очищено. Тогда чортъ принялся выглядывать, какъ бы удобнѣе лечь спать. Мостился онъ долго и безуспѣшно. Легъ на лавку — узко; легъ на полъ — холодно; легъ на печку — жарко... Охмелѣвшій бѣсъ подошелъ къ столу, на которомъ мѣсили тѣсто, и легъ прямо въ муку. Только и тутъ еще провозился немалое время: то лижетъ такъ, что голова свѣситя, то лижетъ такъ, что свѣситя ноги. Наконецъ, онъ легъ поперекъ стола, то-есть въ такомъ положеніи, что съ одной стороны свѣсилась нога, а съ другой голова, и заснулъ.

Найдя подождала еще нѣсколько времени, усмѣхнулась, отыскала впотѣмахъ свою шубку, постлала ее на сундукъ, начала молиться долго и не слыша, перекрестила всѣ углы, окна и двери, легла тоже, свернулась клубочкомъ и заснула, еще не оправясь отъ тревоги и волшебія той ночи. И долго во снѣ ей мерещилось все, что она испытала, и пьяный сатана на столѣ, который хранилъ не хуже хмельного отца Найды, какимъ тотъ возвращался иной разъ съ ярмарки.

Ни живъ, ни мертвъ сидѣлъ Явтухъ на тополи, держась за стволъ, и смотрѣлъ на непонятныя вещи, происходившія вокругъ него. Женщины, скинувъ покрывала, вошли въ ограду пруда и стали скидать съ себя серьги, золотыя шапочки, пестрыя туфли, наконецъ, стали раслетать длинныя косы. Надобно сказать, что Явтухъ былъ, вообще, храбръ и смѣлъ только съ своимъ братомъ; женская же красота совершенно отнимала у него всякую прыть... «Боже мой, Боже! что-жь это будетъ?» — думалъ онъ, глядя изъ-за вѣтвей тополя на толпу раздѣвавшихся красавицъ.

Съ криками и хохотомъ кипулись незнакомки къ водѣ. Арабъ, зѣвая во весь ротъ, ушелъ въ теремъ.

Красавицы, между тѣмъ, усѣлись на ступенькахъ ограды и, скидая съ ножекъ башмаки, нехоти и шаловливо оцускали ноги въ холодныя струи. Вотъ онѣ разстегиваютъ шелковые пояса, готовится сходить въ воду.

«Господи, Боже мой! что-жь это я дѣлаю! зачѣмъ я смотрю на этихъ женщинъ? Вѣдь онѣ совсѣмъ и не знаютъ, что я тутъ»...

Недолго думая, спустился онъ съ дерева на землю, поднявъ одно изъ покинутыхъ покрываль и, закутавшись въ него, сѣлъ на берегу пруда. Кунальницы его примѣтили.

— Это кто?—закричали онѣ.

Явтухъ закутался съ головой.

— Это ты, Ханымъ?

— Это ты, Шерфѣ?—заговорили кунальницы и стали плескаться, прыгать и возиться, какъ маленькія рыбки.

«Ну,—думалъ Явтухъ, жмурия глаза:—что-то будетъ дальше?»

— Да что жь-ты молчишь? Выходи, раздѣвайся и полѣзай въ воду, кунаться съ нами.

— Ай, усы!!!—закричали вдругъ нѣкоторые, и всѣ пугливо бросились въ воду.

— Что вы испугались, добрыя нани?—проговорилъ Явтухъ:—я мѣщанинъ изъ Изюма.

— Э! да это и вправду казакъ!—сказала одна изъ красавицъ по русски.

— Ну, да, казакъ!—прибавилъ Явтухъ:—лукавый бѣсъ занесъ меня и опустилъ вонъ на ту банню.

Возгласы изумленія раздались изъ воды.

— А скажите, нани, гдѣ это мы теперь... то-есть, какой это городъ?

— Бахчисарай.

— А далеко это будетъ отъ Изюма?

— Считаю самъ; это—столица Крымскаго царства...

— Крымскаго царства!—вскрикнулъ Явтухъ, всплеснувъ руками:—вѣдь это еще дальше Мелитополя будетъ!..

— Те! что ты! не говори такъ громко, а то какъ разъ разбудишь всѣхъ во дворцѣ, —сказала незнакомка:—ложись лучше въ этотъ ящикъ; мы одѣнемся и тебя потихоньку пронесемъ въ наши комнаты.

— Да кто вы такія?—спросилъ Явтухъ, занеся ногу въ ящикъ.

— Мы—жены крымскаго хана! лежи смирно!

И красавицы бережно понесли его въ теремъ.

Когда Явтухъ почувствовалъ, что ящикъ снова опустили, онъ приподнял крышку и всталъ на ноги. Стѣны гарема, гдѣ онъ очутился, были обтянуты краснымъ сукномъ. По

полу валялись подушки. Зеркало надъ каменномъ было обито фольгою. Дрожащій свѣтъ лампы, изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, лился съ потолка, и легкій дымъ курильницы, стоявшей у завѣшенной двери въ другую комнату, стлался по полу. Явгѹхъ не могъ надивиться на все это и, поднявъ голову, оглядывался по комнатѣ.

— Какой хорошенькій! — сказала одна изъ красавицъ по-своему.

— Какой страшный, да усатый! — прибавила говорившая по-русски.

— Давайте, сестрицы, свяжемъ ему руки, да одѣнемъ его въ наши наряды! Вѣдь одѣли же его гдѣ-то казачки въ юбку...

— Ахъ, да какой онъ смѣшной! — закричали остальные, хлопая въ ладоши и еще тѣснѣе окружая гостя.

Явгѹхъ вѣжливо и молча стоялъ передъ ними.

Одна изъ женъ обратилась къ нему съ просьбой:

— Повесели насъ твоими разказами; какою силой занесло тебя сюда?

Просьбу эту ему перевели. Явгѹхъ почесать за ухомъ.

— Да что же такое я вамъ, панн-матки, расскажу? Я, право, и не знаю; языкъ какъ-то... того... не ворочается!

— А вотъ, мы его подмажемъ! — сказали болѣе догадливыя.

И съ этими словами его усадили на мягкія подушки, поставили передъ нимъ низенькій столикъ, а на столикъ большое блюдо съ яблоками, персиками, виноградомъ и татарскими пряниками, и принесли ему ханскій кальянъ.

— Начать съ того... — заговорилъ Явгѹхъ.

И всю ночь рассказывалъ онъ красавицамъ свои похождения, которые тутъ же переводились. Когда на подносѣ не осталось ужъ ничего, Явгѹхъ всталъ и, покачиваясь, сказалъ:

— Теперь ужъ все! теперь ужъ я пойду отсюда...

— Какъ пойдешь? — спросили съ удивленіемъ красавицы.

— Да, мнѣ пора ужъ домой.

Въ комнату проникалъ блѣдный разсвѣтъ зари.

— Ахъ, какой ты чудной! Вѣдь самъ же говоришь, что отъ твоей родины до насъ чуть не тысяча верстъ.

— И то правда! — вздохнулъ Явгѹхъ, почесывая за ухомъ: — а впрочемъ, нѣтъ, ужъ лучше я пойду!

— Да вѣдь вокругъ дворца течетъ рѣчка, и часовые стоятъ у поднятыхъ мостовъ! Если тебя увидятъ, да поймаютъ, то приведутъ поутру къ хану, на дворцовомъ мѣсту

отсекутъ тебѣ голову, положить тебя въ мѣшокъ, да такъ, безъ головы, и бросить въ воду.

— Э, нѣтъ, и ужъ лучше пойду!—твердилъ Явгѹхъ, пробираясь сквозь толпу красавиць къ двери.

— Такъ хоть, по крайней мѣрѣ, погоди ты, бѣшеная голова! Мы тебя вынесемъ опять въ ящикъ въ садъ, и ты опять влѣзешь на крышу; оттуда спустишься на улицу; авось, найдешь въ городѣ какого-нибудь жидѣ: онъ тебя и вывезетъ въ таратайкѣ, подъ мѣшками.

И, уложивъ его снова въ ящикъ съ нарядами, красавицы вынесли его въ садъ. Явгѹхъ толкнулъ крышку и оглянулся вокругъ себя.

Мѣсяць опустился за гору, и румяная полоса на другомъ концѣ города показывалась изъ-за плоскихъ крышъ. Въ воздухѣ свѣжѣло. Роса сверкала на листьяхъ цвѣтовъ. Отблескъ зари прокрадывался по островерхимъ минаретамъ, плоскимъ крышамъ саклей и по трубамъ позолоченныхъ кровель ханскихъ дворцовъ.

Явгѹхъ протеръ глаза: что это такое? Передъ самымъ его носомъ торчитъ опять вчерашняя рыжая старушонка.

— Не унывай, казаче!—говоритъ она:—прости меня и забудь прошлое; дай только мнѣ найти да порядкомъ прочувить того косоланаго, что тебя вчера обидѣлъ, такъ я много тебя донесу домой.

— Кого найти, какого косоланаго?—спросилъ съ изумленіемъ Явгѹхъ.

— Чорта!—отвѣтила вѣдьма:—моего губителя, изверга! Онъ теперь заперся на мельницѣ съ твоею невѣстою и сидитъ тамъ всю ночь, окаленный.

— Съ моею Найдю?—закричалъ во все горло Явгѹхъ и такъ ухватился за тоненькую лалу вѣдьмы, что та невзвидѣла свѣта:—неси меня, распропацай твоя душа! неси, а не то, вотъ клинусь тебѣ, измелю тебя въ табакъ!

И, вскочивъ на спинну вѣдьмы, Явгѹхъ стиснулъ ее коленями, засучилъ рукава и поднялъ здоровенные кулаки. Вѣдьма сперва пошатнулась, заскреблась ланками, какъ мышь; но потомъ понемногу выпрямилась, подпрыгнула и стала подниматься съ парнемъ на воздухъ. Она полетѣла сперва къ крышѣ терема, потомъ черезъ дворъ къ мечети, а наконецъ, стала косвенно подниматься кверху. Ханская стража замѣтила ихъ. Во дворѣ, въ саду и на улицѣ под-

нялся сильный переполохъ. Махали саблями, раздавались крики, даже слышался ружейный выстрѣлъ. Но трудно было догнать улетѣвшихъ: поминай какъ звали...

Сидя на плечахъ вѣдьмы, Явтухъ недоумѣвалъ, какъ это она, не двигая ни руками, ни ногами, летитъ быстрѣ облака, гонимаго вѣтромъ. Въ это время онъ поднялся такъ высоко, что кое-гдѣ на землѣ еще были сумерки, а онъ уже увидѣлъ вдаль красный шаръ солнца, которое будто куналось въ волнахъ большого озера, готовясь выкатиться въ ясное небо.

— А какое это озеро, тѣтка?—спросилъ Явтухъ у вѣдьмы.

— Это—Черное море! тамъ много хорошей тарани, да и всякой другой рыбы.

«Э!» подумалъ Явтухъ и отшатнулся.

Прямо въ глаза ему налетѣла легкая прозрачная тучка, и онъ исчезъ въ ней, точно въ волнахъ серебристой кисеи. Когда онъ вылетѣлъ снова на свѣтъ, въ его волосахъ и на рубашкѣ блестѣли капли росы, а тучка далеко-далеко внизу видѣлась лиловою точкою.

Въ иныхъ мѣстахъ, когда ужъ нѣсколько разсвѣло, онъ увидѣлъ въ воздухѣ раннихъ жаворонковъ, у которыхъ глаза еще спали, а они ужъ поднялись въ небо и славили своими пѣснями восходящее солнце.

Изъ трубы какого-то села вылетѣлъ, въ серебряной одеждѣ, свѣтлый духъ, держа на рукахъ что-то.

— Это что такое?—спросилъ Явтухъ.

— Это ангелъ Божій уноситъ въ небо только-что умершую дѣвушку!

«Ужъ не моя ли Найда?» вздохнулъ Явтухъ.

Въ другомъ мѣстѣ онъ совершенно наткнулся на распластаннаго подъ облаками коршуна, который сторожко глядѣлъ внизъ, въ траву, и выбиралъ себѣ утреннюю поживу. Явтухъ хотѣлъ ему дать по дорогѣ порядочнаго тумака, но одумался, чтобъ не сорваться съ вѣдьмы, и полетѣлъ далѣе.

— А это какія голубыя облака?—спросилъ онъ вѣдьму.

— Это—Черкесскія горы, покрытыя снѣгомъ, и снѣгъ этотъ никогда на нихъ не таетъ.

— Какъ никогда не таетъ?

— Такъ же, никогда!

— Стало быть, и въ косовицу не таетъ?

— И въ косовицу не таетъ.

«Чудеса, да и только!» подумалъ Явтухъ и сталъ снова всматриваться въ безконечныя пространства земли, выходящей подъ нимъ изъ ночныхъ сумерекъ.

— Ну, а то что такое?—спросилъ онъ, указывая на лѣво, черезъ плечо:—точно жаръ горитъ; должно быть, чумаки чужіе лѣса подожгли?

— Это — городъ Кіевъ, и въ немъ такъ золотыя главы церквей горитъ!

«Э! — подумалъ про себя Явтухъ, — какой же важный городъ Кіевъ, да никакъ въ немъ уже и къ заутрени благовѣстять? — И онъ еще пристальнѣе началъ вглядываться внизъ. — Послушай... какъ тебя звать? Мавра Онуфріевна, что ли?.. это ужъ и на базаръ выходятъ? Ишь ты, какъ народъ повалилъ на улицы; должно быть ярмарка!

— Въ Кіевѣ каждый день ярмарка; ужъ такой, хлопче, городъ удался!.. — замѣтила вѣдьма и понеслась еще быстрее.

— Да куда тебя несеть такъ? погоди, скажи-ка, тѣтка, гдѣ Москва?

— Москва, казаче, такъ далеко, что нужно еще въ десять разъ подняться выше, и тогда увидишь не всю Москву, а одного Ивана Великаго, да Царь-пушку.

— Ну, а вонъ то что такое тащутъ?—спросилъ, помолчавъ, Явтухъ.

— То пливовицы, бабы прекрещенныя, выходятъ всякое утро, рано на зарѣ, съ распущенными косами, на вершинахъ кургановъ солнце встрѣчать... Пора, пора! — проговорила неровнымъ голосомъ вѣдьма: — надо пѣтуховъ обогнать...

И она помчалась стрѣлой.

— Какъ пѣтуховъ обогнать?

— Подъ нами, какъ пролетали Катериновку, давно ужъ въ первый разъ прокричали... Скоро прокричатъ въ другой разъ, а до третьихъ пѣтуховъ надо все покончить.

— Эхъ ты, мышьяная кума, гдѣ была! — замѣтилъ весело Явтухъ, покачивая головою.

— Что ты сказалъ, хлопче? — спросила вѣдьма, оглядываясь на него.

— Я спрашиваю, что это такое выяснилось тамъ внизу, точно коровы идутъ по зеленой травѣ?

— Это — вправо Даниловка, на лѣво Гусаровка, далѣе Пришибъ, Петровское, а еще далѣе Харьковъ.

— Ну, а это какія серебряныя ленты протянулись, точно змѣи по лугамъ?

— Это, казале, рѣки Донецъ, Берека да Торцеъ со своимъ озерами...

Не успѣвъ оглянуться Явтухъ, какъ земля, горы, лѣса и весь Изюмъ понеслись къ нему навстрѣчу.

— Тише, тише!—закричалъ Явтухъ, камнемъ падая на кривую березу, что росла у самой мельниковой хаты.

— Ничего, хлопче! сиди только смирно!—отвѣтила вѣдьма и тихо опустилась на землю, подъ березой у порога хаты:— теперь слѣзай съ меня и отвориай двери; твоя невѣста ихъ перекрестила, и мнѣ туда не войти.

Явтухъ сталъ на ноги, хотѣлъ войти въ дверь.

— Нѣтъ, погоди! чортъ теперь спяна спитъ, такъ ты его не буди, а прежде ступай въ кладовую и выводи оттуда свою красавицу. Съ косоланымъ же я сама справлюсь!..

Съ треностомъ подошелъ Явтухъ къ кладовой, въ которой спала Найда. Чуть переводя духъ, онъ взялся за дверь; еще въ первый разъ въ жизни онъ переступалъ порогъ, за которымъ спала его суженая. Онъ повернулъ скобку двери и остановился. — «Нѣтъ, подумалъ онъ, махнувъ рукой;— не войду!» и прибавилъ шепотомъ, наставивъ губы къ замочной скважинѣ:

— Найда, вставай, одѣвайся, выходи...

— Кто тамъ?—спросилъ тихій, чуть слышный голосъ.

— Это я, Явтухъ... твой Явтухъ, моя красавица!

— А если ты Явтухъ, а не тотъ, что лежалъ на столѣ, такъ перекрестись: я буду въ щелку смотрѣть.

Явтухъ перекрестился; дверь отомкнулась; Явтухъ и Найда бросились другъ къ другу.

— Какой же ты страшный, Явтухъ, въ этомъ нарядѣ!

— Ничего, моя зорочка, пойдѣмъ отсюда; послѣ я тебѣ все расскажу.

Онъ тихо увлекъ ее изъ хаты и тутъ только, проходя мимо двери, замѣтилъ, какая образина лежала на столѣ, свѣсивъ на полъ ноги и отекающую пьяную голову. Они вышли на крыльцо, а вѣдьма съ порога прыгнула въ хату, и скоро тамъ послышались крики, брань, визгъ, шумъ, и въ растворенную дверь запыхавшаяся вѣдьма злобно вытащила за чубъ мнимаго казака.

— Вотъ я тебя, вотъ!—кричала она, трепля бѣса за волосы,

какъ бабы треплють мочки льна: — вотъ я тебя! теперь не скажешь, что не бражничаешь, да не гоняешься за дѣвками.

— Да что вы! да помилуйте! — стоналъ жалобнымъ голосомъ чортъ, успѣвшій принять свой бѣсовскій образъ.]

— Вотъ я тебя!.. а?.. за дѣвками? — и градъ кулаковъ сыпался на сатану. Къ его счастью, прокричали пѣтухи.

Вѣдьма опять ухватила худого бѣса одною рукою за хвостъ, а другою за загривокъ, повернула его вверхъ ногами и поднялась съ нимъ на воздухъ.

— Вотъ тебѣ и на! — усмѣхнулся Явтухъ, прижимая къ сердцу Найду: — поплатился-таки вражій сынъ! Ишь ты, какъ удираютъ! точно москаль съ краденымъ индюкомъ на ярмаркѣ... Ну, ужъ ночка! — прибавилъ онъ, нѣжно глядя на Найду и ласкаясь къ ней.

— Да! — сказала, вздохнувъ, Найда: — а ты гдѣ былъ все это время?

— Въ Крыму, — отвѣтилъ Явтухъ.

— Какъ въ Крыму? въ крымскомъ царствѣ?

— Въ крымскомъ царствѣ...

— Любить прибавить, брехунъ, да нехотя повѣришь, что былъ онъ сегодня въ Крыму! — проговорилъ у Явтуха за плечами басистый голосъ: — нехотя повѣришь послѣ всего, что сейчасъ видѣлъ.

Явтухъ и Найда оглянулись. За ними, на подѣхавшей телѣжкѣ, сидѣлъ старый мельникъ и, закинувъ кверху голову, смотрѣлъ въ небо.

— Все расскажу вамъ, Семень Потановичъ! — сказали Явтухъ, кланяясь въ поясъ мельнику: — ничего не утаю, только отдайте за меня Найду.

И онъ замеръ въ ожиданіи отвѣта. Найда стояла въ сторонѣ, закрывъ лицо рукавомъ.

Мельникъ сбросилъ съ телѣги кучу пустыхъ мѣшковъ, слѣзъ на-земь, перекинулъ на спину лошади вожжи и, взявшись руками въ бока, задумался.

— Развѣ ужъ потому, — сказалъ онъ, наконецъ, поглядывая поверхъ хаты: — что счастливо продать муку въ Чугуевѣ! Такъ и быть, дочка; такъ и быть, Явтухъ! Только ужъ ты, братъ, не отвертись, расскажешь все, какъ было!

ПЕНСИЛЬВАНЦЫ И КАРОЛИНЦЫ.

(изъ путевыхъ замѣтокъ губернскаго депутата А. С. С.).

«О, родина моя!...»
N. N.

Не даромъ зовутъ наши новороссійскія степи и нашу Украину краемъ крайностей. Здѣсь въ одной сторонѣ какъ будто одолеваетъ преданія старосвѣтскія, представители которыхъ, въ незлобн души и тучности тѣла, желаютъ сохраненія всего, что было прежде, или, какъ говорятъ здѣсь, сохраненія «дѣдовщины» и «батьковщины». Съ другой—здѣсь ясно забираютъ силу молодые побѣги явленій новыхъ, наплывныхъ, колониальныхъ, для которыхъ еще столько хранятъ простора наши пустынные, воспримчивыя и привольныя степи. Чуждыя всякаго консерватизма, отъ созданія міра свободно пропустили черезъ себя тучи всякихъ бродячихъ, переходныхъ племенъ и всякихъ понятій и вѣрованій, оставляющихъ послѣ себя либо благодатныя сѣмена, либо темные и непонятные слѣды, въ родѣ здѣшнихъ таинственныхъ истукановъ, нашихъ смиренныхъ «каменныхъ бабъ». По всѣмъ новымъ вопросамъ тутъ рѣшительно тѣ же Соединенные Штаты Сѣверной Америки, съ которою наша молодая Украинская Новороссія имѣетъ столько родственнаго. Недаромъ и для слова колонія здѣсь давно есть свое слово «займка». Такъ и по крестьянскому дѣлу здѣсь явились свои пенсильванцы и свои каролинцы, свои Сѣверные Штаты, поклонники эмансипаціи, и свои южные противники ея.

Сравненіе съ Соединенными Штатами Америки озадачить читателя.

Но право такъ. Наша степная, украинская колонія имѣетъ много общаго съ родиной и любимымъ дѣтнцемъ Вашингтона. Здѣсь кроются дѣльные уроки и для нашей Метрополіи. Та же благодатная дѣвственная почва и пока та же испорченность первыхъ ея колонизаторовъ. Позднѣйшіе пришельцы, поселенцы новые, идущіе и бѣгущіе сюда безъ обветшалыхъ привилегій на готовый, вѣками заготовленный трудъ, безъ старыхъ претензій и предрасудковъ, съ однимъ путеводителемъ—силою рукъ и жаждою честныхъ работъ, и съ живыми, бойкими и смѣлыми денежными капиталами, захватываютъ здѣсь теперь послѣднія, еще незапятнныя мѣста. Та же здѣсь, какъ и въ Америкѣ, смѣсь сословій и народовъ, и та же поэтому горячая мѣстная борьба умирающаго съ начинающимъ жить. Только нѣтъ тутъ еще, какъ въ странѣ Бостона и Филадельфіи, ни каналовъ, ни очищенныхъ и оживленныхъ рѣкъ съ громадными пароходами, нѣтъ пятисотъ-тысячныхъ населеній въ здѣшнихъ смиренныхъ, еще первобытныхъ казацкихъ городкахъ, восемьдесятъ лѣтъ назадъ бывшихъ маленькими и глухими запорожскими «заимками». Лѣнятся еще эти «заимки» и до сихъ поръ у тощихъ рѣченокъ, на пустынныхъ равнинахъ, въ пологихъ и тихихъ степныхъ котловинахъ, не увѣчанная пока ни исполинскими трубами паровыхъ фабрикъ, ни складочными магазинами всесвѣтной торговли. Рѣки плывутъ себѣ тихо, омывая малолюдныя поля, бревенчатые и малолюдные хутора и жалко всаханная нивы и прыгая, какъ во времена былыя, какъ, вѣроятно, было и при Адамѣ, черезъ каменные гряды непобѣжденныхъ пороговъ. Молчатъ цѣны степи. Ихъ зеленныя равнины не оглашаются еще звуками желѣзныхъ чудовищъ, въ иныхъ странахъ давно раскидывающихъ свои дымовыя полосы по вѣтру. Попрежнему здѣсь, съ весны, бродятъ по пустыннымъ, пыльнымъ «шляхамъ» тяжелые чумаки, лѣниво погоняющіе своихъ лѣниво шагающихъ воловъ. Осенняя и весенняя грязь у насъ еще, попрежнему, историческая грязь. Многого еще, многого здѣсь нѣтъ. Зато уже появляются у насъ новые, небывалые люди—«степные янки». Это—сыновья бѣдныхъ помѣщиковъ, новыхъ купцовъ и чиновниковъ, кончившіе курсъ въ университетахъ и пеллужанцѣ. Бойкіе и ловкіе практики, они ищутъ работъ другихъ, горячихъ и болѣе подвижныхъ. Рыская съ мелкими, сколоченными капиталами, они съ виду мало разнятся отъ

тѣхъ же нашихъ кунеческихъ подрядчиковъ и приказчиковъ приморскихъ хлѣбныхъ конторъ, отъ бродячихъ кулаковъ, странствующихъ маклеровъ и прочей перелетной торгующей итицы, съ давнихъ поръ, еще отъ генуэзцевъ, населяющихъ шумными кочевьями наши степныя и побережныя мѣста и отважно свивающихъ пинѣ свои гнѣзда тамъ, гдѣ водились еще недавно одни цапли да пеликаны. Странствуя въ мѣщанской дубленкѣ и сапогахъ выше колѣнъ, эти небывалые господа, япки, являются сюда въ видѣ комиссіонеровъ, агентовъ и директоровъ разныхъ новыхъ обществъ. И смотришь—то тамъ, подъ ихъ началомъ, склеиваясь контора, то здѣсь уладилось и пошло вѣрное и бойкое торговое дѣло, создаются фабричныя дома, огромныя паровыя мельницы. Это—квартиргеры нашихъ будущихъ Вашингтоновъ. Какъ на диковинку, еще засматриваются здѣсь на ихъ бодрья, здоровья и какія-то сіяющія лица. Это же по преимуществу—и наши пенсильванцы. Но есть у насъ, повторяю, и свои каролинцы. Эти большею частью сродни римскимъ гусямъ. На первомъ словѣ у нихъ старина и былыя патріархальныя преданія. Таинственные и мрачныя патріоты, господа каролинцы большею частью опираются на примѣры старобытной, старосвѣтской Малороссіи. Это—наши южныя казакофилы, хотя въ старомъ казачествѣ было болѣе свободы, чѣмъ въ ихъ требованіяхъ. Ихъ вишнее знамя—поклоненіе салу и вареникамъ. Ихъ идеаль—возвращеніе родныхъ степенъ ко временамъ Хмельницкаго. Небольшой кругъ нашихъ любимыхъ народныхъ писателей съ ними ничего не имѣетъ общаго. Они плачутъ надъ вирнами Сквороды, считая этого мистика за поэта, плачутъ надъ слабѣйшими изъ повѣстей Квитки и не признаютъ Гоголя. А наши дни, наши вѣрованія—имъ не по сердцу. Словомъ, здѣсь—какъ вездѣ: умъ работаетъ, безуміе ему несетъ преграды...

Свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ были собраны и внесены въ губернскіе комитеты. Комитеты открыли и закрыли свои засѣданія. Много высказалось дѣльныхъ мыслей, много выдвинулось живыхъ людей. Пенсильванцы и каролинцы, аболіціонисты и анти-аболіціонисты, сошлись на послѣдней исторической раздѣлкѣ, вступили въ борьбу, спорили, писали, составляли сходки, ополченія. Губернскій застоій ожилъ и передалъ движеніе уздамъ. Узды раздѣлились на свои враждебныя станы, зашумѣли, а кое-гдѣ шумятъ и до

снхъ портъ. Изъ городовъ волненіе перешло въ хутора и деревушки. Въ городахъ оно давало волны большія, морскія, если не волны самого океана; здѣсь оно отозвалось мелкою зыбью рѣченостъ. Оживились такіе дома, гдѣ уже все, казалось, давно умерло, отиѣто и погребено. Тутъ также открылись ставни, крыльца усыпаны несочкомъ, въ комнатахъ явились гости и все спорщики. Явились сюда и невиданныя здѣсь вовсе газеты. Старые, забытые очки вынуты изъ ящика; пожелтѣлыя стекла въ нихъ протерты, заржавленные ободки вычищены. Читаются правительственные циркуляры, списки выборовъ, программы; читаются печатныя журнальныя статьи. Тамъ съѣздъ, тутъ съѣздъ. На съѣздъ къ холостымъ депутатамъ даже являются пенрошенными шестидесятилѣтнія барыни-хуторянки съ молодыми внучками. И имъ подавай циркуляры и списки, и имъ объясняй программы и печатныя статьи. Враги барынь находятъ даже, что эти неожиданныя наѣзды съ ихъ стороны — не болѣе какъ ловкое видоизмѣненіе прежнихъ способовъ выставить на показъ своихъ засидѣвшихъ невѣсть: то возили на балы, а теперь — на гражданскія сходки... Подмѣшалась тутъ, разумѣется, и всегдашняя уѣздная и губернская грязь. Она смѣло липнетъ къ колесамъ нашей торжественной колесницы. Бездарные уѣздные остряки прежде потѣшались уличными сиплетнями, описывая въ тупоумныхъ насквиляхъ какіе-нибудь смиренныя балы и семейные вечера, куда они сами же первые подобострастно вторгались. Теперь эти уѣздные памфлетисты перенесли свои стрѣлы на степенныхъ депутатовъ по крестьянскому дѣлу. Къ чести пенсильванцевъ надо сказать, что они, какъ партія пока торжествующая, не приблигають къ этимъ насквилямъ. Зато каролинцы носятъ усердно въ своихъ сановныхъ и горделивыхъ карманахъ замасленные списки сатиры на своихъ ненавистныхъ собратій и сами на старости лѣтъ становятся памфлетистами, какъ школьныя мальчишки. Составляются враждебныя эманципаторамъ сходки, адреса; пишутся угрожающія, надменные письма...

А время идетъ своимъ путемъ, и пенсильванцы все-таки празднують пока побѣды, задають шпы, произносятъ рѣчи. Избиратели видять, кто торжествуетъ, и заранѣе со вздохомъ сипшать кроить на новый ладъ свой бытъ, свои вѣрованія и свои привычки. Много драмъ разыгрывается въ маленькихъ хуторкахъ, много надеждъ разбивается подъ со-

ломенными и камышевыми кровлями, много поздних и не спасающих уже слезь проливается изъ старыхъ глазъ. Нашихъ Кавуровъ зовутъ предателями, нашихъ Меттерниховъ превозносятъ послѣдними и бесплодными оваціями. Старики взываютъ, что дожили до временъ, когда придется имъ повѣсить на древахъ свои люти и «сѣдѣти и плакати на рѣкахъ вавилонскихъ». Молодые ждутъ не дождутся увидѣти зарю жизни новой. Въ печальныхъ поныхахъ только тѣ, кто, какъ дѣвы библейскія, въ ожиданіи прихода жениха, найдены врасплохъ съ угасшими свѣтильниками. А солнце свѣтитъ по-былому, по-старому, такъ же взойдетъ, поглядитъ во все яркіе глаза, повеселитъ степь и нажити, сады и покосы и закатится. Дни идутъ; жатва сѣветъ; сериъ и коса машутъ и блестятъ на солнышкѣ. День прошелъ; зной смѣненъ прохладою душистаго, стенного вечера. Новыя села тѣнятся между хатами старыхъ: это—хлѣбныя и сѣбныя клади новаго сбора, загромаждающія собою токи и дворы. Пыль клубится. По дорогѣ съ поля ползутъ громадные золотые жуки, скрипя и звеня по пригорку: это ѣдутъ возы, нагруженные червоно-золотыми коннами пшепиды. На возахъ ѣдутъ хуторянки. Черные, бойкіе глаза смотрятъ оттуда. Длинные, въ ладонь шириной, горделивыя косы качаются надъ снопами. Вечеръ тихъ. Только черные глаза посматриваютъ на одинокій стеной проселокъ. Съ нимъ сливается за пригоркомъ битая столбовая дорога. По ней летятъ почты и курьеры. И вьется дорога столбовая далеко,—далеко туда, гдѣ лежитъ милый и пока молчаливый сѣверъ.

Быль полдень. Мѣсто—подъ Сагайдачнымъ Лугомъ, гдѣ сходятся дороги изъ макарославскаго уѣзда въ южнобайрацкій.

Мы ѣхали опять съ Говорковымъ и въ той же нетечанкѣ, въ которой представились впервые читателю, по пути въ Сорокопановку. Теперь мы пробирались на Желтыя Воды, на отдыхъ послѣ трудовъ комитетскихъ.

Товарищъ мой и бывший секретарь, въ той же гороховой шинелькѣ и смятомъ картузѣ, обдаваемый клубами бѣлой густой пыли, умирая отъ зноя и духоты, попрежнему не унывалъ и ободрилъ меня рассказами.

— Слышали вы, Александръ Сергѣичъ, у Ниднемацкихъ опять сѣвдъ?

— Нѣтъ, не слышалаъ.

— Эти господа такъ и мѣтятъ въ колонновожатые, такъ и хотять попасть въ кругъ передовыхъ, передъ нашими смиренными Павленками, Дубленками, Макаренками и Назаренками!

Клубъ новой, убійственной пыли обдалъ опять петечанку и скрылъ на мгновение Говоркова. Но опять высунулись оттуда его голова и рука. Онъ силился дохнуть чистымъ воздухомъ и кашлялъ.

— А слышали вы, что не только господишъ Пяльскій, добрыйшій, впрочемъ, старикашка, едва умѣющій подписать свое имя, сочинилъ цѣлый проектъ эмансипаціи, — даже барыня Забайрачная уневѣстилась нишущей братиш! Вообразите, эта барыня, кромѣ шутокъ, сочинила и написала собственноручно, говорятъ даже на картузной какой-то бумагѣ, полный проектъ эмансипаціи для края, возить его въ каретѣ шестерикомъ, устраиваетъ литературные вечера, тычетъ его каждому, ѣздила съ нимъ къ губернатору и чуть не разбранила губернскаго предводителя на улицѣ за то, что тотъ отъ нея бѣгалъ, какъ отъ чумы, и семь разъ ей не сказался дома. То-то бойкая дама!

— Вы сегодня. Абрамъ Пыльчъ, очень злы, осыпаете насмѣлками даже полезныхъ людей.

— Со смѣху люди бываютъ! — заключилъ Говорковъ и закашлялся. Пыль рѣшительно залѣнила ему все горло.

— Впрочемъ, нынче уже всѣ тычутся въ передовые, да поздно! И рада-бъ теперь наша мама за пана, да пашъ не беретъ!.. Охъ, проклятая пыль!..

И онъ опять закашлялся и скрылся въ пыли.

Скоро мы спустились въ долину. Дорога пошла зеленымъ, сыроватымъ лугомъ, безъ пыли и духоты. Впереди рисовались вербы и поселокъ. Это была недавняя еще слобода бывшихъ южныхъ военныхъ поселеній.

Сбитыя и полуразрушенныя кирпичныя пирамидки вели къ слободѣ, по бокамъ всей дороги. Онѣ имѣли прежде назначеніе скраинивать и указывать дорогу и бѣднлись поэтому, чистились и поправлялись ежегодно мірозъ. Теперь ихъ тайкомъ поселяне развозили на поправку печей. Издали еще, при вѣздѣ въ околицу, мы увидѣли полосатые столбы и плагибаумъ съ цѣпью сельской, нынѣ упраздненной также, гаунтвахты. Намъ, при вѣздѣ въ слободу, никто уже не

опустили роковой перекладки. Заржавленная, забытая цѣпь ей уныло висѣла. На тяжеломъ концѣ праздно взброшеннаго налагбаума сидѣла стая воронъ. А на площадкѣ тутъ же лѣвившейся маленькой гаунтвахты бѣгала и шумно суетилась безпечная толпа ребятишекъ, весело крича и со смѣхомъ сѣдая другъ друга. Улицы, по случаю полевыхъ работъ, были совершенно пусты.

— Вотъ, — замѣтилъ Абрамъ Ильичъ: — тутъ недалеко живетъ отставной капитанъ, имѣеть свой собственный хуторокъ и десять тысячъ капитала въ сундукѣ. Онъ былъ здѣсь военнымъ волостнымъ, и я его коротко знаю, даже чай у него пивалъ. Вообразите, онъ всегда говорилъ, вмѣсто гаунтвахты—абафта, вмѣсто слинкомъ—слыинкомъ, вмѣсто—комитеть—комикеть, а отлично зналъ службу...

— Абрамъ Ильичъ, пощадите! Лучше взгляните, какова слободка: заглядѣнье!

— Да-съ, свободное нынѣ, государственное село! — И, вздохнувши, онъ поветъ кругомъ тусклыми, желтоватыми глазами. Кучеръ тоже, какъ бы угадавши наши мысли и давая лошадямъ посмотрѣть на село, фхалъ шагомъ.

Мы оба переглянулись: такъ, очевидно, измѣнился образъ слободки, которую мы оба знали. Видно урожай особенно великъ былъ въ эти два года. Село ломилось отъ хлѣба и сѣнныхъ стоговъ. И особенно всегда любилъ эту слободку, сорокъ лѣтъ назадъ вольную и обращенную потомъ въ военное поселеніе. Лучшихъ временъ ея я не помню. Сорокъ лѣтъ прошло, и она опять принимала прежній, домашне-нестрый видъ. Поселяне радовались, что они опять хуторяне... Прежде всѣ хозяева до единого чумаковали, то-есть ходили въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбою. Теперь хозяева-землепашцы опять начинали составлять чумацкія «валки». На эту слободку нельзя было не наглядѣться. Переставши быть Новосамарскомъ и ставши опять былою, тихою Цвѣтовѣнкой, она особенно привлекала взоры, какъ всѣ здѣшнія государственныя села, своимъ хлопотливымъ, добродушнымъ домоводствомъ и свойственнымъ хуторянамъ довольствомъ малымъ. При взглядѣ на ея бѣлыя хатки, гнѣздившіяся въ разсыпку, по пригоркамъ ея извилистыхъ, между ярами и буграми, улицъ, казалось, что эти хатки строили бобры, а ясточки ихъ обмазывали. Хатка на хаткѣ и садъ перенлетается садомъ. А внизу—пруды, одинъ вы-

текаетъ изъ другого; въ нихъ много рыбы. Вербами обсажены берега. Улицы выются между садами. И все зеленъ, да бѣленькiя хатки, да гладенькiя соломенные крыши. Четыре церкви, усердно содержимыя обществомъ. Въмѣсто волостного — выборный изъ селя голова, въ простой, долгополой свитѣ, по мѣстному стенимому обычаю — безъ бороды.

— Хорошо село! — проговорилъ даже нашъ кучеръ, ткнувши въ воздухъ кнутомъ съ козель петечанки.

— Какъ бы, однако, сюда не затесался волостной, въ родѣ того, что вмѣсто гаунтвахты говоритъ «абафта!» — заключилъ мой спутникъ.

— Трогай! — сказалъ онъ кучеру, и мы выѣхали опять въ поле.

Лошади пробѣжали еще часа два или три. До подорожной корчмы, гдѣ мы разсчитывали кормить, оставалось не болѣе пяти верстъ. Надо было только переѣхать новую долину и рѣчку. Кучеръ сталъ уже спускаться въ долину. Намъ дремалось. Вдругъ онъ вскочилъ, замахалъ кнутомъ и давай кричать по-своему: «О-о! ге-е-й! а ну, бисовы сыны, понийте съ мосту!» Петечанка стала.

— Что ты?

— Да глыньте, вонъ...

И онъ указалъ кнутомъ. Съ пригорка видны были внизу рѣка и узенькая, жалкая плотинка. Два громадныя обоза передними возами съѣхались — одинъ съ той стороны рѣки, а другой съ этой, съѣхались на самой плотинкѣ, сѣднлись колесами и не могли податься ни впередъ, ни назадъ. Кучка озадаченнаго народа копошилась близъ сѣднвшихся колесъ. Другіе сѣдли молча или тутъ же стояли, ковыряя въ носяхъ. Кучеръ съ бранью всталъ и пошелъ къ плотинкѣ, помахивая кнутомъ.

— Что мы будемъ дѣлать? — сказали я въ досадѣ: — солнце заходить, а обозы столкнулись такъ, что, какъ говорится, когда задъ ихъ спать собирается и кашу варить, то передъ уже Богу молятся и отправляется въ походъ.

— Извѣстное дѣло, будемъ ждать! — началъ Говорковъ: — теперь ихъ самъ чортъ не разведетъ... Я уже знаю, какъ это дѣлается! Должно-быть, вожакъ ѣхалъ себѣ да ѣхалъ, то-есть шлп себѣ, помахивая кнутами. Каждому захотѣлось понюхать у встрѣчнаго табаку. Вотъ, забывая о томъ, что съади двигалась громада другихъ воевъ, они и съѣхались

на мостку. «Здравствуйте!»—«Здравствуйте!»—«А ке, лишень, дядьку, кабаки!» Тотъ и подставилъ тавлинку. Нюхаютъ и нюхаютъ, и другіе слазять съ возовъ и тоже нюхаютъ. А возы себѣ сходятся и сходятся. Ну, колеса затрещать, они и ахнуть...

Кучерь нашъ воротился разобиженный.

— Ну, что?

— Обломалесь, съ хурами соли, какъ разъ на мосту...

— А что! Я же вамъ говорилъ!—съ радостію крикнулъ Говорковъ:—теперь тутъ ужъ просидимъ до вечера.

— Когда-бъ до вечера:—замѣтилъ кучерь:—возовъ и до утра не разведешь; съ плотины некуда податься—надо разгружать хуры...

Мы слѣзли съ нетечанки, легли на травѣ и закурили сигары. Долго еще возились чумаки у возовъ. Долго еще неслись оттуда брань и споры. За нами раздался звонокъ и стукъ колесъ. Черезъ минуту съ горы показался экинажъ, четверкой, въ пыли. Не зная, подобно намъ, что было внизу, онъ стремглавъ, звеня бубенчиками и колокольчикомъ, понесся туда. Крики нашего кучера остановили его. Двѣ бѣлыя холстинковыя фуражки высунулись изъ оконъ крытой коляски.—«А? что?»—спрашивали въ сумеркахъ фуражки. Мы рассказали, въ чемъ дѣло.—«Ну, Павладій, бери вправо по берегу!»—стончески заключили фуражки, знавшіе, видно, лучше насъ нужные споровки при подобныхъ встрѣчахъ. Мы спросили: «А развѣ направо проѣдешь?»—«Проѣдете, тутъ есть другой мостокъ—вонъ и дорожка туда идетъ. А тамъ сейчасъ Улановка Дядитовскаго. Мы туда ѣдемъ. Всего семь верстъ осталось»...—Дядитовскаго? Романа Романыча?—спросили мы съ Говорковымъ въ одинъ голосъ.—«Да-съ. Тамъ именины и съѣздъ». Коляска быстро свернула вправо и полетѣла лугомъ надъ рѣкой, подхваченная сытою и рослою четверкой.

Мы взглянули другъ на друга. Дядитовскаго знали мы оба и любили, несмотря на его скупость и причуды. Это былъ помѣщикъ другого съ нами уѣзда и каролинецъ. Какъ честные пенсильванцы, мы бы не поѣхали въ такое время гражданскихъ схватокъ къ каролинцу и плантатору, слѣдовательно, къ нашему врагу. Это бы у насъ назвали лазарничествомъ и неимѣнемъ такта. Но то былъ владѣлецъ другого уѣзда и притомъ истинно-невинный и простой че-

ловѣкъ. Разность въ убѣжденіяхъ насъ съ нимъ не поессорила и теперь.

— Признаюсь, хотѣлось бы посмотрѣть на сѣздъ тамошнихъ, — сказалъ Говорковъ: — да Романъ Романычъ кстати и именишки! Поѣдемъ къ нему. Сколько времени уже мы не были у него! Да тамъ же всегда и безъ церемоній. А гостей своихъ, особенно, напримѣръ, изъ офицеровъ, онъ даже иногда и по фамилиі не знаетъ! — И мы свернули влѣдъ за коляской. Петечанкѣ, впрочемъ, было не подъ силу гнаться за нею. Мы скоро отстали.

— Догоняй богатаго, что вѣтра въ полѣ! — заключилъ Абрамъ Ильичъ, печально свистнувши влѣдъ за крутымъ гоготаньемъ ея лежачихъ рессоръ, исчезавшихъ вдаль, по тропинкѣ, между темными уже камышами.

Мы также вѣхали въ камыши.

— Да еще какъ! — продолжалъ нашъ кучеръ, все еще въ отвѣтъ своимъ недавнимъ перебранкамъ съ чумаками на плотинѣ: — я пришелъ, спорю; а они миѣ: «да вы, бываетъ, не изъ жидовъ, что добрыхъ людей въ такомъ дѣлѣ попрекаете?» А! мы, съ панамі жиды!!! — И его огорченію не было предѣловъ. — «А я имъ! — продолжалъ возница: — ахъ, вы душегубы! Чтобъ вамъ сто-надцать лихорадокъ, да сто болячекъ, да всѣ прыщи и свищи! Такъ вы пановъ жидами звать?.. одного даже за чубъ взялъ, да бросилъ послѣ; ну его...

Дорога свернула влѣво. Лошади свободно простучали по какому-то мостику. Черезъ полчаса мы впотьмахъ вѣхали въ село.

— Это Улановка?

— Нѣтъ, еще не Улановка, а Гусаровка: Улановка черезъ двѣ версты! — отозвался чей-то голосъ изъ темноты.

Названія сель произошли отъ предковъ нынѣшнихъ владѣльцевъ, бывшихъ друзей. Одинъ служилъ въ уланахъ, другой въ гусарахъ. Это они и оставили себѣ на память. Какъ въ Гусаровкѣ, такъ и въ Улановкѣ, при нашемъ проѣздѣ, съ заваленокъ хать вскакивали и нымали за ворота кѣкія-то пары.

— Это все влюбленные! — шепталъ опять Абрамъ Ильичъ: — матери и отца нѣтъ дома — парубокъ и садится, обнявшись съ дивчиною. Сидятъ себѣ въ парочкѣ, «дружкуются», «женухаются». А въ концѣ села у какого-нибудь свата уже

окна свѣтятся. Тамъ идетъ гуляя. Старые условливаются о сватовствѣ дѣтей. И сидятъ эти влюбленные всю ночь, пока, по здѣшнему повѣрью, заря скажетъ мѣсяцу: «мѣсяченьку, мой братику! освитимо звиря въ полѣ, шуку-рыбу въ морѣ, чумака въ дорози!» Только блескъ мѣсяца, да стукъ нанскихъ колесъ и разгоняетъ этихъ счастливыхъ до новой встрѣчи. И чего только они не перетолкуютъ: про свое хозяйство, про работы, кто изъ нихъ что въ этотъ день сработалъ, и что ему сказано, и какъ они устроятъ свое теплое житье-бытье послѣ свадьбы! А у насъ? Баринъ стоитъ на колѣняхъ передъ барышней и говоритъ: «я-съ васъ люблю-съ!» Тыфу! Ажно противно! Да еще иной разъ на французскомъ діалектѣ. И никогда такъ не говорил!

Мы вѣхали въ ворота и подъ крыльцо освѣщеннаго дома. Множество экипажей стояло въ полусвѣтѣ у конюшни.

— Папъ по мечу и кудели!—шенталь Говорковъ, выльзая изъ нетечанки:—папъ отъ двѣнадцати колѣвъ нанскихъ, этотъ нашъ пріятель Дядитовскій! Въ гербѣ у него, говорятъ, сушая шляхетская диковина: нуль — пса и нуль — козы, да какъ говорятъ еще въ Польнѣ «чарна вѣшка по бѣмбенку гѣпке біе!»

Кто-то распахнулъ на крыльцо двери, и насъ разомъ обдало свѣтомъ.

— А! Скавронскій! Говорковъ! какая радость!—И Романъ Романычъ уже душилъ насъ въ своихъ объятіяхъ.

— Вонъ, — кричалъ онъ, таща насъ на крыльцо: — что значитъ мѣстоположеніе! Живу на самомъ пугѣ земли, на бугрѣ; ко мнѣ и слетаются всѣ братья! Пожалуйте!

Но, сказавши это, онъ тутъ же засуетился и исчезъ. Мы прошли въ боковую комнату, наскоро переодѣлись и пошли въ залъ. Не успѣли мы туда войти, какъ Дядитовскій уже стоялъ въ толгѣ другихъ, окружавшихъ какого-то рассказчика.

Романъ Романычъ былъ по старому въ ермолкѣ, для прикрытія своей полнѣйшей плѣши, въ сѣренькомъ сюртучкѣ и съ огромнымъ клѣтчатымъ платкомъ въ рукахъ, по случаю нюханія табаку. Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ и очень маленькій ростъ, Романъ Романычъ сохранялъ еще много бойкости и подвижности нрава. Страсти въ немъ еще кипѣли. Тѣло было уже плѣховато, какъ отзывался порою онъ самъ. Голосокъ у него былъ тоненькій, и онъ часто заливался веселымъ смѣхомъ. Выйдя рано въ отставку и же-

пившись на милѣйшей и красивѣйшей женщинѣ, онъ скоро вдался въ хозяйство, но остался въ немъ, какъ и въ своихъ убѣжденіяхъ, охранителемъ стараго. Сорокъ лѣтъ онъ прохозяиничалъ, но не улучшилъ имѣнія ни на волосъ, и въ концѣ могъ сдать его въ томъ видѣ, какъ принялъ. Получая порядочный, но ровный всегда доходъ, онъ и его не проживалъ. Гдѣ-то, въ сундукахъ ли, или на сторонѣ, составилъ у него значительный капиталъ. Но, смотря уже въ гробъ, одолюваемый болѣзнями, предтечами послѣдней раслаты, онъ не могъ сказать: я привольно прожилъ на свѣтѣ! Теперь уже и хотѣть-то онъ ничего не могъ. Его деньги были—орѣхи подъ старость беззубой бѣлкѣ. Скопидомство перешло въ скупость. Сперва свои сборы онъ берегъ изъ расчета не заявить ихъ молодой женѣ и молодымъ друзьямъ; потомъ сталъ таить, какъ мрачный и негодный скряга. И, говорить, боясь сдѣлать о нихъ даже завѣщаніе, чтобы не узнали про нихъ и не промотали ихъ дѣти, онъ могъ вовсе погубить этотъ капиталъ. Любя искусство отъ природы, онъ и теперь еще игралъ часто на скрипкѣ и на фортепиано. Но, оставивъ отъ литературы за хозяйствомъ, т.-е. за самою дурною стороною хозяйства — за сидѣньемъ надъ работникомъ съ утра до вечера,—онъ уже не понималъ современныхъ явленій мысли и прикрывалъ себя довольно пошлою и жалкою отговоркою. — «Вы читаете что-нибудь теперь, Романъ Романычъ?»—спрашивали его.—«Э! не читаю ничего, кромѣ бебуны (оберточной бумаги),—отвѣчалъ онъ:—съ тѣхъ поръ, какъ карбонеры стали писать тамъ всякое эдакое!» Не имѣя на головѣ ни одинаго волоска, Романъ Романычъ всегда носилъ длинные, сѣдые усы.

— А!—шепнулъ мнѣ Говорковъ, когда мы вошли и стали незамѣченные въ толпѣ другихъ:—посмотрите, Романъ Романычъ и бороду запустилъ, а ругаетъ радикаловъ!

Въ самомъ дѣлѣ, у него изъ-подъ жабо торчала пресмѣшная, бѣлая, какъ кружевной воротникъ, борода. Онъ ее поминутно гладилъ. Послѣ мы узнали, что эту бороду онъ запустилъ потому, что одинъ его знакомый, старикъ и его другъ, тоже запустилъ ни съ того, ни съ сего бороду.

— Онъ умный человекъ и даромъ ничего уже не сдѣлаетъ!—говорилъ Романъ Романычъ:—отпущу и я бороду, а при встрѣчѣ его спрошу, зачѣмъ это; коли нужно,—оставлю, а нѣтъ,—то сбрую!

— Ха, ха, ха!—раздалось вдругъ среди залы изъ круга слушателей.

Мы съ шалками подошли ближе.

— А я ему говорю,—продолжалъ рассказчикъ:—что же, что вы въ комитетѣ были?..

— Ну, что же онъ? что же онъ?—заговорилъ-было кто-то изъ толпы слушателей.

Рассказчикъ, говорившій, какъ говорили на сходкахъ въ былыя времена гетманы, т.-е. по мѣстному выраженію, всёхъ озираючи и ни на кого особенно не глядя, бросилъ презрительный взоръ на вопросившаго, сердито сбилъ пальцами пепель съ папироски, помолчалъ, вздохнулъ и началъ снова.

— Ну, я пошелъ его валять, и пошелъ! Да мы, говорю, васъ, щелкоперовъ, на выборахъ прокатимъ! Да мы теперь и губернскаго предводителя на вороныхъ провеземъ! Да мы васъ опубликуемъ! Что вы? А?! а?! насъ продавать?..

Слушатели и самъ Романъ Романычъ раболовно молчали, внимая этимъ перунамъ.

— Кто это?—шешнулъ я на ухо молодому бѣлокурому господину, стоявшему впереди меня, именно одному изъ двухъ встрѣченныхъ нами у плотины въ бѣлыхъ фуражкахъ.

— Пивантьевъ...

— Что же онъ такъ сердится?

— А видите ли, онъ теперь чернигъ дѣйствія нашего уѣзнаго депутата по комитету; этотъ комитетъ ему бѣлье въ глазу. На выборахъ того единогласно выбрали, а Пивантьева забаллотировали.

Новый хохотъ покрылъ какую-то выходку ликующаго Пивантьева. Онъ самодовольно отошелъ къ сторонѣ и направился въ гостиную къ дамамъ. Слушатели тоже разошлись, кто въ кабинетъ, гдѣ играли въ карты, а кто въ садъ, гдѣ гуляли дѣвицы.

— Это, однакожь, пріятно!—прибавилъ бѣлокурый незнакомецъ:—у толпы есть въ спокойныя минуты свой инстинктъ самосохраненія. Теперь она этому господину дѣйствительно аплодируетъ, а тогда его не выбрали. Говорятъ, Пивантьевъ прежде служилъ въ какой-то комиссіи и былъ нечистъ на руку...

— Пойдемте къ дамамъ,—шешнулъ Говорковъ.

Сѣвши въ сторонѣ, въ гостиной, мы окинули глазами присутствующихъ. Слава Богу, ни одной знакомой!

— Правда ли, Марфа Петровна,—говорила, при нашемъ входѣ, одна помѣщица въ зеленыхъ лентахъ другой, бывшей въ коричневыхъ, набирая себѣ на блюде варенья:— что уже наши дѣвки намъ ни шить, ни прять, ни вязать, ни служить безъ денегъ не будутъ?

— Правда, матушка, правда,—отвѣчала дама въ коричневыхъ лентахъ.

— Такъ позвольте же васъ спросить,—неожиданно крикнула та же дама въ зеленыхъ лентахъ:— какъ же я буду жить, когда у меня девятеро дочекъ, а имѣнія, кромѣ долговъ моего Филанси, ничего нѣтъ!

— Плохо, плохо!—пищала низенькая, въ розовыхъ лентахъ, сосѣдка говорившей:—много мнѣ рассказывали, много читали, и про какія-то урочныя работы, и про общины толковали. Ни клочка не поняла и не припомню изъ всего,—хоть Богъ меня убей, ни клочка, клинусь моей душою! Такъ написано!..

— Да еще то диво, что не чувствуютъ стыда! — прибавила первая дама въ зеленыхъ лентахъ:—даже выѣзжаютъ уже въ свѣтъ, къ избирателямъ въ мирные дома входятъ!

— Это на нашъ счетъ!—шениуль мнѣ Говорковъ:—стыдитесь!

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Слуги разносили конфеты и арбузы.

— А будетъ ли выкупъ? — спросила протяжно молодая дама, недурная собой и не скидавшая перчатокъ.

Ей не отвѣтили.

— Я полагаю, что выкупъ, потому что это разомъ разрѣшитъ намъ міровой вопросъ!—нѣсколько учено прибавила милая дама, бойко разрывая маленькими ручками арбузъ, но не безъ волненія вида, что ей собесѣдницы ей не отвѣчаютъ, несмотря на ея перчатки и миловидность. На какой-то новый вопросъ она опять не дождалась отвѣта. Только вилка судорожно звякнула въ рукъ дамы съ зелеными лентами, усердно улетавшей арбузъ.

— Милая пенсильванка!—замѣтилъ Говорковъ:— пойду къ тебѣ на помощь!—и пошелъ къ ней.

Не рекомендованные, но случаю близкаго конца праздничнаго дня, какъ и двое-трое другихъ, подѣхавшихъ еще послѣ насъ, мы свободно располагались, гдѣ хотѣли. Оставилъ Говоркова съ «милой пенсильванкой», и пошелъ въ каби-

нетъ. Тучи дыма висѣли надъ игравшими въ карты. Съ дивана, сквозь тотъ же дымъ, торчали ноги и головы бесѣдовавшихъ. Какъ новый человекъ въ краѣ, и здѣсь я былъ не замѣченъ.

— Да,—продолжалъ разговоръ съ дивана молодой человекъ съ длинными, черными волосами и недурной собой:— ужъ и выдумали же штуку—уступить, продать имъ землю!.. Да я-то этого не хочу! Я-то, слышите ли, не хочу! Земли моя, и баста! Или уже, если продать, такъ по вольной цѣнѣ! Я меньше двухсотъ цѣлковыхъ за десятину не возьму!..

— Семь въ червяхъ! Вистъ! Пасъ! — отдавалось на это со столовъ играющихъ въ карты.

У окна въ креслахъ сидѣлъ высокій, рябой, мѣдноцвѣтный, какъ житель Отаити, господинъ, въ рыжевато-буромъ парикѣ, толстый и сырой, лѣтъ восемьдесятъ, держа и вращая въ рукахъ изломанную, замасленную пуховую городскую шляпу и поминутно обливаясь потомъ. На него рѣшительно никто не обращать вниманія. Виукъ хозяина, девятилѣтній разбойникъ, сзади то посыпалъ ему сахару на парикъ, чтобъ липли на него мухи, то просто его щипалъ и толкалъ. Не принадлежа къ кругу помѣщиковъ, этотъ господинъ, впрочемъ, держалъ себя гордо и, утирая потъ съ лица, презрительно улыбался на иные разговоры. Кто-то съ дивана сказалъ, что теперь ходитъ вообще множество всякихъ темныхъ слуховъ.

— Да, — повторилъ рябой старикъ и всталъ, порывисто двигаясь въ короткихъ брюкахъ и во фракѣ съ протертыми локтями, какъ у Робера Макера:—въ наше время этого не было. Тогда уважали законность! да! законность! Вотъ и у меня въ мои дни, когда я былъ губернаторомъ — вѣдь я былъ губернаторомъ!—никто у меня не уходилъ безъ аттенціи, ни-ни! *Suum cuique!* Всякому была дана помощь! А теперь?! Пасъ презирають!..

И онъ обвелъ кабинетъ желтыми, воспаленными глазами, теребя въ одной рукѣ шляпу, а въ другой клѣтчатый, бумажный, продыравленный платокъ.

— Да, теперь, — добавилъ онъ шопотомъ и озираясь:— да! пришли послѣднія времена!..

Въ эту минуту въ кабинетъ вошелъ тотъ же блѣдный знакомецъ нангъ съ блѣдой фуражкой, и съ нимъ Говорковъ.

— Что, Андрей Петрович, что ты тут наговорил, опять и наврал?—спросил громко и насмѣшливо бѣлокурый.

Старикъ ошалѣлъ, завертѣлся, камлядуль и сѣлъ, со словами, что онъ многое слышалъ въ городѣ.

— Въ городѣ? Да ты, ваше превосходительство, въ городѣ уже пять лѣтъ не былъ! Лучше попроси у меня цѣлковый на выпивку, а не ври! Иначе исправнику пожалуюсь!

Исправника старикъ, какъ видно, очень боялся, потому что замолчалъ окончательно. Сидѣніе у стола стали опять играть. На выходку бѣлокураго никто не обратилъ вниманія. Старикъ былъ, очевидно, въ черномъ тѣлѣ у общества.

— Кто это?—спросилъ я Говоркова, указывая на бѣлокураго.

— Турбачевъ, старшій братъ: ихъ два брата, здѣшніе богачи. Этотъ отказался отъ выборовъ два раза. У обоихъ пять тысячъ десятинъ земли. Ведутъ хозяйство по новому способу и суцѣ янки. Не служатъ, путешествуютъ, хозяйничаютъ и живутъ въ свою волю. Я съ этимъ сошелся. Благороднѣйшій пенсильванецъ! Дамочка, къ которой я подсѣлъ, ихъ сестра, жена одного содержателя пансіона, тоже умнаго человека. А главное—оба смѣлы, самостоятельны и съ языками, какъ бритвы...

Говорковъ меня сейчасъ познакомилъ съ Турбачевымъ.

— Очень пріятно, много слышалъ!—сказалъ онъ развязно и собираясь опять съ натискомъ на стараго вѣстовника.

— Кто это?—спросили мы съ Говорковымъ у Турбачева про послѣдняго.

— О! это личность удивительная!—началъ виолголоса веселый и развязный Турбачевъ: — это Андрей Петровичъ Кузничевскій. Онъ, дѣйствительно, былъ лѣтъ двадцать или тридцать назадъ гдѣ-то вице-губернаторомъ, жилъ въ богатѣйшемъ домѣ, задавалъ пиры, развратничалъ и любилъ хананцы, но слегка, потому что было и свое имѣніе. Тогда же онъ обобралъ одного родственника, честнѣйшаго малаго, кажется, Твѣрдова, отнявъ у него послѣдній хуторокъ. Теперь колесо повернулось. Твѣрдовъ нажилъ новый хуторъ; Кузничевскій прожился въ пухъ, отставленъ отъ службы и живетъ у него же на хлѣбахъ, въ какой-то лачужкѣ, вымалывая у своего родного по четвертаку на утѣху! Клянусь честью, это не сказка! Да погодите, я его еще спрошу, какъ онъ возилъ съ собою въ Петербургъ одну одиннадцатилѣтнюю особу...

Но Турбачевъ замолчалъ.

Въ это время въ кабинетъ впопыхахъ вошелъ хозяинъ дома, нашъ почтенный Романъ Романычъ. За нимъ шла толпа, и впереди всѣхъ опять Пивантьевъ.

— Господа, позвольте! Слушайте, слушайте,—заговорилъ вполголоса старикъ Дидатовскій, самъ виѣ себя отъ восторга, ломая руки и подобострастно глядя на Пивантьева:— вотъ Макарь Макарычъ насъ опять подарить хочетъ разсказами! Что за игиль, что за слова! Чисто жемчугъ! Вотъ кто наши защитники, вотъ кого мы должны въ золотыя рамки вставить!

— Разскажите, разскажите!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Всѣ сѣли. Пивантьевъ, не поднимая глазъ и попрежнему гетманомъ стоя среди комнаты, началъ:

— Это пустое, господа, это случай; но о немъ нельзя умолчать въ наши дни.

Онъ оглянулся. У дверей, качаясь отъ дремоты, стоялъ ребенокъ-казачокъ.

— Вышлите его вонъ!—и потому сказать Пивантьевъ.— Пошелъ вонъ! Чего ты, ракаля, стоишь тутъ? все подслушиваешь!—крикнулъ хозяинъ дома.

Мальчикъ, качаясь, вышелъ.

— Да-съ, въ нашемъ увѣдѣ былъ недавно такой случай!— говорилъ, озираясь, Пивантьевъ:— вы, конечно, Зеленчука помѣщика знаете? Хорошо. Всѣ мы его знаемъ. Вотъ онъ прожилъ до этой эмансипаціи, или, какъ тамъ ее зовутъ наши филантроны, до ампутаціи, что ли, пятьдесятъ лѣтъ безвыѣздно на своемъ хуторѣ. И какое же несчастье постигло его въ жизни! Его дочка влюбилась въ мѣщанина; случилось даже такое дѣло, что она пошла за него замужъ, убѣжала и обвинчалась. А? а?.. И теперь гдѣ-то—увы!—живетъ наемницей, гувернанткой. Тамъ же и мужъ ея нанимается. А?.. Ну, вѣдь подло поступила? Такъ ли? Хотя и славная барынька сама по себѣ вообще. Отецъ отъ нея, разумѣется, отрекся. Правда, что и самъ онъ проживалъ въ утѣшеніи, то-есть держалъ своихъ шамшурокъ...

Слушатели молча и почтительно внимали разсказчику. Турбачевъ презрительно усмѣхнулся.

— Такъ что же вы тутъ находите особенно печальнаго?— спросилъ онъ со сдержанною злостью.

Странный ропотъ раздался въ кабинетѣ. Добрый, но тру-

сливый отъ природы, Дядитовскій чуть не плакалъ, смотря на Турбачева. Сперва онъ дергалъ его за фалды, чтобъ тотъ не заходилъ слишкомъ далеко, а потомъ началъ ругать его.

— Это удивительно, до чего доходятъ нынѣ молодые люди,—пищаль Романъ Романычъ:—какая смѣлость, какое даже нахальство, какая самонадѣянность! Молокососы!

— Романъ Романычъ, Романъ Романычъ!—началъ медленно и со вздохомъ Турбачевъ, дрожащими руками оправляя себѣ галстукъ:—это правда, вы меня на рукахъ носили, почти нянчили; вы были дружны съ моимъ отцомъ; я моложе васъ. Да за что же оскорблять меня? И вамъ ли опять жаловаться на своихъ вассаловъ? Тоже сорокъ лѣтъ съ ними живете? А обидѣлъ ли васъ хоть единый?—Въ дверь вошелъ лакей и нагнулся на ухо къ Дядитовскому. Тотъ сталъ какъ обваренный; дыханіе замерло и ротъ раскрылся. Онъ шагнулъ къ дверямъ.

— Что вы?—спросили его.

— О! это нустое! пришелъ атаманъ, староста: чего-то мужики мои пришли тамъ.

И онъ торопливо вышелъ.

Турбачевъ шепнулъ намъ:

— Вотъ трусь! Нарочно обѣгу кругомъ дома и посмотрю, въ чемъ дѣло. Я уже знаю его...

Какъ школьникъ, вышелъ Турбачевъ въ сосѣднюю проходную комнату, раскрылъ окно, осмотрѣлся кругомъ и выпрыгнулъ въ садъ, а тамъ завернулъ за уголь дома къ крыльцу, куда собрались мужики Дядитовскаго.

— Мнѣ не нравится эта безобразность, безцеремонность Романа Романыча,—началъ вслухъ покровительственно Пивантьевъ, едва тотъ ушелъ:—скверно то, что всегда здѣсь какой-то сумбуръ! Назоветь кучу гостей, всякаго сброда! Всѣ тычутся по угламъ; нѣтъ того, чтобы усесться да побесѣдовать съ умными людьми! Прѣзжаютъ и уѣзжаютъ, какъ изъ трактира. А тотъ еще благодарить за посѣщеніе!

— Семь въ пикахъ! Вистъ! Пасъ!—опять раздалось съ карточныхъ столовъ.

— Макаръ Макарычъ, васъ зовутъ дѣвцы!—послышался голосъ изъ дверей.

Пивантьевъ вскочилъ и ушелъ въ садъ. У окна, сквозь табачный дымъ, мелькнула бѣлая фуражка.

— Господа, пожалуйте сюда,
Мы съ Говорковымъ подошли.

— Вообразите,—началь оны попотомъ:—это просто невѣроятное событіе. Я подкрался къ окну кабинета. Смотрю: нашъ-то почтеннѣйшій Романъ Романычъ прибѣгаетъ туда, впотьмахъ зажегъ свичку, возится, руки дрожатъ, и затѣмъ тихо шагнулъ въ лакейскую. И припалъ со двора къ окну лакейской. Оны что-то шепчетъ казачкамъ, разстаниавливаетъ ихъ, отвернулся оныть, тайкомъ перекрестился и ступилъ въ сѣни. Тутъ уже я его дожидаль впотьмахъ, у крыльца, у водосточной трубы. Оны вышелъ, еле дышитъ, спрашиваетъ у мужиковъ: «что вамъ надо?» Ты подходитъ ближе; оны къ сѣнямъ... Да уже кто-то побоище вышелъ изъ толпы, поклонился и говорить: «Мы, пане, цѣлый день возили хлѣбъ, а теперь воротились съ поля и пришли васъ поздравить съ именинами!» И кланяются. Оны даже икнулъ отъ неожиданности, тоже поклонился, велѣлъ атаману имя дать по рюмкѣ водки, еще что-то сказать и ушелъ... Ужь девять мѣсяцевъ оны лично не явился на полевые работы.

Мы не вѣрили словамъ Турбачева.

— Клянусь вамъ, господа,—добавилъ оны:—все это правда! Да вотъ оны и самъ! Подожду я тутъ у окна въ саду.

Вошелъ медленно Романъ Романычъ, даже съ улыбкой, утерся платочкомъ, смиренно сѣлъ, сложить на колѣняхъ маленькія ручки и безвечно вздохнулъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Но дыханіе его еще было неровно, и самъ оны былъ изжелта-зеленоватый. Ермолка была на затылкѣ.— Что, Романъ Романычъ, гдѣ вашъ сынъ теперь? Мы такъ давно его не видали! — спросили мы съ Говорковымъ въ ободреніе его.

— Сынъ мой, сынъ? Да!.. Я было васъ не разлушалъ!.. Ходятъ всякіе слухи, какъ вообще теперь. Да Богъ его знаетъ, гдѣ оны! Все просить у меня, однако, денегъ. Я же говорю: отчего не служишь? А оны говорить: давайте денегъ! А гдѣ я возьму денегъ! Доходовъ нѣтъ уже тридцать лѣтъ, и я боленъ! Впрочемъ, сынъ мой не можетъ въ кавалеріи служить, а въ нѣхотѣ не хочетъ. А вошь его сынъ, мой внучекъ, бѣгаетъ, все Кузничевскому сахару на парикъ подсынаетъ! Видите! Вотъ геній! Кольми паче еще няньку ругаетъ такъ, что просто молодецъ!..

Романъ Романычъ отиралъ съ лица обильный потъ.

— Нѣтъ, вы позволѣте, вы позволѣте,—отозвался съ дивана голосъ того самаго молодого, съ длинными черными волосами, человѣка, который цѣнилъ у себя землю по двѣсти рублей серебромъ десятину: — вы мнѣ скажите: можетъ ли быть въ наше время новое переселеніе народовъ? Возможны ли движенія народовъ съ сѣвера на югъ? Я думаю, что нѣтъ! Я, слава Богу, таки учился: знаю экономистовъ нынѣ западныхъ. Именно нѣтъ. Литераторы также трезвонятъ о филантропіи, о любви къ ближнему! Подлецы! чистые подлецы! Это все выскочить хотѣтъ на нашъ же счетъ; извѣстное дѣло, имъ рисковать печѣмъ... На коль бы ихъ посадить—пусть любятъ видами!—четверговать! Нѣтъ, господа, дайте мнѣ хоть еще пять лѣтъ сроку, и я ворочу въ доходахъ тройную цѣнность имѣнія; а тамъ хоть трава не рости...

— Кто это?—спросилъ я опять Турбачева.

— Это другъ Пивантьева, довольно богатый и не совсѣмъ глухой человѣкъ, Торбанинъ, если даже хотите, нѣсколько и нашъ братъ, степной «янки», отличный хозяинъ, но закоренѣлый эгоистъ въ душѣ. И вѣдь что тутъ грустно, — продолжалъ Турбачевъ, облокотясь изъ сада въ окно:—будь онъ фронтовикъ; а то вѣдь изъ нашихъ университетскихъ и даже товарищъ мнѣ по факультету! Учился-то онъ плохо и товарищъ намъ былъ такъ себѣ, не изъ лучшихъ. Но все же таки патерся около науки и хоть по наслышкѣ зналъ имена Бэкона, Смита, Маколяя и хоть, положимъ, нашего Грановскаго... А теперь каковъ? Порочить каждый шагъ нашихъ комитетовъ, ругаетъ всякую прогрессивную мысль—и это двадцати-семи-лѣтній студентъ, выпущенный шесть лѣтъ назадъ! Посмотрите, съ какимъ благоговѣніемъ слушаетъ его Дядятовскій!.. Пойдемте, господа, въ садъ, здѣсь свѣжѣе...

При нашемъ выходѣ изъ кабинета Торбанинъ, кусая до крови ногти, вдругъ взмахнулъ длинными волосами и, скрививъ губами и показывая кулакомъ въ воздухъ, сказалъ:

— Развѣ не будетъ выборовъ! это ни на что не похоже! это безчестно! У насъ завелись уже предатели, слуги пресловутой гласности—я ихъ знаю. Трезвонятъ, грабятъ насъ! На коль ихъ! Въ Австріи Радецкій ихъ розгами свѣгъ...

Мы вышли въ садъ. Тамъ было дѣйствительно свѣжѣе. Часа полтора мы ходили, слушая рассказы Турбачева о хозяйствѣ.

— Мы съ братомъ Петромъ, — говорилъ онъ: — получили имѣніе разоренное, хотя и порядочное. Не было сѣна — мы наняли въ долгъ луга; стали дешевы овецъ — мы въ долгъ купили у тѣхъ, у кого онѣ падали отъ голоду; продали отцовскіе экипажи, мебель и всякій хламъ, устроили салотопню и въ одинъ годъ выплатили съ сала и за наемъ луговъ, и за овецъ, а салотопню продали черезъ годъ и выплатили главный долгъ на имѣніи. Мы завели машинное хозяйство. Я самъ пробылъ два года въ Ливерпулѣ, на фабрикѣ хозяйственныхъ машинъ, и вывезъ оттуда паровой локомобиль. Черезъ годъ мнѣ половины крестьянъ нашихъ не надо уже. А братъ ѣдетъ весной въ Америку...

У освѣщенной бесѣдки мы увидѣли Пивантьева. Онъ стоялъ, опять окруженный дѣвицами, и съ полнымъ свойствомъ мѣднаго лба занималъ снова всѣхъ разказами. Увы! онъ помѣшался на реди говоруна единственно только потому, что какая-то старуха-аристократка, бывшая когда-то большая практикантка насчетъ молодыхъ людей, проѣздомъ черезъ Южно-Байрацкѣ, сказала ему гдѣ-то за обѣдомъ: «Да вы, м-сье, краснобай! Владѣете слогомъ!»

— Я прошу васъ, дѣвицы, разрѣшить мнѣ одинъ вопросъ, — говорилъ Пивантьевъ, развязно качаясь и охораниваясь: — хорошо или нехорошо брать жалованье на службѣ по выборамъ?

Тѣ, разумѣется, молчали, робко прижимаясь другъ къ другу и цугливо слѣдя за его туманными намеками.

— Ну, такъ я же вамъ скажу, что наши филантропы...

— Ну, погоди же ты! — пропенталь съ холодной злобой Турбачевъ: — я же тебя оборву! Вотъ скотина! Извините, господа, за такія крупныя выраженія! Вы себѣ представить не можете, до чего безобразенъ этотъ господинъ!

Мы ушли въ темныя аллеи. Еще проговорили съ полчаса. Турбачевъ разспрашивалъ о нашемъ южно-байрацкомъ уѣздѣ, посѣвахъ, сборѣ хлѣба, дѣлалъ предположенія объ устройствѣ громаднаго общества для торговли хлѣбомъ, разспрашивалъ о нашемъ губернскомъ положеніи о крестьянахъ, и вообще смотрѣлъ съ большимъ сочувствіемъ на все сдѣланное депутатами. Говорковъ, хотя и не бывшій въ составѣ комитета, въ качествѣ моего друга и писемоводителя, просто ликовалъ. «Окъ, душа-то, душа-то!» — шепталъ онъ, толкая меня. Передъ освѣщенной ротондой, въ одномъ мѣствѣ сада,

гдѣ играла музыка, ходить съ покуренной головой съдой, съ длинными, бѣлыми волосами на головѣ и въ длиннополую съромъ сюртукѣ, старикъ-помѣщикъ.

— Это печальный примѣръ, это профессоръ и нашъ помѣщикъ! — началъ Турбачевъ, указывая на старика: — онъ попалъ въ сосѣдній съ вами комитетъ о крестьянахъ. Я былъ когда-то его ученикомъ, любилъ его всею душою, вѣровалъ въ него и ожидалъ отъ него всегда многого и многого! Его чтенія въ классахъ распалили насъ страстною любовью къ людямъ! Онъ былъ у насъ гуманистъ въ полномъ смыслѣ слова, поклонникъ Гегеля, Гейне... Открылся комитетъ, онъ и тамъ сталъ изъ первыхъ, въ ряду либераловъ; даже тайкомъ его называли краснымъ, чѣмъ онъ втихомолку и гордился. Такъ дѣла шли мѣсяца два! И что же? Какъ-то на нощь предсѣдателя комитета съѣла муха, въ то самое время, какъ этотъ почтенный либераль читалъ свою рѣчь по какому-то вопросу; тотъ громко чихнулъ; члены тоже чуть не дремали. Этотъ обидѣлся, перенелъ на сторону оппозиціи и запутался такъ, что подѣ конецъ даже трудно было понять, чего онъ хотѣлъ. Онъ рѣшилъ тѣмъ, что кинулся въ объятія отсталыхъ, плантаторовъ, — но и тѣ его, говорятъ, не приняли. Жаль мнѣ его; истинно добрый человекъ, только очень мягкій. Мы какъ-то съ пріятелями недавно поминали его: «Покойся спомъ праведника, чистая карьера бывшего гегелиста; ты сталъ помѣщикомъ и все позабылъ!» — говорили мы, расиѣвая надъ жженкою студенческія пѣсни.

— Пожалуйте ужинать! — сказалъ слуга, добѣжавшій къ намъ напрямикъ, черезъ вишенникъ и долины сада.

Въ ярко освѣщенной залѣ мы уже всѣхъ застали въ сборѣхъ усаживанія за столъ и выбрали себѣ три мѣста рядомъ. Стулья прогремѣли, слуги воили съ дымящимися тарелками. Все шло чинно; дѣти гостей сидѣли за особымъ столомъ, самъ хозяинъ сидѣлъ на одномъ концѣ стола, жена его на другомъ. Пивантьевъ — среди дѣвицъ, безпрестанно услуживая имъ. Позавши такъ неожиданно къ Дидитовскому, — вообще любившему въ свои семейные праздники, какъ вѣрно выразился Пивантьевъ, принимать всякій сбродъ, лишь бы было побольше гостей, — мы опять принялись разспрашивать Турбачева о разныхъ незнакомыхъ лицахъ. Рѣчь началъ Романъ Романычъ.

— А слышали вы, господа, у насъ на тотъ годъ пред-рекають саранчу и голодь?..

Пошли толки о саранчѣ.

— Что саранча! Говорять, залоговъ уже имѣній больше не будетъ!—произнесъ кто-то.

Бородатый господинъ, едва дышавшій отъ толстоты, протянулъ руку за квасомъ и сиросилъ, покашливая по-своему:

— Говорять, въ нашемъ губернскомъ комитетѣ вышли несогласія: братъ возсталъ на брата и сынъ на отца, какъ говорится въ писаніи о послѣднихъ временахъ?

— Страмъ, чистый страмъ! — подхватилъ Романъ Романычъ:—чуть не шли на ножи! Я тамъ не былъ, а слышалъ, что были случаи, какъ въ уѣздной школѣ! Даже, повидимому, сѣдлись по звонку, говорили и молчали, какъ въ классахъ, еще и въ мои времена!

— Это и въ англійскомъ парламентѣ заведено, Романъ Романычъ!—перебилъ Турбачевъ.

— Въ англійскомъ! Да хоть бы и въ китайскомъ. Что англичане? Соловецкій монастырь разграбили, заставили потопить наши корабли въ Севастополѣ, а теперь новые намъ за деньги сами строить! Вотъ австрійцы — это народъ! И неговоруны, и незатѣйливы...

Незнакомый сосѣдъ мой съ лѣвой стороны, горбатый, подслѣповатый, немного выпившій и навеселѣ, толкнулъ меня подъ бокъ, указывая на высокаго и блѣднаго, черно-волосаго лакея, стоявшаго съ трянкою за чѣмъ-то стуломъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ я.

— Посмотрите сюда: вотъ слуга, — началъ горбатый сосѣдъ, соми и ковыряя переникомъ въ зубахъ:—слуга, лакей! только хитрое и умное созданіе... У! чистая бестія! посмотрите только на его глаза! Его отдавали въ художники, въ академію, въ Петербургъ, — и вышелъ, ничего, артистомъ!.. Славно малюеть-сь. Даже тамъ въ какую-то барышню было, говорятъ, влюбился! Ну, да ничего—теперь служить и объ искусствахъ говорить: хоть нескучно! Хитрая бестія!.. Павелъ!

Сосѣдъ мой кивнулъ головой; черноволосый слуга подошелъ къ нему и нагнулся.

— Кто былъ первымъ художникомъ въ Россіи?—спросилъ горбатый сосѣдъ вполголоса.

— Карлъ Павловичъ Брюловъ, творецъ картины «По-

стѣдній день Помпеи», — тихо и какъ-то ласково-грустно отвѣтилъ лакей подѣ шумъ общихъ разговорѣ.

— А что такое искусство?—продолжать глумиться веселый мой сосѣдъ.

— Свободное творчество!—отвѣчалъ лакей.

— А что лучше: хорошій ли обѣдъ, или картина?—говорилъ насмѣшливый баринъ, хихикая себѣ подѣ носъ и ковыряя въ зубахъ.

Лакею-художнику готовились новыя шутки и веселости, какъ въ другомъ концѣ стола раздавался неожиданно шумъ, скоро перешедшій въ крупную перепалку. Спорили Пивантьевъ и какой-то студентъ.

— Нѣтъ, этого быть не можетъ, — рѣзко повторилъ студентъ:—ваши слова отзываются личностями! А кто знаетъ, тотъ не правъ!

— Личностями?—подхватилъ Пивантьевъ:—Ха, ха, ха! Прощу вашего вниманія, господа! Юноши зовутъ насъ отсталыми; враги на возрастѣ зовутъ насъ плантаторами! Гдѣ же тутъ молчать? Въ качествѣ плантатора, имѣю честь передать вамъ, что нашъ предѣдатель того... свихнулся!

Головы и глаза общества устремились къ спорившимъ. Дядятовскій сталъ даже торопиться уничтоженіемъ тарелки какого-то любимаго соуса.

— Какъ это, какъ это? расскажите?—подхватилъ Романъ Романычъ, утирая губы:—ахъ! не могу молчать! Вотъ настоящий, плавный штиль! вотъ истинное краснорѣчіе! вотъ наши защитники! Расскажите!

— Дѣло было вотъ какъ, — началъ, важничая и дерзко поглядывая на всѣхъ, Пивантьевъ:—я не служу въ комитетѣ, не имѣю этой высокой чести, да, не имѣю, но знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что, мѣтя на какое-то значительное мѣсто, нашъ здѣшній великій сановникъ затѣялъ составить себѣ сильное большинство по одному дѣлу... Сталъ вывѣдывать передѣ баллотировкой—оказывается, что голоса раздѣлились такъ, что не только не выходило сильнаго большинства его мнѣнію, но даже и съ его голосомъ на сторонѣ его было однимъ шаромъ меньше...

— Правда это?—неннуль мнѣ Турбачевъ, схвативши меня за руку и едва подавляя въ себѣ волненіе:—вы были сами въ комитетѣ! Правда это?

— Клянусь Богомъ, ничего подобнаго не было: у насъ

дружное большинство встретило и до конца провожало всякое дѣйствіе предсѣдателя...

— Благодарю васъ... Хорошо... будемъ слушать!— И Турбачевъ впился глазами въ Пивантьева, изрѣзывая мелкими гусочками хлѣбную корку.

— Да-съ, плохо приходилось нашему официалу!— продолжалъ Пивантьевъ:— онъ рѣшительно терялся. Вдругъ въ умѣ его мелькнула счастливая мысль. Вспомнилъ онъ, печально взглядываясь въ списокъ членовъ, объ одномъ господинѣ съ широчайшими бакенбардами и либерализмомъ и страстью къ англomanіи, бывшемъ на сторонѣ его враговъ, сообразилъ, что англomanъ сильно нуждается пока въ субсидіяхъ по поводу одной городской интрижки, а внослѣдствіи въ тепломъ мѣстечкѣ, позвалъ его, подъ общій шумъ и споры, къ своему креслу и шепнулъ ему на ухо: «выходите въ залъ». Тамъ въ будущемъ обѣщано представленіе къ мѣсту, и дѣло слажено... Пошло на голоса, и мнѣніе его восторжествовало... И вотъ, господа, пути, по которымъ разыгрываются дѣла у насъ...

Сказавши это, Пивантьевъ спокойно принялся за недоѣденный кусокъ.

Тарелка звякнула въ рукахъ Турбачева.

— Вы ждете, — сказалъ онъ гладко и какъ-то особенно кругло и внятно, смотри на Пивантьева, а самъ былъ бѣлѣе полотна: — вы ждете, какъ пятилѣтній мальчикъ! И это не дѣлаетъ вамъ чести!

Многія вилки остановились на воздухѣ; многіе рты, не проглотивъ вкуснаго цыпленка съ грибами, остались незакрытыми.

— Что-о-о?—спросилъ озадаченный Пивантьевъ, еще блуждая глазами и сперва не разобравши, кто его такъ оборвалъ.

— Вы ждете! — опять звонко и кругло сказалъ Турбачевъ:—это клевета...

Слуги стали убирать тарелки и разносить жаркое.

— Нангъ пенсильванецъ, однако, тоже горячится!—шепнулъ мнѣ Говорковъ.

— Вотъ мило! Это еще у насъ, господа, и не слыхано!—возразилъ Пивантьевъ, стараясь улыбнуться какъ можно беззаботнѣе, поперхнувшись и озираясь во все стороны: — за столомъ, при дамахъ, говорить такія дерзости!

Глаза общества, однако, мигомъ устремились въ тарелки.

Блѣдныя и встревоженныя дамы стали торопливо перешептываться, косясь то на Дядятовскаго, то на его жену. По хозяева тоже молчали. Романъ Романычъ было обозвался, тоже улыбувшись и поперхнувшись, словами: «да, правда! это немножко того, рѣзко сказать безъ причины: вы лжете», но тутъ же утеръ губы салфеткой и, присмирѣвши, сталъ медленно жевать крылышко цыпленка.

— Вы клеветникъ, господинъ Пивантьевъ! — продолжали тѣмъ же голосомъ Турбачевъ: — и мнѣ пріятно будетъ это доказать публично. Лучше заранѣе извинитесь сейчасъ же, за столомъ, сію минуту, передъ обществомъ и передо мною!

— Какъ? Мнѣ?? Передъ вами??? Ха-ха-ха!

Турбачевъ положилъ руки на столъ. Красивые перстни сверкнули на его кривыхъ пальцахъ.

— Если вы будете паленичать и хохотать, я васъ прогоню изъ-за стола... почтеннѣйшаго Романа Романыча! — началъ опять Турбачевъ, закрывая глаза отъ дрожи и злости, прохватывавшей его до костей.

— Меня? О, нѣтъ, нѣтъ! — крикнулъ, красный уже, какъ ракъ, Пивантьевъ: — я, господа, на васъ ссылаюсь, на васъ! Если бы не дамы, я проучилъ бы... всякаго! Господинъ Турбачевъ богатъ, а я бѣднякъ! Имъ можно имѣть такую смѣлость! Я обиженъ, господа, обиженъ и буду требовать общественнаго суда, суда всѣхъ дворянъ, всего сословія, у губернскаго стола... Я обиженъ... Клянусь, я говорилъ правду, я желаю обществу пользы. Все, что я ни говорилъ, суцья правда! я докажу... здѣсь свидѣтелей нѣтъ, но я найду, у меня будутъ свидѣтели моихъ словъ!

Прошло нѣсколько секундъ мучительной паузы. Всѣ сердца бились напряженно; всѣ глаза стремились, по обычаю въ такихъ случаяхъ, подъ столъ.

— Что же, господа, будемъ вставать! — сказалъ-было Романъ Романычъ, пуская известную уловку старины, любившей заминать всякія дѣла, но допуская ихъ до крутыхъ раздѣлокъ.

— Нѣтъ, господа, позвольте, подождите! — перебилъ его Турбачевъ: — здѣсь обижены мы всѣ, и потому запросто, не вставая, кончимъ дѣло. Противъ господина Пивантьева есть улика! Между нами теперь сидитъ одинъ изъ господъ депутатовъ комитета — г. Скавронскій!

Онъ обратился ко мнѣ, и взгляды всѣхъ остальныхъ по-

слѣдовали за его движеніемъ. Даже неповинный ни въ чемъ Романъ Романычъ—и тотъ поспѣшилъ заглядить свой промахъ и спросилъ меня: «Такъ вы тоже депутатъ? А я этого и не зналъ...»

— Позвольте васъ спросить, Александръ Сергѣичъ, какъ посторонняго свидѣтеля этой выходки, — сказала мнѣ Турбачевъ: — было что-нибудь въ нашемъ комитетѣ подобное тому, что такъ громко и свободно постарался передать г. Пивантьевъ?

Мертвая тишина ошѣлила все общество. Даже слуги остановились у дверей. Слышно было черезъ стуль, какъ билось сердце у Говоркова, и какъ тупоумно и обливаясь потомъ сонѣлъ отставной вице-губернаторъ.

— Я скажу одно, — отвѣтилъ я: — подкупалъ ли NN кого-нибудь изъ моихъ сочленовъ, я не знаю; но по дѣлу объ усадьбахъ, да и вообще во всѣхъ спорныхъ баллотировкахъ—онъ въ этомъ не нуждался. Воздѣ мнѣнія круга, къ которому я самъ принадлежу и гдѣ онъ имѣлъ честь руководить, выражались всегда огромнымъ большинствомъ тридцати голосовъ — противъ десятирехъ. Раздѣленія голосовъ поровну быть не могло: партія десятирехъ у насъ до конца не завоевала себѣ ни одного голоса.

За моимъ отвѣтомъ раздался такой шумъ за столомъ, что ничего нельзя было разобрать. Всѣ спорили и кричали. А у Романа Романыча мелькали одни усы да борода; словъ его не было слышно. Турбачевъ сидѣлъ съ достоинствомъ и, блѣднѣе противъ прежняго, молча выжидалъ конца споровъ. Пивантьевъ кричалъ во все горло.

— Да, можетъ быть... но... все-таки, говорятъ, что было такъ!—кричалъ, покрывая всѣ голоса, Пивантьевъ.

— Покоритесь, сосѣдъ, — раздался голосъ съ другого конца стола:—покоритесь, вы неправы, далеко хватили! И я въ этомъ случаѣ противъ васъ...

Это говорилъ, преклонивши сѣдую голову, тотъ самый отставной профессоръ, бывшій депутатомъ комитета сосѣдней губерніи, о бѣдственномъ паденіи котораго намъ передать въ саду Турбачевъ.

Пивантьевъ глянулъ на него и на всѣхъ, какъ волкъ въ послѣдней угонкѣ, огрызающійся на близкія уже морды настоящихъ борзыхъ.

— Но какъ же, однако, это? Я не могу! Пѣтъ, пѣтъ,

я не могу поддаться на это доказательство! — сказала она, едва уже владѣя собою.

Но въ это же время окно сзади Пивантьева зазвенѣло, и стекла разлетѣлись въдребезги. Мимо уха его, задѣвши за курчавый локонъ, просвистѣла фаянсовая тарелка, пущенная въ голову злополучнаго болтуна Турбачевымъ. Общество вскочило. Скандаль вышелъ полный и небывалый...

— Что вы надѣлали? Боже, Боже! Осрамить мой домъ! — вопилъ Дядитовскій, подбѣгая, когда все встали и слуги стали поспѣшно уносить со стола посуду, то къ нылавшему мезью и злобой Турбачеву, то къ ахавшимъ и нищавшимъ дамамъ.

— Нѣтъ, пересолилъ и нантъ пенсильванецъ! — сказалъ мнѣ Говорковъ, съ сожалѣнiемъ глядя на обшій шумъ.

— Оррѣръ, оррѣръ! — кричали нѣкоторые изъ дѣвицъ.

— Такъ подобныхъ молодцовъ и учать! — говоритъ студентъ, ставшій спиною къ кому-то изъ подонеднихъ къ нему съ увѣщанiями.

Мигомъ все общество стало раздѣжаться. Но шумъ не прекращался въ кабинетѣ, куда друзья Пивантьева собрались толпой, съ угрозами отметить Турбачеву. Турбачевъ неожиданно и смѣло вошелъ туда, съ хлыстомъ и паширской, и объявилъ, что вызываетъ каждаго, кто еще пикнетъ о комитетѣ. Пивантьевъ, ероша волосы, стоялъ у окна.

— А васъ, — сказалъ Турбачевъ Пивантьеву: — я прошу ожидать отъ меня, гдѣ бы мы ни встрѣтились, всего, что только можно сдѣлать пятью пальцами! Теперь, не сходя съ мѣста, прошу васъ объявить сейчасъ же, при всѣхъ, что вы за столомъ сказали ложь, и съ умысломъ.

Пивантьевъ оглянулся за спину, на окно, потомъ на общество и сказалъ, зашнаясь:

— Да, извините, я за столомъ немного ошибся...

Студентъ, дама-аболіціонистка, еще два-три гостя и свободласый профессоръ-помѣщикъ, очевидно искавшій въ полномъ осужденіи своего сосѣда Пивантьева, чистосердечнаго искушенія своей недавней депутатской карьеры. — стояли на крыльцѣ, вдали отъ озлобленныхъ, раздѣжавшихся пріятелей Пивантьева.

— Ай да Турбачевъ! — говорила громко и съ увлеченіемъ молодежь изъ гостей, въ потемкахъ усаживаясь во дворѣ въ экипажи: — вотъ такъ проучилъ! Да еще чуть не выки-

нуль въ окно! Заставить сознаться — и тотъ сознался! Дуэлистъ! въ университетѣ онъ побилъ одного господина...

Къ стоявшимъ на крыльцѣ подошелъ, сверхъ всякаго чаянія, самъ Пивантьевъ, уже закутанный въ шинель. Онъ всхлипывалъ и билъ себя въ грудь. — Меня назвали лжецомъ! меня! пустили въ меня тарелкой! — говорилъ онъ: — Богъ ему судья!.. О, до чего я дожилъ! до чего... Нельзя было уже и пошутить! Я желалъ сословію добра! Ахъ! грустно и горько у насъ служить обществу!..

Онъ опять ударилъ себя въ грудь, сѣлъ въ какую-то бричонку и уѣхалъ. А вдали, уже за деревней, опять гремѣли бубенчики и колокольчикъ на дышлѣ бойкой четверки, уносившей въ бѣлыхъ фуражкахъ нашихъ дорожныхъ знакомцевъ, братьевъ Турбачевыхъ. Уѣхали и дама, и студентъ, и профессоръ, и отставной вице-губернаторъ въ парикѣ, присыпанномъ сахаромъ. Последний, говорить, подъ шумокъ, за ужиномъ, рѣшительно нашлся пьянъ, и его замертво уложили въ чью-то чужую телѣгу. Сюда онъ пришелъ за семь верстъ пѣшкомъ, во фракѣ и въ шляпѣ, безъ шинели.

Уѣхали и пенсильванцы, и каролинцы...

Остались дома одни хозяева, да мы съ Говорковымъ, нуждавшіеся въ отдыхѣ и кормѣ лошадей. Ночь прекратила все гражданскія смуты. Оба лагеря погрузились въ тишину на всемъ протяженіи губерніи... до новой схватки поутру.

Романъ Романычъ, нашъ былой короткій пріятель, простился съ нами сухо. Добрая жена его тоже глядѣла на насъ съ какимъ-то сожалѣніемъ, провожая насъ на покой.

Намъ отвели комнату во флигель. Говорковъ, по обычаю, пріобрѣтенному имъ еще въ какой-то ротѣ въ Сибири, прочитавши громко и съ поклонами при мнѣ все молитвы, легъ и заснулъ какъ убитый. Мнѣ не спалось. Промаявшись на постели, я всталъ и посмотрѣлъ на часы, навѣдихъ на мѣсяцъ: было два часа ночи. Я вышелъ на крыльцо, вырубилъ огня и закурилъ сигару.

Дворъ, домъ и садъ спали въ тишинѣ.

Посидѣвши нѣсколько времени, я уже хотѣлъ идти во флигель на кровать, какъ изъ-за угла кухни, отъ села, раздались мѣрные шаги и какое-то мурлыканье грубымъ голосомъ, точно кто едва двигался и бормоталъ или пѣлъ

самъ съ собою. «Конкуррентуесь, винентуесь, бабентуесь...» отдавалось въ тишинѣ. Я вышелъ за кухню. На полномъ сяннн мѣсяца двигался ко двору по полянѣ, съ палкой и въ какомъ-то бѣломъ балахонѣ, не то въ халатѣ, не то въ длинномъ сюртукѣ, видъ человѣка — старика и, очевидно, слѣшого. Точно, это былъ слѣшой старикъ. Ощупывая палкой знакомую дорогу и нагѣвая про себя непонятное: «Конкуррентуесь, винентуесь, бабентуесь», — онъ поровнялся со мной, остановился и вдругъ скинулъ шапку.

— Здравія желаю! — сказалъ онъ, шамкая губами и въ носъ.

Это меня сперва удивило. Но потомъ я понялъ, въ чемъ дѣло. Запахъ сигары далъ ему средство угадать мое присутствие.

— Кто ты такой? — спросилъ я старика.

— Крѣпостной его благородія Романа Романыча!.. крѣпостной и усердный холопъ, Елизаръ Приходько! отставной музыкантъ, капельмейстеръ, сочинитель нотъ и пѣвчій, отъ малыхъ лѣтъ имѣлъ необычайный голосъ!.. А вы кто?

Я назвалъ себя и объяснилъ свое депутатство.

Онъ гордо выпрямился, отставилъ ногу и, помахивая шапкой, съ презрѣніемъ отвернулся.

— Это все пустяки, дрянъ, ваша милость!

— Какъ пустяки, отчего?

И я сталъ объяснять ему, что вотъ «пришла пора» и что теперь господа и правительство даютъ и вскорѣ объявятъ крестьянамъ свободу.

— Это все пустяки, — повторилъ онъ: — сами не знаютъ, что дѣлаютъ. Я съ малыхъ лѣтъ пѣвчимъ былъ у отца моего настоящаго папа; дискантинце у меня бѣдовый былъ! А теперь вотъ сегодня я пьянъ; ну, пьянъ и пьянъ, даже въ канавѣ проспалъ цѣлый день... Ну, нагъ-то мой, значить, Романъ Романычъ наидобрѣющій, только мянулъ на меня, да и полно; а прежде дали бы дерку, посватали бы съ березой липовой на пять недѣль...

Я не осматривалъ отставнаго музыканта, сказавши только, что покажу ему-то вольность и не нужна, да молодые-то за нее поблагодарятъ. Онъ усмѣхнулся и помолчалъ. Выраженіе безбородатаго, блѣднаго и морщиноватаго лица его изъ насмѣшливаго перешло въ грустно-задумчивое, ноющее.

— Скучно на свѣтѣ жить! — добавилъ онъ: — скучно, а выпьешь, и веселье станетъ... Эхъ, панычъ вы мой, панычечко! — сказалъ онъ, качая сѣдой, плотно остриженной го-

ловой:—гдѣ она, вольность-то, у насъ на свѣтѣ? Птицы ея, что ли, имѣють? или муха крылатая, или звѣрь полевой? Не-мѣ ея, не-мѣ, и бѣсъ ея знаетъ, гдѣ она! Не-мѣ! И пусть на нее молодые не таращатся. Не мѣ, паныченко, и не ницте!

Онъ надѣлъ картузь, какъ-то всхлипывая вздохнулъ, хлопнулъ по каргузу ладонью и пошелъ далѣе, черезъ дворъ, къ какой-то конурѣ, коверкая опять на латинскій ладъ бессмысленныя слова. Я ему крикнулъ вслѣдъ: «Елизаръ, погоди, я объясню тебѣ кое-что... ты не понимаешь!» Но старикъ не воротился. Старый слуга вѣрилъ старому времени... На дворѣ свѣжло... «Стожаръ» или «волосожаръ» — по мѣстному названію — голубоватая кучка звѣздъ по сѣверной сторонѣ неба отливалась розово-золотистымъ огонькомъ и спускалась къ землѣ. Это опущеніе здѣсь считается за близость утра. Большая медвѣдица, по-здѣшнему — возъ, также склоняла уже къ землѣ и свое дышло, и свои оси, и бока своей воздушной колесницы...

Со стороны вольной слободы, гдѣ стояли, по словамъ стараго музыканта, солдаты, послышался въ тишинѣ медленный крикъ. Замолчалъ онъ и отдался опять. Я сталъ волноваться. Кто-то изъ гундины вербъ, ограждавшихъ огороды — должно-быть, солдатъ — кричалъ навеселѣ и должно-быть, товарищу на всѣ лады: «Ивановъ! Ивановъ! А чи не хочешь ты Гапки *)?» И этотъ окликъ повторялся нѣсколько разъ, разносясь по тихимъ полянамъ и по рѣкѣ, уже подернутой туманомъ близкаго разсвѣта.

1860 г.

*) Гапка — сокращенное имя Агафьи.

БЫЛОЕ И НОВОЕ.

Тетушка моя, Анисья Еремьевна Магденко, говорила какъ-то, что прежде, бывало, выѣдетъ землеѣръ и говоритъ:

— Хотите, матушка, я вамъ землицы отрѣжу чужой, а вы мнѣ заплатите?

— Съ радостью, батюшка, отрѣжьте!

— Сколько же вамъ нужно?

— Да десятинокъ двѣсти, у сосѣда Бакланова хорошо бы прихватить! Пустыни отличныя, какъ разъ вонъ за рѣкой, съ моими смежны; конопли и просо отлично родятся!

— А какъ благодарность будетъ?! Я меньше ста рублей не возьму. Нужно въ губерніи заплатить, чтобъ бумагу и указъ мнѣ написали рѣзать!

— Съ удовольствіемъ, батюшка, съ удовольствіемъ.

Вотъ и скажетъ землеѣръ въ чертежной, что такая-то помещица проситъ выслать межевщика, отрѣзать у сосѣда купленную землю. Ну, присутствіе и выслать съ бумагою, за должною скрѣпою. Выѣзжаетъ господинъ. Сосѣда, какъ нарочно, дома нѣтъ. Показываетъ бумагу, гдѣ предписывается произвести должное отмежеваніе. Староста сосѣдскій ничего не понимаетъ. Выводятъ съ обѣихъ сторонъ повѣстныхъ. Ставятъ вѣхи, астролябію, ведутъ черту по самой цѣлинѣ, по чертѣ проводятъ плугомъ приличную борозду, роютъ ямы и ставятъ столбы. Землеѣръ даже ловкія мѣры принимаетъ, чтобъ и потомство не забыло о его межахъ, а у самыхъ ямъ сводитъ толпу деревенскихъ ребятишекъ и сѣчетъ ихъ, чтобъ когда даже «прежніе парнишки стануть боролаты»—и тогда бы памятно имъ было, что тамъ-то или они съ образами, а тамъ-то еще имъ задали припарку. Кош-

часть дѣло землемѣръ, какъ слѣдуетъ, и говорить барынѣ: «Ну-съ, земля вана! Теперь благодарность!» И увозить, кромѣ ста рублей, полотна еще, мотковъ, грибоквъ, варенья, наливки и всякой рухляди. Ликуетъ барыня. Разумѣется, сосѣдь возвращается, видитъ какъ разъ на сѣнокосной стени свѣжія борозды и межевые столбы.

— Это что такое?

Староста говоритъ:

— Наѣхалъ землемѣръ и отрѣзалъ такой-то Анисѣй Еремѣевнѣ!

— Быть не можетъ! По какому праву?

Летитъ въ судъ. Судъ, разумѣется, предписываетъ барынѣ отдать неправедно отнятую землю; столбы выбрасываются, межи и ямы сравниваются. Все забывается. Землемѣръ ликуетъ. Барынѣ не тягаться же съ нимъ. Да и уликъ на лицо нѣтъ. Межевщики-де не отвѣчаютъ за землевадѣльцевъ и рѣжутъ, что попросить ихъ размежевать. И остается только въ памяти ребятишекъ, что тогда-то, дѣйствительно, ихъ высѣкли. Былъ одинъ такой землемѣръ, еще маленькій да худенькій, невзрачный, а поди — какая птица, что изъ одного уѣзда такимъ образомъ вывезъ четыре тысячи на ассигнаціи. Все у сосѣдей сосѣдямъ отрѣзывалъ поля, а дворяне были на ярмаркѣ, — безъ себя и поручали благодѣтелю расправляться. Да еще какой это былъ проноза! Нужно, бывало, отклонить въ роуцѣ или столѣтнемъ бору линіи отъ астролибн въ сторону: онъ взберется на дерево, зацѣпится за вѣтку вверхъ ногами, повиснетъ и начнетъ кричать не своимъ голосомъ. Ну, мужичье, понятые и разбѣгутся отъ страху. А ему этого и нужно. Сдѣластъ свое дѣло, да ихъ же еще и срамить.

— У меня, говоритъ, животъ заболѣлъ. Я такъ всегда лѣчусь! А вы чего разбѣжались?..

Теперь, конечно, люди стали умнѣе. А жить нужно. Ну, и берутъ другими путями. И всякъ это знаетъ. Думали у насъ сначала, что кончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не будутъ брать. А оказалось иначе.

— Я, говоритъ, девятымъ классомъ выпущенъ. Миѣ нужно и выпить, и поѣсть, и перчатки тоже нужны. А жалованья сколько?

Всѣ мы, оказывается, немного капитаны конейкинны! Какъ-то одинъ разъ въ нашей губерніи студентъ изъ ста-

рых московскихъ студентовъ, уже дряхлый и разорившійся бариинъ, прїѣхалъ по дѣлу о продажѣ имѣнія, узнавъ, что надсмотрщикъ изъ университетскихъ и посоветился дать ему благодарность. Смотрить, а дѣло не подвигается. Что за навожденіе! Спросилъ.

— Те-ге те!—запѣлъ ему помощникъ изъ канцелярскихъ дѣтей:—да вы дайте ему фіолетовую, и дѣло съ концомъ!

Сгорѣлъ старикъ со стыда, вспомнивши Мерзлякова, Карамзина и весь классическій идеальный міръ прежняго храма науки; а дѣлать нечего: вынулъ изъ старенькаго платочка единственную фіолетовую и подалъ надсмотрщику между листами дополнительныхъ справокъ. Въ тотъ же день дѣло было подписано. Но вытерѣлъ старикъ и, блѣдный, едва сдерживая дыханіе, свертывая дрожащими руками дѣло, на дому у надсмотрщика, сказалъ ему:

— Многочко изволили взить!

Тотъ всныхнулъ и вскочилъ:

— Милостивый государь, извольте идти вонъ! Вы забываетесь, милостивый государь! вонъ!

Едва выскочилъ на крыльцо потерянный стариканка.

— Ишь ты, — разсуждалъ онъ: — прежде, бывало, дань, подъячему, да и съ нимъ же еще и вынешь. А тутъ!..

И онъ махнулъ рукой. Да и вишить ли вполнѣ чиновника? Мѣсто изстари доходное, такъ уже принято, и держится на откупу. Долго до него надо дослужиться. А въ губерніяхъ при томъ же все такъ непомѣрно вздорожало: четверть ржи прежде стояла два съ половиной ассигнаціями, а теперь шесть съ половиной серебромъ, индѣйка—цѣлковый, фракъ—сорокъ пять рублей серебромъ. Тяжелое время!

Кто же не беретъ? Люди-призраки, люди-идеалсты, люди-либералы, которыхъ еще вчера называли безпокойными, и наконецъ особенно склсенныя природы. Вѣдь бываютъ же такіе антики, плезіозаурусы и мамонты нашей общественной фауны...

Ниче «повымъ вѣсть» у насъ...

Былъ я какъ-то на сельской богатой ярмаркѣ, и показали тамъ мнѣ помѣщика, по презвицу — Криничка. Тутъ кроется острота. Видите ли, какъ вода въ криничкѣ (стенномъ ключѣ) чиста, такъ-де и поведеніе этого господина было чисто и ненорочно. У него даже составился особаго рода «поровъ чести», какъ бываетъ у русскихъ людей «но-

ровъ правды-матки», «поровъ усердія», «поровъ чистоплотности» и «поровъ кутежа» Онъ не иначе при этомъ ужь, разумѣется, ходить, какъ въ какомъ-то засаженномъ сюртучникѣ, шалоновыхъ брючкахъ, всунутыхъ въ сапоги, въ нанковомъ жилетѣ, грязныхъ рубашкахъ изъ домашняго холста, нечесаный, съ изъерошенной головой, фля гадко, нилъ простую очищенную, а имѣлъ три тысячи десятинъ земли и вездѣ и каждому совалъ подъ носъ любимую поговорку: «На-алюбн, бра-атець, насъ въ чернѣ, а въ бѣлѣ насъ вся-акой полюбнть!» Проводилъ онъ время, разматывая съ утра до ночи мотки пряжи и вывязывая тонета и перепелиныя сѣти. Носилъ на тоненькихъ ножкахъ, отвислое брюшко и нюхалъ табакъ изъ лубковой тавлинки. Дѣйствительно, по общему говору онъ не бралъ на службѣ взятокъ, служба по выборамъ, и въ расчетахъ былъ честенъ. Съ любопытствомъ и приглядывался къ нему на ярмаркѣ, гдѣ онъ ходилъ, какъ надишахъ, и все ему шанки снимали. Да что же изъ этого? Черезъ полгода, когда я уже съ нимъ познакомился, послалъ этотъ Криничка шерсть со своихъ овецъ на ярмарку, не въ свой, а въ сосѣдній городъ, продавать, заслышавъ, что тамъ лучшая будетъ цѣна. И что же вы думаете, для чего онъ при шерсти послалъ не писаря своего, всегда продававшаго шерсть, а старосту? Онъ хотѣлъ наградить старосту.

— Шерсть-де продается, положимъ, по пятнадцати цѣлковыхъ за пудъ, а онъ покажетъ, положимъ, по четырнадцати рублей по восьмидесяти пяти копейкѣ серебромъ. Ну, сто цѣлковыхъ въ карманѣ и будетъ безгрѣшныхъ барышей! Выторговать! Нельзя же, надо и ему дать почувствовать сладость и утѣхи тепленькаго, доходнаго мѣстечка! Пусть-де поправится, оперител!

Вотъ и честный, не берущій взятку человекъ. Самъ не беретъ, да допускаетъ возможность арендаторства тамъ, гдѣ одна тѣнь неправды уже бросаетъ порчу въ самый корень званія и мѣста, хотя бы это мѣсто было не болѣе, какъ санъ сельскаго старосты. Расскажу вамъ о хивинцѣ Эскеръ-Агѣ, или иначе о русскомъ поручикѣ Эскеровѣ, пріемномъ сынѣ помѣщика Чебардина. Сидѣлъ я однажды у пріятели моего, землемѣра губернскаго, Щуковича, въ то время, какъ онъ еще не затѣвалъ печальнаго дѣла съ парикмахеромъ Исидоромъ, но уже, подъ обузою губернскихъ пріятностей, го-

варивалъ:—Боже, Господи! Когда-то я буду имѣть возможность купить десятины двѣ дѣсу, въ дѣсу выстроить домикъ, и обнести его частоколомъ, сажень на сто во все стороны, чтобы погрузиться, въ тишинѣ, въ созерцанье собственного достоинства, а калитку запереть ото всѣхъ на замокъ и на цѣпь! Кто придетъ, даже въ двери не стукнетъ, не заглянетъ въ окно, а прежде повозится у калитки. Вотъ, провести бы такъ годика два жизни, не видя и не слыша никого. Много бы хорошихъ вещей надумалось... Не даромъ присяжныхъ въ Англии запираютъ въ отдѣльную комнату и морятъ голодомъ, пока тѣ не рѣшатъ, въ присѣсть, извѣстнаго дѣла единогласно. А тутъ отписывайся! Ничего и нейдетъ въ голову!

Зашла какъ-то рѣчь о честности.

— Видѣли вы, — спросилъ онъ, — вчера господина Эскерова у меня?

— Нѣтъ.

— Жалко же! Вотъ субъектъ, мимо могилы котораго я никогда не пройду съ покрытою головою. Сущій гость эдема!

— А что?

— Да не любятъ его у насъ развѣ однѣ барышни: обидятся, что всегда безъ перчатокъ ходитъ и не танцуетъ польки. Вонъ, вчера, мадамъ окружная при мужѣ, нарочно въ инку ревнивому супругу, объявила при всѣхъ съ утонченною развязностью:—«Я, Свищевъ и козель всегда вмѣстѣ!» А Свищевъ ея любовникъ. Вотъ и поди ты съ нашею развязностью. И мужъ стерпѣлъ; только улыбнулся и поцѣловалъ еще ей ручку. Этакая, разумѣется, Эскерова не полюбитъ!—Однако, вотъ въ чемъ дѣло: покойный свитскій полковникъ Чебардинъ, пріемный отецъ Эскерова, дѣлалъ одинъ разъ съемку береговъ Каспійскаго моря и высадился съ небольшимъ конвоемъ на песчаную косу Хивинскаго залива. Пока онъ курить отличную гаванскую сигару и дѣлалъ свои наблюденія, три всадника, должно быть странники, показались на ближнемъ пригоркѣ. Они, новидимому, ѣхали мимо. Конвой офицера былъ въ шлюнкѣ, куда и онъ уже готовился воротиться, но еще уклонился въ сторону. Вдругъ всадники гикнули, кинулись на него, схватили его на сѣдло и умчали. Наши солдаты выпалили по нимъ изъ винтовокъ и пистолетовъ, но понапрасну. Хивинцы скоро умчали Чебардина изъ виду. Дорогою онъ быстро понялъ

свое отчаянное положеніе, но сохранилъ присутствіе духа. Какъ это онъ оплошать, было ему самому непостижимо! Три хищныя рожи торчали передъ нимъ, только махая на востокъ: «туда, дескать, тебя запропащимъ». Вскорѣ на дорогѣ за холмомъ, въ оврагѣ, къ нимъ пристали еще двое, старикъ и мальчикъ, очевидно наблюдавшіе за ними издали. Лицо мальчика болѣзненно дрогнуло при видѣ скрученныхъ толстымъ ремнемъ бѣлыхъ рукъ и ногъ всадника, помѣщеннаго какъ-то въ стоячемъ положеніи между двухъ сѣделъ. Цѣлый день, пока хищники ѣхали по степи, глаза мальчика съ жалостью обращались то на русскаго, то на его похитителей. Это незримое участіе возросло до невѣроятной степени, и четырнадцатилѣтній хивинецъ сталъ видѣть въ Чебардинѣ чуть не полубога, когда на первомъ же почлетѣ офицеру освободили руки и онъ, вынувъ изъ кармана карандашъ, на доскѣ поданной деревянной миски набросалъ удивительно схожіи портретъ дикаренка. Тутъ же они кое-какъ объяснились (Чебардинъ говорилъ немного по-персидски) и назвались братьями. Въ ближнему городкѣ слухъ о знатномъ плѣнникѣ уже разнесся далеко. Густые полковничьи эполеты, самый видъ статнаго и полного Чебардина и его кабаллистическія занятія на берегу съ магнитной стрѣлкой и зрительной трубой заставили принять его чуть не за намѣстника Кавказа. Городскія власти тотчасъ взяли его на свое попеченіе, думая особенно имъ угодить хивинскому хану, снарядили караванъ изъ верблюдовъ, ибннихъ и всадниковъ и отравили его далѣе. Сочувствіе маленькаго Эскера не ускользнуло отъ первыхъ хищниковъ, ставшихъ во главѣ торжественнаго отряда и они сказали объ этомъ городскимъ властямъ. Безъ дальнихъ околичностей, власти закатали мальчику, несмотря на его княжескій титулъ, сто палокъ по пятамъ и запретили ему шествовать при отрядѣ. О! тогда месть закипѣла въ груди его. Схвативши миску съ нарисованнымъ на ней собственнымъ своимъ портретомъ, онъ сѣлъ на коня и въ двое сутокъ слеталъ въ свой родимый околотокъ, гдѣ онъ съ другими братьями былъ въ числѣ владѣтельныхъ князьковъ. Прискакавъ, сталъ бить себя въ грудь, рвать на себѣ волосы и съ ибною у рта клясться и божиться, что надо отнять у такихъ-то такого-то плѣнника, что этотъ плѣнникъ стоить большаго выкупа, что царь русскій не пожа-

лѣтъ за него ничего, что онъ такъ-то и вотъ такъ-то рисуетъ. Миска пошла по рукамъ. Дикари забормотали гортанныя рѣчи, книжки сверкнули, и пятнадцать улусовъ возмущались и поднялись на ноги. Мигомъ составлена вооруженная погоня, караванъ догнать и разбить. Братья и родичи метили еще за оскорбленіе родной крови, за наказаніе Эскера. Чебардинъ перешелъ въ полчаса изъ рукъ въ руки — и хивинцы пошли во-сволен, ведя вмѣстѣ отпугнутыхъ верблюдовъ. Тутъ, выждавши на пути случай и время, Эскеръ-Ага ночью пришелъ къ Чебардину и, подавая ему книжку, сказалъ по-персидски:

— Братъ! возьми этотъ книжкаль и заколи меня! Я не могу вести тебя въ неволю и торговать твоею свободой, а безъ тебя братья меня зарѣжутъ, какъ барана! Лучше ты меня убей и бѣги...

Чебардинъ сталъ его уговаривать.

— Полно, полно, Эскеръ! уѣдемъ вмѣстѣ! Я тебѣ дамъ въ Россіи денегъ, и ты будешь жить со мною.

— Денегъ? нѣтъ! Эскеръ-Ага такой же князь, какъ и ты, и у него всего вдоволь, земли, скота, овецъ и садовъ! Денегъ я не возьму и не поѣду съ тобою: ты меня сдѣлаешь своимъ рабомъ!..

Чебардину не мало стоило труда переубѣдить Эскера. Онъ поклялся, что никогда не обидитъ его предложеніемъ денегъ, будетъ считать его равнымъ себѣ и самому царю о немъ скажетъ. Эскеръ-Ага согласился, выбралъ у братьевъ лучшихъ двухъ коней, скинулъ съ себя нарядный чекмень и все лучшее, изрѣзавъ это книжкомъ, чтобъ не показать, что беретъ что-нибудь лишнее, остался въ простомъ исподнемъ кафтанѣ и бѣжалъ съ Чебардинымъ. Послѣ мучительной дороги, на второй день они, верхомъ и гнѣнкомъ, достигли наконецъ нашего передового поста. Чебардинъ, освобожденный такъ романтически изъ плѣна, дѣйствительно сдержалъ слово, Эскеръ-Ага получилъ имя Эскерова и русское дворянство... Грудь его украсилась серебряной медалью *за спасеніе*... Чебардина, который его усыновилъ, Эскеровъ такъ любилъ, что однажды, когда тотъ отлучился по службѣ въ дальнюю командировку, а Эскера оставилъ дома полнымъ хозяиномъ, онъ чуть не уморилъ себя голодомъ. Послѣ шести или семи лѣтъ упорной школы, новый пересаженный вѣтчокъ, наконецъ, немного освоился съ мѣст-

постью, принялъ лоскъ русской жизни, былъ записанъ въ полкъ, говорилъ уже по-русски, хотя во всемъ еще сохранилъ черты степного дикаря, и былъ произведенъ въ поручики. Одна бѣда: Чебардинъ вскорѣ умеръ, но, оставя названному сыну дворянство, не догадался оставить ему ни копейки наслѣдства, хотя самъ былъ значительно богатъ... Говорять, просто забылъ составить духовную! А настояще наслѣдники, разумеется, обошли хивинца, пользуясь буквальнымъ смысломъ закона о родовомъ имѣнии. Но и тутъ простодушный, честный хивинецъ не свихнулся и ни однимъ словомъ не намекнулъ, что скорбитъ и жальветъ объ оставленной въ Хивѣ родимъ, княжескихъ почестяхъ, стадахъ, земляхъ, садахъ и родныхъ, проклявшихъ его за измѣну во имя дружбы.

— Мой атець, Чебардинъ, любилъ меня. Мой ошеть любилъ ево! Э! фай! О другихъ я не думайть! — говорилъ онъ.

Черезъ мѣсяць послѣ сообщенной мнѣ биографіи Эскерова, я опять заѣхалъ къ первому.

— Да! — сказала онъ послѣ перваго привѣтствія: — помните мой разсказъ о хивинцѣ!

— Помню. Что же?

— А вотъ что, вообразите. На-дняхъ онъ отчисленъ былъ изъ полка въ сосѣдній городъ для пріемки рекрутъ. Ну, а вы знаете, что такое пріемка рекрутъ?.. Сидитъ онъ за столомъ у станка, крутитъ усы, держится за пашку, да топорищитъ бѣлки на сдатчиковъ и на рекрутъ. Воетъ баба и ругается.

— Лобъ! — кричитъ главный пріемщикъ.

— Какъ лобъ? Какъ лобъ? — кричитъ баба: — онъ однимъ окомъ плохо видитъ!

Происходитъ замѣшательство. Баба воетъ. Медикъ показываетъ, что ничего не замѣчаетъ и что-то пишетъ у двери.

— Коли такъ, — кричитъ баба, рванувшись къ присутственному столу: — такъ пусть же лѣкарь отдастъ мнѣ назадъ пять золотыхъ; онъ взялъ у меня, видитъ Богъ, взялъ!

— Кровь застучала въ вискахъ Эскерова; губы его сперва побѣлѣли, потомъ посинѣли. Онъ всталъ...

Какъ лѣкарь взять? — спросилъ онъ, шатаясь и неровно иди по комнатѣ.

Лѣкарь, худенькій, золотушный человѣчекъ, въ зеленомъ

виць-мундирчикъ и въ очкахъ, застегнутый на все пуговицы и скромно залажа руку за лацканъ, стоялъ между тѣмъ у двери.

— Ты кто? — спросилъ Эскеровъ у бабы: — мужъ есть, али ты вдова?

— Вдова, батюшка, вдова: пятеро дѣтей и все дочки, а это одинъ мой сынокъ!

Эскеровъ глянулъ исподлобья по комнатѣ и, казалось, уже не вида ничего, подошелъ къ лѣкарю.

— Вынимай деньги сейчасъ при всѣхъ! Слышишь ли?— сказали онъ ему громко, стискивая рукоятку шапки и бѣшено вращая налитыми кровью зрачками.

— Какъ-съ? что-съ?— забормоталъ лѣкарь, щурясь и ерзая у двери.

— Отдавай!—крикнулъ Эскеровъ, уже съ такимъ злобѣщимъ выраженіемъ лица, что лѣкарь вытянулъ только къ нему побагровѣвшій носикъ и замолчалъ: прилилъ языкъ къ гортани. Червонцы сама собою какъ-то при этомъ достала изъ праваго кармана сѣрыхъ брючекъ правая же рука и протянула ихъ къ Эскерову.

— На твои денга!—сказалъ Эскеровъ вдовѣ и въ то же мгновеніе, шагнувши мимо присутственнаго стола, рванулъ доктора съ полу и вышвырнулъ его за окно... Одни золотыя очки зазвенѣли по полу...

— Благо, что оно не было высоко! — замѣчали, толкуя про этотъ казусъ, мѣстные чиновники. Лѣкарь отдѣлялся небольшимъ ушибомъ, а приемка рекрутъ пошла болѣе честнымъ путемъ.

Разсказъ объ этомъ былъ сообщенъ Щуковичемъ въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ гостей, гдѣ были и дамы.

— Да! герой для повѣсти! Ужъ мосье Щуковичъ всегда такую любопытную исторію сообщить!—говорили дамы.

— Нѣтъ, это понятно... понятна цѣль разсказа!—возразилъ, горячася съ каждымъ словомъ, сухой и фдкій чиновникъ изъ уголовной палаты: — только предметъ не достигнуть! Что же вы хотите, милостивый государь, сказать? Что если кто не беретъ у насъ взятокъ, такъ только выходцы, люди, подобные Эскерову, дикари, первобытныя натуры, бросающія родину, домашній почетъ и братьевъ за слово другъ? Сущій вздоръ, милостивый государь, сущій вздоръ! Наше время ушло впередъ, ушло-съ! Да! и вы умал-

чиваете, умалчиваете! Есть уже люди съ образованіемъ, совѣстью, вкусомъ и сознаніемъ долга! Вонъ нашъ Трембицкій писалъ, и другіе тоже писали! Да... есть люди, не берущіе взятокъ, есть; а это — либерализмъ, пустословіе. Расскажу вамъ о Каріѣ Семенычѣ Мокроболотовѣ...

Но, увы! Краснорѣчивый защитникъ Кариа Семеныча Мокроболотова началъ службу съ рублемъ, а теперь — не угодно ли справиться? Имѣеть на имя жены два дома и строить свѣчную фабрику на краю города...

Пройдетъ еще пять лѣтъ, онъ будетъ покровителемъ и сподвижникомъ дѣла цивилизаціи. И прошу покорно тогда заговорить ему о взяткахъ! Одна изъ роскошнѣйшихъ розъ нашего околетка, онъ назоветъ скромную быль о хивицѣ Эскеровѣ журнальною дребеденью и скажетъ:

— Молодежь, молодежь! шумить, пока перебьется. Эхъ, вы, умники, умники! Россію вы мало знаете! А узнаете, не будете такъ горячо довѣрять всякимъ вздорнымъ писакамъ... Словомъ, знакомыя мысли...

1860 г.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ЧЕРЕШНЯХЪ.

Быль у меня въ сосѣднемъ казенномъ мѣстечкѣ, Черешняхъ, пріятель-докторъ. Служа при военномъ госпиталѣ, онъ составлялъ рѣдкое исключеніе. Ну, велико ли казенное жалованье военнаго медика? А посмотрите, между тѣмъ, чего у него не было! Послѣдняя копейка шла на пріобрѣтеніе книгъ, газетъ и журналовъ. Рижскому извѣстному садовнику и поставщику принасовъ на всю Россію, Вагнеру, стоило только назвать имя Карталинскаго, онъ приходилъ въ восторгъ: «А! герръ Карталинскій, герръ Карталинскій! О! это—великій знатокъ и покровитель флоры: онъ ее поощряетъ и живетъ ею!» Стоитъ ли прибавлять, что герръ Вагнеръ зналъ герра Карталинскаго по перепискѣ, за полторы тысячи верстъ, и что садъ великаго покровителя герра Карталинскаго былъ величиною всего въ пять квадратныхъ сажень. И когда подумаешь, что другіе сосѣди, окрестные помѣщики, владѣльцы имѣній въ тысячу и въ пять тысячъ десятинъ земли, имѣютъ сады, гдѣ прозябаютъ искони одни яблоки, да дико растущая туземная вишня, то невольно беретъ злость. Иной разъ пріѣдешь къ такому господину,— на дворѣ жарко, въ комнатахъ безъ занавѣсокъ душно, и спѣшишь въ садъ.

— Куда вы?

— Въ садъ! Хочется посмотрѣть на ваши дорожки и бесѣдки. Вашъ садъ, говорятъ, столѣтній, и еще адъютантъ Потемкина, ухаживая за вашею прабабкою, насадилъ каштаны.

— Э! помилуйте! — отвѣчаетъ безъ запинки хозяинъ: — стоитъ ли ходить по бурьянамъ? Каштанъ этотъ можетъ быть и есть, да я не видѣлъ его; а дорожки у насъ не

чистятся уже седьмой годъ. Перестали плодить бергамоты, мы его и запустили!

А у Карталинскаго—чудеса, сущія чудеса. Пришелъ онъ чуть не шпикомъ въ мѣстный университетъ, кончилъ курсъ, живя уроками, женился, кажется, на другой же день послѣ выпускныхъ экзаменовъ, на сестрѣ губернскаго учителя, такого же бѣдняка, какъ и онъ, и былъ причисленъ къ военному госпиталю. Квартирка его въ Черешняхъ, бѣдномъ мѣстечкѣ, гдѣ квартировать уланскій полкъ, состояла изъ трехъ комнатъ. При квартирѣ былъ дворикъ, величиною съ любой затѣ инго помѣщичьяго дома. У этого-то дворника онъ и отрѣзалъ часть земли подъ садъ. Удобрилъ землю, насадилъ деревья, и пошли дива-дивныя. Въ одномъ углу сада, съ необычайною быстротою давшаго уже густую тѣнь отъ бѣлыхъ акаціи, дикаго жасмина и душистыхъ тополей, явилась тепличка, въ три аршина длины и вышины, куда невозможно было даже и войти, но гдѣ разводились на зиму и выставлялись къ веснѣ на воздухъ оранжерейныя растенія. Въ другомъ углу возникъ парничокъ, и къ Пасхѣ за столомъ доктора стала являться зелень, рѣдисы, щавель, салатъ и скороспѣлые огурцы. У самыхъ оконъ дома, выходящаго въ садъ, раскинулся диковинный цвѣтникъ такихъ цвѣтовъ, о которыхъ въ околоткѣ и не подозревали. Среди клумбъ вознеслась бесѣдка съ хитро размалеванными карнизами и стѣнами. Хмелевая бесѣдка, съ ванною внутри, приткнулась уже у самаго плетня въ персулокъ. Наконецъ, вдоль бѣлой, солнечной стороны домика, имѣвшей, даже въ осенніе дни, градусовъ до пятнадцати тепла, явились виноградныя лозы, и на второе же лѣто собственные ребятишки Карталинскаго, въ концѣ сентября, нарвали корзинку, фунтовъ въ двадцать, своего винограду, да какого еще: первѣйшихъ южныхъ сортовъ, нарочно выписанныхъ изъ Крыма и Кавказа! А собственная душа Карталинскаго, любовь къ чести и къ правдѣ, вопреки житейской логикѣ? Э! лучше объ этомъ и не упоминайте... Люблю я эту слободку Черешни... Сидѣлъ я на-дняхъ въ садикѣ у Карталинскаго. Зелень едва проглянула, но на солнцѣ было уже тепло. Онъ курилъ сигару изъ своего доморощеннаго мерлендскаго табаку, который тоже воздѣлывалъ, и былъ въ торжественномъ настроеніи духа. Жена его, Вѣра Осиповна, еще въ ваточной мантии, сяди на скамеечкѣ съ косымъ изголовь-

смъ, читала вслухъ какую-то повѣсть изъ новыхъ журналовъ. Изрѣдка чтеніе прерывалось общими замѣчаніями. Чего, казалось, еще не доставало для счастья бѣдныхъ людей нашего десятка? Весна, первые теплые дни, умная книга, милое общество доброй молодой женщины. Соловьи только что прилетѣли. Кругомъ разносилось дыханье первыхъ липкихъ почекъ тополей, одаренныхъ необыкновенною пахучестью. Кусты крыжовника убирались зелеными куколками. Береза изъ-за плетня опускала ожерелье своихъ гладенькихъ цвѣточныхъ сверточковъ. За ближними вербами, по ту сторону сосѣднихъ огородовъ, раздавалось веселое побрякиванье цымбалъ и треньканье ходячей скрипки. Тамъ были спрятаны подъ вѣтвями, у рѣки, шинокъ. А надъ нами трепетно сквозила и точно носилась вверху и плавала «лазури таящая нѣжность...»

— А вотъ, вы не знаете, о чемъ я думаю? — сказала Каргалинская.

— Не знаю, Михаилъ Петровичъ!

— Вотъ о чемъ. Только-что я сегодня сдѣлалъ обходъ въ госпиталь, побывалъ на перевязкѣ и у трудно-больныхъ, какъ говорятъ мнѣ, что какой-то помѣщикъ пріѣхалъ прямо въ госпиталь; прихожу я къ нему. — «Что вамъ угодно?» — «А вотъ, нельзя ли дать этому сыну моему свидѣтельство, заднимъ числомъ и годомъ, что ему привита оспа?» Удивило уже меня это предложеніе о заднемъ числѣ, но я скрылъ удивленіе и только спросилъ, зачѣмъ такое свидѣтельство. — «А въ гимназію думаю его помѣстить. Только туда не принимаютъ безъ такого свидѣтельства. Напишите, я вамъ и денегъ дамъ!» — Отпустилъ я фельдшеровъ и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Думаю: хоть усовѣстить его, а то еще и къ другому съ такими же предложеніями поѣдетъ. Разговорились мы. Что жъ бы вы думали? неиметь его! такъ и лѣзетъ: напишите, да напишите! «Я, — говорить, — пять цѣлковыхъ дамъ!» — Изъ мелкопомѣстныхъ! — «Да вы, — говорю, — зарадите все училище!» — «Э! въ томъ-то и штука, что нѣтъ; тамъ уже у всѣхъ привита; Ваиѣ моему и не у кого будетъ заразиться!» Насилу его спровадилъ.

Разговоръ перешелъ къ заботливости нѣкоторыхъ помѣщиковъ заводить у себя для лѣченія крестьянъ «домашнія аптеки».

— Что же, это превосходно, мой другъ, — замѣтила жена: —

дѣло цивилизаціи выиграеть. хоть люди твоего ремесла и теряють...

— Цивилизація!.. Превосходно!.. Годъ назадъ зовутъ меня за Подпольную: гономъ прискакалъ какой-то юнкерь, въ усахъ, съ косю саженъ, тройку лошадей загналъ. Что такое? «Папенька.—говорить, — сестрицѣ хотѣли дать слабительнаго, да вмѣсто того съ просонковъ, послѣ обѣда, дали чего-то такого, что ее все рветъ да рветъ, и она кричитъ, точно подъ ножемъ!» Полетѣлъ я. Оказывается, что заболѣливый батюшка далъ дочкѣ, вмѣсто англійской соли, ложечку свинцоваго сахару. Насилу отпояли и вылѣчили. И то до сихъ поръ рѣзьями страдаетъ. А другой, вмѣсто кремортарта, собственному садовнику закатилъ мышьяку. Такъ и схоронили бѣдняка. Меня же еще и позвали, точно на похороны. И славный былъ садовникъ,—Вань-Гутта понималъ и за границей былъ... А то, тоже завелась у нѣкоторыхъ страсть репутаціи фельдшеровъ составлять. Иногда подумаетъ, что изъ зависти это говоришь. Отрядишь въ деревню для первыхъ пособій фельдшера—кровь бросить, банки поставить, рану перевязать; смотришь—черезъ мѣсяцъ его уже и не узнаешь. А чѣмъ портятъ? «Иванъ Гаврилычъ, да Агѣй Филимонычъ!» и становятся Ванька и Агѣйка въ число окружныхъ генераловъ. Воротнички отпускаютъ; на неофициальномъ, праздничномъ сюртукѣ офицерскіе погончики тайкомъ ставятъ. А помѣщикъ и уши развѣсилъ! Важничаетъ и ломается у него фельдшеръ. Ужь и за однимъ столомъ обѣдаетъ. А отчего? Дешевле, видите ли, визиты стоять, чѣмъ пріѣзды настоящаго доктора. Ну, до поры до времени и сходить съ рукъ какъ-нибудь. Та же англійская соль, рвотное, пипирменты, сода, тинктура валеріана и другія подручныя снадобья играютъ пока безвредную роль. Но вдругъ помѣщикъ заболѣлъ не на шутку. Затянулась злая лихорадка, грозитъ горячка, завалы сдѣлались, острое воспаление. Что же вы думаете, доктора тогда позовутъ? Какъ бы не такъ! А Гавриловъ зачѣмъ, а Филимонычъ развѣ не гений-самородокъ? «Вѣдь, говорятъ, у Трындиной грудница послѣ родовъ сдѣлалась, лѣчили-лѣчили эти доктора (въ сущности, оказывается, что одного Яблочкина позвали, по знакомству, изъ городка, да и тотъ не похалъ, зная скверность званнихъ), а онъ сдѣлалъ припарки, и все какъ рукой сняло». Вотъ и посылають за Филимонычемъ уже не

тележку, а экипажъ, коляску четверикомъ. Филимонычъ заводится штатскимъ платьемъ. Отводятъ ему комнату, и живетъ онъ тамъ по недѣлямъ. Въ госпиталѣ до него мало дѣла, и журуетъ онъ на сладкихъ хлѣбахъ, даже рецепты тайкомъ въ губернскую аптеку посылаетъ. Хватъ, а помѣщикъ уже и на отходѣ... «Пошлемъ,—говорятъ домочадцы.— за Каргалинскимъ!» ѣдетъ Каргалинскій, ничего не зная. Филимонычъ при этомъ разоблачается и въ погончикахъ встрѣчаетъ начальника на вытяжку. «Чѣмъ ты лѣчишь?»— «Такъ и такъ-съ, однѣ предварительныя-съ мѣры». Разспрашиваются далѣе домашніе. «Какъ предварительныя? Ахъ, ты душегубъ, мерзавецъ, убійца! Вѣдь ты кровь бросилъ?»— «Бросилъ-съ»...— «Въ лихорадкѣ и старику кровь бросилъ?! Вонъ отсюда! мерзавецъ, вонъ»...— Но уже поздно, и экономный господинъ отпрашивается, благодаря Филимонычу, на тотъ свѣтъ... А прошу покорно увѣрить ихъ, что теперь докторъ безъ платы за визиты лѣченія жить не можетъ! Плату суютъ, краснѣя и заикаясь, точно взятку даютъ. Да о томъ еще и не подумаютъ, что коли тебѣ извѣстно, что я по полтора цѣлковыхъ въ часъ беру, такъ ты уже, сунь деньги изъ-подъ полы или въ шляпу, все давай, а то смотришь, трехъ цѣлковыхъ и не додалъ... Точно подарокъ или милостыню даетъ... Да чѣмъ же мы-то виноваты, что въ дѣтствѣ голодали, молодость убили за книгами и въ душныхъ клиникахъ, а теперь обладаемъ такимъ же собачьимъ аппетитомъ, какъ и вы все?— Чѣмъ виноваты въ этомъ мы?.. Нѣтъ, далека еще та пора, когда умственная производительность будетъ у насъ цѣниться если не выше, то хоть наравнѣ съ вещественною. Саножнику заплатитъ долгъ сполна, а учителя музыки надуетъ! Перчаточнику заранѣе шлетъ деньги, а книгу не покупаетъ въ лавкахъ и по объявленіямъ,—у пріятелей заклииваетъ! Будто эти господа писатели для того и живутъ, чтобы голодать, да думать о безсмертіи въ потомствѣ! Нѣтъ, коли ты сытъ, веселъ и здоровъ, такъ дай же ѣсть и литератору, и музыканту, и доктору... Былъ недавно одинъ презабавный случай»... Каргалинскій не окончилъ. На дворѣ стало сыро, и мы вошли въ комнаты. Въ залѣ было шумно уже и горѣли свѣчи. Старшій сынъ хозяина, Александръ, гимназистъ пятаго класса, живя на пасхальныхъ праздникахъ, возился у стола надъ сосудомъ съ проволоками, гдѣ отливалась гальванопластикой

какая-то красивая медаль. Полненькая, черноглазая дочка хозяина, Машенька, пансионерка, вырѣзывала восковые цвѣты. Меньшой сынъ, Миша, возился съ собакой. Мы перенбрались въ гостиную...

— Былъ одинъ презабавный случай,—продолжалъ здѣсь снова Карталиинскій: — и, кажется, всего лѣтъ пять-шесть назадъ. Одинъ богатѣйшій помѣщикъ на Подпольной, Проскуряковъ, начиталъ гдѣ-то въ газетахъ, что какой-то иностранецъ предлагаетъ выгодно устроить сахарный заводъ. А у него былъ какой-то доморощенный заводецъ съ отсталюю системою производства, съ тяжелыми и устарѣлыми машинами. Вотъ онъ и выискалъ иностранца. Нельзя же. Является на Подпольную чествѣйшій бельгіецъ, Девинь, какъ теперь помню,—я даже видѣлъ его. Мнѣ показывали его на ярмаркѣ, уже прогорѣлаго. Начинается дѣло. Пишется контрактъ. Заводъ сдается на томъ условіи, что, положимъ, съ каждаго берковца сахару, въ пользу Девиня, какъ преобразователя завода, за его трудъ и хлопоты отчисляется десятый процентъ. Контрактъ подписанъ обѣими сторонами, и въ немъ положена еще неустойка, что-де «кто нарушитъ контрактъ, платитъ противной сторонѣ нени тысячу рублей серебромъ». Закончился бельгіецъ, трудится день и ночь, ползаетъ по лѣстницамъ и печамъ, перемѣняетъ людей, перемѣняетъ машины, ведетъ корреспонденцію съ лучшими заграничными сахароварами и рафинадными заводчиками, на безденежны помѣщика прилагаетъ въ кипучемъ дѣлѣ три тысячи цѣлковыхъ собственнаго кровнаго капитала, съ прибавкою жениныхъ денегъ, и кончаетъ тѣмъ, что дѣлаетъ чудеса: въ два съ половиною года заводъ, прежде не окупавшій работъ своихъ и матеріаловъ, усмеряетъ производство. Помѣщикъ въ первый годъ сталъ получать десять тысячъ серебромъ чистаго дохода, на второй — восемнадцать, на третій — двадцать-пять. Готовясь къ четвертому году, Девинь объявилъ, что надѣется этотъ доходъ въ грядущемъ году довести до тридцати-пяти тысячъ рублей, и что кладетъ послѣдній камень, становится простымъ компаньономъ, а изъ Манчестера на два года выиссываетъ еще новую машину и такого машиниста-заводчика, что фабрика на седьмомъ году станетъ на неизмѣнный путь пятидесяти тысячъ цѣлковыхъ ежегоднаго барыща. При этомъ самому Девиню десятымъ процентомъ вынадало на долю пять ты-

сячь рублей серебромъ. Завидная доля, за то же и хлопотъ много, — а знанія и природнаго генія еще больше. «Пять тысячъ цѣлковыхъ! — стала между тѣмъ разсуждать нашъ господинъ: — да этакъ, считая платежи въ опекуескій совѣтъ, да вычеты по долгамъ частнымъ — и все мое имѣнїе того не стоитъ! За что же давать басурману?» — Покрѣпился еще, выждалъ, пока Девинъ дѣйствительно выписалъ новую машину и шотландца-машиниста, да въ одно прекрасное утро выгналъ бельгійца, со всею его семьею, за околицу своей деревни. Онъ разсчиталъ, что гораздо выгоднѣе ему заплатить сразу тысячу цѣлковыхъ неустойки, чѣмъ, сохраняя при устроенномъ уже заводѣ Девиня, удѣлять ему ежегодно по пяти тысячъ цѣлковыхъ. Какъ былъ Карлъ Богданычъ въ шлафрокѣ и вязанномъ дочерьями колпакѣ, такъ его и вышвырнули, сунувши въ руки пакетъ съ тысячью рублями и съ письмомъ барина: «Я-де тобою, Карлъ Богданычъ, недоволенъ. Иди съ Богомъ и устройвай заводы въ другихъ мѣстахъ. А за неустойкой я не погонюсь — возьми ее себѣ до копейки по условію!» — «Вздоръ, вздоръ! — вопилъ бельгїецъ, бѣгомъ летя въ шлафрокѣ черезъ озадаченную деревню къ барскимъ покоямъ: — ты отдалъ неустойку? хорошо! а мои лучшія шесть лѣтъ жизни, а моя репутація, честь и слава!» Проклялъ Подпольную бѣднѣй бельгїецъ и пошелъ таскаться сперва по разнымъ заводамъ, предлагая свои услуги, а тамъ уже просто по кабакамъ. Осрамился передъ соотчичами, передъ семьей и запилъ горькую чашу. Я, говорю, видѣлъ его самъ какъ-то на ярмаркѣ въ Лышковѣ. Стоитъ издали, прислонясь къ возу съ мѣшками, ногу за ногу заложилъ и качаетъ головой, а голова уже бѣлая, какъ серебро, и весь распяно. «Мусью! — кричатъ мѣстные мелочные торговцы: — открой заводъ!» — А въ другомъ концѣ площади стоитъ толстый-претолстый брюхачъ. «Кто это?» — «Проскуряковъ!» — Подхожу ближе. Разговоръ, слышу, идетъ о той же известной всѣмъ продѣлкѣ его съ бельгїйцемъ. Онъ говоритъ, размахивая руками и косясь черезъ плечо къ видному вдаль возу съ мѣшками, а слушатели надеются отъ хохота. «Какъ такъ?» — «А вотъ какъ! Разсчитываю я, что заплатить неустойку выгоднѣе. Ну, вотъ я призываю приказчика Нестеренко. Такъ и такъ, Нестеренко, обдѣлай дѣльце. Ну, и обдѣлалъ»...

Каралинскій не кончилъ и сталъ перелистывать книги

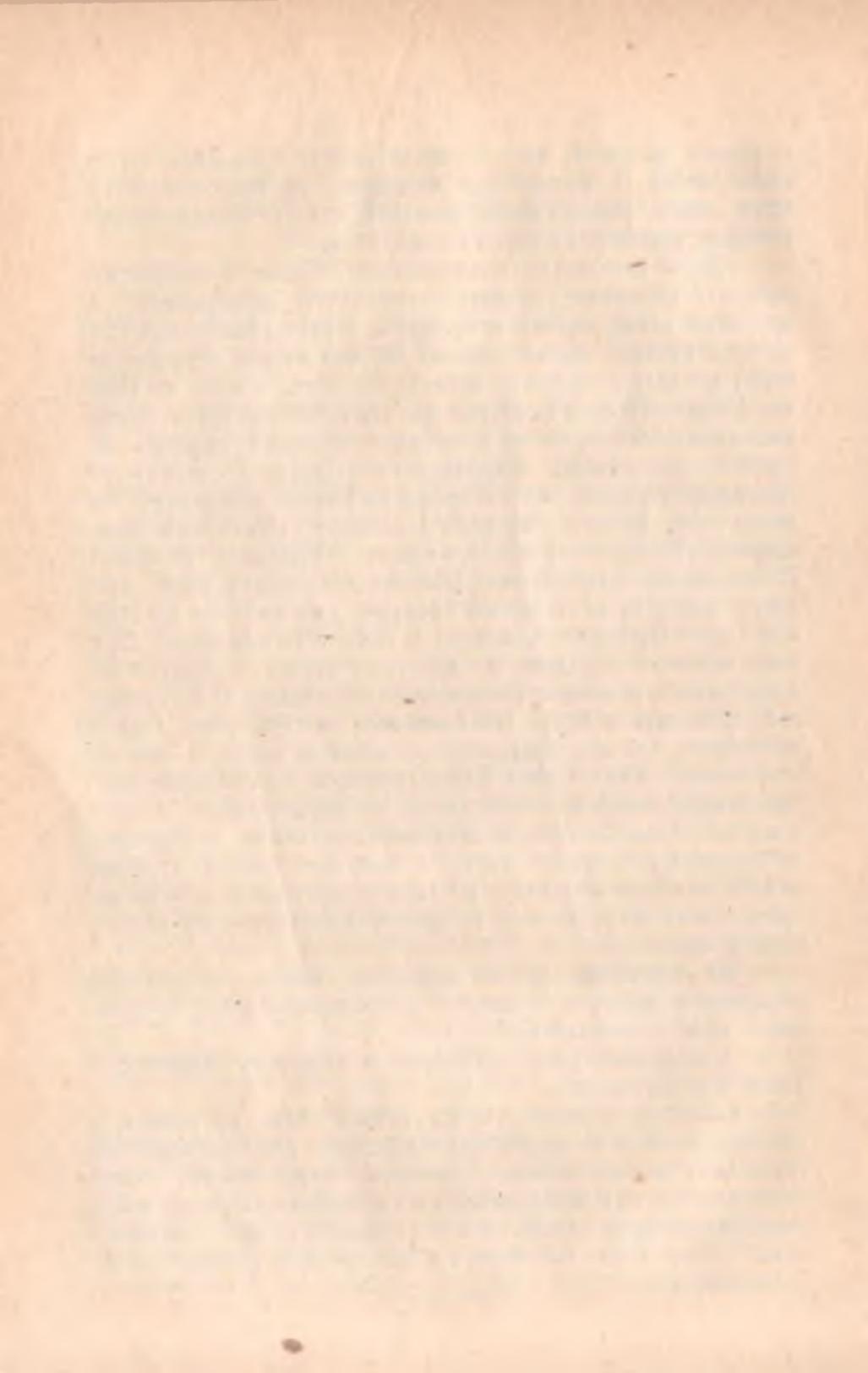
и газеты на столѣ; мы поболтали еще и готовились разойтись спать. Я мимоходомъ взглянулъ на разложенныя по столу книги. Передо мною лежалъ Шиллеръ, съ картинками, которыя перебирали передъ тѣмъ дѣти.

— Да, — заключилъ Карталинскій: — оспа, коммерческая честь и взаимный кредитъ у насъ туго принимаются, да врядь ли когда вполнѣ и примутся, а вотъ романтизмъ такъ глубоко пустилъ корни. Знаете ли, что въ мои студенческіе годы, не далѣе, значить, пятнадцати лѣтъ, у насъ на Вшивой-Горѣ былъ свой Вертеръ? Да! Вы смѣетесь? Нѣтъ, истинная правда! Вообразите, полюбилъ пѣхотный офицеръ барышню, зачитавшійся Марлинскаго и другихъ сочинителей, свирѣпствовавшихъ въ то время въ нашей литературѣ. Читаютъ онѣ вмѣстѣ «Фрегатъ Надежду», «Капитана Милозора», «Торкватто-Тассо» и кстаи «Страданія Вертера». И что же бы вы думали? Напечатлѣли одинъ разъ другъ другу поцѣлуй, за чтеніемъ наединѣ, да и поѣхали на Вшивую-Гору. Пріѣзжаютъ ночью, а тамъ есть кладбище. Привелъ офицеръ барышню на какую-то могилу, а она въ бѣломъ платьѣ, и волосы распущены. Поставилъ ее на колѣни, велѣлъ молиться Богу. Поцѣловались они еще разъ. Онъ ей и говоритъ: «Тамъ увидимся, гдѣ вѣчный май?» А она ему отвѣчаетъ: «Ахъ! Точно! Тамъ увидимся, гдѣ вѣчный май!» Приложилъ извергъ ей пистолеть къ груди и бацъ. А самъ, пока она трепетала въ послѣднемъ издыханіи, взъерошилъ себѣ волосы, выкурилъ трубку и тоже застрѣлился. Сторожъ видѣлъ всю эту продѣлку, но такъ перенугался, что не высунулъ носа изъ будки и на другой день только все разсказалъ полиціи.

— Да отчего же ты не крикнулъ, никого не позовалъ, по крайней мѣрѣ, на помощь?— допрашивали его:— можетъ быть, тебя слышали бы?

— А я думалъ, что это черти! — отвѣчалъ сторожъ. — Такъ и похоронили...

Р. S. Когда разсказъ этотъ готовъ былъ къ печати, я получилъ письмо отъ жены Карталинскаго: «Вообразите наше горе. Безъ всякой видимой причины, мужу моему сегодня объявили, что онъ переводится въ Грозныйскъ. Прощай нашъ садъ, оранжерея; прощайте и вы. Напрасно онъ толкуетъ о ломкѣ. Надо ѣхать съ мѣста, гдѣ мы прожили столько лѣтъ».

СЛОБОЖАНЕ.

МАЛОРОССІЙСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

ВВЕДЕНІЕ.

«Лучше быть первымъ въ мѣстечкѣ,
чѣмъ вторымъ въ Римѣ!»

Юлій Цезарь.

Малороссія историческимъ путемъ образовала три отдѣльныя страны. Запорожье, это славянское рыцарство, единственное въ мірѣ братство, жившее войной за родину и вѣру, представляетъ шумную, живописную вольницу днѣпровскихъ островитянъ; летавшихъ въ легкихъ лодкахъ, съ выборными атаманами, изъ бревенчатыхъ куреней за шелками, коврами и золотомъ Турецкой Анатоліи. Гетманщина, старая степная гетманщина, гдѣ на кровавомъ поединкѣ рѣшенъ споръ между туземнымъ населеніемъ и польскими старостами, между православіемъ и іезуитами, гдѣ вращались тѣни «Тараса Бульбы» и «гайдамаковъ» — представляется съ своими сожженными городами, съ гетманами и бунчуками, слѣпцами-бандуристами и отважнымъ казачествомъ... Третья часть Малороссіи, молодая, свѣтлая страна, степная Слобожанщина, представляетъ тихій, благодатный, живописный край. зеленые сады и пажити, широкія рѣки и торговые широкіе проселки, лѣса и города, молодые и богатые, какъ самъ край, старину, у которой нѣтъ ни одного воинственнаго, громкаго имени, ни одного воинственнаго, громкаго событія. много счастливыхъ хуторовъ и слободокъ, мирныхъ добряковъ, лелѣющихъ мечтательную лѣнь, среди зеленыхъ весей и полей, героевъ домашняго очага, картинъ пустынныхъ гладей, усѣянныхъ душистыми цвѣтами, и этой благодатной старости и привольнаго дѣтства, среди тысячи предметовъ. питающихъ чудесность и страстную любовь къ родному пріюту... Что же это такое Слобожанщина и откуда она

взялась? За двѣсти лѣтъ страна, именуемая Слободскою, представляла пустыню безлюдныхъ степей и дикихъ лѣсовъ, по которымъ носились одни дикіе татары и гдѣ возвышались одни дозорныя мѣста пограничныхъ обывателей. Четыреста лѣтъ сряду эта богатая область была безлюдна и пустынна, съ той самой поры, какъ набѣгъ ордынцевъ опустошилъ ее вмѣстѣ съ сосѣдними русскими княжествами. И вотъ, потомки ея владѣльцевъ вспомнили о покинутой отчизнѣ... Донецъ, на триста верстъ протянувши логовище своихъ водъ, лѣса и сѣвныя раздолья, родной Донецъ принялъ забытыхъ родичей, какъ нѣкогда онъ же, по словамъ цѣвца стараго времени, принялъ издалека князя Игоря. Золотая, туманная старина встала изъ мрака. Донецъ, по словамъ цѣвца Слова, сказалъ Игорю: «Княже Игорю! Не мало-ль тебѣ нынѣ величія, а врагу нелюбія, а Русской землѣ веселія?»—И отвѣчалъ родной рѣкѣ князь Игорь: «О, Донче! Великъ ты, летѣющій князя на волнахъ своихъ; великъ ты, стелющій ему зеленую траву на серебряныхъ прибрежяхъ, великъ ты, одѣвшій его темными мглами, подѣ сѣнью зеленого полѣсья!» Прошли многія столѣтія, и описанное цѣвцомъ стараго времени снова возникло... За двѣсти лѣтъ назадъ близъ береговъ Донца, верхомъ на изнуренномъ конѣ, показался чубатый гетманецъ, съ пищалью и котомкой за плечами, въ изношенной черкесскѣ и синей шапкѣ, подбитой смушками. Онъ окинулъ взоромъ безмолвную пустыню лѣсовъ и полей, гдѣ жили нѣкогда его мирные дѣды, страну, четыреста лѣтъ не выдавшую своихъ родныхъ изгнанниковъ, и слѣзь съ усталого коня... На дикомъ, глухомъ мѣстѣ скоро поднялся уединенный курень; на зарѣ дымъ легкою струей всталъ надъ куренемъ; черезъ годъ въ сосѣдствѣ раскинулась пасѣка, въ прибрежномъ тростникѣ заколыхался подъ рыболовною сѣтью челнъ... Немного лѣтъ спустя, вокругъ куреня поднялись, какъ изъ земли, другіе оревенчатые курени. Изъ куреней возникъ хуторокъ, хуторокъ съ садами, бакшею, колодцами и хлѣбными кладями... Пять-шесть хуторковъ соединились внизъ по рѣкѣ въ одинъ, и возникла слободка. Слободка пустила въ степь, какъ корни, свои хутора и курени, свои сады и огороды; народъ засновалъ по перелѣскамъ и луговинамъ; стадо вышло на тучное пастбище; надъ оврагомъ заскрипѣлъ тяжелый возъ, запряженный парю круторогихъ во-

ловъ; вечеромъ, свѣши на порогѣ хатки, чернобровая слобожанка затишула пѣсню громкую и звучную; въ правдникѣ изъ слободки понеслись звуки церковнаго колокола... Прошло еще нѣсколько лѣтъ. На вершицѣ кургана показались усы и рысья шапка татарина... Слободка засуетилась, окружилась наисадникомъ; изъ ея воротъ вышелъ съ распущенными значками легкій, летучій, безстрашный отрядъ; быстрый натискъ сломилъ и разметалъ враговъ; слободка стала крѣпостцей, откликнулась другимъ городкамъ-слободкамъ, и пошла по свѣту вѣсть о новой странѣ, о молодой, богатой Слобожанщинѣ! Великій царь Алексѣй Михайловичъ объявилъ во всеуслышанье, что дарить русскому шляхетству и казакамъ Гетманщины и Запорожья земли по Донцу и сосѣднимъ рѣкамъ, и бросили русское шляхетство и вольные казаки землю смутную и обогренную кровью, бросили Гетманщину и Запорожье для тихой, новой страны, для страны хуторовъ и слободокъ!—Богатый край, подъ одной широтою съ сѣвернымъ Китаемъ и сѣверной Франціей, край, почти съ тремя милліонами десятинъ черноземной, нетронутой плугомъ, степи и полумилліономъ десятинъ лѣсовъ, край, гдѣ рѣки замерзаютъ въ началѣ декабря, а вскрываются въ началѣ марта, гдѣ морозъ постоянно не болѣе десяти, а зной на солнцѣ превышаетъ тридцать градусовъ; гдѣ, наконецъ, уже въ апрѣлѣ все дышитъ весною, летятъ птицы, цвѣтутъ деревья и кустарники, а въ концѣ іюня поспѣваетъ озимь,—этотъ край скоро возродился и закинулъ жизнью... Сперва отдѣльно, потомъ съ семьями, наконецъ, цѣлыми сотнями и тысячами семействъ стали бѣжать и переселяться въ Слобожанщину гетманскіе и запорожскіе казаки и русское шляхетство. Лучшія дворянскія фамиліи переселились въ окрестности полковыхъ сотенныхъ городковъ. Выборные полковники продолжали раздавать, безоборочно и безошливно, лѣса и водяныя мельницы, вольные грунты и свѣнныя угодыя, ольховыя пристѣны, озера и насѣки. Тамъ, гдѣ четыреста лѣтъ сряду носились дикіе татары, гдѣ шла уединенная и рѣдко оживляемая пустынными обозами, по гребню возвышенности, пересѣкающей слободскую котловину, дорога въ Крымъ, именуемая Муравскимъ шляхомъ, тамъ къ началу нашего столѣтія было уже до шестисотъ церквей и до милліона жителей. Рѣки усѣялись винокурнями и мельницами. Луга и лѣвныя раздолья на-

появились косарями. Плугъ пошелъ по косогорамъ и тучнымъ прибрежьямъ. Амбары и стѣнные одонья стали ломиться отъ хлѣба. Богатства пошли въ руки землевладельцевъ!—Скоро на земли слободскія явились пришельцы чужеземные, сербскіе и болгарскіе переселенцы, румыно-валахи и, наконецъ, молдавскіе аристократическіе, роды, положившіе начало новымъ туземнымъ фамиліямъ. Молодой университетъ поддержалъ литературныя начинанія, и въ пятьдесятъ лѣтъ слобожане встрѣтили сряду три громкія имени: Сковороды, Каразина и Основьяненка! Слобожане вошли въ пословицу своимъ богатствомъ, и когда ихъ живописная родина получила имя Русской губерніи, на гербѣ новой губерніи изобразили рогъ изобилія... Здѣсь сѣверъ и югъ отдають другъ другу свои достоинства. Сюда изъ Крыма прилетаютъ аисты и пеликаны, съ Кавказа заходятъ дикія козы! Рѣки и озера, полныя рыбъ, здѣсь не замерзають цѣлыя двѣ трети года. Лѣтній плугъ царапаетъ землю, и посѣянное зерно родитъ самъ-шестьдесятъ. Это — не запорожская луговина, обнаженная и палимая солнцемъ! Здѣсь каждый оврагъ, каждый байракъ заросъ кустаринкомъ, а широкія рѣки съ обоихъ боковъ тянутъ стѣны дремучаго лѣса, на который взглянуть, такъ шапка валится! Трехпольное хозяйство не тяготитъ пахаря. Онъ запряжетъ въ тяжелый плугъ три пары воловъ, съ погоничемъ-мальчишкою распашетъ въ три дня двѣ десятины и надолго спокосенъ... А сады его?—Поѣзжайте-ка въ валковскій уѣздъ, такъ такія сливы и бергамоты, что не зубами, а губами ихъ ѣшь. раскусивъ, а онѣ душистыя и сочны, и янтарны, и прозрачны, какъ липовый сотъ, и ни съ чѣмъ въ мірѣ не сравнятся! Въ окрестностяхъ Волчанска и Богодухова удивительные пчеловоды. А въ пзюмскомъ уѣздѣ найдете и сахароваровъ... Съ виду какъ будто и ничего эти слободки!—А поѣзжайте къ нимъ поближе: дикая смѣсь соломы и глины. стоговъ и садиковъ, эти изгороди, перегородки и обгородки. эти клѣти, клѣточки и подклѣтки васъ ошеломятъ сразу! Зато какъ присмотритесь, что не даромъ слобожанцы строятъ свои улья и свои хаты изъ чистаго липоваго теса. какъ присмотритесь и увидите, вокругъ этихъ свѣтлыхъ, бѣлыхъ мазанокъ, пышныя нивы пахотей и раздольныя сѣножати, какъ увидите, что всѣ эти клѣти и подклѣтки, всѣ эти перегородки и загородки полны домашней утвари, на-

рядовъ и хлѣба, а вѣтви садиковъ гнутся и ломаются отъ яхонта сливъ и багрянца вишень, вы не то скажете. Вы скажете: чудень край этой благодатной слобожанщины! И какъ ему не быть чуднымъ! А прошу покорно усидѣть охотнику на мѣстѣ, когда зимою вышелъ въ садъ, а зайцы такъ и шныряютъ между кустами щепами!.. А кто хочетъ пожить весело? Что вы скажете о Харьковѣ? Гдѣ вы видѣли такой городъ? На Руси не мало городовъ, о которыхъ мягкосердые проѣзжіе и услужливые обыватели постоянно говорятъ: «Да помилуйте-съ! Да это уголокъ Петербурга-съ». Но ни одинъ русскій городъ не заслуживаетъ подобнаго отзыва, какъ Харьковъ, если только авторъ не будетъ также обвиненъ въ излишнемъ мягкосердіи и тайномъ покровительствѣ всѣхъ безпечныхъ, чернобровыхъ, добродушныхъ и счастливыхъ! Давно ли возникъ этотъ Харьковъ! Давно ли возникъ онъ на берегахъ Лопани и Днѣпра, на берегахъ великолѣпныхъ рѣкъ, которыя могутъ поспорить красотою съ Мансаресомъ потому, что и въ нихъ, подобно ему, лѣтомъ едва хватаетъ воды для гусей и утокъ! Не одинъ изъ современниковъ можетъ примѣнить къ этому городу слова Августа: «Я засталъ Римъ кирпичнымъ, а оставляю мраморнымъ!..» Что же представляетъ нашъ Слободской край въ нынѣшнее время? Роскошная, нетронутая почва ждала только свѣжихъ рукъ и здоровыхъ, свѣжихъ силъ. Руки явились, сѣмя брошено, и стройное дерево, не найди на матерней почвѣ враждебныхъ, закоренѣлыхъ, старыхъ плевелъ, дало здоровый, свѣжій плодъ. Молодое общество созрѣло. Его могутъ упрекнуть только въ молодости его; но это—порокъ, отъ котораго мы исправляемся каждый день! Развитие деревенской жизни, какъ главное выраженіе края, уклонившееся было отъ своихъ началъ подъ общимъ моднымъ повѣтріемъ вѣка, стало снова перерождаться. Брошенная родная нива стала снова дорогá владѣльцу. Забытые дѣдовскіе дома, стоявшіе безъ мебели и оконъ, обновляются... И вотъ, мы снова живемъ въ своихъ хуторахъ. Лѣто всюду упоительно; не радуется сердце одна жестокая, неумолимая зима! Но, быть-можетъ, и съ нею мы сладимъ! Вечеромъ, когда метель кружится и вѣтеръ воетъ въ трубѣ, когда новая книга усыпляетъ, а болтливая газета, описывающая дебютъ поваго дарованія на берегахъ ликующей въ снѣжномъ покровѣ Небы, валится изъ рукъ,—неожиданный колокольчикъ звя-

касть по-свободкѣ, въ темныя ворота влетаютъ тройки, тройки, въ намѣтахъ и бубнахъ, и толпа сосѣдей и сосѣдокъ врывается въ дремлющія комнаты... Шубы и шапки сброшены; рояль гремитъ подъ изящными пальчиками хорошененькихъ хуторянокъ! Шумъ, бѣготня... Старая ключница Аграфена, фрейлина бабушки и няня маменьки, дочекъ и внучекъ одной и той же семьи,—едва успѣваетъ отвѣчать на вопросы гостей, заказывающихъ ужинъ! Хозяинъ, съ сѣвющей улыбкой, несетъ свѣчи въ гостиную; гувернантка двухъ капельныхъ крошекъ, строгая Евгенія Ивановна, ученая дѣвица съ добрымъ сердцемъ и прекрасными, темными глазами, улыбается и складываетъ тетрадки и книги... И въ мгновение ока тихій домъ превращается въ балый залъ, и цѣлыя недѣли гостятъ сосѣди у сосѣдей! И выводятся, наконецъ, въ новомъ обществѣ дикое понятіе, что одна скука рождаетъ такое гостепрѣимство! Скука рождаетъ зеленое море карточныхъ столовъ, а не гостепрѣимство. Скука рождаетъ все въ этомъ мірѣ, все, кромѣ гостепрѣимства. И плохо знаютъ наши отдаленныя области тѣ, которые находятъ такое начало русскому областному гостепрѣимству! Ибгъ, господа! Не медвѣди-стеновики тѣ, которые, извѣдавъ свѣтъ, хозяйничаютъ и трудятся на клочкахъ родной земли! Не медвѣди-стеновики тѣ, которые, выучившись, сами учатъ и, просвѣтись, идутъ въ работъ наравнѣ съ своими послѣдними работниками! Эти медвѣди, господа, прежде васъ выгнали плутовъ-приказчиковъ и сами воздѣлываютъ данную Богомъ ниву! Они, господа, прежде васъ стали выкупать имѣнія изъ долговъ, снятіе недоимокъ стали считать семейными праздниками и, входя въ нужды крестьянъ, наполнять тишиною и счастьемъ свой домашній уголь!.. Разумѣется, воздѣ есть исключенія. На почву бросается сто зеренъ, а между тѣмъ девяносто девять не всходятъ, и всходитъ только одно зерно, которое за то возвращаетъ посѣвъ сторицею! Эти-то исключенія и любопытны, привлекательны потому, что ими еще рѣзче обозначаются красоты цѣлаго, привлекательны и любопытны потому, что въ наше время, болѣе чѣмъ когда-либо, интересуются знать, какъ живетъ русскому человѣку всюду, въ костромскихъ и въ орловскихъ лѣсахъ, на взморьяхъ и въ оренбургскихъ равнинахъ, въ городахъ и по великимъ русскимъ рѣкамъ, вездѣ, гдѣ русскій духъ и Русью пахнетъ...

Не всё одинакаго понятія о Малороссіи, объ этой житнищѣ южной отчины нашей! Для однихъ это—страна, гдѣ проживаютъ лѣннѣйшіе въ мірѣ пожиратели варениковъ, о которыхъ ходитъ по свѣту столько уморительныхъ анекдотовъ,—анекдотовъ, съ которыми сравниются одни анекдоты объ англичанахъ. Для другихъ это — что-то до сихъ поръ еще дикое, отсталое, гдѣ говорятъ на тарабарскомъ нарѣчьи, носятъ чубы и ѣздятъ на волахъ. Для третьихъ веселоправная и простодушная хохландія—мѣсто, гдѣ винокурни держать очень выгодно, народъ глуповать, хотя подчасъ лукавъ, арбузы ни почемъ, въ деревнѣ скука страшная, сосѣди неучи и женщины довольно, однако, красивы... Для четвертыхъ, наконецъ, Малороссія—что-то такое, какъ бы вамъ сказать, такое странное, надъ чѣмъ иные восхищаются, какъ надъ Италіей, и чего, впрочемъ, они никогда не узнаютъ потому, что туда ѣхать страшно долго и неприятно, а они лучше поѣдутъ на Крестовеній или въ Новую Деревню,—тамъ, по крайней мѣрѣ, весело, швецъ ходитъ по канату и музыка играетъ!.. Жители-туземцы тоже не одного понятія о Малороссіи. Одни ее любятъ, другіе совсѣмъ не любятъ; одни ею восхищаются, другіе ею ничуть не восхищаются! Объяснимся призмѣромъ... Былъ нѣкоторое время сосѣдомъ моимъ помѣщикъ, по фамиліи Ганчірка. Наливки онъ предпочиталъ всякимъ на свѣтѣ заморскимъ винамъ, никогда не брился, съ утра до вечера ругался съ смазливой ключницей и знать не хотѣлъ ни о чемъ, кромѣ своего хутора! Въ числѣ другихъ странностей, было у него, между прочимъ, одно довольно любопытное убѣжденіе.—«Да помилуйте, — говорилъ онъ, улыбаясь такъ радушно и искренно, что и слушающіе его при этомъ невольно улыбались: — да это подлецы-французы все выдумываютъ! Ну, повѣрьте мнѣ, что нѣтъ на свѣтѣ ни Парижа, ни Лондона, ни Америки! Ну, ей-Богу же, нѣтъ! А это все черти-французы выдумали!» Господинъ этотъ, какъ видите, весьма любопытный господинъ! По рядомъ съ нимъ существуютъ между нашими и такіе, которые рѣшительно не имѣютъ понятія о томъ, что дѣлается у нихъ въ деревнѣ, такіе, которые очень спокойно курятъ трубку гдѣ-нибудь въ Гороховой, носятъ свои бобры на показъ мирнымъ сослуживцамъ на Невскій проспектъ, очень довольны картофельнымъ супомъ варвара-кухмистра, гдѣ-нибудь на Васильевскомъ

Островѣ, и въ частой безсонницѣ, послѣ карточной перепалки, мечтають о томъ, что вотъ, современемъ, заведется у нихъ такая славная карета, на лежачихъ такихъ рессорахъ и съ такимъ, чортъ возьми, жокеемъ въ ботфортахъ! Но и подобные не выдержатъ! Попадись имъ инвалидъ-старикъ, храбрый русскій воинъ изъ степи, для котораго до смерти не существуетъ слова «слушаю», а существуетъ слово «чую», услышь они въ частномъ домѣ, занесенную Богъ-вѣсть откуда, степную пѣсню, пѣсню чудную, простую, отъ которой весело становится на душѣ, хоть бы ничего веселаго на душѣ не было,—воскресшее сердце подхватывается на крылья воображенія, подхватывается и уносится въ далекія степи, въ широкія степи, на тихій, сбѣжавшій къ рѣчкѣ хуторокъ, въ маленькій домикъ, гдѣ странникъ далекаго края родился, гдѣ прижимала его къ теплой груди стройная, черноглазая, добрая матушка, гдѣ онъ ползалъ и бѣгалъ, росъ и проказничалъ, гдѣ пролетѣли незаметно его далекіе, невозвратные младенческіе годы! И радъ онъ, и плачетъ тогда, и стремится всею душою вдаль, вдаль, прочь изъ душнаго города, и выходитъ въ его мысляхъ клочокъ земли, нѣсколько знакомыхъ десятинъ родной земли!.. И радъ онъ этой землѣ, радъ этимъ десятинамъ, радъ болѣе всего въ мірѣ уголку,—уголку, незнаемому свѣтомъ, деревушкѣ, съ доброю дворнею, съ доброю старою няней, съ темною большою залой, съ гостиной, увѣшанными портретами предковъ, съ отцовскимъ кабинетомъ, гдѣ щегольской подборъ ружей и охотничьихъ снарядовъ виситъ и сверкаетъ за стеклами, и съ этою перспективою тихихъ, раздольныхъ окрестностей, тонущихъ въ сумеркахъ лѣтней зари! И гордъ онъ, бѣдный стениакъ, тѣмъ, что, когда наступитъ время силамъ отойти на покой,—найдетъ онъ на родинѣ пріютъ, гдѣ спокойно склонить усталую голову, найдетъ рядъ дѣтскихъ воспоминаній, связанныхъ съ каждымъ кустикомъ, съ каждою травкой, съ бѣднымъ, источеннымъ молью, стуломъ и ветхимъ дѣдовскимъ диваномъ... О, господа, ничто въ мірѣ не сравнится съ счастьемъ бѣдняка, мечтающаго о счастьи!.. И вотъ, въ долгій зимній вечеръ, когда уже ничто не влечетъ разсѣяться, когда театры полны радостной толпы и быстрокрылые экипажи гремятъ и несутся по улицамъ,—въ такой вечеръ неволью мечтается о другихъ мѣстахъ и о другихъ картинахъ! О, какъ бы хо-

тѣлось тогда распахнуть промерзлое окно и встрѣтить не пасмурное, холодное небо, не громады каменныхъ, безмолвныхъ домовъ, не театры и улицы, не гранитныя и деревянныя мостовыя, а волшебнымъ маніемъ представшую степь, — степь съ панорамю луговъ и пашень, съ пестрою панорамю широкой рѣки, медленно идущей среди высокострѣльчатыхъ, темныхъ стѣнъ лѣса, уединенный курганъ съ каменною, вросшею въ него бабою, островерхій дозорный курень бакшевника, рядъ красивыхъ, нанизанныхъ вдоль тощаго ручья, холмовъ и овраговъ, лѣнивый, скрипучій обозъ чумаковъ, хуторянскую ярмарку съ криками, топотомъ и гамомъ хуторинскаго веселья, облѣющійся вдали домъ помѣщика, домъ старика-хлѣбосола, готовящаго отчизнѣ пятерыхъ молодцовъ-сыновей и красавицу дочку, ужинъ косарей въ полѣ, обѣгъ степного дикаго табуна, распѣваемую на зарѣ долгую, чудную украинскую пѣсню, и всю эту дивную картину, которой имя — родина...

СТЕПНОЙ ГОРОДОКЪ.

Никто такъ не гордится своимъ положеніемъ, какъ житель тихаго, степнаго городка,—городка и съ улицами, и съ домами, и съ аптекою, и съ лавками, городка настоящаго, среди пустынь да полей, и полей, полей безъ конца и оглядки. Это правда, мѣстоположеніе городка не завидно; посмотрите на него: онъ непремѣнно падъ рѣкою, широкою, но мелководною, степною рѣкою, и потому у него сирава несокъ, слѣва несокъ, спереди несокъ, вездѣ несокъ! Такъ что зимою онъ похожъ на чернильницу, а лѣтомъ на несочницу, и молодые подсудки его, вообще большіе охотники до игры въ мячикъ и въ скраги, въ вѣтренную погоду не употребляютъ несочницъ, а написанный листъ бумаги просто выставляютъ за окно... Эти подсудки въ слякоть употребляютъ особый родъ калонгъ непомѣрной величины, чудовищной величины, въ которыхъ стоитъ только вырыгнуть, и дѣло съ концомъ. Оно конечно, молодые подсудки иногда дерутъ другъ друга за зубы; но вообще они—люди хорошіе, и вигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ такихъ голубей, какъ у нихъ. Что за голуби, что за голуби! И гдѣ они ихъ только достаютъ? Есть тутъ и турмана и мохначи, и голуби припетни, и обыкновенные голуби: двуплѣкіе, сѣроплѣкіе, полвольтіе съ подпалниной, и просто полвольтіе; синехлуные, подъ парусомъ, дымножарые, панцырники и хвостари! И весело смотрѣть, какъ въ праздники гоняютъ ихъ съ соломенныхъ крышъ молодые подсудки, и самому хотѣлось бы пожить въ маленькомъ степномъ городкѣ! Маленькій степной городокъ былъ когда-то городкомъ богатымъ и населеннымъ; во времена давно прошедія, въ немъ помѣ-

щалась даже резиденция одного из старѣйшихъ слобожанскихъ полковъ; но пора настала другая; сперва набѣги татаръ, потомъ пожары разорили его, и городокъ обезлюдѣлъ. Впрочемъ, по его улицамъ пасутся куры и гуси, а по городской площади разгуливаетъ постоянно журавль сѣрый и старѣйшій, и разгуливаетъ съ такимъ гоноромъ, какъ будто ему принадлежатъ и улицы, и подсудки, и голуби, и весь городокъ со всею, что въ немъ ни на есть! — Городская рѣка, уже, разумѣется, милый сердцу Донецъ, издавна представляетъ, особенно съ горы, подъ которой легъ городокъ, занимательные виды отъ песчаныхъ отмелей и наносовъ. На одномъ берегу его купаются мужчины, на другомъ — женщины; и между двумя берегами, при этомъ, всегда начинается такой разговоръ. Мужчины, войдя въ рѣку, говорятъ: «можно ли нырять? Мы подъ водою къ вамъ не подплывемъ!» А женщины отвѣчаютъ: «нѣтъ, нырять нельзя, потому что мы уже вѣсть знаемъ, и вы какъ разъ подплывете подъ водою!» И вслѣдъ затѣмъ онѣ начинаютъ бархатиться, подмахивая спиною вверху, что, какъ уже извѣстно, означаетъ женское плаванье. На той же рѣкѣ толстая купчиха, гордость бакалейнаго торговца, у котораго, подыстать ей, есть хрипый перенель, широкозатый битюгъ, бархатный чай, пятиведерный самоваръ и всегдашняя одышка, тутъ же бережно входитъ въ воду и говоритъ про себя, глядя подслѣповатыми глазками на другой берегъ, а на другомъ берегу купается крошечный человѣчекъ: «и зачѣмъ это дѣтей пускаютъ въ воду? Еще неравно утонетъ!» На эти слова, съ другого берега, раздастся сердитый голосъ: «вѣрно, матушка, глаза-то подъ мышки, или въ другое мѣсто спрягала, что не видишь? Я секретарь, а не дитя!» Говорящій это, непомятно маленькаго роста, но, тѣмъ не менѣе, не то, что сказала купчиха, а секретарь, выкашивается изъ воды, и бакалейница видитъ, что онъ точно секретарь, а не дитя. Тутъ же, на берегу, въ платѣ адала, мотъ снятую съ себя рубашенку дѣвочка и потомъ, въ томъ же платѣ, идетъ разостлать ее на берегу просохнуть, пока она сама выкупается. Въ самый солнцекъ, когда городскія плотины, пожирательницы сапогъ и постоловъ, не гнутся отъ проѣзжающихъ обозовъ, и торговки на базарѣ не перестрѣливаются мелкою бранью, именуемою бекасинникомъ, въ полдневный зной, городокъ совершенно стихаетъ,

и все въ немъ остается до вечера въ горизонтальномъ положеніи въ домахъ, съ заколоченными наглухо ставнями. Въ горизонтальномъ положеніи, впрочемъ, появляются прежде всего почтенные старожилы, которые въ это время уже пообѣдали и поспѣшили, какъ говорится, завернуть на село боковеньку! Не спятъ въ это время одни модники: они дѣлаютъ визиты почтенія и визиты уваженія. Кто съ кѣмъ давно знакомъ, то еще ничего и не выходитъ дурного; но съ новичкомъ при этомъ случаются странныя исторіи. Проговоривъ не малое время съ авантажною дамочкой, хозяйкою дома, проговоривъ въ пріятной темнотѣ, съ закрытыми ставнями, модникъ переходитъ изъ царства мрака въ царство свѣта, встрѣчается съ нею, иногда въ тотъ же самый вечеръ, на улицѣ и остается въ остолебѣннѣи: авантажная дамочка, хозяйка дома, не узнаетъ его! Но, вотъ, визиты кончаются. Въ горизонтальномъ положеніи всѣ отъ мала до велика. Тогда мертвая тишина городка не нарушается ничѣмъ; она нарушается только звонкимъ храпомъ Бориса Борисовича, или, какъ его называютъ въ городкѣ, Барбариса Барбарисовича Плины, отставного судьи; этотъ храпъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ звонокъ, что внимающимъ ему все кажется, будто къ порогу Плины пришли съ поздравленіемъ трубачи. Наконецъ, уже не слышно и трубачей! Жара въ полномъ разгарѣ. Тутъ скрытый глазъ наблюдателя можетъ подмѣтить, какъ залоздавшая въ болтовнѣ съ кумою, загорѣлая мѣщанка, въ красной юбкѣ и голубомъ шушунѣ, идетъ, изнемогая отъ зноя, и, полусонная, вяжетъ на ходу чулокъ; а рыжій попovichъ, въ набойчатомъ балахонѣ, тащитъ за рога келейно-похищенную у сосѣда козу, и коза упирается и шагаетъ, пошатываясь, какъ марширующій рекрутъ. Но никогда такъ не шумень городокъ, какъ во время ярмарокъ. Главныя ярмарки въ немъ бывають подъ Варвару, на Преполовенье и подъ Трехъ сестеръ и ихъ матери.

Въ обыкновенное время тутъ не достанешь даже донского, зато на ярмаркахъ чего только не достанешь! Окружныя помѣщички, съѣхавшись, прежде всего заводятся новыми картузами. Помѣщичцы, съѣхавшись, прежде всего летятъ туда, гдѣ продаются чепчики, чепчики, чепчики прелесть и очарованіе! Ремонтеры торгуются съ цыганами и пьютъ го и просто сотернѣ, а также шато-марго, который они зовутъ

шатай-моргай. На городскихъ фронтахъ появляются розовыя кисейныя накидки и брюки такихъ цвѣтовъ, что на нихъ постоянно лаютъ собаки! Изъ невѣдомыхъ странъ возникаетъ, среди улицъ, извозчикъ, извозчикъ — чуда, извозчикъ—привидѣннйя, на пролеткахъ, обитыхъ полинялою нанкою, и на парѣ лошадей, изъ которыхъ за одной слѣдуетъ годовалый жеребенокъ. Каждый молоденькій панычъ тутъ на перечесть, жениховъ ловятъ, какъ перепеловъ на дудочку! При видѣ молоденькаго паныча, обитательницы городка стараются тотчасъ обратить на себя вниманіе или костюмомъ, или словомъ, или чѣмъ-нибудь, чѣмъ-нибудь! Онѣ возвышаютъ голосъ громче обыкновеннаго. Одна говоритъ: «ахъ, душенька, кумушка, вы не повѣрите, что это за бондари! Маки́тры и товкачи еще дороже стали!» На это другая отвѣчаетъ: «ахъ, крошечка моя, это еще что, маки́тры и товкачки! А вотъ, я борова приобрѣла за свое старое букмуслиновое платье, и что же? Ыще приплатилась, матушка! Кдчеты по полтинѣ, рыжики по полтинѣ, а къ яйцамъ съ позволенія замѣтить, и приступа нѣтъ!» Крикъ сластеницы заглушаетъ голоса дамъ. Усѣвшись на дорогѣ съ желѣзною печкою и спрятавъ подъ юбку, отъ мухъ и пыли, горшокъ съ тѣстомъ, она кричитъ: «панычй, голубчики! У меня возьмите! Панычй, душечки! У меня!» Или: «господа-служба! вотъ у меня хорошия сластѣны!» Желавшему она тотчасъ производитъ самую свѣжую сластѣну: для этого посылитъ только пальцы, ухватить изъ-подъ завѣса тѣсто и бросить его прямо въ масло!—Да, ярмарки городка—любопытныя ярмарки! Спозаранку около цестрыхъ ятокъ уже идетъ гуль и толкотня. Рыжій захожій суздаецъ, съ книжками и коврижками, имѣющій обычай, какъ говорится, спрятать въ карманы по денежкѣ и къ вечеру въ каждомъ сърапивать барыша, имѣющій обычай, какъ тоже говорится, тереть полушку о полушку, въ надеждѣ, не выпадетъ ли третья, остановился и слушаетъ, какъ отставзоѣ шевронистъ, побывавшій за моремъ и дальше, толкуеть о томъ и о семь, и о томъ, какъ солдатъ солдата въ Туречинѣ изъ глины лѣпитъ. — «Э! Да ты, другъ, уже слишкомъ!—замѣчаетъ суздаецъ:—этого, братъ, быть не можетъ!»—«Не можетъ быть?» спрашиваетъ шевронистъ: «не мѣшай попустому; не твоя череда; безъ смазки сказки, что безъ ползевѣвъ салазки! Сѣсть сядешь, только все изгадишь!» Гром-

кій хохоть сопровождаетъ прибаутку шеврониста.— Но вотъ, близькъ обѣдъ. Толпа возрастаетъ. Цыганъ съ утра еще началъ торговаться и для этого, по своему цыганскому обычаю, хлопать рукою въ руку слобожанина и до обѣда все еще хлопаютъ, не сходясь съ нимъ на цѣлковомъ. — «Ну, дань за коня цѣлковый?» — кричитъ, хлопаютъ цыганъ. — «Не дамъ цѣлковаго!» — отвѣчаетъ оглушенный слобожанинъ. «Ну, обернись на сходь солица; обернись, красота! — говоритъ цыганъ и самъ обертывается. — Ну, молись, красота! конь твой!» Красота оборачивается и молится, но коня не беретъ за цѣлковый, потому что, кромѣ цѣлковаго, онъ долженъ еще дать и своего коня, и сапоги, и куль привезеннаго гороха! Цыганъ въ отчаяніи: а уже когда цыганъ въ отчаяніи, то торгу недолго динуться, онъ присѣдаетъ къ землѣ и кричитъ, срывая горсть травы: «чтобы такъ у меня животы оборвало, и еще родимецъ убилъ бы мою тетку, если конь не годится!» — Слобожанинъ при этомъ чешетъ за ухомъ и соглашается потому, что цыганъ уже такъ побожился, что уже, кажется, и соврать никакъ не можетъ. «Индчеревей, шобъ бахтировала!» — кричитъ пестрая мѣдилица толпа, прыгая и поддуя коня пинками и тычками, и сколько осторожный слобожанинъ ни машетъ шапкою, то въ правый, то въ лѣвый глазъ коня, слѣзная, разбитая кляча идетъ за зрячею! Но, вотъ, еще шумиѣе, еще пестрѣе! Торгъ въ полномъ разгарѣ. — Индѣйки кавкають на голоса школировъ; дѣти, цокнутыя засуетившимися матерями, хныкають, а налетѣвшій вѣтеръ заворачиваетъ ихъ рубашенки на головы; заводскій, караковый въ сливахъ жеребецъ бьется и ржетъ, на желѣзной цѣпи, косясь на проходящій табунъ; торговки на мосту говорятъ всѣ разомъ и ни одна не хочетъ слушать! Ряды палатокъ съ красными товарами разстилаются длиною, пестрою панорамною. Тамъ еще шумиѣе! Одинъ спорить, другой божится на весь базаръ отцомъ и матерью, дядею и теткой; третій наскоро подставилъ сосѣду тавлинку и самъ собирается пропустить въ поздрю порядочный фейерверкъ, между тѣмъ какъ увѣряетъ покупателя, что его ситець не ситець, а просто, такъ сказать, предводительская оранжерея; подъ яткою, гдѣ играютъ кобзы и цимбалы, кто-то растрогался и плачетъ и общаетъ брата, изъ тюрьмы выкупить, и говорить, что брата онъ такъ любитъ, какъ никого не любить; а вотъ несется за плетнемъ

отрывистая брань и чей-то басъ иронически замѣчаетъ: «да ужь гдѣ же тебѣ, Федя, спорить, когда у тебя весь ротъ на бекрень!» Красноносая перекунка показываетъ уходящей бабѣ дулю.—А около ставки, гдѣ выскакиваетъ деревянная кукла, такой гамъ, что еще никогда и не слыхано; одинъ хохочетъ, ухватившись за бока, причеиъ шанка его съѣхала на самый затылокъ; другой жену громко кличетъ посмотрѣть; а третій, въ оцѣпенѣиин, объявляетъ, что у него разомъ изъ обонихъ кармановъ украли и трубку, и кисетъ! Но и это еще не все. Идите скорѣе въ ветонный рядъ; тамъ продается всякая пестрая рухлядь. Старая лохмотница, обмотанная лентами, кусками распоротаго желтаго и краснаго сукна, несетъ на головѣ гору шляпокъ, а на рукахъ гору брюкъ. Къ ней подходятъ безъ церемоніи, берутъ ея шляпки и ея брюки, переворачиваютъ ихъ во всѣ стороны, тутъ же при-мѣряютъ, хлопаютъ руками по сомнительнымъ мѣстамъ и снова отдають ей шляпки и брюки. Въ ветонномъ ряду продають также грушевый квасъ и соловьевъ!—О, ярмарки въ городѣ—очень любонитныя ярмарки!—Но никогда такъ не скучень городокъ, какъ послѣ ярмарокъ. Тогда онъ совершенно пустѣетъ, и ничто уже не въ силахъ его разве-селить. Одинъ острякъ сравнилъ городокъ послѣ ярмарокъ съ сусликомъ, который спитъ, а городокъ во время ярмарокъ съ сусликомъ, который радостно кричитъ на своей норкѣ.—На что только не пускаются горожане по обычаю всякаго русскаго человека, который гнетъ—не парить, переломить—не тужить! И книги начинаютъ читать, и другъ другу стараются всучить кума или куму, сватають другъ друга, и въ гости къ румяному Ефиму Трофимовичу ѣздить, къ которому до той поры, по одной причинѣ, никогда не ѣздили, и принимаются, наконецъ, особенно пожилыя и плотныя дамы, верхомъ ѣздить, причеиъ выписанныя изъ губерніи амазонки нынѣ обрисовываютъ ихъ полныя округлости. Вообще, надо замѣтить, туземныя дамы изъ породы булокъ, что не мало удивляетъ мужей, потому что невѣстами дамы вовсе не были булками, а были вообще барышни ибжненькія, какъ говорится, барышни-хрящики, литавшіяся мѣломъ и грифе-лями! Иногда, впрочемъ, невѣдомое перо вдругъ пустить неожиданный, словесный брандскугель. Тутъ все оживаетъ и поднимается. Въ ловкихъ стишкахъ говорится про особу, побывавшую въ столицѣ, что она: «съ чухной лично гово-

рила и въ кунсткамерѣ была!» Про красавицу, предметъ общихъ толковъ, говорится: «и какъ не веселиться тутъ землѣ и небеси, когда ты именинница, Эмилія, еси!» И долго шумятъ и волнуются, по поводу словеснаго брандскугеля. горожане, и долго городокъ не утихаетъ, какъ присутствіе послѣ какого-нибудь билье-ду ревизіонной комиссіи. Но, наконецъ, и это умолкаетъ. Тогда маленькій городокъ—царство неисходной скуки! Одинъ учитель пѣнья тогда еще заходитъ изрѣдка потолковать съ аптекаремъ о томъ, что, вотъ, нѣтъ совѣтъ ни уроковъ, ни больныхъ; но и это бываетъ не надолго. Дверь въ аптеку скоро заплетается паутиною, и аптекарскіе ученики пускаютъ изъ оконъ на опустѣвшую улицу мыльные пузыри, а учитель пѣнія открываетъ табачную лавочку и съ улыбкой встрѣчаетъ cadaго покупателя, рѣдкаго и счастливаго покупателя!.. Въ одинъ изъ такихъ-то послѣярмарочныхъ вечеровъ, именно, когда маленький степной городокъ походилъ на суслика, который спитъ, къ городской чертѣ подъѣзжалъ на рысяхъ дорожный дормезъ, запряженный шестерикомъ почтовыхъ. Лакей, толстый господинъ изъ разряда крупночубыхъ бакенбардистовъ, качаясь, дремать сзади, усѣвшись въ подушки рессорнаго челоуѣколюбія. Заставы въ городкѣ никогда не водилось, на мосту собирали деньги за переправу черезъ рѣчку. Подслѣшоватый инвалидъ, починявшій какое-то женское платье, принимая отъ лакея деньги, спросилъ: «а кто ѣдетъ?» И получилъ въ отвѣтъ: «ѣдетъ подполковникъ!» Хотя подполковникъ впоследствии оказался просто надворнымъ совѣтникомъ. Дормезъ, въѣхавъ на пески, поплелся шагомъ. Приближаясь къ городку, проѣзжіи поминутно высывались изъ оконъ. Въ улицѣ пригороднаго села онъ разъѣхался съ бричкой, изъ-подъ будочки которой выглянули два дѣвическія лица, въ мелкихъ рыжихъ тирбушонахъ и голубыхъ полинялыхъ шляпкахъ. Проѣзжіи, бросивъ на нихъ бѣглый взглядъ, тихо вздохнули. Казалось, онъ жалѣлъ и о тирбушонахъ, и о голубыхъ шляпкахъ! Далѣе, почти уже на городскомъ мосту, онъ разминулся съ толстою шестимѣтною, хуторянской колымагой, набитой биткомъ, какъ арбузъ съ сѣмячками, молоденькими, веселыми барышнями. Сердитая особа престарѣлаго возраста, очевидно маменька, жалась въ глубинѣ экипажа, завинченная и сжатая со всѣхъ сторонъ. Кругленькія и бѣленькія, какъ гладенькое

яичко, личики на стукъ дормёза выглянули изъ окогъ, выглянули съ задержанными рѣчами и изумленными взглядами, выглянули чуть не помирая со смѣху, и проѣзжій слышалъ, какъ дружный хохотъ градомъ раздался за его спиною, едва дормёзъ разѣхался съ колымагой. Проѣзжій тоже улыбнулся; казалось, онъ былъ доволенъ и кругленькими личиками, и звонкимъ дѣвическимъ хохотомъ. Скоро дормёзъ поднялъ облака песку въ городскихъ улицахъ и остановился подъ крыльцомъ единственной гостиницы иногородняго еврея, Сруля Мошки, у котораго дѣти были Юдка и Мордка, вѣчно бѣгавшій нагишомъ, и полная, бѣлолицая жена Хаяня. Сруль Мошка держалъ гостиницу безъ вывѣски; но зато эта гостиница была съ бильярдомъ и маркѣромъ. Проѣзжій вышелъ изъ дормёза. Едва его лысина, такъ-называемая ранняя лысина, съ волосами, зачесанными въ видѣ артишоковъ, съ затылка на виски, показалась въ сѣняхъ, съ лавки вскопчилъ растрепанный маркѣръ, вставившій на одно мѣсто въ брюкахъ заплату голубого цвѣта. Проѣзжій, проходя по коридору, заглянулъ въ залъ. На бильярдѣ, по обыкновенію, сидѣла курица. Этотъ бильярдъ имѣлъ то похвальное обыкновеніе, что куда бы шаръ по немъ ни катился, онъ непременно попадалъ въ лѣвую среднюю лузу и, поставленный на навощеннй шароставъ, качался нѣсколько минутъ, какъ акробатъ на канатѣ. Огня въ залѣ, поднимаемая въ видѣ силковъ на подставкѣ, имѣли тоже похвальное обыкновеніе иногда, совершенно неожиданно, хватить по просунутой въ нихъ шеѣ. Войдя въ номеръ, проѣзжій замѣтилъ маркѣру, что не мѣшало бы выпить съ дороги чаю. Суровый маркѣръ на это ничего не сказалъ, но скоро загремѣлъ блюдечками и чашками; лакей-бакенбардистъ, между тѣмъ, раскнинувъ умомъ, что отъ хозяина скорѣе поживешься и съѣтнымъ, и питьемъ, пустился на поиски Сруля Мошки. Пройдя черезъ дворъ, онъ остановился передъ погребомъ, гдѣ, по справкамъ, долженъ былъ находиться жидъ. На дворѣ, между тѣмъ, уже окончательно стемнѣло. Подъ широкимъ навѣсомъ, въ мерцающемъ полусвѣтѣ онъ разсмотрѣлъ пейсы и черную бороду. И только-что онъ, прокашлявшись и потерявъ для бодрости бока нанковой куртки, сказалъ: «подполковникъ пріѣхалъ, и потребуется сарай для кареты!» — какъ откатнулся назадъ и въ ужасѣ раскрылъ глаза... Рука его коснулась чего-то мягкаго и теплаго, и

изъ глубины подвала выдвинулась, вмѣсто жйда, узкая морда стараго конюшеннаго козла. Изумленіе лакея было неопи- санное; оглянувшись во все стороны, онъ пошелъ, какъ обкаченный водою пудель, и въ то же время услыхалъ за заборомъ чьи-то торопливые шаги. Впослѣдствіи оказалось, кому принадлежали эти шаги. Стягивая съ барина сапоги и чулки, причемъ тотъ подергивалъ пятками потому, что боялся щекотки, онъ не выдержалъ и въ волненіи, почти умирающимъ голосомъ, разсказалъ свое приключеніе съ ко- зломъ. Баринъ покачалъ головою и, стукнувъ лакея по крас- ному затылку, весело замѣтилъ: «это, Вася, счастье; это, Вася, пророчить большое счастье!» Едва проѣзжіи разобла- чился и надѣлъ почную кофту, едва самоваръ, подпертый съ одной стороны, за отсутствіемъ ножки, замкомъ, а съ другой стороны ножницами, запыхтѣлъ и зарумянился на столѣ,—дверь комнаты открылась, и на порогѣ явился го- сподинъ, какъ говорится, изъ породы недоростковъ недостат- ковскихъ. Склонивъ голову на подобіе подстрѣленной дичи и прикладывая руку къ груди, точно держалъ въ ней про- шеніе на погребеніе жены или дочери, вошедшій началъ говорить вдохновенно: «И возможно ли, и вижу мужа такого сана, и взоры меня не обманываютъ!» Думая, что это затѣмъ, чтобы точно просить на погребеніе жены или дочери, проѣзжіи снялъ со стола кошелекъ и протянулъ вынутый изъ него четвертакъ къ двери. Посѣтитель востепенулся, поспѣлъ и, закинувъ голову, отступилъ...

— Не понимаю, не понимаю!—произнесъ онъ, запальчиво и заикаясь: — что это можетъ значить? — Проѣзжіи тоже переконфузился.

— Вотъ, милый мой, возьмите, не церемоньтесь!—произ- несъ онъ довольно неровно. Посѣтитель засмѣялся, какъ человекъ, соболѣзнующій объ ошибкѣ ближняго, и замѣтилъ: «извините, тутъ вышло кипрокѣ, и не одно, а цѣлыхъ два кипрокѣ: во-первыхъ, я не то, что вы думали; во-вторыхъ, я — Борисъ Борисовичъ Плифа, здѣшній обыватель; и не стыдно ли вамъ потчивать меня четвертаками?» Читатель уже вѣроятно привелъ въ памяти, что это былъ тотъ самый Плифа, къ которому въ полдень обыкновенно приходилъ съ поздравленіемъ трубачи, и вѣроятно также догадался, что появленіе его произошло вслѣдствіе подслушаннаго раз- говора лакея съ козломъ. Проѣзжіи согласился, что потчи-

вать четвертаками, дѣйствительно, стыдно, и произнесъ: «Извините, я ошибся, прошу садиться, и не желаете ли стаканъ чаю?»—«Много благодарень!—подхватилъ Плинка, упирая носъ, кончикъ котораго начала безпокоить выступившая изъ него капля: — только ужъ позвольте въ прикуску и пожиже; крѣпкій чай, говорятъ, раздражаетъ нервы и заставляетъ думать о томъ, о чемъ иногда и не хочешь думать!» Проѣзжій... но, прежде, нежели мы скажемъ, согласился ли проѣзжій съ тѣмъ, что чай раздражаетъ нервы и заставляетъ иногда думать о томъ, о чемъ бы и не хотѣлъ думать,—скажемъ, что за человѣкъ былъ этотъ проѣзжій.— Проѣзжій, мужчина лѣтъ сорока, былъ человѣкъ добрый, добрый, какъ говорится, необидѣвшій на своемъ вѣку мухи. И это, сколько намъ кажется, происходило отъ его домашняго воспитанія. Вълѣдствіе этого домашняго воспитанія, выйдя въ отставку и поселясь въ деревнѣ, онъ старую ключницу, мошенницу изъ мошенницъ, звалъ Михѣвной, а иногда тетенькой, атаману на все распоряженія его говорили: «хорошо, хорошо, братецъ, Силентій; это очень хорошо!» — и отъ скуки игралъ въ карты съ двумя горничными, которыми имена были Гонка и Галька. На службѣ, ходя постоянно въ широкомъ фракѣ на ватѣ и получая къ столу все деревенскіе принасы, онъ слытъ у молодыхъ сослуживцевъ подъ именемъ зайца въ мѣникѣ и сахарнаго тихоня, а у пожилыхъ — подъ именемъ прекраснаго молодого человѣка. Эти пожилые только находили его нѣсколько разсѣяннымъ. Разсѣянность въ самомъ дѣлѣ была любопытная.. Бывало, поймаетъ въ присутствіи кого-нибудь за пуговицу и начинаетъ съ нимъ говорить, да говорить до того, что слушающій готовъ въ обморокъ упасть и не имѣетъ силъ вырваться. Одинъ шутникъ въ такомъ положеніи вынулъ изъ кармана ножикъ, отрѣзалъ пуговицу, за которую разсказчикъ держался, и улизнулъ. На службѣ же, бывало, остановитъ кого-нибудь въ экипажѣ на улицѣ, деликатно стащитъ его за пуговицу на мостовую, спроситъ, какъ ваше здоровье, и, получивши должный отвѣтъ, скажетъ: «А, хорошо!» и, сказавши: «А, хорошо!» сядетъ спокойно въ чужой экипажъ и укатитъ, прежде чѣмъ владѣлецъ его успеетъ опомниться. Въ деревнѣ онъ жилъ довольно порядочно; сосѣди ѣзжали къ нему на именины и поиграть въ карты. Только вдругъ однажды онъ задумался, думалъ-думалъ, и

рѣшился произвести важный переворотъ въ своемъ существованіи. Каковъ былъ этотъ переворотъ, читатель увидитъ дальше... Проѣзжіи, дѣйствительно, согласился, что чай разстраиваетъ нервы и вселяетъ иногда предосудительные помыслы; гость на это помолчалъ и спросилъ съ улыбкой: «Имя и отечество ваше?» — Надворный Совѣтникъ Гока Пятизбенко!» — отвѣтилъ хозяинъ, также съ улыбкой.

— Гока Лукичъ? — подхватилъ гость, покачнувшись и съ улыбкой.

— Гока Ильичъ! — отвѣтилъ хозяинъ, также покачнувшись и также съ улыбкой.

Чай снова былъ розлитъ по стаканамъ.

— Отъ васъ, Гока Ильичъ, — началъ гость: — вѣроятно не укрылось, какъ бѣденъ и скученъ нашъ городъ?

— Не укрылось! — отвѣтилъ хозяинъ, расправляя и обсматывая замоченные въ чаю усы, которые онъ носилъ для нѣкоторой прикрасы ранней лысины: — только я не думаю, чтобъ городъ вашъ былъ точно скученъ и бѣденъ.

— Скученъ и бѣденъ! — подхватилъ гость: — скученъ и бѣденъ! И вы не повѣрите, какіе странные случаи бываютъ въ немъ! Вотъ, на примѣръ, у меня на свадьбѣ, на первой еще свадьбѣ, потому что я вдовецъ, изъ самой, такъ сказать, брачной комнаты украли сапоги и брюки!

— Быть не можетъ! — подхватилъ удивленный хозяинъ.

— Точно такъ, прошу не сомнѣваться! — подхватилъ гость, кланяясь: — и утасили въ то время, какъ кромѣ меня и жены никого не было въ комнатѣ! — Послѣдовало деликатное съ обѣихъ сторонъ молчаніе; хозяинъ налилъ гостю еще стаканъ чаю, помолчалъ и началъ говорить... И то, что услышалъ Плифа, поразило его неописаннымъ удивленіемъ; блюдечко зазвенѣло въ его рукахъ, когда Пятизбенко произнесъ послѣднія слова и завершилъ: «Вотъ, Борисъ Борисычъ, вотъ мое задушевное и неизмѣнное желанье!» Плифа помолчалъ и спросилъ: «Да на комъ же это вы думаете жениться?» — спросилъ, все еще не понимая вполнѣ страннаго намѣренія помѣщика и мысля про себя: «какая же это наша фефела наградить собою такого жениха?»

— Да я же вамъ говорю, на комъ, — отвѣтилъ Пятизбенко и еще разъ повторилъ въ малѣйшихъ подробностяхъ сказанное Плифѣ. — Далекое за полночь огонь погасъ въ окнѣ вновь занятаго нумера гостиницы. Какъ обухомъ оглу-

шенный, вышелъ Плинка на улицу и почти опрометью побѣжалъ, повторяя про себя: «Ахъ ты, батюшки, батюшки, вотъ разодолжилъ!»—И цѣлый рой предположеній заходилъ и завертѣлся въ головѣ Плинки. — А надо сказать, что Плинка былъ большой поклонникъ всякаго рода новостей. Живя уже давно въ отставкѣ, онъ постоянно, но привычекъ, каждый день приходилъ, какъ будто по дѣлу, въ присутствіе и весело здороваясь съ чиновниками, которые всѣ знали и любили отставного судью и всякій разъ говорили: «А! вотъ и вы, Барбарисъ Барбарисовичъ! Ну, что? есть ли теперь что-нибудь новенькое?» На это Барбарисъ Барбарисовичъ молча скрипѣлъ табакеркою, на которой была изображена таблица съ расчетомъ для бостона, и отвѣчалъ: «Какъ же, есть!»—«Да что же такое есть?» допрашивали любопытные чиновники. — «А вотъ и есть! отвѣчалъ Плинка, смотри себѣ на сапоги:—вотъ, Вакулиценко мнѣ новые сапоги сдѣлать!» — «Да какъ же новые?» замѣчали на это пытливые чиновники: «вы, Барбарисъ Барбарисовичъ, еще на той недѣлѣ ихъ показывали!» На это Плинка качать головою и говорили: «Э! то не тѣ сапоги, то были совсѣмъ другіе сапоги, а эти совсѣмъ новые сапоги!» Еще Пятизбенко спать на кровати, о которой выражалась одна надпись на стѣнѣ номера: «Горе и мука тому, кто будетъ осужденъ судьбою лежать на сей кровати!» и которая точно представляла горе и мѹку потому, что поминутно двигалась и скрипѣла, издавая какіе-то насмѣшливые звуки, точно говорила: «А что, братъ, а-га! посмотримъ, какъ ты заснешь, посмотримъ! что, братъ, взялъ?» Еще маркѣръ, въ ожиданіи пробужденія гостя, поминутно смотря на вновь заплатанныя брюки, вытиралъ кн и чистилъ бильярдъ, на которомъ шары, какъ извѣстно, непременно падали въ лѣвую среднюю лузу, — а уже городокъ шумѣлъ, и цѣлое море толковъ, споровъ и догадокъ колебало спокойствіе пизенькихъ домиковъ. Слово «женихъ» молніей облетѣло всѣ дѣвственныя сердца и заголки. Разнеслась вѣсть, что прѣзжій помѣщикъ, Надворный Совѣтникъ Пятизбенко, рѣшился жениться на той, которую первую увидитъ въ городкѣ, разумеется, если эта первая согласится отдать ему свою руку, и ужъ также разумеется, что какая же не согласится отдать ему своей руки! Главную роль въ этихъ городскихъ толкахъ играла высокоуважаемая дѣвица-акушерка, Анна Ванна Гонорарій, какъ

ее называли горожане, и которая на ванну впрочем несколько не походила, а походила на бекаса, котораго прозвище къ ней и было навсегда припечатано. Надо замѣтить, что на эту птицу акушерка походила вслѣдствіе носа, который, какъ кранъ у самовара, торчалъ на ея миниатюрномъ личикѣ. Еще до разсвѣта, по неисповѣдимымъ судьбамъ, эта особа узнала всю подноготную отъ Плины и до утра не могла сомкнуть глазъ. Съ зарей она уже порхнула въ телѣжечку, именуемую нетечанкою, и полетѣла съ визитами къ нуждающимся и ненуждающимся въ ея искусствѣ, изъ которыхъ первыхъ, впрочемъ, постоянно было болѣе въ благословенномъ городкѣ. Благословенный городокъ, скажемъ мимоходомъ, особенно пришелся по вкусу акушеркѣ. Она прилетѣла сюда, по окончаніи курса, на почтовыхъ и съ той поры сдѣлалась душою его общества. Увидѣвъ, какъ на одной станицѣ она подхватила къ крыльцу, на перекладной, въ чепчикѣ безъ вуали и съ книжкою въ рукахъ, громко скомандовала запрягать и, выпивъ стаканъ молока, снова умчалась впередъ, какъ добрый фельдъ-егерь, одинъ проѣзжій, заслуженный генералъ, замѣтилъ: «Ну, матушка, такая не сробѣтъ!» И точно, Анна Ванна Гонорарій никогда еще не сробѣла. Разъѣзжая по городу въ уютной нетечанкѣ и служа первымъ привѣтствіемъ всякому новому гостю міра, Анна Ванна въ то же время слыла и модницей, и затѣйницею веселиться, и затѣйницею устраивать сговоры и свадьбы, а слѣдовательно и нужныя подготовленія будущихъ привѣтствій новыхъ гостей міра. Выходя утромъ за ворота, она не пропускала ни одного хуторянина, идущаго изъ окрестностей на базаръ, и всѣхъ почти знала по имени. — «Ты это пѣтуха, Онисимъ, несешь?» — спрашивала она. — «Пѣтуха, барышня!» — отвѣчалъ Онисимъ, держа перевернутого вверхъ ногами, съ отекишею головою, пѣтуха. — «Продай мнѣ пѣтуха, Онисимъ», — говорила она, ощупывая хлупъ и бока пѣтуха. — «Берите, барышня!» — говорилъ на это Онисимъ: — только позвольте прежде вашу ручку поцѣловать!» Съ акушеркой жилъ еще маленький племянникъ Вава, который иногда сопровождалъ ее въ поѣздкахъ по городу. — «Это что, тѣтя, какое слово написано на заборѣ?» — спрашивалъ онъ, подпрыгивая на нетечанкѣ и разсматривая тѣ надписи мѣломъ, которыя иногда производятся на стѣнахъ и заборахъ въ отдаленныхъ городскихъ улицахъ. — «Это,

душечка. ничего! это неконченное слово! — говорила на это тетенька, оборачивая лицо Вавы въ другую сторону: ты этого не поймешь!» И точно, Вава этого не понимала. — Не мѣшаетъ также замѣтить, что, по туземному обычаю, помолвившись за Плинфу, о чемъ мы забыли сказать, Анна Ванна Гонорарій позволяла своему жениху, при людяхъ, иногда нѣкоторыя золотыя вольности. Она... цѣловалась съ своимъ женихомъ. И надо было видѣть, какъ она съ нимъ цѣловалась! Такъ уже теперь не цѣлуются на свѣтѣ! Тонко намекая на румянецъ щеки Анны Ванны, почтмейстерша, едва видѣла ихъ вмѣстѣ, обыкновенно говорила: «Барбарисъ Барбарисовичъ! посмотрите, какая она хорошенькая! ужъ поцѣлуйте ее, душечку, въ стыдливое мѣсто!» На это душечка краснѣла и, подставляя щеку, говорила: «Ахъ, право, ужъ вы мнѣ съ вашими просьбами!» И Плинфа: также зардѣвшись, исполняя желаніе почтмейстерши, то-есть, цѣловала невѣсту въ стыдливое мѣсто... Совершивъ болѣе десяти наѣздовъ на дома и домики, акушерка подлетѣла къ крыльцу Плинфы и въ волненіи, сказавъ племяннику: «Ну, Валя, поставь лошадь подъ сарай, а самъ побѣгай въ садъ; я найду къ дядѣ!» — быстро порхнула въ сѣни. Вава поставилъ коня подъ сарай и пошелъ въ садъ. Пижонъ, собака акушерки, тоже подошелъ въ садъ, но прежде его настигли дворняги Плинфы и, составивъ около него кружокъ, стали, по своему обыкновенію, какъ говорится, читать его дипломъ. — «Ну! поздравляю васъ! — вскрикнула акушерка, сталкиваясь въ передней лицомъ къ лицу съ Плинфою: — гость-то вашъ оказался обманщикомъ, гнуснымъ обманщикомъ! онъ вамъ все, должно быть, нагаль, и больше ничего!»

— Да помилуйте, — проговорилъ робкій Плинфа, подходя къ ручкѣ невѣсты: — чѣмъ же онъ могъ нагаль?

— Отстаньте! — вскрикнула акушерка, отдергивая ручку, одѣтую въ перчаточку цвѣта майскаго жука, съ отливомъ: — что мокрой-то курицей такой смотрите! Страмъ, да и только! Обѣхала всѣхъ, была у всѣхъ, спрашивала всѣхъ, никто и не слышалъ такой фамилии, — Пятизбенко! И развѣ могутъ быть такіе женихи на свѣтѣ!

— Да что-жь тутъ такого въ этой фамилии? — спрашивала озадаченный Плинфа: — и чѣмъ же она худая фамилія?

— Была даже у буфетчика, у маржера Букана въ гостиницѣ! — продолжала гостя: — зайжаю по дорогѣ и спра-

шиваю: что, говорю, Букаша, прѣзжій женихъ уже посватался? — Какой, говоритъ, посватался. Онъ еще спитъ, говорятъ! — Спитъ! И это женихъ! Ну, такіе ли бываютъ на свѣтѣ женихи? Да что же вы такой пюней стоите? Отъбѣчайте! — почти сквозь слезы спрашивала акушерка... Но не успѣла она произнести послѣднихъ словъ, какъ посреди улицы показался красивый господинъ въ соломенной шляпѣ, не молодой, это правда, но еще румяный и съ вожделѣннымъ запасомъ здоровья. Онъ остановился передъ окнами дома, противъ Плифы. Сердце ёкнуло подъ лифомъ акушерки, и въ глазахъ ея заходила сладкій туманъ. Ей показалось, въ первое мгновеніе, что прохожій замѣтилъ ее. Но скоро предположеніе это оказалось ошибочнымъ: прохожій ступилъ на крыльцо и вошелъ въ сѣни противоположнаго дома. Акушерка нервически оттолкнула Плифу и, вскрикнувъ: «Ахъ-ти, матушка, опростоволосилась!» — кинулась въ ближній залъ. Тамъ, изъ-за горшковъ ерани и занавѣсокъ, стала она въ кулакъ наблюдать, что будетъ происходить въ сосѣднемъ домѣ. Вотъ, опредѣлите послѣ этого сердце женщины; вѣдь, кажется, женихъ у нея стоялъ за плечами, а между тѣмъ... Нѣтъ, странное сердце женщины! На воротахъ дома, куда вошелъ прохожій, была надишь, еще шесть лѣтъ назадъ прибитая вверхъ ногами и до сихъ поръ остающаяся въ такомъ же положеніи: «Неслужащаго дворянина Обапалки». Пятизябенко между тѣмъ, — это былъ онъ, — пройди не безъ волненія двѣ улицы, гдѣ, къ удивленію своему, вмѣсто ожидаемыхъ дѣвицъ, видѣлъ все прифрантившихся на этотъ разъ маменекъ и паценекъ, встрѣчавшихъ его даже съ улыбками, точно давно знакомаго и точно говоря: «А, здравствуйте, Фока Ильичъ, съ прѣздомъ!» или: «А, вотъ и вы! какъ провели ночь?» Пятизябенко очень обрадовался потому, что въ окнѣ дома, куда вошелъ, мелькнуло, какъ ему показалось, весьма смазливенькое лицо блондинки... Войдя, не безъ волненія, въ переднюю, гдѣ не было ни души, и потомъ въ залъ, гость остановился на порогѣ. Хозяинъ и хозяйка, Обапалки, которые о немъ уже, какъ и всѣ горожане, знали всю подноготную, но никакъ не ожидали его появленія, крайне изумились и остались безмолвны. Обапалка-мужъ, изъ породы кубариковъ, раскладывалъ въ это время въ залѣ перелетныя сѣти, собираясь починить ихъ новыми нитками и думая про себя: «А это, однакоже.

любопытно: къ кому зайдетъ прѣзжій помѣщикъ?» Обѣсѣлка-жена, также не далекая отъ породы кубариковъ, сортировала въ залѣ же ягоды для настойки и тоже думала: «А это, впрочемъ, вещь любопытная: куда завернетъ прѣзжій помѣщикъ?» И вдругъ, этотъ помѣщикъ явился въ ихъ собственномъ залѣ. Нѣтъ! Перо опускается, и недостаетъ силъ изобразить изумленіе почтенныхъ супруговъ! Едва гость очутился на порогѣ и замеръ въ невольномъ, понятномъ трепетѣ, оторопѣлый хозяинъ бросилъ сѣти, взглянулъ на него съ улыбкой и шарикомъ укатился изъ залы въ коридоръ. Тамъ супруги пожалы плечами и молча взглянули другъ на друга. — «Ну, ничего, мамаша! — произнесъ, помолчавъ, въ одно мгновеніе все сообразившій мужъ: — ничего, это очень выгодно!» — «Что выгодно? — спросила супруга, смотря на него во все глаза и не понимая его: — развѣ ты забылъ, папаша, что у насъ нѣтъ дѣтей?» — «Ничего, дуся, ничего! это очень выгодно, и не надо упускать случая, а ужъ мы ему достанемъ!» — «Какъ достанемъ, кого достанемъ?» — спросила, внезапно проникнутая припадкомъ ревности, супруга: — ты съ ума сошелъ!» — «Ну, съ ума не съ ума, котикъ, а ужъ ты не безпокойся; когда человѣкъ въ такомъ аппетитѣ жеваться, не надо упускать случая!» — И мужъ поцѣловалъ въ обѣ полныя щеки взволнованную жену. Поцѣлуй произошелъ въ тишинѣ, такъ же какъ и разговоръ. и черезъ нѣсколько минутъ супруги явились въ залѣ, одинъ уже во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, а другая въ новомъ, шоколадномъ кисейномъ платьѣ. Нѣсколько минутъ и гость, и хозяинъ молча смотрѣли другъ на друга. Наконецъ хозяинъ кашлянулъ и началъ:

— Весьма очастливленъ! Чему обязанъ этимъ посѣщеніемъ?

Гость отвѣтилъ:

— Мнѣ сказали, что у васъ есть продажныя дрожки!

— Дрожекъ продажныхъ у меня нѣтъ! — ловко вклеилъ хозяинъ: — но садитесь милости просимъ! — Все сѣли. Разговоръ начался о городскихъ новостяхъ. Пятизубенко не хотѣлъ ударить лицомъ въ грязь и обратился къ прекрасному полу. Оглянувъ кисейное платье и въ то же время шерстяныя ботинки прекраснаго пола, онъ съ деликатною ловкостью спросилъ: «А отчего это, сударыня, въ такое теплое время на вашихъ милыхъ ножкахъ такія вовсе не милыя

ботинки?» Хозяинъ нагнулся къ уху гостя и шепнуть ему одно слово, которое совершенно удовлетворило любопытство гостя, но бросило его въ порядочную краску. Не мало также смутился гость, когда слуга внесъ поднось съ закускою, и хозяинъ спросилъ: «не угодно ли водочки и рѣдечки?» Гость отвѣдалъ и водочки, и рѣдечки... Во время закуски, хозяйка взглянула на мужа и произнесла: «Шерчикъ! фуршетъ!» Гость предупредилъ желаніе дамы. Но, черезъ секунду, дама, потребовавши по-французски вилку, лежавшую передъ ея носомъ, за хлѣбомъ пошла сама, въ то время, какъ этотъ хлѣбъ лежалъ на другомъ концѣ стола. Гость изумился и долго не могъ прийти въ себя потому, что не смѣлъ ничего предполагать насчетъ познаній почтенной дамы. — Для одобренія себя, пробуя какіе-то маринованные въ укусуѣ грибки, Пятязябенко спросилъ:

— А какъ фамилія, не знаете ли, той пожилой дамы съ дочерьми, которую я встрѣтилъ вчера на городскомъ мосту? Еще у нея голубая карета?

— А! это та, Макортытъ, помѣщица изъ Пупавокъ; еще сама, говорятъ, съ дочерьми въ пруду бреднемъ рыбу ловить! — отвѣтилъ добродушный Обапалка.

— Ну, а тѣ барышни, кто такія, рыженькія и въ голубыхъ шляпкахъ?—спросилъ кашлявшій въ салфетку гость:— я ихъ вчера тоже встрѣтилъ за городомъ!

— Это, — подхватилъ добродушный хозяинъ, смотря на жену: — это Завалишинскіе однодворки! У насъ зимою, на балу, шутники-офицеры наименовали одну Кириаша, а другую Мордата!—Фамилія же у нихъ, право, такая мудреная, на М, и, кажется, нѣмецкая!

— Хѣха! — подхватила супруга.

— Да, точно, Хѣха, я и забылъ!—прибавилъ супругъ:— точно Хѣха, и не на М!

Разговоръ въ этомъ тонѣ длился еще нѣсколько минутъ. Наконецъ догадливая хозяйка вышла. Гость высморкался, сложилъ платокъ втрое, спряталъ его въ боковой карманъ фрака и началъ:

— А вы, я думаю, уже догадались, зачѣмъ я явился къ вамъ?

— Хи, хи! Какъ же не догадаться! Хи, хи! — подхватилъ, улыбаясь, хозяинъ, склоняя на бокъ голову и въ то же время смотря гостю въ глаза.

— Такъ, значитъ, вы соглашаетесь! — спросилъ, приподнимаясь, гость.

— Соглашаюсь ли?..

— Да!

Обаналка потеръ переносицу. Потъ градомъ катился съ него. «Была не была! — подумалъ онъ, — подставимъ ему Акулину Саввишну!» И еще разъ сообразивъ, какъ полезно будетъ, для его отношеній къ супругѣ, подставить гостью Акулину Саввишну, онъ сдѣлалъ изъ лица своего лицо важное и сказалъ:

— Я согласенъ на все, только съ однимъ условіемъ: оставимъ все это до сегодняшняго вечера; вечеромъ мы все покончимъ! Да притомъ же надо и ей дать опомниться! — прибавилъ Обаналка уже съ располагающей улыбкой. При словѣ ей Пятисызбенко совершенно оживился, сталъ болтать о разныхъ веселыхъ вещахъ и вышелъ отъ Обаналки, чуть не подпрыгивая отъ радости...

— Такъ до вечера? — спросилъ онъ уже на улицѣ, раскланиваясь съ Обаналкою.

— До вечера! до вечера! — отвѣтить, также раскланиваясь, Обаналка.

Въ окнѣ противоположнаго дома между тѣмъ сильно заковыкалась розовая штора.

«Что бы это значило? — думала акушерка, слѣдя изъ-за сѣни за уходящимъ гостемъ, — не задумалъ ли мерзавецъ Обаналка надуть гостя?» — Какъ надуть, акушерка еще недоумѣвала, но видѣлъ ее копотливый умъ какія-то сѣти, разставленныя противъ интереснаго проѣзжаго, и этого уже было для нея довольно. Никогда не питая къ Обаналкамъ особеннаго сочувствія, она задумала и рѣшилась разрушить ихъ ковы. Такъ какъ окончаніе дѣла должно было произойти вечеромъ, то акушерка предположила напустить къ Обаналкамъ весь городъ: пусть тогда выборъ незнакомца произойдетъ при всѣхъ, и судьба, одна судьба рѣшитъ, кому изъ дѣвицъ торжествовать. Созвать же весь городъ къ Обаналкамъ было очень не трудно: для этого стоило только пустить въ городѣ вѣсть, что у нихъ будетъ пить чай новый гость, и городъ полетитъ туда, гдѣ будетъ пить чай новый гость! Акушерка рѣшилась, и петчанка ее загремѣла и запырнула по улицамъ. Насталъ роковой вечеръ. Городокъ превратился въ муравейникъ, на который мальчишка-

настухъ крикнулъ извѣстную примолвку: — «команки, комашки, прячьте подушки, татары идутъ!» — И еще скорѣе онъ походилъ на тотъ же городокъ, въ старину, когда произошла эта примолвка. Крикъ со стѣны: «татары идутъ!» поднималъ и стараго и малаго, и женщину и больного, и все по улицамъ степного слободскаго городка суетилось, кричало, металось и бѣжало опрометью куда глаза глядятъ. Такъ было и теперь; только горожане нынче знали, куда бѣгутъ. Кирь Кирычъ свѣшилъ къ стряпчему; Пудъ Пудычъ свѣшилъ тоже къ стряпчему. Секретарь Панмутьевъ лѣтѣлъ къ секретарю Панкутьеву, а секретарь Панкутьевъ къ секретарю Панмутьеву, и оба на дорогѣ, въ пріятномъ изумленіи, сталкивались! Обыватель Андрей Андреичъ Крути-Верти кричалъ своей супругѣ: «Замолчи ты, Гавриловна, замолчи, или я тебѣ всю рожу разобью!» А толстенкій хатай по дѣламъ, тоже обыватель, Заткни-Перцу, брился передъ мискою съ водой, вмѣсто зеркала, и полоскалъ ротъ апельсиною водичкою, по случаю сытнаго обѣда у сосѣда съ непристойнымъ чеснокомъ. Двѣ застарѣлыя, уже извѣстныя дѣвицы въ тирбушонахъ ѣхали въ бричкѣ, нанудренныя по самыя рѣсницы, потуя глаза и въ то же время говоря шопотомъ:

«А посмотри, посмотри, копочка, у поповны опять угорь вскочилъ на носу, а она все-таки ѣдетъ!» Веселыя барышни съ сердитою маленькою тоже ѣхали. И ѣхаль весь городокъ въ гости къ Обапалкамъ. Улица передъ домомъ Обапалокъ совершенно запрудилась экипажами. Какихъ тутъ экипажей не было! И колымаги, и брички, и фаэтоны лиловаго цвѣта, и желтыя дрожки, и краковскія брички, и нетечанки и чертапханы, и слобожанскія таратайки, именуемыя «бѣда» и на которыхъ точно бѣда ѣздитъ! На нѣкоторыхъ козлахъ сидѣли обыкновенные кучера; на другихъ — мальчики въ непомерныхъ шерстяныхъ капотахъ, а на третьихъ — дворовыя дѣвки въ рукавицахъ и шапкахъ, очевидно занявшія мѣста кучеровъ, ушедшихъ на косовицу. Словомъ, съѣздъ былъ хоть куда. Внутри дома также было нестро и шумно. Между собравшимися пролетѣлъ слухъ, что самихъ хозяевъ нѣтъ въ домѣ. Всѣ недоумѣвали, куда они могли скрыться; недоумѣвала и акушерка. Чтобы какъ-нибудь пока замѣять дѣло, она распорядилась съ чаемъ, и скоро казачки стали разносить установленные подносы. «И куда улетѣли? — ду-

мала акушерка, обѣгая глазами шумное собраніе, — неужели догадались и рѣшились дать тягу?» — Но не успѣла она подумать этого, какъ на углу слышался стукъ колесъ, и дормезъ давноожидаемаго гостя подкатилъ къ крыльцу. Принявъ шумный свѣздъ за особое расположеніе къ себѣ новыхъ родныхъ, Пятизбенко, съ чувствомъ удовольствія, вступилъ въ двери залы. На первыхъ же порахъ, однако, онъ былъ удивленъ, что хозяева не встрѣтили его. Поклонившись съ улыбкой и пригласивъ взглядомъ вставшее при его входѣ собраніе свѣсть, Пятизбенко опустился въ кресло и спросилъ:

— «А хозяевъ, господа, еще нѣтъ?» — «Да, хозяевъ нѣтъ еще!» — отозвались робко нѣкоторые голоса, и вслѣдъ за тѣмъ въ залѣ воцарилась мертвая тишина. Пятизбенко началъ ощущать признаки робости и неловкости. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе его, среди кучи незнакомыхъ и невиданныхъ лицъ, становилось затруднительнымъ. Побарабанивъ пальцами по ручкамъ кресель, причемъ въ лицѣ его не было ни кровинки, онъ поднялъ голову и рѣшился приблизиться ко всегдашнему своему спасенію, къ краснорѣчію.

— Вотъ, господа, — началъ онъ, покашливая и стараясь попасть на веселый тонъ: — дожилъ я до горькаго разочарованія въ жизни: думалъ испить, какъ говорится, до дна чашу блаженства и остался холостякомъ; выходитъ, — ладилъ человѣкъ челнокъ, а свелъ на ухвертку! Такова-то наша жизнь! Такова-то наша печальная и поучительная жизнь! — Гость остановился; отвѣта на его слова не послѣдовало... За спиною его только раздался прерывистый шопотъ и даже сдержанный смѣхъ; Пятизбенко не имѣлъ силъ обернуться, да и хорошо онъ сдѣлалъ, что не обернулся! Собраніе, очевидно, начинало потѣшаться на его счетъ. Одинъ только Борисъ Борисычъ, проскользнувшій въ это время въ залъ и стоявшій у двери, задумчиво склонивъ голову, съ пальцемъ въ петлицѣ жилета, помолчалъ-помолчалъ, да вдругъ выступилъ и отвѣтилъ: — «Точно такъ, Юка Ильичъ! точно такъ!» — «А, это вы! — произнесъ, не безъ ощущенія внутренней радости, гость и ободрился: — а у насъ тутъ шелъ очень интересный разговоръ о поучительности чело-вѣческой жизни!» — «Ну! — подумали при этомъ нѣкоторые изъ собравшихся. — поучительность поучительностью, только, братъ, это все еще не дѣло и порядочная — таки чепуха:

пора бы, наконецъ, перейти и къ главному!» Гость терпеливо окончательно...

— А гдѣ же милые наши хозяева?—началь онъ снова:— я что-то не вижу между вами нашихъ милыхъ хозяевъ!— Деликатный Плифа, желавшій всегда, какъ о немъ говорили, смягчить дѣло, или, какъ онъ самъ выражался, подмазать сахарцемъ скинцарную пилюлю, хотѣлъ уже произнести: «А вѣрно они тутъ же, и только чѣмъ-нибудь вѣрно заняты!»—какъ слова его замерли на устахъ...

— Удрали куда-нибудь!—хватилъ напрямикъ и какъ будто про себя кривошей-поддѣварь, прокладывавшій, по общему мнѣнью, понтоны черезъ самыя неприступныя рѣки.— «Какъ удрали?—спросилъ Пятизбенко и замкнулся; ему показалось, словно какая струна при этомъ лопнула и зазвенѣла передъ его ухомъ:—я васъ что-то не слышалъ!»

— Какой тутъ не слышалъ!—замѣтилъ весело и опять-таки какъ-будто про себя кривошей-поддѣварь:— онъ вамъ шавралъ, собачій сынъ, если сказать, что у него есть дочка! Ну, у какого бѣса онъ возьметъ дочку, и на комъ васъ женить? Развѣ на своей качкѣ женить?

Тутъ строго внимавшее собраніе не выдержало и прыгнуло со смѣху; веселыя барышни звенѣли, какъ колокольчики. Однѣ дѣвицы съ тирбушонами долго крѣпились-крѣпились, но, наконецъ, не вытерпѣли и расхохотались, утирая обильныя слезы. Пятизбенко былъ, какъ на угольяхъ; онъ теперь ясно видѣлъ, что его водили за носъ.

— Ну,—началь онъ разбитымъ голосомъ:—вы, милостивый государь, произнесли недостойное слово...

— А, когда недостойное.—замѣтилъ еще болѣе въ духѣ поддѣварь:—такъ и значить, что онъ-васъ женить на своей качкѣ!

Взрывъ потрясающаго хохота перенеслъ всякія границы. Огня въ залѣ дрожали, какъ на балу послѣ выборовъ. Уже обиженный гость хотѣлъ встать и выйти, уже Плифа порядочно трухнулъ и также намѣревался выйти, какъ вдругъ, изъ-за ряда городскихъ дамъ, выступила акушерка и, поклонившись гостю, начала:

— Я дѣвица не богатая и, смѣю сказать, даже неопытная, но позвольте, милостивый государь, замѣнить: смѣю ли я спасти васъ отъ соблазну, да, спасти васъ отъ соблазну? Ссылаясь на весь городъ, я, Анна Ивановна Гонорарій,

акушерка, уверяю, что у Обалалокъ дѣтей—ни мальчиковъ, ни дѣвочекъ—никогда не было и быть не могло! И если они васъ увѣрили въ противномъ, то не доживи я до свѣтлаго дня свадьбы, — потому что выхожу замужъ и даже скоро, и даже выгодно, и даже очень счастливо, и притомъ за человѣка, которому дорого одно мое вниманіе (пять шпиглекъ разомъ вонзились и укололи сердце Плифы!), — не доживи я до свѣтлаго дня свадьбы, если слова мои неправы!

Пятизябенко не помнилъ себя отъ смущенія; въ глазахъ его ходилъ туманъ! Тутъ еще, къ довершенію общаго смятенія, не успѣла акушерка вынуть платочекъ и, плюнувъ въ него, положить его обратно въ ридикюль,—что она изъ деликатности дѣлала всякій разъ, когда нужно было плюнуть,—какъ въ дверяхъ гостиной появились сами хозяева—Обалалки, блѣдые и неподвижные, какъ смерть. Никто не зналъ теперь, не зналъ и впоследствии, откуда они явились, потому что акушерка, по собственнымъ ея словамъ, обѣгала не только всѣ комнаты и чердакъ, но и всѣ прочія мѣста.

— А, и вы здѣсь! — произнесъ уже какъ съ того свѣта Пятизябенко: — ну, не грѣхъ ли, не стыдно ли вамъ? Надули, надули, какъ послѣдняго школьника!

Тутъ подняла снова голосъ Гонорарій.

— Послушайте, милостивый государь! — начала она, покашливая:—не обижайтесь еще, не обижайтесь! Смиритесь! Дѣло ваше еще не потеряно, потому что выборъ вашъ сію же минуту можетъ пасть на достойнѣйшую изъ дѣвицъ нашихъ!

Пятизябенко потеръ лысину, откачнулся въ кресло и засмѣялся... Смѣхъ его сталъ неожиданно возрастать, возрастать, перешелъ въ неописанный, неудержимый хохотъ и, какъ пламя, вдругъ обнялъ и всколебалъ все собраніе! Хототалъ и Плифа, хототала и акушерка, хототали и барышни, все хототало самымъ неудержимымъ, самымъ неподдѣльнымъ хохотомъ, хототало, утирая слезы, охая и сморкаясь, сморкаясь и охая... Первый остановился гость.

— Ну, не умора ли, господа,—началь онъ, оставливаясь и задыхаясь отъ смѣха:—ну, не умора ли все это событіе? Ну, откуда мнѣ показалось, ну, откуда мнѣ это вздумалось, право? Нѣтъ, господа, это событіе—невѣроятное событіе. И какъ это такъ, вдругъ пріѣхаль, увидѣлъ, и что такое увидѣлъ — и самъ не знаю!.. Чортъ знаетъ, какая исторія! А

впрочемъ, такъ какъ, господа, всякая исторія чѣмъ-нибудь кончается, то ужъ не откажите мнѣ и отужинайте сегодня у меня, въ саду гостиницы! Вѣдь, я думаю, тамъ готовятъ хорошій ужинъ? А?..

Собраніе отвѣтило, что точно ужинъ готовятъ хорошій, и разошлось, шумно разбирая случившееся. И вотъ, далеко за-полночь, въ гостиницѣ загремѣла полковая музыка, зазвенѣла посуда, захлопали пробки, и цѣлый городъ сталъ веселиться наскоро, общими силами слѣпленнымъ весельемъ! И что же? при послѣднемъ тостѣ, когда извѣстный уже подлѣкаръ проигралъ на принесенной гитарѣ «Черничку», любимую пѣсенку горожанъ, и Плинфа, по общему желанію, поцѣловалъ свою невѣсту въ стыдливое мѣсто. Пятизябенко всталъ и обнялъ Обапалку. Собраніе открыло глаза и въ пріятномъ изумленіи стало смотрѣть на достойный поступокъ гостя.

— Ну, скажите мнѣ,—началь Пятизябенко, цѣлуя Обапалку то въ одну, то въ другую щеку:— ну, скажите мнѣ, за что вы меня хотѣли такъ общипать?

— Не хотѣли общипать, по совѣсти не хотѣли! — отвѣтилъ, едва держась на ногахъ, Обапалка:—въ окнѣ у меня никакой барышни не было, а было что-нибудь другое (при этомъ Обапалка робко взглянулъ на жену), — и вамъ это показалось; а впрочемъ, господа, подкачнемъ нашего гостя! Гостя подкачнули, подкачнули, подкачнули дружно, весело и стали цѣловаться; и когда стали горожане цѣловаться, стали бесѣдовать, и что говорили при этомъ веселые горожане, того рѣшительно никто не могъ уже разобрать!—Веселые горожане еще крѣпко спали, когда дормезъ заѣзжаго гостя снова покатилъ по пыльной дорогѣ! Гость уже не выглядывалъ изъ оконъ на встрѣчные экипажи; ему, повидимому, было не до того! И жаль: въ одномъ изъ этихъ экипажей сидѣла, полулежа на бѣлой, какъ снѣгъ, подушкѣ, обшитой кружевами, дѣвушка—лѣтъ двадцати-трехъ, брюнетка, въ маленькомъ чепчикѣ, съ большими темными глазами, и блѣдная, какъ мраморная Геба! Она окинула орлинымъ взглядомъ проѣзжаго и подумала: «Вотъ бы муженежъ, и старъ, и не бѣденъ, и порядочный, кажется, колпакъ!» — Дѣвица была дочь одной современной маменьки, гдѣ-то проживавшей домоправительницей, слыла у сверстницъ подъ именемъ Тамерлана и теперь уѣзжала изъ одного

смейства, гдѣ была. безъ году недѣлю, гувернанткой и гдѣ ей только-что торжественно отказали.

Хорошенькій Тамерланъ въ тотъ же день подѣхалъ въ чужой каретѣ къ лавкамъ, подѣхалъ съ цѣлю блеснуть въ послѣдній разъ интересною обстановкой и столкнулся тамъ съ акушеркою, у которой еще живо въ памяти было вчерашнее событіе. Когда услышала отставная гувернантка разсказъ о гостѣ, когда она услышала этотъ разсказъ.—лицо ея поблѣднѣло, слезы выступили изъ глазъ, и батистовый платокъ вмгъ превратился въ клочки. Она тутъ же, какъ есть, передъ подругою вызывалась садиться въ перекладную и догонять гостя! И насилу ее уговорила и утѣшила «шерчикъ» акушерка. или, собственно, не утѣшила—потому, что хорошенькая гувернантка долго не могла забыть этого событія и долго была главною повѣствовательницею пассажа, нарушившаго покой тихаго стенинаго городка.

II.

СЛОБОДКА.

Вахраманы—старинная малороссійская слободка. Вахраманы—слободка на рѣчкѣ Балаклеякѣ. Что же это за слободка и гдѣ лежитъ она? Лежитъ ли она среди дубоваго лѣса; сбѣгаетъ ли зелеными садами къ морю; бѣлымъ ли стадомъ, среди колодцевъ и тополей, раскинулась по влажной луговинѣ; или сидитъ себѣ бочкомъ, брошенная въ разсыпку на маковкѣ изрыгаго дождями песчаного косогора, сидитъ себѣ, свѣсившись въ одну сторону надъ синѣющими равнинами болотъ и залежей, а въ другую—надъ шахматными коврами черныхъ пахателей и пышныхъ озимей, клубящихся по вѣтру свои перлово-оранжевыя волны? Гдѣ она, эта слободка? И куда лежитъ къ ней пустынная, малопрѣзжая дорожка?.. Слободка лежитъ далеко-далеко, тамъ, гдѣ надъ стенью возвышается курганъ, курганъ уединенный и зеленый, вокругъ котораго на привольи гуляетъ вѣтеръ! Съ него глядѣли, съ этого кургана, и сторожевыя дикари, поджидая издали родныя полчища, съ гикомъ несущихся на стень, ордынцевъ; глядѣли иѣкогда и суровые жрецы, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ поднятыми къ небу руками, дымившіе передъ суровыми истуканами кровавыя жертвы, жертвы во славу и спасеніе склонившихся вокругъ холма суровыхъ легионовъ! Все измѣнилось! Не видно болѣе на курганѣ коматыхъ сторожей; нѣтъ болѣе на немъ и жрецовъ въ бѣлотканыхъ одеждахъ. Съ пустыннаго кургана глядитъ дикій коршунъ, недвижно сидя въ ожиданіи новой добычи, да глядитъ съ него еще, забытая временемъ и отошедшими безъ вѣсти народами и обычаями, вросшая по поясъ въ землю, каменная баба. Эта каменная баба съ величайшею флегмою упираетъ носы, сѣрые глаза въ пустынный воздухъ, и все равно ей, темно или свѣтло на небѣ, покрыта ли земля цвѣтомъ и зеленью, или сувоями непроходимаго снѣга, и скучно или весело жить на свѣтѣ людямъ! Стоитъ

каменная баба и смотритъ. А между тѣмъ, вокругъ нея, времена бѣгутъ и смѣняются временами, солнце катится и перекачивается, совершается торжественное шествіе пустынной жизни, и каждый мигъ уступаетъ мѣсто идущему за нимъ преемнику, безъ грусти и сожалѣнія, уступаетъ охотно и радушно, тихо и беззаботно, точно какъ будто его никогда и не было на свѣтѣ! Что же видитъ каменная баба? Какія картины встаютъ и вращаются, всныхиваютъ и гаснутъ передъ ея недвижными взорами?..

Огромный, исхудалый грачъ съ шумомъ пролетѣлъ, каркая надъ стенью. Въ воздухѣ повѣяло робкимъ, чуть слышнымъ тепломъ. Подъ косвеннымъ лучемъ затаили паточкины и родники; звучно падаютъ первыя брызги капли. Сомнѣнья нѣтъ: зима гдѣ-то близко, гдѣ-то не за горою, гдѣ-то встрѣтилась съ лѣтомъ! Сомнѣнья нѣтъ, блескъ и веселье на порогахъ!..

Весна!..

Рыжій байбакъ вскидывается отъ спячки, становится у подмытой норки на заднія лапки и пускаетъ по стени пронзительный, оглушающій, долгій свистъ. Сквозь кору гололедицы пробивается душистая коронка синички. Ранняя цапля летитъ, согнувъ длинную шею, на оттаявшее болото. Байбакъ, синичка и цапля несутъ весну. Весна идетъ радостно и привольно, идетъ, захватывая врасплохъ, идетъ, все будя и зажигая, все наполняя силами и жизнью! Вездѣ вода, вездѣ сверкающія водныя стекла, по которымъ стелется и бѣжитъ голубая наутина, едва пахнетъ и пронесется свѣжій, душистый весенній вѣтеръ! Проточкины чернѣютъ и зеленѣютъ. Стень огливается, поочередно, то желтыми, то лиловыми, то ярко-пламенными красками. Взопла поводъ, налетѣли туманы... Дикіе гуси плывутъ въ недостижимой вышинѣ, плывутъ тупымъ угломъ, и вожатый, волнуя свой живоподвижной косякъ, оглядываетъ изъ-подъ бѣгущихъ, тонкихъ облаковъ поля и побережья, и окостенѣлый въ дуль лѣсной груши ястребъ, отряхивая шей съ замерзшихъ крыльевъ, встаетъ и летитъ на добычу. Гдѣ же люди? Встрѣчаютъ ли они также радостно весеннее ликование?— За лугами и нахотью, надъ косогоромъ, едва черкнула румяная заря, тамъ и сямъ, тихо поднялись въ воздухъ кудрявыя полосы дыма. Жилья не видно. Виденъ съ кургана только просторъ всюду оживающей стени. Но если бы каменная баба встала съ кургана, освободила изъ-подъ земли

свои неподвижные члены и пошла по направлению къ сверкнувшему раннему дыму, она увидѣла бы собѣжавшій къ рѣчкѣ хуторокъ, увидѣла бы уютную слободку Выхраманы. Иногда усталый, изнуренный зноемъ путникъ раздвигаетъ руки чашу дикаго кустарника, тщетно пролагая въ дубравѣ тяжелый свой путь, и вдругъ въ лицо его повѣетъ влагою, тѣнь осѣнитъ его, и побѣгъ чистой, холодной струи затрепещетъ въ легкомъ сумракѣ тишины и свѣжести лѣсной чащи. Также неожиданно, словно изъ-подъ травы, является путнику уединенная слободка, слободка на рѣчкѣ Балаклеякѣ, слободка старинная, не новая, притаившаяся въ глубинѣ байрака, съ своими обычаями и нравами, притаившаяся, какъ забытый лѣтнимъ зноемъ сибѣгъ заноздалой зимы, какъ отнесенная съ равнины успокоившагося моря щепка разбитаго бурей корабля.—О, весна еще радостнѣе встрѣчается на слободкѣ! Авдотья-кузнечиха пришла и стала надъ рѣками и озерами; Хіона-урви-берега пришла за нею. Щука хвостомъ разбила ледъ, и воды двинулись среди потопленныхъ луговъ. Егорій-съ-водой былъ не долго; Никола-съ-травой близится и замѣняетъ его; жаворонки рѣютъ и слобожане поютъ: «прилетѣть куликъ изъ заморья, вывести весну изъ затворья!» Весна идетъ по слободкѣ. Пѣтухи заливаются криками съ утра до вечера, заливаются на крышахъ и воротахъ соломенныхъ хатокъ; волы жмурятъ глаза, грѣя у заборовъ свои плотныя спины. Корова шумно дохнула и лижетъ оттаявшее окно; а съ вошедшимъ въ хату ребенкомъ влетаетъ свѣжесть и какое-то обхватывающее душу благоуханье воздуха. Летятъ травники и поручейники; летятъ кряквы и тудакъ. Ласточки спуютъ, какъ мухи; далекій рѣзкій крикъ гуся оглашаетъ пустынные тростники; въ ближней гущинѣ кленовъ звучитъ и перезванивается золотая флейта иволги; а слобожанинъ, покинувъ объятія теплой печки, гдѣ лежалъ всю зиму въ просѣ, куры трубку, уничтожая горячіе блины и любясь молодою женой, вышелъ подъ навѣсъ хаты въ одной рубашкѣ и не безъ основанія полагаетъ, что иволга кричитъ: «Брось сани, возьми возъ!» Пчелы засуетились, загудѣли и одна за другой вылетаютъ изъ улья вялые и сонныя, вылетаютъ на луга и степи. Темнымъ вечеромъ, сѣвши на заваленкѣ, полновидая и чернобровая дивчина затинула пѣсню, ей вторять другія, и слободка зазвучала!—Пѣсни-веснянки идутъ по слободкѣ.

сосѣднимъ луговинамъ и рощамъ. Пѣсни-веснянки поются шумными толпами слобожанской молодежи. Черпобровыя дивчата, въ лентахъ и мопистахъ, поютъ: «по три гроша молодець, какъ печеный горобецъ»; лихачи-парубки, въ шапкахъ, заломленныхъ чортомъ, поютъ: «по копейка баба, по полушкѣ дѣвка!» Пестрая, дѣтская толпа прыгаетъ и хлопая въ ладоши, кличетъ дождь: «дождь-дождемъ, поливай ковшемъ!» — прыгаетъ и поетъ: «иди, иди, дождикъ, сварю тебѣ борщикъ, и съ петрушкою, и съ капусткою, и съ желтыми печеричками!» Дождь шумитъ и падаетъ, и благодатный солнцегрѣвъ словно тянетъ изъ земли пышныя травы и овощи. При первомъ ливнѣ дѣвушки подставляютъ подъ холодныя брызги свои пышныя плечи и нѣжныя щеки, а парубки свои густыя кудри. При первомъ громѣ слобожанинъ считаетъ долгомъ стать подъ заборомъ и подпереть его своею спиной. По улицамъ несутъ хлѣбъ, обложенный первой зеленью, несутъ деревянныхъ ласточекъ. Чтобы явилась сорока, кладутъ на дорогѣ къ колодезю сорокъ палочекъ, а школяры несутъ дяку сорокъ бубликовъ; впрочемъ, веснянки еще не несутъ теплоты, будетъ еще сорокъ морозовъ! Сорока является, и дивчата и парубки идутъ въ лѣсъ — закликать кукушекъ. На зеленой просѣкѣ ждуть перваго крика птицы-предвозвѣстницы, бесѣдуютъ съ нею, ѣдятъ и пьютъ, и шумно открывается пора цвѣтныхъ игръ... Чекачки, свинка, вдовья лоза, горн-цвѣтъ, скрагли, хренчикъ и рябець идутъ и смѣняются другъ другомъ. Пастухъ выбранъ: съ каждой головы скотины обѣщано ему по грошу или по гривнѣ за лѣто; стадо двинулось въ поле, и дудка зазвучала. Мартовская брага ставится въ глубокіе подвалы, на случай близкихъ сватаній и обмѣна ручниковъ. Но прежде выбора пастуха и обмѣна ручниковъ, наступаютъ Еомини, понедѣльнички; идутъ на дѣдовскія и огчія могилы, идутъ, прежде воздѣланья нивъ земныхъ, на нивы божьи, гдѣ почіютъ сномъ безмятежнымъ отошедшіе работники земли. почіютъ давнше жизнь племенамъ новымъ, племенамъ новымъ и счастливымъ. Слобожанинъ остается безъ шапки на родимомъ погостѣ; онъ молчитъ и трижды кладетъ земные поклоны... Но вотъ, просохшія пахоти зовутъ въ поле. Еремей-запрягальникъ несетъ плугъ и борону; Ирина-разсадница копаетъ огороды и бакши; а вотъ, не за горами и Аграфена-купальница и Федосья-колосница. Духовникъ ближ-

няго мѣстечка совершаютъ крестный ходъ на нивы и озими. Полевая работа начинаются: подсѣвки, засѣвки и досѣвки идутъ другъ за другомъ. За первыми всходами, на засѣянной нивѣ, послѣ общаго обѣда въ полѣ, на плугу, увитомъ цвѣтами, атаманъ съ слобожанами возятъ на себѣ паньотца. Но вотъ, летитъ уже изъ лѣсу стонъ и звонъ воздушныхъ пѣсенъ. Появляется желтоногенькая, вѣчно тликающая птичка: это — мучимая жаждой, это — птичка, по словамъ слобожанъ, вѣчно просящая пить. Зной на порогахъ, лѣто не загорамъ.—А вотъ оно и настало!..

Лѣто!..

Какъ ярко и зелено кругомъ! Какъ кипитъ заботливая жизнь! На Зилота собраны быстро-отцвѣтающія цвѣлбныя травы. Настаетъ зеленая недѣля. Свѣжесть и влага весны еще не закатились за синѣющіе холмы окрестностей. Пояса плетутся изъ травъ, шапки плетутся изъ травъ, вѣнки и черевички плетутся изъ травъ! Въ косяки хать втыкаются красныя васильки, голубыя сокирки, панскій-макъ, нагидки, линово-сизые колокольчики, павлиньи глазки. Всюду зелень, всюду травы, всюду радость! Дѣтвора дудитъ въ осиновыя дудки. Суровый чабанъ ладитъ лады и сердце на грубо-отесанной очеретяной свирѣли. На каждой русой головкѣ вѣнокъ, на каждой русой головкѣ любимый выборъ стебельковъ руты, волошкови, любистка, мяты, крученыхъ-панычей, гвоздики, чернобривцевъ, зинзивера и черевичковъ. Ковалева-Катря, у которой густыя брови, какъ черныя жуки, сомкнулись и не расходятся, нацѣпила во всю косу, косу — шириною съ ея собственную ладонь, цѣлую лавку лентъ и увѣчала ихъ огромнымъ пучкомъ калины. Спрота Христя, у которой никто еще не видѣлъ улыбки, воткнула въ волосы вѣтку божьяго-листу и человѣчьяго-вѣку. Чабанова Хитка украсилась нечосой-панночкой; а полногрудыя и рослыя дочки зажиточнаго атамана, — атамана Самоѣлика, никогда не покидающаго своей палки, обвиня положенныя вѣнцомъ надъ русыми головками русыя косы свои нитями вѣчно-зеленаго и вѣчно-любимаго барвника, этого заветнаго, перваго друга степной дѣвической юности и послѣдняго украшенія старческой, одинокой, степной могилы. И все это поетъ, и веселится, и ждетъ въ опьяняющемъ туманѣ радостей праздника заветнаго, праздника Ивана-Купала. Иванъ-Купало сходить на холмы и долины. Крас-

ный пѣтухъ зажаренъ; клей съ девяти деревъ собранъ; на перекресткѣ трехъ дорогъ подняты соломинки и сплетенъ вѣнокъ изъ девяти травъ, сорванныхъ на девяти холмахъ. Сглаженные злымъ глазомъ выкупались въ ранней росѣ, и деревянный огонь, или царь-огонь, пріобрѣтенный отъ тренія двухъ вѣтвей лѣсной ивы, не слышавшей ни шума воды, ни крика пѣтуха, ивы, изъ которой свирѣль способна даже мертваго заставить плясать, уносится съ торжествомъ въ поле изъ тихой слободки. Въ темную, безлунную ночь пространства стеной, на цѣлыя сотни верстъ, мгновенно вспыхиваютъ и освѣщаются живыми огнями. Въ темную, безлунную ночь съ холма къ рѣкѣ, по отлогому берегу, кладутся вереницей десятки костровъ, и посмотрите, какъ обливаются блѣскомъ эти ленты и дукаты, широколистые вѣнки и груди, обнаженные ноги и ярко вышитые подола стройныхъ слобожанокъ, прыгающихъ подъ заунывные купальскія пѣсни черезъ соломенные и поскошныя костры! А чучело марены изъ вѣщицъ травъ, изъ былицы, богатѣньки, ѳдоленя и адамовой-головой, въ длинной бѣлой рубахѣ, въ желтой плахтѣ и въ монистѣ, въ вѣнкѣ изъ алыхъ махровыхъ маковъ и чернобыльника, стоитъ себѣ на холмѣ, среди тихо-подвижнаго, громкаго хоровода. И чуденъ издали видъ быстро бѣгущихъ и волнующихся въ дыму и пламени слобожанокъ! И поютъ слобожанки про Иванка и Оленку, про Петрочка и Парасю, про Василька и Оксану, про Павлочка и Пидорку. И поютъ онѣ, какъ ходили дѣвочки около мареночки, около того Вудала-Купала, и какъ играло солнышко на Ивана. Съ шумомъ топять наконецъ въ рѣкѣ нарядную марену. И далеко разносится по темной долинѣ надъ рѣкою пѣсня: «Купался Иванъ и въ воду уналъ!» — И откликаеть тонущая въ сумракѣ окрестность: «Иване, Иване, подъ гору зелененько, на мѣсяцѣ видненько, серденько!» — И катятся съ холма, обнявшись по-парно, молодыя подружки, и катятся съ другой стороны, также съ холма, парубки; пары разрываются, и кто къ кому докатытся, того и считаютъ за назначеннаго судьбой жениха. А между тѣмъ, головы болѣе безстрашныя собираются тайкомъ проскользнуть, до первыхъ пѣтуховъ, въ лѣсъ или на болото, гдѣ скоро зацвѣтетъ сатанинская трава палоротникъ, и не боятся они встрѣтить качающихся на вѣтвяхъ зеленыхъ русалокъ и синихъ, въ косую саженъ величешюю,

ящерицъ, и не боятся они увидѣть сотни разсыпанныхъ по травѣ, огненныхъ ивановскихъ человѣчковъ! И самыя хороводы завиваются и гремятъ надъ долиною, пока, наконецъ, страшнымъ голосомъ изъ лѣсу не станетъ ихъ разгонять. Купало проходитъ, недалеко Петровка, недалеко задумчивыя, уныло-тихія пѣсни—петровочка, еще печальнѣе и еще элегичнѣе пѣсень купальскихъ. Слобожанинъ, между тѣмъ, не плошаеть. Онъ уже надѣлъ на лицо волосяную сѣтку и ловить рон, съ шумомъ вылетающіе изъ пасѣки,— пасѣки въ уютномъ грушевомъ садикѣ. Онъ помнитъ, что завѣщала людямъ царица-пчела, отъ которой вышли всѣ на свѣтѣ пчелы: «Корми меня до Купала, сдѣлаю изъ тебя пана». Приходитъ, наконецъ, Петровка, хлопотуньи хозяйки пекутъ вкусныя мандрыки. Замолкла кукушка, замолкла лѣсная провозвѣстница. «Отчего же это она замолкла?» — «Подавилась мандрыкою», — замѣчаетъ сѣдой, старый дѣдъ, обтесывая кривымъ рубанкомъ рукоятку для серпа своей внучки. Веснянки, купальскіе огни, петровскія пѣсни и кукушки прошли; царство зноя, царство жаровъ и засухи вступаетъ въ свои права. Утреннія росы кропятъ еще едва остывающую за ночь, жаркую грудь земли; колосья зрѣютъ и наливаются, и пышно волнуется червонно-золотая, сквозящая огнемъ нива новаго хлѣба. Немного печалить людъ Божій заломы колосьевъ: ночью чья-то невидимая рука надламываетъ тяжелыя колосья; ну, да ничего! авось умолоть будетъ хорошій. И вотъ, руки ломаются отъ размаховъ косы; спина ломится отъ сверканья кривымъ серпомъ; ноги ломаются отъ ходьбы по необозримой пажити. Работа идетъ живо и скоро. Обжинки, праздникъ новаго хлѣба, встрѣчаются съ сулеею вина и новыми пѣснями, — пѣснями косовицкими и гребовицкими; золотой вѣнокъ изъ колосьевъ, увитыхъ васильками, надѣвается на голову лучшей жницы. Священникъ опять является съ крестомъ и водою, среди разбросанныхъ кучами сноповъ и копенъ. Кутья изъ первыхъ зеренъ ячменя на мискѣ, убранной цвѣтами и листьями, отсылается въ церковь. А вотъ толпа, радостная случаю повеселиться, убрала послѣдній снопъ изъ послѣднихъ брошенныхъ колосьевъ на нивѣ, убрала его въ видѣ человѣка съ руками и ногами и несетъ его съ торжествомъ на слободку, и слободка снова не умолкаетъ до зари. Покосы, запашки, засѣвки, помочи, замо-

лоты, умолоты и перемолоты—идутъ встѣдъ за обжинками. Спиридопъ-солнцеворотъ недалеко. На Маккавеевъ производится макотрусъ и пекутся шулики изъ маку и сдобныхъ коржиговъ. Наступилъ Спасъ медовый и Спасъ яблочный. Бьютъ пчель и выбираютъ медъ; тутъ пчела очень зла, и не одинъ является на косовицу съ дулею подъ глазами или цѣлымъ огурцомъ подъ губою. Ягоды зрѣютъ, бакши зрѣютъ, ленъ и конопля зрѣютъ. Потрепушки, колотушки, супряжки, порѣпницы, калустницы и дынекрадницы настаютъ на слободкѣ. Но что это? Куда стремится разряженная толпа? Возы скрипятъ, сапоги звенятъ подковами, алые черевички какъ жаръ горять. Въ сосѣднемъ мѣстечкѣ, въ Лиманѣ, соборный праздникъ и ярмарка. Что же это за ярмарка? Продаются ли тутъ кони и полотна, сукна и посуда? Стоятъ ли тутъ гордымъ строемъ разноцвѣтныя палатки и самовары, наставляемые по тринадцати разъ въ сутки? Нѣтъ тутъ ни коней, ни полотень, ни суконъ, ни самоваровъ! Продается тутъ рыба-чехонь, и птица-курица, торгуетъ тутъ нашъ братъ, слобожанинъ, торгуетъ чѣмъ попало, и хлѣбомъ, и дегтемъ, и солью, и всячиною, и чѣмъ только опъ задумаетъ. И поетъ тутъ свои безконечныя пѣсни, подъ звуки кобзаря, слѣпой кобзарь Гарбузь, или знаменитый Петро Колибаба, или, наконецъ, и самъ Тростинецкій кобзарь, — Залавскій. Цыгане замолкли, крики торгашей замолкли, щебетухи-перекушки замолкли. Стоятъ слобожане кружкомъ, подперши головы руками и свѣсивъ чубы, стоятъ и слушаютъ кобзаря; и звучатъ потрясающіе, унылые переливы украинскаго речитатива, и звучатъ торжественныя думы о Голотѣ, о смерти атамана Ѳедора Безроднаго, о Самойлѣ Кумкѣ, о Барабашѣ, о Морозенкѣ и о вѣчно любимомъ гетманѣ, о гетманѣ Хмельницкомъ — Богданѣ. — А не хотите ли пѣсни другой, будничной, пѣсни соромищикои? Кобза загремѣла, мѣхонюша-повадырь дудитъ въ дудку, и пошла гремѣть! «Ой бистъ мнни раду давъ, що я соби бабу взявъ! Бабу, бабу, бабу, бабу, бабу взявъ!» И внимающая толпа не выдерживаетъ, пускается въ плясъ и подхватываетъ съ громомъ: «Ой, сорока скрегоче, никто бабы не хоче! Бабы, бабы, бабы, бабы не хоче!» И площадь мѣстечка долго гудитъ подъ сапогами веселыхъ слобожанъ. И далеко наконецъ разносятся слова пѣсни: «Ой, кто до кого, а я до Параськи!» И громко льется слободское ве-

селье.—Но вотъ, послѣдняя лѣтняя гроза ползеть и засти-
лаетъ половину неба. Укрывшись подъ развѣшенною на
косѣ свиткою, лежитъ навзничъ истомившійся косарь, ле-
житъ и не видитъ, какъ злобѣщая тѣнь перебѣгаетъ по
гопнамъ и сѣннымъ покосамъ, спавшее стадо поднимаетъ
тревожно головы, и стая дикихъ утокъ летитъ, спѣша
укрыться въ тростникъ, котораго верхушки уже сръзались
и переклонились отъ набѣгающаго быстрого степного вихря.
И вотъ, подулъ бурей вѣтеръ отъ солнца, несущій бури;
звучно падаютъ первыя металлическія капли ливня, и цѣ-
лое море дождя разомъ проливаетъ на жадную землю по-
слѣдняя лѣтняя туча. Быстро падаетъ и быстро высыхаетъ
этотъ дождь. Черезъ мигъ, кругомъ уже свѣтло, и въ лу-
чахъ солнца купаются послѣдніе клочки летящихъ безъ
вѣсти, влажныхъ облаковъ, а веселуха-радуга, переклонив-
шись коромысломъ, тянетъ изъ ближней рѣки воду. Только
на дальней, синѣющей луговинѣ поднялся дымокъ, подъ
нимъ зарѣлась алая точка, и стогъ сѣна, подоженный
молніей, клубитъ летущее пламя. Но вотъ, Спиридонъ-
солнцеворотъ наступилъ, солнце поворотило съ лѣта, а лѣто
на холодъ... Заяцъ выкупилъ и сталъ, какъ въ мѣховыхъ
штанахъ. Алое сукно клубники застилаетъ холмы и луго-
вины. Въ байракѣ, за Балаклею, открыта волчья вы-
водка. Поросята, что день, исчезаютъ въ ближнемъ стадѣ,
и коренастый кабанъ, не безъ тревоги, посматриваетъ съ
косогора на стада барановъ, тонущія въ густой, сквозящей
головатыми маковками, полянѣ цвѣтовъ и травъ.—Осень!..

Семень-лѣтопроводецъ обходитъ сады, пашни и огороды:
край неба на зарѣ багровѣетъ! Она радуется и не радуется,
грѣетъ и не грѣетъ, эта чудно-суровая степная осень. На
Воздвиженье уже сдвинулась свита и подвинулся кожухъ.
Слобожанинъ выходитъ изъ хаты, становится противъ солнца
и пристально смотритъ, блуждая взорами по опустѣлой
окрестности... Сколько потрачено на эту землю силъ и тру-
довъ, заботъ и здоровья! Давно ли шумѣли по ней лезвія
быстрыхъ косъ, и косари, какъ паруса кораблей, рядами
шли и расходились по луговинѣ? Давно ли огни позднихъ
ужиновъ усыпали звѣздами темнѣющее море степи, и за
казанкомъ водки батраки тли пшеничную кашу съ таранью,
галушки съ перенелками? Дымъ, какъ саванъ блѣднаго
привидѣнія, челъ по полю и исчезалъ въ мерцающей ночи,

а багровый, гигантскій шаръ запоздалаго мѣсяца, какъ голова сказочнаго богатыря, тихо высовывался изъ-за двухъ кургановъ, посылая прежде себя пожаръ далекаго лѣса, или подобно раскаленному сердцу, воткнутому въ далекій стогъ сѣна, алѣть на небосклонѣ... Давно ли скригѣли по проселку возы, нагруженные снопами, и на подвижной громадѣ ихъ круглилась русая головка въ вѣнкѣ изъ ярко-голубыхъ васильковъ? Давно ли?—А теперь въ полѣ скучно и пусто, скучно и бѣдно! Задумывается слобожанинъ и рѣшаетъ, что близко паутины лѣто и похороны мухъ. Паутины лѣто и похороны мухъ наступаютъ; летять по воздуху бѣлыя нити паутинокъ, сорванные вѣтромъ. Вѣдмы думять на помелахъ эти нити и свиваютъ ихъ въ мотки на зиму. Въ арбузныхъ коркахъ строятъ могилки мухамъ; а дѣпъ становится все менѣе и менѣе. Тернъ собранъ; арбузы на зиму насолены; сливяки, барбарисовки, смородиновки, черешневки, грушевки, клубниковки и всякія водянки настоены, слиты и укупорены въ завѣтныхъ дѣдовскихъ подвалахъ. Знахарки, навьюченные травами и кореньями, десять разъ уже посѣтили сосѣднія балки и рощи. Дикіе журавли стадами бродятъ около коней сѣна и по курганамъ, выплыввая на солнцѣ другъ передъ другомъ неистовыя пляски. Молодой заяцъ мячемъ выкатывается изъ-подъ ногъ охотника. Рогъ звенить, и свора несется, чуть касаясь верхушекъ легкой травы. На тусклѣ небеси снуютъ и черябютъ неподвижно распластанные кресты плавающихъ подъ облаками коршуновъ. Хлѣборобы, гречкосѣи, просомяты и домонтари жарче берутся за работу; одни чумаки, въ ожиданіи умолота пшеницы и обычнаго похода въ Крымъ за солью, лежатъ и грѣются подъ вишнями. Въ бондарѣхъ звенить подъ новымъ обручемъ бочка. Вольт ченется о поднятую оглоблю веза, раскрашенаго прохожимъ изъ Яковенковыхъ хуторовъ маяромъ. Молодица, вся подоткнутая и подвязанная, только-что выполоскала новую крашенину и опрокидываетъ ушатъ съ водою, смѣшанною съ синькой, а румяный мельникъ, съ пануренною бородой и висками, остановился у своихъ воротъ и, изъ-подъ мѣшковъ съ горохомъ и просомъ, кричитъ проходящему кузнецу, чтобъ не забыть подковать его новые желтые, козловые сапоги. На длинныхъ кольяхъ изгороди, перевернутые вверхъ дномъ, торчатъ зеленыя кубышки и миски, и локоны хмеля,

выглядывая изъ-подъ морщинистыхъ желтыхъ тыквъ, выросшихъ на заборѣ, взбѣгаютъ на жерди и вьются на воздухѣ махровыми кружевами. Среди слободки появляются навьюченные мѣшками и связками попушкии шетины, пеньки, перьевъ, полотна, воску и меду; товаръ мѣняется на гребни и иголки, на ленты и бусы. А вотъ и вирій начался. Въ теплыя страны, въ страны приморскія улетаетъ всякая птица. Плывутъ въ небѣ шити дикихъ гусей и стрепетовъ, мелкая дробь перелетовъ и скворцовъ, плывутъ снова косяки курликающихъ журавлей и огари, съ яркомалиновыми ногами и носомъ, точно обмокнутые въ яркoplаменную киповарь. Волосыные кулички, и тѣ летять. Длинные перья на ихъ шеѣ и хребтѣ заворачиваются отъ вѣтра, и кажется, будто распушенные хлопки шерсти летять по воздуху. Дѣти пускаютъ въ это время, изъ луковъ, въ перелетную птицу камышевыя стрѣлы, облѣпленные на концѣ смолою. Большею частью эти стрѣлы уносятся подъ крыльями дюжей птицы; но иногда жирный, упитанный гусь, догнанный ловко-пущенною стрѣлою, падаетъ изъ недосыгаемой высоты и разбивается тутъ же о твердую землю. Въ воздухѣ свѣжѣеть. Пахнули первые утrepники. Значить, зацвѣла гдѣ-то, вовѣки незримая, трава глody. На Покрова толпа дѣвушекъ идетъ молиться о Покровѣ женахамъ. Рослый, плечистый атаманъ, неподкупный атаманъ. Самойликъ, ведетъ съ послѣдней полевой работы, съ опашки и засѣвковъ подъ озимь, своихъ слобожанъ и, остановясь среди улицы, угощаетъ ихъ водкою. Палка, усѣянная бирками, отставлена въ сторону, и веселье идетъ разливанною рѣчкой; самъ атаманъ расправляетъ усы и осушаетъ муравленый шкаликъ. Въ кружкѣ пьющихъ и ноющихъ молодицъ прохаживается здоровая, полноокрая бабенка; мосьея ужъ озарился лучами подступающаго веселья, и, прохаживаясь мелкимъ топотомъ, бредитъ она подковами и припѣваетъ: «Вотъ, бабы, какая я хорошая! Вотъ, бабы, какая у меня плахта! Гуляй, бабко!.. Эхъ, но-ожъ гуляй, бабусю!» — Бабуся, однако, гуляетъ не долго! — Синеводная весна, зелено-благоуханное лѣто и золото-багряная осень прошли; краски полей измѣнились: бѣлая зима недалеко. Морозъ неожиданно перекидывается изъ-за цѣпи приземистыхъ косогоровъ, грянетъ стужа, и достанется тогда на славу всѣмъ лысымъ и плѣшивымъ. Пезыбнiя галки спуютъ по небу

и каркають, пророча близкую зиму. Снѣгъ виситъ въ каждой тучкѣ, виситъ надъ омертвѣлою, опустѣвшею степью.

Зима! Долгая, скучная зима!

Вы хотите знать, какъ живется на слободкѣ зимою? — Какъ живется? Живется скучно! — Нѣтъ на слободкѣ ни каминовъ, ни газетъ, ни театровъ; нѣтъ на ней ни баловъ съ ослѣпительнымъ освѣщеніемъ, зеркальными полами, яркою зеленью и сверкающими, обнаженными плечами. Скучно живется зимою на слободкѣ! — Слобожане, однако, стараются разогнать эту скуку. Чуть пришла пора рѣкостава и подступили Егорій-съ-гвоздемъ и Никола-съ-мостомъ; окна законопатились, и земля съ водой сплотилась однимъ непрерывнымъ мостомъ. Время работъ внутри двора настало. — Эти, наиримѣрь, бѣлыя, чистенькія хатки разукрашиваются и убираются весьма затѣйливо. Стѣны подъ образами разрисовываются розовыми, голубыми и зелеными полосками, какъ цвѣтутъ розы и васильки; тутъ же втыкаются пучки любистка, гвоздики и полюбий, и послѣдняя трава считается травой очистительной. Вымѣненные у Цареборисовскихъ и Салтовскихъ маляровъ иконы, между которыми особенно уважается икона Межигорской Богоматери, освѣщаются передъ каждымъ праздникомъ восковыми свѣчами. Страстная свѣча припасается на случай грозы. Тутъ же въ мѣшкѣ, виситъ артостъ и ладанъ и для неизлѣчимыхъ болѣзней полотенце, которымъ священникъ отирать съ престола пыль. Надъ дверью, въ пузыркѣ, виситъ крещенская вода; ею кропятъ перепуганныхъ дѣтей. Ткацкій станъ стучитъ и хлопаетъ съ утра до ночи, и гребень, съ начатою мочкою пряжи, уже не пускаетъ Ковалеву-Катрю, щеголиху и пѣвунью, взглянуть лишній разъ въ обломокъ зеркальца, вмазанный между окнами. Начинается долгая пора домашнихъ работъ; работы коротаютъ время и скуку. — Хлопотуньи-хозяйки встаютъ, или, какъ говорятъ слобожане, рушатся первыя; задолго до разсвѣта, почти въ полночь, зажигаются жировые каганцы, и пряжа прядется до самой зари. Усталые глаза лишнютъ отъ дремоты, но веретено жужжитъ и прыгаетъ по глиняному полу. Чуть заря, начинается стряпня обѣдовъ. Полностаная, полногрудая дивчина, взявши круглое коромысло съ двумя ведрами на плечи, идетъ за водой, и пышно колыхнется на ней бѣлая новая свитка съ двумя черными

сердечками на спиць, у пояса. Время обѣда, о вы, отдаленные читатели столичные, на слободкѣ — десять часовъ утра. Послѣ обѣда — кто садится опять за пряжу, кто за ткацкій станокъ, а кто и за шитье людямъ на сторону. Съ сумерками настаетъ тонка печей къ ужину. Ужинають въ пять часовъ, и вслѣдъ затѣмъ на слободкѣ уже не слышно человеческого голоса. Мужики, впрочемъ, какъ и слѣдуетъ, лѣнивѣе бабъ. Мужикъ, отработавшій осенью, до первой новой теплыни лежитъ себѣ на печи и знать ничего не хочетъ. Онъ и за золотыя горы не пойдетъ зимой на заработки: чего ему еще надо? Хлѣба у него полно закрома, въ хатѣ молодая жена, на ногахъ одни сапоги, а другіе сапоги еще въ дегтѣ такъ и мокнуть: только задумать, надѣть и щеголяй по слободкѣ! — «Жинко, найди трубку!» — говоритъ хозяинъ съ печи. — «Да гдѣ-жъ она?» — говоритъ жинка, шаря по угламъ. — «Да ты ужъ знаешь, гдѣ она», — говоритъ мужъ, потягиваясь и зѣвая на печи. — «Гдѣ — знаешь! — не знаю!» — говоритъ робко жинка, теряясь въ тщетныхъ поискахъ. — «Да ужъ найдешь!» — говоритъ непроницательный лѣвтяй: — ты только ищи тамъ, гдѣ пахнетъ!» И терпеливая жинка ищетъ тамъ, гдѣ пахнетъ, и точно — находитъ трубку. — Но пчелюбы и лѣвтяи — не главный народъ слободки. Расторопный хозяинъ съ зари уже за работою. Онъ идетъ на загонъ, задастъ кормъ воламъ и атакъ, молотить, вѣсть, толчетъ, мелеть крупу, мелеть муку, мелеть табакъ, возить дрова, или садится за какое ремесло — бочарное, столярное, кожевенное, кузнечное или малярное. Не замѣтишь, какъ Варвара уже ночи украла и дня притачала. — и смотреть слобожанинъ: не идетъ ли уже весна съ поля? Пѣть! далеко еще, не идетъ! Будутъ и сильные вьюги, и сильные морозы; будетъ еще семь долгихъ морозовъ, — морозы: михайловскіе, введенскіе, екатерининскіе, никольскіе, рождественскіе, аванасьевскіе и срътенскіе. Въ ясную оттепель гурьба ребятишекъ бѣжитъ за околицу — катать снѣжные шары. Изъ шаровъ возникаетъ огромный, головатый человекъ — и съ руками, и съ ногами, и съ носомъ, и съ усами: его обкачиваютъ водою, и ледяной великанъ остается до первого дождя, служа немомѣрною потѣхой слободскимъ ребятишкамъ. Но, наконецъ, пряжа и молотьба, всякія ремесла и снѣжный великанъ, и все надоѣло! Зима тянется нескончаемо. Настаетъ пора сказокъ... Старухи гадаютъ

внучатамъ и внучкамъ на угли, на воду и красныхъ пѣтуховъ. Онѣ говорятъ краснощекимы внучкамъ: «Ты не бойся, кубышка моя, ты не бойся, муравленая; ты, кубышка, на счастье шла, макитру пироговъ несла, еще курицу жареную, еще утицу перепареную, будь здорова, кубышка моя!» Скопидомка-знахарка, старая старница, всегдашняя дѣвица, сбрызгиваетъ сглаженныхъ педобрымъ глазомъ, выливываетъ переполохъ, завариваетъ сояшницы, лѣчитъ дѣтскую чахлость и старческую вялость, шепчетъ на зубы, сводитъ куриную слѣпоту, сипитываетъ бѣльма, находитъ вѣдьмины горы, и даритъ охаяннымъ хозяевамъ неразмѣнный рубль. Приди только бѣдственное сердце, она утѣшитъ; приди сердце покинутое, она дастъ зелье на слѣдъ; приди человекъ испорченный, она дастъ зелье на вѣтеръ; по пѣтуху откроетъ вора и по пчелиному соту исправитъ пчелпное дѣло. Обратись къ ней немощный, она оградитъ отъ всего; заговоритъ отъ тоски по насердкѣ, отъ несчастія въ дорогѣ; заговоритъ отъ зми, отъ крови, отъ зубной скорби, отъ икоты, отъ войны и мора, отъ черныхъ муріевъ, отъ красныхъ мышей съ зеленымъ глазомъ, отъ живота и отъ подпечныхъ «дидьковъ», принимающихъ такое участіе въ хозяйствѣ. А что такое подпечный дидько, это всякъ ужъ скажетъ! Да я думаю, что даже и не скажетъ, потому что врядъ ли кто рѣшится сказать, когда—того и гляди—старецъ, величиною съ воробья, въ войлочной шапкѣ и весь синій, выгнетъ изъ темнаго угла... А вотъ и неожиданная свадьба проглянула на слободкѣ. Сваты, перевязанные ручниками, подходятъ къ огню отца и матери невѣсты и говорятъ: «Мы слышали, что у васъ есть гусочка, а мы приготовили гусака; такъ, какъ бы ихъ спарить,—чтобы ужъ вмѣстѣ ходили и вмѣстѣ паслись?»—На это отвѣчаютъ: «Рады господамъ сватамъ!»—и ширь горою начинается. Только-что прошла свадьба и хмельныя головы простыли, опять веселье и опять радость: сочельникъ рождественскій на порогѣ. Хата запово обѣлена и размалевана. Надъ столомъ красуется новая картина; кадка меду, чистаго, какъ глыба перваго сѣвга, отдана за нее лиманскому звонарю, и еще переминался рыжій звонарь и утѣшился только тогда, какъ выпилъ еще кварту сливянки и взялъ на рубанки дѣтямъ кусокъ полотна. На картинѣ написанъ запорожскій гайдамакъ въ зеленомъ кунтушѣ и синихъ шароварахъ; чубъ свѣсленъ за ухо и коротенькая люлька тор-

чить въ зубахъ. Тутъ же стоитъ бѣлый конь и фляжка съ водкою; на деревѣ—полковой гербъ, а на землѣ—ружьё и рогъ. Гайдамакъ что-то шьетъ. А внизу надпись: «Сидитъ казакъ на стерну и штаны латаетъ; стерна его очень колетъ, а онъ стерну лаетъ!» — Хозяинъ-домонтарь выбрилъ гладко бороду, подобрилъ усы и затылокъ и ходитъ по хатѣ, въ ожиданіи праздника. Дѣти несутъ крестнымъ отцамъ вечерю: узварь, кутью и пироги. Въ звѣздную, морозную ночь начинаются колядки. Толпа дивчатъ идетъ чествовать святой вечеръ. Шумныя толпы славятъ Христа. По улицѣ несутся пѣсни: «Ой, рано-рано, куры запѣли; святой вечеръ!» По улицѣ несутся пѣсни: «Ивашко встань, лучкомъ забряжчалъ, зоветъ братьевъ въ поле; тамъ кунца въ деревѣ, а дивчина въ теремѣ!» Толпа парубковъ пересѣкаетъ имъ дорогу, сбиваетъ ихъ съ голоса, и строгія пѣсни колядокъ смѣняются пѣснями шуточными. Раздосадованныя дивчата поютъ: «Поѣхали хлопцы на ловы до зеленой дубравы; та уловили комаря-звонаря; стали суды судити, стали комаря дѣлти!» Парубки на это только слушаютъ и ничего не поютъ. Колядки смѣняются щедровками. На Меланку, ребятишки и дѣвочки ходятъ съ мѣшками и поютъ подъ окнами стариковъ, собирая за это, точно убогіе странники, куски хлѣба, пироги, колбасы и блины. Но ничто такъ не радуетъ дѣтей, какъ утро новаго года. Тутъ имъ полное раздолье. Съ шерстяными рукавицами, полными гороху, овса, гречихи и проса, они врываются въ хаты дядьковъ и дѣдовъ, врываются и посыпаютъ сонныхъ дядьковъ и дѣдовъ полными горстями зеренъ, посыпаютъ огна, столы и даже вставшихъ хозяевъ, причитывая: «На счастье, на здоровье! Уроди Боже жито, пшеницу и всякую пшеницу! Съ новымъ годомъ и съ Василемъ!» Пришло Крещенье... Сыплетъ и медленно падаетъ мохнатый свѣгъ, сугробы застилаютъ дорогу; на рѣчкѣ прочищена сверкающая полоса синезеленаго льда, и толпа ребятишекъ скользятъ и катятъ по ней палки, подбиваютъ другъ друга, кричатъ и смѣются на морозѣ; и не видятъ они, не замѣчаютъ, какъ клонится къ закату и угасаетъ недолгій февральскій вечеръ. Но, что это? Съ холма, со слободки, идетъ длинная вереница; печально и тихо идетъ толпа, неся высокіе кресты, церковные высокіе фонари и хоругви. Солнце скрылось за сплошныя бѣлыя тучи, и безпредѣльнымъ саваномъ разстилаются

объявляя степи. Умеръ атаманъ, умеръ высокій, чернобровый атаманъ, вождь и начало всѣхъ трудовъ, всѣхъ безчисленныхъ работъ и заботъ слобожанскихъ. Смежились долгимъ сномъ его зоркіе глаза, и палка, усыпанная бирками, навѣки покинута! Жилъ онъ привольно и богато, и по заслугамъ, какъ говорится, одна рука его была въ меду, а другая въ патакѣ. Не станеть онъ болѣе передъ косцами, не тряхнуть кружкомъ нависшихъ на лобъ волосъ, не скажетъ: «А ну-те, господа слобожанство! а гдѣ ваши руки, да и гдѣ ваши ноги?» И тутъ же, сорвавъ зеленую козельку, не прибавить болѣе: «Хорошая козелька! славная козелька! не дураки овцы, что ее такъ любятъ!» — Довольно! Отработался первый и лучший работникъ слободки, отработался честно и до послѣдней капельки силы! Толпа идетъ и нѣсколько разъ останавливается. И всякій разъ, какъ она останавливается, священникъ, въ темной рясѣ, читаетъ во всеуслышанье вѣщую страницу разогнутой Вѣщей Книги. Толпа подходитъ къ погосту. Могила принимаетъ должное ей тѣло, и всѣ тихо расходятся по домамъ. Придетъ опять весна, степи зазеленѣютъ, но уже не встанеть изъ могилы покойный атаманъ! И вотъ подулъ вѣтеръ, метель хлынула и закружилась, степь потемнѣла, какъ море, и только съ удивительнаго кургана смотрять недвижно недвижные взоры каменной бабы, смотрять и слѣдятъ по-былому за тихимъ шествіемъ пустынной, степной жизни...

А между тѣмъ, послѣдняя льдинка растаяла, съ Аванасія полозь пошелъ глубже, корова бока стала грѣть. Аксинья-полузимница привела ясные дни и ясныя ночи, и вотъ опять пахнула теплынь и радость, изъ вирія опять летять птицы, опять катится по небу животворящая весна; и не видить слобожанинъ, и не слышитъ слобожанинъ, какъ убѣгаетъ передъ нимъ вереница тихихъ годовъ, и самая старость для него не несетъ уже изнуренія души и тѣла, не несетъ тоски и скучныхъ жалобъ дряхлости; она является къ нему какимъ-то яснымъ, умиротворяющимъ возвратомъ къ дѣтству, возвратомъ къ началу жизни, возвратомъ къ тишинѣ и незлобію стремленій и помысловъ. — Такъ-то живетъ въ степной, маленькой слободкѣ, въ слободкѣ на рѣчкѣ Балаклеикѣ *).

*) Исторія мѣста этого разсказа вошла въ очерки «Чумаки».

III.

ДѢДУШКИНЪ ДОМИКЪ.

(Над. Оед. Бантышъ.)

Теплинскій лѣсъ выходитъ на большую чумацкую дорогу. Въ старину, по случаю частыхъ разбоевъ, о немъ говорили: «Кто минуетъ голую долину, да высокую могилу, да теплинскій лѣсъ, то не возьметъ того бѣсъ!» Времена стали другія. Лѣсъ состарѣлся и измельчалъ. Но одна половина его, именуемая Черточешенскимъ уступомъ, попрежнему пугаетъ праздное воображеніе людей. Дремучая дѣбрь уступа полна таинственности и мрачныхъ красокъ. Впрочемъ, слово дремучая да не введетъ никого въ ошибку; дремучаго здѣсь собственно очень мало потому, что эта дѣбрь простирается не далѣе какихъ-нибудь двухъ или трехъ верстъ, и дремлетъ въ ней развѣ одному усталому отъ зноя лѣсническому да старику-дровосѣку. Нѣтъ въ теплинскомъ лѣсу ни рысей, ни песцовъ, ни росомахъ, ни горностаевъ; нѣтъ въ немъ ни барсуковъ, ни соболей, ни лансей, ни бобрровъ, ни медвѣдей. Зато въ неисчислимомъ множествѣ прыгаютъ въ его чащѣ приземистыя, краснобурья лисицы; зато всѣ дубки и орѣшники его усыяны бѣлками; зато волки въ немъ, какъ дома: никто имъ, уже болѣе пятнадцати лѣтъ, не мѣшаетъ тутъ плодиться, дѣлать набѣги на сосѣднія слободки и хватать изъ сосѣднихъ слободокъ лучшихъ поросятъ и барашковъ. Одинъ только разъ досталось въ ближнемъ селѣ, Панковѣ, какому-то косолапому сѣркѣ. За то же онъ и надѣлалъ дѣлъ! Пробрался въ околицу, да не только пробрался, а отыскалъ еще хату, и чью бы вы думали? — самого атамана, Колоднѣжнаго-Юхты, онъ же и Хриновъ-Бурякъ, — отыскалъ, вошелъ въ сѣни, изъ сѣней въ двери, залѣзъ на печку, съѣлъ тамъ три окорока, откопченныхъ къ петровскимъ розговѣнамъ, закусилъ миской варениковъ съ ягодами, да тамъ же и заснулъ. И досталось же за это косолапому сѣркѣ! — Теплинскій лѣсъ перерѣзанъ многими озерами, изъ

которыхъ Лебяжье, Плоское и Кривое считаются лучшими потому, что нигдѣ нѣтъ такого множества дичи, какъ тамъ. Въ Черточешенскомъ уступѣ, о которомъ пойдетъ главная рѣчь, протекаетъ небольшое безыменное, подвижное озеро, просачиваясь изъ безыменнаго же болота, и теряется тутъ же между тростниками. На низменной просѣлкѣ Черточешенскаго уступа, на гребнѣ зеленого косогора, надъ озеромъ и болотомъ, стоитъ дѣдушкинъ домикъ. Онъ стоитъ тутъ уже съ давнихъ поръ... Видъ съ косогора на воду, перебившуюся кучковатыми плѣсами, по которымъ, едва пробѣжить вѣтеръ, стелется лилово-сизый отливъ, и на сочную зелень болота, въ рамѣ тростниковъ и густолистныхъ кустарниковъ, — хороши особенно лѣтомъ. Какая странная и причудливая растительность! Какъ перевиты эти сучковатыя деревья дикимъ хмелемъ! По окраинамъ озера стелются ползучія травы, называемыя бабымъ неводомъ. Чемерка, лопухи, козій-листикъ и заячья-кануетка, былина и рисноголовая кульбабка, волошки и сочныя козельки, такъ любимыя собирательницами грибовъ и лѣсныхъ ягодъ, козельки всѣхъ родовъ и свойствъ, — и бѣлоголовый, дрябчатый смодвь, и сизый молочай, и голубая колючка, и рогозъ, и, наконецъ, сладкіе шингаки: чего только нѣтъ въ этомъ лѣсу! А какъ настанетъ весною прилетѣть птицъ, — и запоетъ, застонетъ кудрявый лѣсъ. По влажному, остывшему илу, какъ на конькахъ, скользятъ и бѣгаютъ нестрыя курочки, и сѣрая поверхность усеивается крестиками пурпурныхъ ножекъ, какъ старинная рукопись старинными словами. Каждый кустъ, каждая вѣтка одѣты своею благоуханною атмосферою. А носатый бгарь, точно комокъ красного сукна, перебрасывается съ дерева на дерево, бѣгаетъ и тихо вытаскиваетъ изъ влажной земли сладкіе коренки, бѣлыя поросли камыша и прошлогоднихъ букашекъ, или же, беззаботно набѣгавшись, стоитъ себѣ на одной ножкѣ, замуривъ глаза по сторонамъ поднятаго носика и дремлетъ подъ полусонное жужжаніе кузнечиковъ и мошекъ, и медленно качаются вокругъ него широкіе, сквозящіе лопухи и махровыя ленты хмеля, и тихо застилаетъ его прохлада подступающаго вечера, и проносятся надъ нимъ, какъ бродячія и вѣвчія струны, рогатыя жукалки и трепетныя, сумеречныя бабочки. Но вотъ, заливаются голубымъ и краснымъ потокомъ цвѣтушія нѣкоти. Трепещутъ и сохнутъ, отнесенныя весеннею водою, буреломъ и разное

мелкое ухвостье. Въ камышахъ пробираются облинялыя, безкрылыя утки. Гнѣзда свиты, начинается безконечная, громкая, роскошная лѣсная свадьба. Вотъ она идетъ и подступаетъ... На тихой утренней зарѣ, когда по темнымъ деревьямъ только-что мелькнули желто-пурпурныя пятна и туманъ свился и плыветъ надъ болотомъ, — въ недосыгаемой вышины беруть верхъ и идутъ какіе-то чудные звуки: точно торжественный, таинственный благовѣсть раздается подъ небесами и падаетъ на землю. И вотъ — все слышишь и слышишь, все ближе и ближе. Несутся воздушные полки воздушныхъ армій... На лѣсъ проливается цѣлое море звуковъ. Черканіе болотныхъ веретенниковъ, сочное курруканье горлинокъ, звонъ травниковъ, какъ теньканье крохотныхъ стекляныхъ колокольчиковъ, рѣзкое чоканье дроздовъ и дребезжащій смѣхъ пустынной хохотвы, какъ ауканье спрятаннаго въ кустахъ лѣснаго, долетающій откуда-то чуть слышимый бой перепела, трескъ куличка и печальныя перезваниванья иволги, — сколько странныхъ, сколько причудливыхъ голосовъ и звуковъ! Но и въ тихое осеннее время, когда матери перестали уже печально скликать разбѣжавшихся и разлетѣвшихся дѣтей; когда въ травѣ не шныряютъ уморительныя куличата, и гусыня не переноситъ уже съ плѣса на плѣсо за шейку крохотныхъ гусенокъ; когда бѣлоствольная береза ярко отдѣляется и сверкаетъ на матовомъ багрянцѣ вязовъ и сквозящаго, лапчатаго клена; когда, наконецъ, голубое сукно васильковъ уже не застилаетъ ни болотной кутемы, ни пеструшки: и въ тихое осеннее время — теплицкій лѣсъ имѣетъ много торжественно-таинственнаго. Погоняешь, какъ тѣнь, скользитъ въ сумерки по темной, ползучей шмарѣ; неугомонный дятель долбитъ и вьется вокругъ дупла столѣтняго, увѣшаннаго вороньими гнѣздами береста, и звучно падаетъ въ пустынной тиши изсохшій листъ, считая обнаженные сучки и вѣтви, и звучно уносится умирающая, до новой весны, пѣвучая лѣсная жизнь!..

Дѣдушка былъ не промахъ, когда построилъ свой домикъ на такомъ выгодномъ мѣстѣ. Домикъ представляетъ любопытное зрѣлище. Онъ старъ и покачнулся на бокъ. Соломенная крыша его завихрилась и поднялась отъ вѣтра, какъ панцырь у ежа. Бревна его исчерчены іероглифами червей, а крыльцо, какъ остовъ павшаго въ степи коня, проросло крапивою. Небольшой ребенокъ даже и не взойдетъ на него;

онъ взойдетъ на него только при помощи опрокинутого ведра или колоды, на которой дѣдушка кусть проволоочные крючки для своихъ удочекъ. Зато въ теплую погоду, отъ весны до осени, окна домика раскрыты настежь, и свободно влетаютъ въ нихъ мошки и сумеречныя бабочки, и свободно влетаютъ въ нихъ лепестки цвѣтущихъ яблонь и молодыя ласточки и сипички. Когда подобное обстоятельство случается, родители крохотныхъ птичекъ долго летаютъ и тилкаютъ въ вѣтвяхъ сосѣднихъ деревьевъ, предполагая, что это дѣдушка, хищнымъ набѣгомъ на ихъ владѣнія, похитилъ маленькихъ птичекъ. А дѣдушка ходитъ себѣ въ мерлушковомъ халатѣ, ходитъ и знать ничего не хочетъ. Зеленый картузь съ гигантскимъ овально-продолговатымъ козырькомъ, весьма напоминающимъ утиный носъ, покоится на его головѣ. И ходитъ себѣ дѣдушка, заглядывая подъ кусты и деревья, колірүя и подпиливая засохшіе сучки. И весело дѣдушка посматриваетъ съ зеленого косогора... А тишина въ старомъ домикѣ невозмутимая. Дѣдушка однажды сознался, что въ какое-то особенно бурное лѣто птичка, именуемая овсянкою, залѣтѣла въ окно его спальни, на глазахъ его свила въ углу, въ развѣшанныхъ моткахъ пряжи, гнѣздышко, выкормила дѣтей и съ новорожденною семьею снова улѣтѣла изъ спальни. Какъ не послѣдній мечтатель, дѣдушка далъ этому событію такое значеніе: «Придетъ время, и вотъ онъ самъ явится въ домикъ съ маленькою, своею собственною птичкою». Впрочемъ, это было еще давно-давно, въ годы прошедшей юности. Черточенскій уступъ видѣлъ дѣдушку и ребенкомъ, у котораго щеки походили на спѣлыя яблоки, а голова на репейникъ, и школяромъ, улѣтѣвшимъ изъ сосѣдняго городка на каникулы съ новизобрѣтенными хлопущками и незатянувшимся синякомъ подъ глазомъ, и офицеромъ въ мундирѣ съ желтымъ воротникомъ, на который заглядывались сосѣднія хуторянки, владѣтельницы пары черныхъ бровей, полной груди, звонкаго дѣвическаго смѣха и пѣсколькихъ десятинъ зеленыхъ, грунтовыхъ садиковъ; не видѣлъ только родимый лѣсъ дѣдушки счастливымъ... Но что же это за дѣдушка? Каково его начало и происхожденіе? Исторія дѣдушки есть исторія его домика, и потому расскажемъ обстоятельно послѣднюю.

И, во-первыхъ, исторія древняя.

Съ давнихъ давень и старинной старины, территорія

теплинскаго лѣса принадлежала предкамъ дѣдушки. Важные предки, считавшіе свои земли не клочками болотъ и озеръ, а десятками тысячъ десятинъ нетронутой плугомъ, пустынной нѣви, по которой рыскала татарва—жили въ высокомъ, просторномъ домѣ, срубленномъ изъ столбѣтнихъ дубовъ. Двойной частоколъ окружалъ домъ; на столбѣ, среди двора, качался сторожевой колоколъ и звучалъ цѣпью привязанный къ столбу медвѣжонокъ. Старые дѣды жили весело, родились и умирали, не выѣзжая далѣе сосѣдняго новѣтняго городка. Въ темныя осеннія ночи, когда волки были за озеромъ, подъ проливнымъ дождемъ, у воротъ останавливался путникъ, колоколъ звучалъ надъ озеромъ и селомъ съ низенькою церковью, раскинутымъ у подошвы холма, и рычалъ на цѣпи косматый сторожевой медвѣжонокъ. Столбѣтній, слѣпой садовникъ, отыскивая дорогу палкой, съ фонаремъ, вводилъ путника въ просторный домъ. Тутъ было тепло и отрадно, среди развѣшанной и разставленной утвари. Хозяинъ, съ кубкомъ вина на серебряномъ блюдѣ, встрѣчалъ гостя, а въ высокую, рѣзную дверь входила стройная панночка, въ парчевомъ платьѣ и съ корабликомъ на головѣ, панночка, у которой полный стая не перетягивался рюмочкой и густыя брови были, какъ на пинурочкѣ. Гость съ хозяиномъ заводилъ рѣчи объ иностранныхъ земляхъ и народахъ, о далекихъ штурмахъ и бояхъ. Говорилъ гость, и долго, по его отъѣздѣ, чудились панночкѣ и ей сѣдоусому отцу битвы и пожары, пышныя убранства и громы музыки, турниры и чужеземныя красавицы, и тихая, сладкая рѣчь гостя, котораго, наконецъ, догонила, вдали отъ нихъ, въ чужомъ краю, вражья пуля. Тихо старѣлся и разрушался величественный дубовый замокъ предковъ. Иногда, во время домашнихъ праздниковъ и шировъ, при громогласныхъ «ура!» и выстрѣлахъ пушекъ, стоявшихъ у воротъ частокола, не малое количество штукатурки падало съ потолка на подносы, уставленные кубками, и стѣны дома многозначительно побрякивали на шумные заздравные тосты. Когда дѣдушка принялъ наслѣдство и вышелъ въ отставку, родовое село его, за разныя забавы и увеселенія предковъ, неожиданно продали и перевели куда-то за рѣку. Не снасли дѣдушку ни желтый офицерскій воротникъ, ни дипломъ шляхетнаго корпуса, гдѣ онъ кончилъ свое воспитаніе. Дѣдушка скинулъ сюртукъ, сказала: «Ну, что же?

не взята!» подумалъ, подумалъ — и сломалъ свой старый, большой домъ. Въ видахъ улучшенія печальныхъ обстоятельствъ, на первый разъ изъ обломковъ дома былъ выстроенъ овчарный загонъ, причемъ самъ владѣлецъ поселился подъ косогоромъ, въ орѣшникѣ, въ куренѣ старой пасѣки. Вслѣдствіе этого, всякъ, кто проѣзжалъ по лѣсу торною, обозною дорогою, не мало изумлялся при видѣ обширнаго овечьяго загона съ рѣзными окнами и — игольчатыми на углахъ уцѣлѣвшей крыши. Но въ одну безснѣжную зиму пали всѣ овцы дѣдушки, и планы на улучшеніе печальныхъ обстоятельствъ рушились. Дѣдушка скинулъ и щегольской хуторянской бенкетъ, синій съ выпушками, какъ мундиръ у сотника, надѣлъ мерлуниковый халатъ и изъ овчарнаго загона выстроилъ маленькій домикъ. Онъ выстроилъ его на пенелищѣ стараго дома, выстроилъ у подножія высокаго, развѣсистаго дуба, какъ подъ сѣнью мирнаго священнаго преданія. Этотъ дубъ выросъ изъ жолудя, посаженнаго передъ крыльцомъ стараго, большого дома въ тотъ самый достопамятный день, какъ дѣдушка дѣдушки впервые ввелъ въ него свою молодую, стройную жену и, по тогдашней польской модѣ, торжественно поцѣловалъ ее передъ толпою собравшейся челяди. Жолудь, черезъ много лѣтъ, превратился въ громадный зеленый дубъ, который на тридцать шаговъ протянулъ кругомъ свои тяжелыя, плодоносныя вѣтви, и подъ этими вѣтвями, какъ былинка у подножія одряхлѣвашаго, навшаго дерева, выросъ скромный преемникъ пространныхъ дѣдовскихъ палатъ, низенькій домикъ, съ двумя оконечками на озеро... Въ древней исторіи домика есть еще одинъ довольно замѣчательный эпизодъ: именно, происхожденіе воздушнаго моста къ домику, у подножія холма... Воздушный мостъ произошелъ такъ. Устроивши свое гнѣздо, дѣдушка пустился мечтать о присоединеніи новаго лица къ своему уголку, которое бы согрѣло и освѣтило его жизнь, — задумалъ жениться. Вслѣдствіе этого, онъ частенько сталъ переѣзжать узкую плотину, отдѣлявшую часть озера и болота отъ холма, и появляться въ тихихъ домикахъ сосѣднихъ хуторянъ. Сосѣдніе хуторяне также нерѣдко стали завертывать къ обладателю Черточенскаго уступа. Какъ вдругъ, въ одну дождливую весну, потоки съ ближнихъ мѣловыхъ пригорковъ хлынули на болото и перерѣзали, глубокою водомоною, плотину подъ холмомъ. Дѣдушка очу-

тился въ засадѣ, отрѣзаннымъ отъ остальнаго міра. Однакоже онъ не потерялся и задумалъ выстроить черезъ провалье мостъ. Съ этою цѣлью онъ приказалъ единственному слугѣ и плотнику рубить по сосѣдству удобныя деревья. Удобнѣйшимъ оказался на первый случай высокій вязъ, росшій у самой водомоины, и плотникъ началъ съ него. Переправился черезъ оврагъ, привязалъ къ вершинѣ дерева веревку, къ веревкѣ коня и сталъ рубить дерево. Громадный вязъ затрещалъ, рухнулъ, но вмѣсто того, чтобы упасть на сторону, гдѣ стоялъ плотникъ, упалъ на другой край провалья и своею страшною силою перекинулъ черезъ провалье лошаденку. Дѣдушка въ это время сидѣлъ у озера, въ орѣшникѣ, коллируя какую-то дикую щепу. Когда конь перелетѣлъ черезъ оврагъ, онъ медленно поправилъ на головѣ картузь съ утинымъ козырькомъ и замѣтилъ: «Какой это бѣсовъ сынъ тамъ лошадью кидается?» А растерянный плотникъ, стоя на другой сторонѣ провалья, ударилъ объ полы руками и замѣтилъ: «Что бѣ было и воловъ привязаты!» — Это событіе далеко обошло словоохотливый околотокъ. Вязъ сдѣлался съ той поры мостомъ, черезъ который весною, когда вода съ шумомъ бѣжитъ по дну оврага, посѣтители переходятъ безопасно, придерживаясь за суковатыя вѣтви, а дѣдушка, котораго посѣщать стало такъ же легко, какъ братъ приступомъ крѣпости, получилъ прозвище Черточешенскаго кулика, и это прозвище, при помощи дѣдушкинаго козырька и халата, навсегда за нимъ осталось...

Теперь средняя исторія дѣдушкинаго домика. Средняя исторія дѣдушкинаго домика обнимаетъ только одно важное событіе: именно—смерть той особы, которая долженствовала сдѣлаться его подругою, долженствовала согрѣть и освѣтить его жизнь. Это трогательное событіе излагается въ туземныхъ преданіяхъ съ малѣйшими подробностями. Дѣдушка посватался за дочку повѣтсваго комиссара, табуны котораго до сихъ поръ расхаживаютъ по окрестной степи. Гордый предстоящимъ счастьемъ и родствомъ, за нѣсколько дней до свадьбы, по старинному обычаю, поѣхалъ дѣдушка съ своею невѣстою на богомолье въ сосѣднюю златоверхую пустынь. Дорогою неописанное горе посѣтило его: простудившись ночью грозною, невѣста его заболѣла и умерла, въ виду златоверхой пустыни! Дѣдушка похоронилъ ее и вернулся домой одинъ, безъ своей молодой невѣсты, вернулся одинъ,

съ маленькою мѣстною иконою изъ монастыря. Толпа сосѣдей и родныхъ весело поджидала его возвращенія. Выйдя изъ брички, дѣдушка подошелъ къ будущему своему тестю, который, съ пѣнковою трубкою, стоялъ впереди всѣхъ, и, подавая ему икону, сказалъ: «Вотъ теперь моя невѣста!» — сказалъ и тихо пошелъ въ домикъ. И когда онъ опять вошелъ въ домикъ, когда старыя стѣны опять увидѣли его холостякомъ и сиротою, когда вспомнилъ дѣдушка овсянку, — голосъ его задрожалъ, точно оборванная струна, и онъ замѣтилъ: «Ну, что же? опять не взяла!» — сказалъ и сталъ довольно храбро утѣшать родныхъ. Безъ гостей, однакоже, онъ слегъ въ постель, раздались его глухія рыданія, и никогда уже, съ той поры, онъ не могъ найти прежней беззаботной мечты о счастіи и о супружествѣ. Дѣдушка сдержалъ слово и навѣки остался холостякомъ. Никогда болѣе не заводилъ онъ рѣчи о прошломъ, и одно только обстоятельство напоминало знающимъ его о невозвратной потерѣ. На погостѣ хутора, гдѣ опущена въ землю дорогая особа, дѣдушка взялъ на память нѣсколько отростковъ яблонь и посадилъ ихъ возлѣ своего домика. Яблони поднялись и разрослись и скоро верхушками своими стали заслонять отъ глазъ дѣдушкинъ домикъ такъ, что теперь его уже и не примѣтишь изъ-за ихъ зеленолистой стѣны! На чугунномъ же памятникѣ кладбища дѣдушка изобразилъ слѣдующую многозначительную надпись: «Покойся, моя бѣдная!» и внизу: «Боже! не отринь ее отъ лица Твоего!» — Тихо тосковалъ съ тѣхъ поръ дѣдушка. Бывало, чуть вечеръ, онъ уже сходить къ озеру, садится на берегу, на обломокъ жернова, и закидываетъ въ озеро удочку. Онъ сидитъ и смотритъ въ свѣтлую воду, смотритъ и дожидается, когда колыхнется поплавокъ. Вода недвижна, и небо, какъ раскаленная по краямъ яхонтовая чаша, опрокинулось надъ лѣсомъ. Что же это рыба такъ лѣниво ловится? Что же это она не играетъ и не плещется? Но вотъ стекло воды дрогнуло. Туманъ разстилается, и тѣни бѣгутъ и уходятъ на темное дно... Дѣдушка смотритъ: дѣдушкинъ образъ, какъ въ живомъ зеркалѣ, измѣняется, исцвѣтъ; — темные волосы змѣются вокругъ лица, молодые глаза блещутъ жизнью, и смуглый румянецъ стоняетъ суровыя морщины... Дѣдушка уже не въ мерлуновомъ халатѣ, а въ военномъ сюртукѣ, молодець-молодцомъ и красавецъ-красавцемъ. А вотъ и еще какое-то лицо вы-

шло и колыхнется, и блещетъ перебѣгающею тѣнью!.. Что жъ съ тобою, добрый дѣдушка? Слезы текутъ и застилаютъ глаза твои, одинокое сердце сжимается тоской, ты вспомнилъ свѣтлое, старое время!

О, добрый дѣдушка! Не вернуть тебѣ свѣтлаго, стараго времени, не вернуть тебѣ улетѣвшей молодости, не воскресить сокровенной страстишки твоего сердца. Спать твоя красавица въ могилѣ, спать въ бѣломъ платьѣ и въ полевыхъ цвѣтахъ, спать,—и пустынный вѣтеръ гуляетъ надъ ея могилою. Задумался дѣдушка и не видитъ, что рыбка давно уже дергаетъ поплавокъ, крутая волна расходится кругами, и удочка скользитъ изъ ослабѣвшихъ рукъ.—«Что это съ вами, баринъ?»—спрашиваетъ старика работникъ, тотъ самый, который построилъ воздушный мостъ.—«Э, врагъ бы забралъ ту канальскую рыбу!—отвѣчаетъ суровымъ голосомъ старикъ, пряча взволнованное лицо свое:—всѣ удочки оборвала канальская рыба, а толку—ни на лысаго дѣда!»

Теперь, читатель, новѣйшая исторія дѣдушкинаго домика... Но что сказать объ этой новѣйшей исторіи? Что сказать о ней?—Сказать ли, какъ дѣдушка ежедневно встаетъ, выходитъ на ветхое, поросшее крапивою крыльцо и любитъ видомъ владѣнія, которое все, какъ на ладони, открывается съ холма. Сказать ли о томъ, какъ дѣдушка любитъ свое зелено-водное болото и сладко вѣрять въ его постоянство и красоту? И не говорите старику о другихъ событіяхъ; не говорите ему о счастья свѣта за чертою его лѣсного уголка! Не указывайте ему синюющую полосу большой проѣзжей дороги, какъ горизонтъ иной жизни и иного міра, видной съ вершины косогора,—дороги, по которой несется пыль бѣгущихъ и пропадающихъ вдали экипажей, летятъ и затихаютъ звуки колокольчиковъ, и уносятся чуть слышныя пѣсни идущихъ съ поля слобожанъ, беззаботныя пѣсни, веселыя и радостныя пѣсни. Дѣдушка махнетъ рукою и горько усмѣхнется. Не нужно ему вашихъ колокольчиковъ и пѣсенъ. Есть у него другого рода пѣсни, есть у него свой неумолкаемый, причудливый оркестръ. Что за пѣсни, что за звуки!.. Чуть заря и день переклонился къ закату,—зеленое болото, пышное болото уже заводитъ строй своихъ разнообразныхъ инструментовъ. Въ высочомъ тростникѣ то тамъ, то сямъ начи-

наютъ позвякивать въ разладъ, какъ смычки несмѣлыхъ еще школьниковъ. Имъ, робко и также въ разладъ, вторятъ колокольчики травниковъ и рога далекой утиной стаи, гдѣ-то пролетающей на ранній ночлегъ. Но вотъ, пронеслось черканье коростеля, волторна филина огласила холмы и перелѣски, кваканье миллионовъ лягушекъ встало и поднялось въ болотѣ, и окрестность потонула въ морѣ вечерней музыки, потонула до поры, когда ясная пѣсня одинокаго соловья-почника раздастся, смѣшить все и вопарится до разсвѣта. Среди неумолкаемой музыки птицъ и лягушекъ, въ виду зеленого болота, дѣдушка создалъ еще особый міръ друзей. У него подѣ-стать болоту былъ, напри-мѣръ, недавно фаворитъ-пѣтухъ. Иногда, рано поутру, дѣдушка, бывало, выйдетъ на крыльцо, переклонится черезъ заборъ садика противъ солнца, которое начинаетъ тихо вырѣзываться изъ-за лѣса, притягивая лучи къ бѣлой, махровой маковницѣ и осыная ее пурпурными брызгами, а пѣтухъ то и дѣло кричитъ съ холма на озеро. Онъ кричитъ и прислушивается, кричитъ до того, что охрипнетъ и произведетъ такой странный звукъ, что самъ отшатнется въ сторону и долго высматриваетъ, наставивъ голову такъ, что одинъ глазъ его смотритъ въ землю, а другой на крышу домика, кто это такъ странно крикнуетъ. — Дѣдушка на это тоже, бывало, слушаетъ-слушаетъ, и пойдетъ въ комнаты, тряся головою и повторяя: «Эка, бѣсъ-птица, какъ кричитъ! Совсѣмъ, какъ будто, и не птица, и точно кричитъ что-нибудь другое!» — Этотъ пѣтухъ жилъ очень долго и пропалъ неожиданно безъ вѣсти; всѣ старанія въ поискахъ его остались безъ усѣха. У дѣдушки было появился тоже еще другою слуга, кромѣ упомянутаго выше плотника, какой-то бѣлокурый, хорошенькій мальчикъ изъ сосѣдняго села, который пришелъ однажды зимою и нанялся на годъ. Должность его состояла въ хожденіи за коровою и въ тонкѣ печей. Но мальчикъ ужился не долго. Одна комната дѣдушки была съ низу до верху увѣшана портретами предковъ. Раскрашенные портреты предковъ стали тревожить маленькаго истонника. Едва разложитъ онъ огонь и сядетъ у печки, едва подниметъ голову—три ряда фамильныхъ портретовъ, три ряда темныхъ лицъ уже и смотрятъ на него во всѣ глаза! Въ первый разъ отъ непреодолимаго ужаса истонникъ убѣжалъ и не появился цѣлыхъ два дня; но потомъ дога-

даться и раскаленной кочергой выжечь глаза всемъ тѣтянкамъ, дяденькамъ, бабушкамъ и дѣдушкамъ дѣдушки. Нечего говорить, съ какимъ триумфомъ былъ изгнанъ новый истопникъ изъ домика дѣдушки. И вотъ, года бѣгутъ и замѣняются годами, дѣдушкинъ домикъ ветшаетъ и разрушается. Нѣтъ передъ его крыльцомъ сторожевого колокола, нѣтъ передъ нимъ медвѣженка на звучной цѣпи, и далекіе путники рѣдко заѣзжаютъ къ нему. Зато въ бурное невзгодье, когда осень разстилается надъ омертвѣлымъ лѣсомъ, когда въ воздухѣ бушуетъ холодная, пронзающая стужа и крупный дождь хлещетъ въ окна домика и сбѣгаетъ по вѣтвямъ столѣтняго дуба,—подъ крышу низенькаго домика собираются сосѣди и друзья дѣдушки... Всѣ тутъ собираются въ теплую, увѣшанную травами и безглазыми портретами, комнатку. Въ вечернемъ, подступающемъ сумракѣ не видно никого; всѣ молчатъ, будто заснули, и только голосъ рассказчика тихо раздастся въ комнатѣ. Кто же рассказываетъ? Кому внимаетъ уютный кружокъ слушателей? — Рассказываетъ дѣдушка... «Жили-были старикъ да старуха, — рассказываетъ дѣдушка.—Вотъ и стала говорить старику старуха: пойди да и пойди въ лѣсъ по яблоки!—Пошелъ старикъ въ лѣсъ, набралъ яблокъ, а ночь надвинулась со всѣхъ сторонъ такая, что хоть глазъ выколи, и заночевалъ старикъ въ лѣсу, заночевалъ въ хаткѣ старой лѣсничихи. Лежитъ старикъ на лавкѣ, лежитъ, а вѣтеръ такъ и воетъ, такъ и воетъ, и деревья бьются вѣтками надъ хаткой. Вотъ и слышитъ старикъ, кто-то подходитъ къ окну и ударилъ.

«А что?—спрашиваетъ лѣсничиха:—что скажешь?»—«Родилось на свѣтѣ столько-то новыхъ людей!—отвѣчаетъ голосъ за окошкомъ:—какова будетъ ихъ доля?»—Лѣсничиха подумала и весело отвѣтила: «Доля будетъ легкая и счастливая!»—Голосъ за окошкомъ затихъ, и опять завылъ по лѣсу вѣтеръ, и деревья опять забились вѣтками надъ хаткой. Не успѣлъ старикъ и глазъ сомкнуть, кто-то опять подходитъ къ окошку и ударилъ.—«Что скажешь?»—спрашиваетъ лѣсничиха.—«Родилось еще на свѣтѣ столько-то новыхъ людей!—отвѣчаетъ голосъ за окошкомъ:—какова будетъ ихъ доля?»—Лѣсничиха опять подумала, подумала и уже печально отвѣтила:—«Доля будетъ тяжкая и несчастная!»—Старикъ чѣмъ-свѣтъ схватился изъ хатки и вышелъ.—«Ну!—подумалъ онъ,—попалъ же я къ лѣсничихѣ, нечего

сказать! переночевать чуть не у самой судьбы въ гостяхъ». — Оглянулся: хатки уже нѣтъ, — вотъ точно ея и не было между деревьями, точно сквозь землю провалилась. Приходитъ домой, — и того удивительнѣе: около печи колыска, и двое близнецовъ лежатъ подлѣ жены! Ахнулъ старикъ и остановился на порогѣ...» — Да впрочемъ, можетъ быть, такая сказка ужъ страшная, что и рассказывать ее дальше не надо? — спрашиваетъ неожиданно дѣдушка, оглядывая насъ съ улыбкою...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, дѣдушка! рассказывайте, рассказывайте! — лепечуть голоса маленькихъ слушателей: — совѣмъ, дѣдушка, и не страшно!

(А ужъ гдѣ не страшно? Просто, какъ говорится, насъ всѣхъ давно изъ-за плечей хватало, и въ темныхъ окнахъ мерещились косматыя лица).

— Ну, когда не страшно, такъ я буду говорить, — замѣчаетъ дѣдушка: — только вы, впрочемъ, и не бойтесь, дальше оно точно совѣмъ уже и не страшно, и вы не смотрите на то, что пока оно можетъ быть и страшно! — Табакерка дѣдушки скрипитъ, и кружокъ слушателей стѣсняется къ столу ближе...

— Вотъ, — продолжаетъ дѣдушка: — прошло не мало лѣтъ, сыновья старика подросли и стали уже подмогою въ хозяйствѣ. Только повѣсилъ голову старикъ... Близнецъ постарше, чтò бы ни дѣлалъ, все дѣлалъ хорошо, и работа кипѣла у него, какъ у цѣлой артели работниковъ. Но младшему ничто не удавалось. Куда бы ни кидался, за что бы онъ ни брался, — все шло комомъ и все валилось изъ рукъ; а работалъ, и бился онъ изъ всѣхъ послѣднихъ силъ. — «Нѣтъ! — подумалъ старикъ, качая головою: — ты родился не вмѣстѣ съ братомъ, ты родился въ то время, какъ судьба назначала людямъ долю тяжку и несчастную!»

И рѣшился старикъ еще разъ попытать судьбу... Послалъ сыновей въ лѣсъ, а самъ положилъ на дорогѣ, на плотинѣ, мѣшокъ съ деньгами и прилегъ подлѣ въ кустахъ, думая, что хоть обманомъ, а найдетъ-таки младшій сынъ деньги, найдетъ и подумаетъ, что онъ самъ ихъ нашелъ и разбогатѣлъ потому, что развѣ уже одинъ слѣпой ихъ тутъ не найдетъ. — Вотъ, смотритъ старикъ, выходитъ, выходитъ изъ лѣсу точно младшій сынъ, выходитъ и идетъ къ плотинѣ. Только что же? Дошелъ бѣдняга почти къ самому мѣшку.

оглянулся посмотрѣть, идетъ ли старшій братъ изъ лѣсу, прилегъ на плотняѣ, прилегъ обождать старшаго брата—и заснулъ... Ну, а уже старшій братъ, разумеется, подоспѣлъ, наткнулся на мѣшокъ и поднялъ его.—Подождать старикъ, какъ ушли сыновья домой, всталъ и тогда только совѣмъ понялъ, что доли своей уже никакъ не минуешь, и что, чего бы только человѣкъ ни выгадывать, чего бы только онъ ни дѣлалъ а уже доли своей никакъ не минуешь!..—Дѣдушка на минуту смолкаетъ, оглядываетъ слушателей пристальнымъ взоромъ, и снова скрипитъ табакерка дѣдушки, и снова льются его рассказы... Но вотъ, на дворѣ окончательно стемнѣло; слуга, сверстникъ дѣдушки, опять-таки тотъ самый, который построилъ мостъ, вноситъ свѣчу и бережно, дрожащею рукою, опускаетъ ее на столъ, въ кружокъ слушателей... И когда свѣча, потрескивая и лѣниво всыхивая, разгорится наконецъ и медленно раздвинетъ по воздуху мерцающій кругъ своего свѣта, въ этотъ кругъ, одно за другимъ, выступаютъ изъ темноты лица гостей. Выступаетъ въ него и лилово-бирюзовый носъ сосѣдняго винокура, и черные, черные усы юнкера, дѣдушкинаго крестника, и русая, подобранная подъ золотую булавку, коса дѣдушкиной внучки, склоненной надъ гаруснымъ вязаньемъ, и огромный, въ видѣ малахитовой печати, глазъ сосѣдняго овцевода, страстнаго охотника послушать и не менѣе страстнаго охотника потомъ рассказать о слышанномъ, и нѣсколько чепцовъ, и нѣсколько вытянутыхъ, при рассказахъ дѣдушки, маленькихъ личекъ. Тутъ же рядомъ, захваченное полосой свѣта, выясняется и молодое, обрамленное бѣлокурою бороною, лицо священника; онъ сидитъ въ коричневой рясѣ, опоясанный розовымъ, вышитымъ поясомъ, и на пальцѣ опущенной вдоль кресла руки его блеститъ золотое кольцо. И ничѣмъ, вплоть до ужина, не нарушаются рассказы дѣдушки. Развѣ неожиданно погаснетъ, среди страннаго повѣствованія, догорѣвшая свѣчка, и пораженные слушатели, послѣ мгновеннаго остоленія, громко расхохочутся, да упадутъ съ потолка на столъ сѣмячки и чирикнетъ проснувшаяся въ клеткѣ птичка, которой блескъ свѣчи покажется свѣтомъ загорающагося утра. Исторія дѣдушки незадолго передъ этимъ кончилась. Дѣдушка умеръ...

Случилось это очень просто.—За какой-то долашкишко клочекъ земли, занимаемой болотомъ, былъ продакъ. Дѣдушка

не унывалъ. «Ну,—думалъ онъ себѣ,—хоть болото теперь и не мое, а все-таки его отсюда видно, и оно точно какъ будто мое болото!»—Дѣло, однакоже, вышло иначе. Новый владѣлецъ купленной земли, какой-то франтъ и мечтатель, напустилъ на болото кучу землероевъ и механиковъ, очистилъ его, осушилъ, вспахалъ и засѣялъ какою-то новоизобрѣтенною нѣмецкою травкою, которую зовутъ травкою-фуфаркою. Травка-фуфарка принялась, а между тѣмъ, болото, въ пространство и красоту котораго дѣдушка слѣпо вѣрилъ, исчезло, и вслѣдъ за нимъ исчезло и озеро, вытекавшее изъ болота. Дѣдушка было попрежнему сталъ храбриться и произнесъ: «Ну, что же? онять-таки не взяла!»—но рѣшительно не перенесъ своей потери. Точно что оборвалось у его сердца! Иногда еще, правда, онъ забывался и выходилъ попрежнему на крыльцо, съ намѣреніемъ взглянуть на водяное зеркало, въ рамѣ камышей разстилавшееся у холма, выходилъ послушать музыку, музыку птицъ и лягушекъ, наполнявшихъ цвѣтущее, зеленое болото... Но онъ тутъ же останавливался и закрывалъ лицо руками; не было болѣе ни воднаго зеркала, ни камышей, ни чудной музыки природы! Тихо тосковалъ и угасалъ дѣдушка, слушая, какъ порою заметный филинъ садился на крышу ветхаго домика и стоналъ, вѣщуя смерть. Ворчалъ старикъ и нѣсколько разъ порывался убить изъ ружья докучливую птицу. Но, наконецъ, махнулъ рукою, и филинъ спокойно допѣлъ свою унылую пѣсню, когда дѣдушка, прислушиваясь къ дремотливому лепетанію листковъ своихъ подросшихъ яблонь, тихо покинулъ землю... Въ околоткѣ разнесся недавно слухъ, будто черезъ теилинскій лѣсъ пройдетъ, предназначаемая изъ слобожанскихъ степей къ южному морю, желѣзная дорога. Если это справедливо, то тамъ, гдѣ еще недавно былъ маленькій лѣсной домикъ и жилъ дѣдушка, лягутъ желѣзныя, длинныя нити, и огненный паровозъ, гремя и устилая небо дымомъ, полетитъ быстрѣе мысли, полетитъ, неся добро и пользу, и, устлавъ свой путь городами, игольчатыми станціями, садами, мостами, длинными трубами грохочущихъ фабрикъ и сверкающими домами новыхъ селъ, сотретъ тяжелыми слѣдами своими послѣднія воспоминанія о бѣдномъ добромъ старикѣ...

IV.

ХУТОРЯНКА.

Цареборисово, сотенный городокъ старинной слобожанщины, основанъ выходцами изъ черкасовъ, какъ называли въ былыя времена воинственное племя приднѣпровскихъ островитянъ, живописную и шумную вольницу, огненной рѣкой прошедшихъ по равнинѣ степей запорожцевъ. Этотъ городокъ построенъ при царѣ, давшемъ ему свое живописное въ исторіи вѣка имя, и нѣкогда ознаменовался рядомъ мужественныхъ стычекъ съ татарами, жаловавшими на плодоносныя побережья Донца. Теперь этотъ городокъ — небольшая вольная слободка, подобно сосѣдямъ своимъ, Салтаву, Балакистѣ, Лиману и Славянкамъ, пережившая блестящую эпоху подвиговъ, во имя родного царя, на роднѣ своихъ полковъ и полковниковъ. Старинная деревянная церковь съ почернѣвшею колокольней, ряды бѣленькихъ мазанокъ, фруктовые садики, тыквы, вьющіяся по заборамъ, съ кружевными лентами дикой миранды, звуки запоздалыхъ на пастбищѣ стадъ, крикъ филина на старомъ зданіи сельскаго правленія, и подъ-вечеръ пѣспя чернобровой дивчины, — вотъ все, что осталось отъ сотеннаго городка. Зато окрестности Цареборисова представляютъ прекрасныя виды. Донецъ, съ нагорной или крымской стороны, усѣянный мѣловыми, сталеобразными утесами, дикими и обнаженными, какъ причудливая развалина древнихъ замковъ, рѣзко отгвняетъ свой лѣвый, низменный луговой берегъ, далеко убѣгающій отъ праваго, съ своими вѣковыми, дубовыми лѣсами, свѣтлыми озерами, болотами, полными дичи, и длинную вереницею селъ, пашень, винницъ и вода-

ныхъ мельницъ, съ грохотомъ вращающихъ свои тяжелые маховики. По этому-то лѣвому берегу, часовъ около двухъ пополудни, пробиралась однажды высокая, пузатая хуторянская бричка, направляясь къ Царьборисовскому перевозу. Недалеко отъ Поплеванковской пустыни, лѣпясь по окраинѣ лѣсистаго берега, бричка ѣхала-ѣхала, кудахта-кудахта на толчкахъ кочковатаго проселка и вдругъ, совершенно неожиданно, рассыпалась... Кучерь съ козлами отъѣхалъ впередъ, а сидѣвшій въ бричкѣ господинъ остался съ кузовомъ среди дороги, какъ утлая раковина, выкинутая на берегъ волною. Вышедъ изъ брички, проѣзжіи стали ходить около кузова, смотрѣль-смотрѣль и рѣшили, что лучше всего оставить бричку въ покоѣ...

— Странная вещь!—замѣтилъ кучерь, стоя съ заложенными руками около козелъ:—и отчего это она рассыпалась?

— Ничего страннаго нѣтъ, — замѣтилъ съ досадою проѣзжіи:—бричка, кажется, была вовсе ненадежная.

Проѣзжіи, молодой, бѣлокурый панычъ, въ клѣтчатой фуражкѣ, съ обнаженною шеей и румяными щеками, говорилъ о ненадежности брички напрасно, потому что прежде, нежели сѣсть въ эту бричку, онъ совершилъ надъ нею обычный въ отношеніи всѣхъ хуторянскихъ бричекъ маневръ. Именно, когда на ближней станціи онъ послалъ о себѣ вѣсть старому знакомому пану, и старый знакомый панъ, проживавшій по близости, послалъ эту бричку и приглашеніе заѣхать къ нему,—панычъ взялъ бричку за колесо и за дышло и покачнулъ ее нѣсколько разъ. Бричка издала нѣсколько протяжныхъ звуковъ, точно у нея былъ скрытый музыкальный механизмъ, но оказалась благонадежною. Благонадежною она оказывалась постоянно, и у самого пана, который съ утра до ночи разъѣзжалъ въ ней, гонимый множествомъ хозяйственныхъ и коммерческихъ предпріятій. И въ самомъ дѣлѣ, сегодня подвижной панокъ появлялся въ бричкѣ въ Юшковыхъ буеракахъ, а завтра уже его видѣли въ Елабановкѣ; сегодня онъ занималъ деньги за десять процентовъ въ Пѣвунихѣ, а завтра отдавалъ тѣ же деньги, за три процента, въ Засорихѣ,—и отъ его собственнаго хутора, вплоть до Поплеванковской пустыни, панка всѣ знали и уважали. Въ бричкѣ этой онъ и спалъ, и одѣвался, и брился, и въ карты отъ скуки самъ съ собой игралъ,—и вдругъ эта бричка совершенно неожиданно развалилась! Кучерь первый вы-

шелъ изъ остолбенѣнія. Предложивъ павычу подь-верхъ коренного, онъ осѣдлалъ этого коренного армякомъ и объявилъ, что до хутора пана осталось всего семь верстъ и что панычъ туда доѣдетъ за-свѣтло, а ему надо остаться сторожить панскую бричку. Нечего дѣлать! Согласился панычъ и поѣхалъ. Но не миновалъ панычъ и двухъ верстъ, какъ конь остановился и рѣшительно отказался идти дальше. Чего не дѣлалъ панычъ, и шпорилъ его, и стегалъ хворостинной, и поощрялъ словами, ничто не помогало! Сидѣлъ-сидѣлъ панычъ на косматой лошадеикѣ и рѣшилъ слѣзть. Держась за уздечку, онъ сѣлъ на травѣ и сталъ поджидать, пока коварный звѣрь образумится. Но солнце переклонилось уже на западъ, воздухъ остылъ, тѣни отъ кустовъ и деревьевъ вытянулись далеко-далеко, а коварный звѣрь и не думалъ образумливаться. Вотъ изъ ближней, скрытой за холмами, слободки полетѣли мѣрные и громкіе звуки вечерняго благовѣста. Вечеръ близился. Что тутъ было дѣлать? Панычъ подумалъ и рѣшился еще попытать судьбы. Вспрыгнулъ снова на коня и далъ ему шпоры. Но каково же было изумленіе паныча, когда, опустивъ глаза, онъ увидѣлъ, что уздечка на конѣ развязалась и, во время его прыжка, свалилась на траву. Панычъ обомлѣлъ и ухватился за гриву. Конь замахалъ хвостомъ, подпрыгнулъ раза два и, забирая карьеру, понесся во весь духъ. Ничто не помогало,—ни шпинки, ни угрозы! Панычъ болтался почти на шеѣ коня и въ ужасѣ видѣлъ, какъ мелькали мимо него кусты и деревья. Ничто не помогало! И вотъ, видитъ панычъ, конь летитъ уже не прямо, а влѣво, по дорожкѣ на село, гдѣ проживала знакомая ему панни, задорная и суровая панни, съ цѣлою кучей сыновъ и дочекъ. Что за сцена ожидала его, что за сцена! Вотъ, конь вбѣгаетъ на широкій дворъ, индѣйки кавкаютъ и цѣтухи кричатъ, все это приветствуетъ его, дѣти съ шумомъ окружаютъ коня и кричатъ: «А отчего это, дядя, ты держишься за гриву, и картузь у тебя, дядя, съѣхалъ на затылокъ?»

И всѣ окна домика разомъ открываются, и во всѣхъ окнахъ домика разомъ появляются насмѣшливыя лица барышень. О, ужасъ! ужасъ! Спасите, спасите его! И спасеніе приходитъ,—приходитъ совершенно неожиданно. Не успѣлъ панычъ и опомниться, какъ злобный звѣрь, летя черезъ поляну ржи, сдѣлалъ какой-то особенно отчаянный скачокъ, и панычъ

стремглавъ полетѣлъ въ колосья ржи. Оправившись отъ паденія, панычъ взглянулъ вдаль дороги: конь летѣлъ по отдаленному косогору, преслѣдуемый стаей пастушьихъ собакъ, и вѣтеръ игралъ его хвостомъ и гривой. «Ну, теперь ужъ сосѣдь пусть не прогибается! — сказалъ панычъ, отирая землю съ колѣнъ и рукавовъ: — а я, должно быть, ужъ не попаду къ нему теперь!» Сказалъ это панычъ и сѣлъ отдохнуть на курганѣ. Вдали, спускаясь къ лѣсной балкѣ, раздался скрипъ колесъ, и тяжелый слобожанскій возъ показался на дорогѣ.

— Гдѣ тутъ проѣхать на Цареборисово, на Поплеванковскую пустынь? — спросилъ панычъ, сидя на курганѣ, когда возъ съ широкоплечимъ батракомъ поравнялся съ нимъ.

— Не скажу! — замѣтилъ батракъ, лежа на животѣ на кучѣ мѣшковъ.

— Какъ не скажешь? Я тебя спрашиваю, какъ тутъ проѣхать на Цареборисово?

— Не скажу! — снова замѣтилъ батракъ... Панычъ смѣрилъ его глазами.

— Отчего же ты не скажешь? — спросилъ онъ съ неудовольствіемъ.

— Не скажу! — замѣтилъ, зѣвая, батракъ и, не измѣняя своего положенія, отѣхалъ далѣе.

Не долго ждалъ опять панычъ. Вдали, подъ осиновымъ лѣскомъ, поднялось облако пыли, и къ кургану подѣхалъ новенькій тарантасикъ, запряженный четвернею бурыхъ въ мыль коней. Изъ тарантасика выглянулъ господинъ пожилыхъ лѣтъ, какъ говорится, узнавшій-таки на своемъ вѣку, что такое порохъ и что такое бури, въ голубой венгеркѣ, алой ермолкѣ и съ витою трубкою въ зубахъ.

— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить? — спросилъ господинъ, кланаясь изъ тарантасика, когда кучеръ сдержалъ лошадей противъ кургана.

Панычъ также приподнялъ картузь и отвѣтилъ: «Владиміръ Авдѣичъ Торба!»

— Не знаю! — замѣтилъ господинъ изъ тарантасика и сталъ набивать трубку. Затянувшись и пустивъ облака дыму, онъ снова обратился къ панычу:

— А вы не курите?

— Нѣтъ.

— Напрасно! это очень хорошо и здорово въ дорогѣ!

— Позвольте узнать,—спросил панычъ въ свой чередъ:— гдѣ тутъ проѣхать на Цареборисово?

— А развѣ вы туда ѣдете? — спросилъ проѣзжіи, раскуривая трубку и наматывая завязку на кисеть.

— Туда...

— Вѣрно покупать что-нибудь?

— Нѣтъ, въ гости къ одному помѣщику.

— А кто тамъ такой живетъ?

— Одинъ знакомый помѣщикъ, около Поплеванковской пустоши.

— Старикъ помѣщикъ?—спросилъ, усаживаясь въ тарантасикъ, проѣзжіи.

— Нѣтъ, но старикъ, а такъ—будетъ среднихъ лѣтъ.

— Жаль... Вы меня простите, только я не знаю этого помѣщика; а если хотите заѣхать къ Тавифѣ Павловнѣ, къ Перешелкиной—Тавифѣ Павловнѣ, такъ она тутъ недалеко и живетъ, и я укажу дорогу.

Панычъ отказался отъ удовольствія заѣхать къ Перешелкиной Тавифѣ Павловнѣ, и тарантасикъ, тронувшись съ мѣста, закурилъ снова пылью и скрылся изъ виду.

— «Этакой народъ,—замѣтилъ панычъ:—спрашиваемъ грабли, а онъ тебѣ тычетъ куму!—и прибавилъ печально:—вѣдь этакъ, пожалуй, и заночуешь въ полѣ!» Подумалъ это панычъ и хотѣлъ идти, какъ изъ золотоусой, головатой пшеницы поднялся передъ нимъ, очевидно спавшій до того времени, незнакомецъ, въ отставномъ полувоенномъ сюртукѣ, низенькій, круглый и вообще похожій на боченокъ на двухъ наперсткахъ, господинъ съ такимъ веселымъ и добрымъ лицомъ, съ такими сладкими, заплывшими глазками и мѣдно-цвѣтнымъ носомъ, что когда, ставши передъ панычемъ, онъ произнесъ: «Желаю здравствовать!»—панычъ пожелалъ ему того же и, почувствовавъ къ нему сразу влеченіе, спросилъ, кого онъ имѣетъ счастье видѣть въ такой пустынѣ.

— Ну, душка,—отвѣтилъ, переваливаясь, боченокъ:—тутъ еще нѣтъ большого счастья—видѣть меня въ пустынѣ! А скажу вамъ прямо, что я—отставной брантмейстеръ Кирикъ Андреечъ Дуля... Произнеся послѣднія слова, шутникъ-боченокъ улыбнулся и сдѣлалъ рукою то, что сказалъ. Панычъ не могъ также не улыбнуться и еще болѣе почувствовать къ нему влеченія.

— Что же вы смотрите?—спросилъ кубарь:—кругловать?

А это, душенька, очень хорошо на старости; я же надѣюсь, что вы не откажете завернуть ко мнѣ на хуторъ и вышить рюмочку.—Панычъ сказалъ, что рюмочку онъ рѣдко пьетъ, но зайти на хуторъ зайдетъ, потому что страшно усталъ.

— Петръ Петровичъ?—спросилъ дорогою брантмейстеръ.

— Владиміръ Авдѣичъ!—отвѣтилъ панычъ.

— Очень радъ, Владиміръ Авдѣичъ, — замѣтили кубарь, переваливаясь:—очень радъ познакомиться съ такимъ пріятнымъ человѣкомъ! — и прибавилъ: — А не былъ ли у васъ дяденька или дѣденька въ пожарной командѣ въ Харьковѣ?

Панычъ отвѣтилъ, что ни дяденьки, ни дѣденьки у него не было въ пожарной командѣ въ Харьковѣ, а былъ одинъ сосѣдъ, еще кривой на лѣвый глазъ, если онъ помпигъ такого сосѣда.

— Хухра!.. Хухра! — подхватилъ толстякъ и покатился со смѣху, производя его тоненькимъ, дребезжающимъ голосомъ:—мы его однажды еще высѣкли на именинахъ.—И кубарь хохоталъ до тѣхъ поръ, пока съ гостемъ втащился на небольшой лѣсистый пригорокъ.

— А гдѣ же вашъ хуторокъ?—спросилъ панычъ.

— Да вотъ онъ, его отсюда только не видно, а его можно просто рукою отсюда достать,—отвѣтилъ Дуля.

— А какъ называется вашъ хуторокъ?

— Кухня!

— Отчего кухня?

— А вотъ, видите ли, отчего кухня,—произнесъ, лукаво улыбаясь, толстякъ: — проживалъ я, скажу вамъ, у одного богатаго помѣщика-магната на полную губу-съ и строилъ ему кухню,—съ разными удобствами и крытыми ходами, и духовыми печами, и всякими затѣями строилъ; ну, и попользовался, знаете (кубарь при этомъ потушился), потому что и при постройкѣ кухни можно такъ повести дѣло, что легко и даже очень выгодно попользоваться; ну, я такимъ образомъ и приобрѣлъ потомъ хуторокъ и назвалъ его въ воспоминаніе кухней. И вотъ, вамъ — и кухня моя! — произнесъ толстякъ, останавливаясь на пригоркѣ и указывая рукою на хуторокъ... Хуторокъ предсталъ глазамъ озадаченнаго паныча. «Вотъ,—подумать Горба, разглядывая выступившій хуторокъ: — этотъ господинъ, кажется, совѣтъ не церемонится!» И точно, онъ впоследствии убѣдился, что Дуля совѣтъ не церемонится. Хуторокъ выглянулъ изъ-за двухъ

мельницъ, которыя взбрасывали на воздухъ крылья, точно кого-нибудь звали и тщетно размахивали руками. Дуля и Торба стали спускаться съ пригорка къ хutorянскому маленькому домику, и панычъ невольно останавливался при видѣ этого тихаго, маленькаго домика. Домикъ брантмейстера, съ камышевою крышею, подъ стѣною столѣтнихъ ракинъ и буковъ, напоминалъ собою гнѣздо малиновки, въ расщелинѣ дупла громаднаго дерева, между колеблемыхъ вѣтромъ, стрѣльчатыхъ травъ и широкихъ порослей: тоненькія вѣточки маленькаго гнѣздышка переплетены жилками корней, внутренность его чисто-начисто выглажена и устлана цухомъ, и лучъ солнца, пробиваясь сквозь листья травъ и лонуховъ, нависшихъ надъ гнѣздомъ, колеблетъ въ своей полосѣ золотыя блески мошекъ и цвѣточной пыли, колеблетъ и обливаешь золотомъ пару маленькихъ нестрыхъ яичекъ гнѣздышка. Таковъ былъ хutorянской домикъ. — Дуля и панычъ вступили во дворъ. — «Я уже пообедалъ и выснался, — замѣтилъ хозяинъ: — а дворня моя еще и до сихъ поръ спитъ!» Это, впрочемъ, Дуля говорилъ напрасно: гость и безъ его словъ это уже зналъ. Изъ крапивы подъ погребомъ, чрезъ весь дворъ неслись присвистыванія въ ность, стѣнникъ оглашался рѣзкимъ басомъ; изъ каретнаго сарая летѣлъ дребезжащій храпъ, и повидимому храпъ не въ одинъ голосъ, а въ два, точно два челоуѣка условились и исполняли вмѣстѣ дуо. — «Ну, теперь мы отдохнемъ, закусимъ и освѣжимся наливочкой!» — сказала хозяйнъ, ступая черезъ порогъ домика въ стѣни, усыпанные зеленою травою. Новые знакомцы, распорядившись закускою, отправились въ садъ, подъ кудрявую, столѣтнюю грушу и улеглись среди пироговъ и бутылокъ съ наливками, на коврикъ, передъ панорамною стѣней, луговъ и извиловъ Дона.

Панычъ сталъ излагать хозяину исторію своего приключенія съ бричкой. — Но скажемъ прежде, кто такой былъ хозяинъ и кто такой былъ его гость. — Хозяинъ, какъ уже извѣстно, отставной брантмейстеръ Дуля, нѣкогда построившій очень выгодно у одного помѣщика кухню, былъ изъ породы степняковъ, — нѣсколько скупыхъ и въ то же время падкихъ на сластолюбіе, упрямыхъ и неподвижныхъ, лѣнивыхъ и въ то же время готовыхъ ежеминутно хохотать и веселиться, лѣнивыхъ-до-нельзя и готовыхъ въ то же время надуть всякаго встрѣчнаго и поперечнаго, — и считался въ

околоткѣ умнѣйшимъ и добрѣйшимъ человѣкомъ. Пухленькія ручки его не сходились на животъ, а широкій затылокъ и гусиные, чуть видныя глазки изобличали особу, для которой покой былъ дороже всякой золотой сумятицы. Еще въ отрочествѣ, когда въ приходской школѣ рыжій дьякъ сѣкъ его безъ милосердія каждую субботу, и ходилъ онъ съ толпою школяровъ иѣтъ иѣсни пиццуновъ и собирать подь окнами пироги и колбасы, онъ рѣшилъ, что возитъя со службою, требующею движенія и трудовъ — то же, что изъ топора борщъ варить, пріискалъ гдѣ-то, въ далекой крѣпости за Кубанью, мѣстечко эконома и сталъ поживать припѣваючи. Молодость иногда брала свое, и однажды расчетливый кулакъ-тихоня, какъ его звали товарищи, чуть не женился. Случилось это бурное событіе въ жизни Дули такъ. Жилъ онъ, какъ сказано, въ закубанской крѣпости экономомъ, и жилъ въ ней безъ малаго восемь лѣтъ. А въ крѣпости не было ни одной женщины, обыватели сами и рубахи мыли, и карнетки штопали, и донли коровъ. Новый Робинзонъ Крузе въ военные, тревожные дни еще не замѣчалъ своего одиночества; но въ мирное время сердце искало сердца, молодость стремилась къ молодости, и приходилось новому Робинзону Крузе такъ жутко, что хоть въ воду! Ходить, бывало, по крѣпостному валу, голова въ туманѣ, глаза въ туманѣ, вернется домой, возьметъ письмо, которое за часъ передъ тѣмъ написалъ къ сослуживцу за горы, и остолбенеетъ: точно не онъ писалъ, ничего не помнитъ! Бывало, тоже, сидитъ у окна и смотритъ: вотъ, подходитъ вахмистръ.— «Смотри, — говоритъ, — комендантскій, и вась велѣно тоже звать!» Одѣвается Дуля наскоро, шпаженку пристегиваетъ къ боку, бѣжитъ на площадь, а жара такая, что подошвы горятъ. Что-жъ? на площади—ни души. Онъ къ вахмистру: «Ты звалъ меня?» — Нѣтъ, — говоритъ, — и не думалъ; это вѣрно вамъ представилось такъ!—И сталъ Дуля такія чудеса отпускать, что начальство только плечами пожимало; подумало начальство и намекнуло стороной, что не мѣшало бы Дулѣ другого гдѣ мѣста пріискать! Закручинился Дуля еще пуще прежняго. Сидитъ однажды, по своему обычаю, подь окномъ, такой скучный, и трубку курить; входитъ поручикъ и рекомендуетъ ему молодого раненаго корнетика, только-что прибывшаго изъ Ананы. «Вотъ, — говоритъ, — къ вамъ присланъ на постой!» Поселился корнетикъ у Дули, и стали

новые знакомцы жить, да поживать. Корнетикъ оказался музыкантомъ и Дулю выучилъ тоже на скрипкѣ играть. И такъ они жили долго, пока постоялецъ не проговорился, что въ Анапѣ съ одною дамою былъ знакомъ, что дама эта тоже музыкантша, и сталъ корнетикъ говорить, что милая дама и такая-то, и этакая, и густоволосая, и полновидная, и ручки пухленькія, и губы алыя, и что богата она и недавно овдовѣла. Раззадорился Дуля, кровь въ одиночествѣ закипѣла. «Напишите, да и напишите, — говоритъ, — обо мнѣ къ этой дамѣ!» Корнетикъ расхохотался. «Какое у васъ смѣшное лицо, — говоритъ, — стало! а впрочемъ, — говоритъ, — извольте, напишу!» Сказалъ и написалъ. — Дама изъ Анапы, черезъ мѣсяцъ, и отвѣтъ прислала: «Я, молъ, говоритъ, тоже не прочь и очень рада!» — Кирикъ Андреичъ какъ прочелъ письмо, сталъ бѣлье мѣлу, ходилъ-ходилъ по комнатѣ, тайно выхлопоталъ у коменданта отпускъ, осѣдлалъ костяваго обознаго драбанта, взялъ у солдата шку и ружье, взялъ у кого-то старенькій чемоданчикъ и поѣхалъ, въ видѣ Донъ-Кихота, какъ самъ послѣ рассказывалъ, прямо въ Анапу. Приѣзжаетъ, отыскалъ домъ вдовы, домъ ветхенькій, старенькій, съ обвалившеюся трубою, и дѣвка на крыльцѣ бѣлье мыла; велѣлъ доложить, что такой-то, извѣстный уже Дуля приѣхалъ. Черезъ полчаса зовутъ въ гостиную. Выходитъ дамочка, въ видѣ свѣжепросольнаго огурчика, полненькая и точно съ алыми губками. Дуля къ ручкѣ, а она его въ щеку поцѣловала и проситъ садиться. Вотъ, слово за слово, онъ объясненіе, та говоритъ: «Что-же, хорошо, только родныхъ надо повѣстить!» И дѣло пошло сразу на ладъ. Дуля фертикомъ подѣхалъ насчетъ красоты, вечеромъ пуншику съ ромомъ попросилъ, за пуншикомъ попросилъ настоекки и селедочки — и пошелъ куролесить. «Ахъ, душечка, — говоритъ, — позвольте уже и въ губки поцѣловать!» Такимъ образомъ дня три онъ куролесилъ-куролесилъ, къ невѣстѣ ужъ и на домъ переѣхалъ, и въ халатѣ сталъ ходить, да вдругъ и одумался. «Эге-ге! — говоритъ — шалишь, за двѣ-то мельницы, да за домъ старенькій, нечего губить себя!» Подумалъ-подумалъ, выбралъ опять темную ночь, сѣлъ на своего драбанта, взялъ шку и чемоданчикъ, да и поѣхалъ опять въ видѣ Донъ-Кихота, тайно отъ вдовы, въ крѣпость. И такъ онъ и избавился, — сколько потомъ вдова ни писала къ нему, даже въ стихахъ, и даже уже тогда, какъ Кирикъ

Андрейч женился на Улитѣ Романовнѣ, дочери помѣщика, по сосѣдству Харькова. Женился же онъ на Улитѣ Романовнѣ, теперь уже покойницѣ, тоже любопытнымъ образомъ. Пустилъ тестю пыль въ глаза тѣмъ, что у него гдѣ-то есть богатая тетка, тетка Марфа Николаевна Иванова, прѣхаль, свататься въ чужомъ новомъ мундирѣ, на чужой тройкѣ и даже съ чужимъ лакеемъ. Обманъ открылся на другой же день послѣ свадьбы, когда лакей пришелъ къ нему и потребовалъ назадъ барское имущество; но Дуля уже былъ женатъ и торжествовалъ. Съ той поры, до ловкаго пріобрѣтенія Кухни, у брантмейстера постоянно былъ и сытный обѣдъ, и чистая рубашечка, и теплая шинелька, и на зиму теплыя на волкѣ сапожки, и хотя плохенькая, а все-таки была и таратаечка съ четвернею приземистыхъ лошадокъ. Пріобрѣтеніе Кухни положило полное окончаніе еще недавнему странствію жолудка и чемодана Дули по знакомымъ, и онъ предался любимому постоянному занятію своему, именно — лежанію въ полѣ, въ пшеницѣ, или въ саду, на коврикѣ, подъ грушей; и сталъ попивать Дуля наливочки да водяночки, которыя не переводились въ его погребахъ, и такъ было весело ему, что и сказать нельзя! Таковъ былъ толстенный обладатель хутора Кухни. — Теперь его гость...

Гость обладателя хутора Кухни, Владиміръ Андѣичъ Торба, былъ сынъ зажиточнаго слобожанскаго помѣщика, за годъ передъ тѣмъ отошедшаго къ дѣдамъ отъ неумѣреннаго употребленія маринованныхъ въ уксусѣ перенеловъ. Сынъ былъ вызванъ изъ городка, гдѣ служилъ по желанію отца писцомъ въ судѣ, писалъ и отписывался, ѣздилъ въ городъ, ѣздилъ изъ города, возилъ гостинцы Петру Семенычу, возилъ гостинцы Семену Петровичу и былъ, наконецъ, введенъ во владѣніе нѣсколькими стами душъ и нѣсколькими тысячами десятинъ земли. Родныхъ у молодого Торбы почти не было, и потому, внявъ совѣту одного изъ сосѣдей, франта и нѣкогда столичнаго жителя, онъ собралъ, что успѣлъ, денегъ и рѣшился ѣхать въ Петербургъ на службу. Деревни своей, родимой деревни Упопловки, онъ почти не зналъ, деревенская скука въ нѣсколько мѣсяцевъ успѣла овладѣть имъ, и, недолго думая, промѣнялъ ее Торба на зовущую, далекую, чудную даль. И какъ было не ѣхать Торбѣ изъ степей въ столицу! Денегъ теперь предстояло ему вдоволь, сосѣди и сосѣдки наперерывъ завидовали ему и говорили: «Ахъ, Вла-

диміръ Авдѣичъ! Вотъ теперь-то вы поѣдете въ Петербургъ! Вотъ теперь-то вы заживете!» А пальцы уже успѣли забрызгаться чернилами въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ. Да и друга не припасъ себѣ Торба въ родимой школѣ, молодого сосѣда-друга съ тройкою чертей, а не коней, съ тройкою въ наметахъ и бубенахъ; друга разбитного, съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ и хоромъ домашнихъ пѣснниковъ; друга, который бы его подмигнулъ на какую-нибудь чернобровую Катрю или русокосую Мотрю, угостилъ бы его травлею съ ауканьемъ и попойкою подъ курганомъ въ сѣренькую осень и сказалъ бы: «Эхъ, душа моя, Володя, оставайся, душа, въ Упоиловкѣ, и доживемъ мы съ тобой весело до сѣдыхъ волосъ и до веселой тихой старости!» Не припасъ себѣ такого друга въ школѣ Торба, потому что не могъ припасти въ школѣ никакого друга. Въ школѣ Володю занимали другіе интересы и другія цѣли. Былъ въ школѣ мальчикъ Володя лучшимъ изъ всѣхъ лучшихъ мальчиковъ и по поведенію, и по ученію. Не зналъ въ школѣ хорошенькій мальчикъ Володя ни рѣзвыхъ игръ, ни затѣй, ни трескучей перепалки на морозѣ мячами и кулаками, ни келейнаго куренія трубки въ печку, ни невмучиванія всѣмъ классомъ уроковъ изъ скучной математики. Вышелъ Торба изъ школы съ похвальнымъ листомъ, вышелъ первымъ и заслужилъ отъ старика-отца, носившаго усы по грудь, въ награду старый бешметъ на зайцахъ и штуценрейтерское ружье; и одно только горе было Торбѣ, что никто на прощаньи изъ лѣнтяевъ-товарищей, какъ нарочно, не кинулся къ нему на шею, не обнялъ его жаркими юношескими объятіями и не сказалъ: «Ну, Торба, чтобъ меня взяли сто чертей, если ты не славный малый и если я тебя когда-нибудь забуду!» Всѣ чинно простились съ Торбою и разъѣхались... Отчужденность Торбы замѣчена была еще и на послѣднемъ урокѣ учителя русской словесности. Этотъ учитель, страстный и пылкій труженикъ науки, всегда курившій отличныя сигары, всегда чисто, со вкусомъ и даже нѣсколько франтовски одѣтый, завитой и раздушенный, вслѣдствіе чего его особенно любили во всѣхъ женскихъ школахъ, гдѣ онъ преподавалъ, — передъ выпускомъ, на прощальной лекціи, собравъ свои тетрадки, сошелъ съ кафедры и шутя сталъ предсказывать питомцамъ каждому подходящее будущее. Одному, на вопросъ: «Неронъ Петровичъ, а я чѣмъ

буду?» говоритъ: «ты, братъ, Ѳедоръ Никандричъ, будешь чиновникомъ!» Другому, на тотъ же вопросъ, отвѣчалъ: «Ты, Ваня, гусарь!» Третьему: «Ты — бандуристъ, не измелчайся только, а ты будешь молодецъ!» — «А я что буду?» — спросилъ съ первой лавки, забытый на прощальной перекличкѣ, Торба. — «Ты?» — произнесъ, неожиданно впавшій изъ веселаго, безпечнаго въ грустный и суровый тонъ, учитель: «ты будешь...» — прибавилъ, онъ и губы его задрожали: — «ты будешь... эхъ, жаль мнѣ тебя, Володя, мало тебя сѣкли, и не хотѣлось бы мнѣ, чтобы ты былъ тѣмъ, чѣмъ ты будешь непременно!» Учитель не кончилъ, и классъ въ безмолвіи разошелся отъ прогремѣвшаго въ коридорѣ звонка. Что такое хотѣлъ сказать учитель, никто не зналъ. Но послѣдствіемъ оправдали слова его для одного Торбы, и Торба не разъ, вспоминая прошлые дни, качалъ головою и жалѣлъ, что его мало сѣкли. Въ судѣ товарищи-сослуживцы, чернильные бѣдняки, сморкавшіеся въ руку, но, тѣмъ не менѣе, зараженные сатирическими наклонностями, прозвали его кислотиною; и точно: и его улыбка при чьемъ-нибудь нѣсколько свободномъ выраженіи была тѣмъ, что говорили сослуживцы, и его деликатно протянутые при встрѣчѣ со знакомымъ два пальца руки, никогда не пожимавшей дружескимъ, мужественнымъ пожатіемъ, были тѣмъ же самымъ, и сюртукъ его, и картузь, и всѣ слова его осторожной рѣчи были тѣмъ же, что говорили сослуживцы... И опредѣлился ясно въ представленіи всѣхъ богатый наслѣдникъ Торба, за которымъ, какъ говорится, не водилось ни сучка, ни задоринки, кромѣ одного, впрочемъ, счастливаго волокитства гдѣ-то въ домикѣ бѣдной вдовы-торговки, и всѣ говорили о паньчѣ Торбѣ: «Вѣдь вотъ — хорошій, кажется, человекъ, и тихій, и добрый, и сплетней не переноситъ; а вѣдь порядочная, однакоже, кислотина!» Последнее имя, наконецъ, пришло на умъ и толстенькому Дулѣ, когда онъ, переваливаясь боченочкомъ на двухъ наперсткахъ, пришелъ въ садъ и улегся съ нимъ на коврикъ подъ грушей... День сталъ прохладнѣе. Гость подкряпился пирогомъ съ яблоками и добрымъ корцемъ наливки. Окнувъ глазомъ панораму сада и окрестностей, открывшихся съ пригорка въ легкомъ туманѣ подступавшаго вечера, онъ не раскаялся, что завернулъ на хуторокъ Дули. И точно, видъ невольно бросался въ глаза. Садъ былъ вторично въ цвѣту въ одно лѣто. Почти всѣ деревья

и кусты его бѣлѣли, осыпанные медвяными лепестками, точно столбы молочной пѣны били изъ зелени травъ, а пчелы и мохнатые шмели то и дѣло сновали и роились надъ ними. По длинному стволу репейника, который, какъ косарь въ алой шалкѣ, стоялъ и покачивался отъ вѣтра, вился и бѣгалъ чубатый удѣлъ и сверкалъ, и отливался золотомъ, какъ перебрасываемый на солнцѣ клочекъ двухцвѣтнаго, металлическаго бархата, и было кругомъ то знакомое слобожанамъ благоуханье травъ и цвѣтовъ, въ которое стѣбитъ только опуститься — и въ мигъ уже весь пропитанъ тонкою, опьяняющею стенивою амброю, прощитается и шалка, и руки, и волосы, и все платье...

— Славная сливяночка, очень хорошая сливяночка, Кирикъ Андренчъ!—говорилъ Торба, почмакивая губами и потягивая изъ корчика.

— Пейте сливяночку, Владиміръ Авдѣичъ! пейте!—говорилъ Дуля, тоже почмакивая и потягивая изъ корчика:—она очень хорошая сливяночка, и ванъ папенька, кажется, ее очень любилъ.

— А вы ее только и пьете, Кирикъ Андренчъ? — спрашивалъ Торба, почмакивая и прислушиваясь, точно вкусъ его производилъ звуки.

— Нѣтъ, душечка, я не ее только пью! — отвѣчалъ съ улыбкою Дуля:—я и другое пью, только не такъ пью другое.

— А какъ же вы пьете другое, Кирикъ Андреичъ?—спрашивалъ Торба, не выпуская бутылки.

— Вотъ какъ пью, Владиміръ Авдѣичъ!—отвѣчалъ Дуля, приподнимаясь на коврикъ:—терновочку я пью по утрамъ, чуть-чуть зари, и пью въ сухомятку, такъ, чтобы росинки до той поры не побывало во рту. Послѣ чаю клубничковку, и пью клубничковку съ пыжами, какъ заряжаютъ ружье: вышью рюмочку и заѣмъ коржемъ, вышью рюмочку и заѣмъ коржемъ. А уже передъ обѣдомъ я иду въ комору, а комора моя подъ замкомъ, и тамъ у меня есть одна настоечка на кишеницѣ, гвоздичкѣ, полыни и перчикѣ; эту настоечку я зову красными угольками и залираюсь, когда пью, потому что (такъ говорить и нашъ отецъ Никита, если знаете) когда ее вынешь, все равно, точно проглотилъ кошку и потомъ сталъ тянуть ее назадъ за хвостъ. Впрочемъ,—заклучилъ Дуля:—человѣкъ не звѣрь, и больше ведра не вынешь. — Торба нѣсколько усомнился въ томъ,

что человекъ не звѣрь и больше ведра не выпьетъ,—потому что Дуля скоро очистилъ такую пузатую сулею сливянки, что мало чѣмъ не превзошелъ ведра. Толстякъ распоясался и опустился опять на коврикъ.

— А вы, маточка,—сказалъ онъ гостю:—распояньтесь тоже и полежите тутъ, или въ травѣ гдѣ-нибудь! Когда же не хотите, такъ ступайте на рѣчку; тамъ дѣвки полотна моютъ,—и вы послушаете пѣсенъ! Что? не хотите? Ну, какъ хотите! Да вы постойте, откуда вы теперь?—спросилъ, уже вѣвая, растянувшійся толстякъ:—я и забылъ васъ спросить!—Торба удовлетворилъ любопытство хозяина.

— Ну, конечно, душечка, ничего!—замѣтилъ толстякъ, переворачиваясь пузыремъ съ боку на бокъ:—я вамъ дамъ лошадокъ до станціи, а теперь погуляйте по саду, тамъ и баба моя гуляетъ.

Съ этими словами Дуля заснулъ, какъ убитый, а Торба всталъ, оправился, поглядѣлъ съ пригорка и пошелъ по первой попавшейся дорожкѣ сада—смотреть, какая это баба гуляетъ.

Торба спускался къ концу сада, какъ изъ-за плетня, поднявшись на перелазѣ съ корзиною сливъ на головѣ, выступила передъ нимъ красавица-дѣвушка. Изъ-за плетня неслись пѣсни, какъ бы тамъ ходилъ хороводъ. Красавица-дѣвушка, остановившись на ступенькѣ перелаза за оградой, освѣщенная розовымъ отблескомъ угасающаго вечера, точно внезапно зажглась вся, вмѣстѣ съ небомъ, на которомъ рѣзко отдѣлился ея граціозный очеркъ; точно зажглись и ея обнаженная ручка, и носикъ съ пережабничкой, и алыи спенсеръ, обхватывающій полную грудь, и фіолетовыя сливы на головѣ, которыя вдругъ покачнулись и брызнули дождемъ на алыи спенсеръ, полную грудь и мшистый заборъ сада. Торба стоялъ между тѣмъ въ смущеніи и припоминая что-то далекое, далекое, сладко-обаятельное, и вдругъ вскрикнулъ, бросившись къ забору: «Груша! Грушенька! вы ли это?» Пылающій въ воздухѣ очеркъ красавицы-дѣвушки былъ неподвиженъ и смотрѣлъ сверху, въ то время, какъ улыбка уже пробѣгала по его лицу. Красавица, наконецъ, также радостно вскрикнула: «Володя!»—хотѣла переступить черезъ плетень и не переступила. Не Володя, Владиміръ Авдѣичъ, и не Груша, Аграфена Кировна, стояли теперь другъ передъ другомъ! И не дѣти, не далекія маленькія дѣти въ

тихомъ далекомъ городѣ, въ шумной школѣ—были они, а помѣщикъ Торба и панночка Дуля, владѣтель богатой слободы Унопловки и хуторянка, наследница маленькаго хутора Кухни! И помѣщикъ, и панночка не имѣли силъ ступить другъ къ другу; и помѣщикъ, и панночка стояли и смотрѣли,—смотрѣли, точно съ порога далекаго, невозвратнаго времени, точно боясь за ступеньками перелаза встрѣтиться и не узнать другъ друга. Пѣсни за плетнемъ грянули сильнѣе, пѣсни огласили окрестность, и красавица-дѣвушка первая очнулась. Она медленно переступила черезъ плетень и подошла къ гостю... — «Володя, Володечка! — сказала она съ замирающимъ отъ радости сердцемъ, въ то время, какъ улыбка все еще трепетала на ея устахъ: — какъ это вы очутились у насъ, въ нашемъ саду?» Торба разсказалъ наскоро обо всемъ, случившемся послѣ разлуки съ Грушенькой, воспитывавшейся съ нимъ вмѣстѣ, въ семьѣ содержателя школы, друга ея матери. Волненіе мало-по-малу прошло въ слушательницѣ, она поставила корзину на землю, оправила на густой пепельной косѣ, положенной широкимъ вѣнцомъ надъ головою, другой вѣнецъ изъ ярко-голубыхъ свѣжихъ васильковъ, сѣла съ гостемъ на лавку и, сложа руки на-крестъ на колѣняхъ, стала опять улыбаться и слушать. И опять раздались и понеслись за плетнемъ громкія хуторянскія пѣсни...

— А помните ли, Грушенька,—началъ Торба:—помните ли вы, какъ мы учились?—И онъ остановился.

— О! помню, помню! — подхватила весело красавица-дѣвушка: — я такъ рада, такъ рада вамъ, что не хотѣла бы опять разставаться съ вами!

— Бѣда наша! — замѣтилъ печально Торба:—таковъ удѣлъ мужчины—вѣчно отрываться отъ родимой почвы, вѣчно блуждать и странствовать!

— О! — подхватила Грушенька: — на мѣстѣ мужчинъ я просто бросила бы все, стала бы жить вотъ такъ, какъ теперь живу.

— А слышали ли вы что-нибудь, Грушенька, о долгѣ обществу, о трудахъ на пользу свѣта? Если не слышали, такъ я вамъ скажу, что какъ бы ни хотѣлось мнѣ теперь жить вблизи знакомыхъ мѣстъ, вблизи васъ, я не могу отстать отъ жизни сверстниковъ. — Таковъ удѣлъ мужчины! Да что вы думаете, наконецъ, Аграфена Кировна, — спрс-

силъ Торба уже нѣсколько суровѣе: — если я наслѣдовать теперь богатое имѣніе, гдѣ старѣлись отцы и дѣды мои, такъ сейчасъ и втесать себя въ сѣятели пшеницы и разводители пеньки и мериносовъ?

Грушенька слушала молча, сложа руки на-крестъ и все такъ же освѣщенная отблескомъ зари, освѣщенная вся, съ своимъ алымъ спенсеромъ, ярко-голубымъ васильковымъ вѣнкомъ и густою пенельною косою, оплетенною вокругъ головы.

— Нѣтъ! — сказала она, когда Торба кончилъ: — я одно все-таки твержу: бросила бы я все на мѣстѣ мужинь — и заботы о свѣтѣ, и вѣсь въ обществѣ, и стала бы жить въ деревнѣ, особенно въ вашей деревнѣ, Владиміръ Авдѣичъ, съ лѣсами и озерами, въ деревнѣ, о которой такъ заботился при жизни вашъ папенька и о которой вы сами когда-то такъ много рассказывали...

— Да какъ же, — подхватилъ тономъ разсудительнаго челоука Торба: — да вѣдь послѣдній бѣднякъ, сосѣдъ мой, былъ въ свѣтѣ и видѣлъ свѣтъ. Вѣдь этакъ сразу и назовутъ меня грѣчкосѣемъ!

— Не назовутъ грѣчкосѣемъ, Владиміръ Авдѣичъ, не назовутъ, клянусь вамъ! — произнесла, строго и какъ бы взвѣшивая каждое слово, дѣвушка: — они вдали родины и были потому, что бѣдняки, и потому, что бѣднякамъ нужно служить вдали и честно снискивать себѣ пропитаніе. Вы же богаты, вы же чиновникомъ не сумѣете быть, и хочется вамъ видѣть театры, гулянья, балы, а не служить обществу! Вотъ (кстати, что мы встрѣтились съ вами) я слѣдила постоянно за каждымъ вашимъ шагомъ по выходѣ изъ школы, и помните мои слова, — завертнѣть васъ эта жизнь, Владиміръ Авдѣичъ, и сами вы потомъ себя не узнаете!..

Владиміръ Авдѣичъ въ изумленіи слушалъ и недоумѣвалъ, какъ это можетъ такъ разсуждать простушка-дѣвушка, взросшая на хуторѣ Кухнѣ, и еще болѣе недоумѣвалъ, какъ это завертнѣть его новая жизнь и онъ самъ потомъ себя не узнаетъ...

— Откуда вы всего этого наслышались? — спросилъ онъ, не выдержавъ и даже нѣсколько неделикатно.

— О! отъ многихъ наслышалась! — отвѣтила Грушенька съ улыбкой и продолжала, не обращая вниманія на его изумленіе: — помните ли вы наше школьное время, нашихъ

мальчиковъ и дѣвочекъ; помните ли вы, какъ мы строили планы о будущемъ? Вы... я вамъ напомню, — и это меня постоянно потомъ интересовало, — вы хотѣли, выйдя изъ училища, поселиться въ деревнѣ, оживить въ своемъ быту старинные дѣдовскіе обычаи, воскресить въ своемъ дому прошедшіе золотые нравы старины, старинныя убранства и столъ, прислугу и тихую, старую жизнь, и помните ли, какъ вы жадно читали тогда каждую строчку, каждую замѣтку объ этой старинѣ?

Дѣвушка замолчала. Слушатель ея тоже молчалъ.

— Ай, ай, ай, Владиміръ Авдѣичъ! Такъ скоро измѣниться! Ну, не грѣшно ли вамъ? Ну, на что вамъ другая жизнь?

— Вотъ, видите ли, — началъ Торба, едва различая въ сумеркахъ лицо Грушеньки:— вотъ, вы только поймите меня, я вѣдь только говорю на первое время, а потомъ я приѣду и точно заведу въ домѣ обычаи предковъ, старинныя убранства, столъ, прислугу и тихую, старую жизнь.

Грушенька помолчала и ласково улыбнулась.

— Нѣтъ, Владиміръ Авдѣичъ, нѣтъ! не обманывайте себя! Не уважаете вы, я вижу, быта старыхъ нашихъ помѣщиковъ, мирныхъ нашихъ хозяевъ, веселыхъ сосѣдей и помощниковъ въ каждомъ добромъ дѣлѣ родного околотка, и не быть вамъ среди насъ добрымъ, величественнымъ магнатомъ, которымъ назначили вамъ быть судьба и происхожденіе ваше и у котораго бы, какъ говоритъ одна книга, было бы все наше добро и всѣ наши сердца! Нѣтъ, Владиміръ Авдѣичъ, откажитесь лучше совсѣмъ отъ превосходныхъ плановъ прошлаго, милаго дѣтства. Вѣдь вы уже не ребенокъ, вѣдь вы уже взрослый мужчина, — не правда ли? — прибавила весело Грушенька...

Владиміръ Авдѣичъ, котораго сильно заинтересовали и смутили слова Грушеньки, недоумѣвалъ попрежнему, откуда она набрала такихъ сужденій, и еще болѣе попрежнему недоумѣвалъ, какъ это можетъ его завертѣть новая жизнь и какъ онъ самъ потомъ себя не узнаетъ. Вѣдь все въ жизни такъ легко казалось ему! Вотъ, онъ нѣсколько послужитъ, черезъ каждые два года станетъ завертывать въ Упоилку, а тамъ устанетъ, и совсѣмъ поселится на покоѣ. Кто же его удержитъ? Кто же заставитъ его измѣнить свои планы? Не зналъ Торба, что такое жизнь въ свѣтѣ, — жизнь, гдѣ

должны были забыться выученные школьные уроки и школьные планы, и все молодое и первобытное должно было забыться, и гдѣ суждено торжествовать одному холодному, всепоглощающему, безжалостному и безсовѣстному эгоизму. Не зналъ еще этого Торба и удивлялся.. Впослѣдствіи же онъ узналъ все и не удивлялся никогда!

— Барышня, довольно сливы рвать?—раздался серебристый голосокъ въ темнотѣ. Крестьянская дѣвочка, съ длинными, нависшими волосами, стояла чуть видная вблизи на заборѣ.

— Довольно!—отвѣтила тихо Грушенька. Дѣвушка откинула за уши падающіе на лобъ волосы и опять спросила:

— А вы, барышня, не придете?

— Приду! — отвѣтила Грушенька.

Дѣвушка утонула въ темнотѣ, и вслѣдъ затѣмъ послышался бѣгъ по травѣ, за илетнемъ, съ быстрыхъ, босыхъ ножекъ.

— Вы пойдете, можетъ-быть, къ напенькѣ? — спросила тихо Грушенька: — а я только отпущу дѣвочекъ.

Торба молча поклонился и пошелъ искать старика Дулю. Старикъ Дуля, вставшій между тѣмъ и сидѣвшій на коврикѣ подъ деревомъ, былъ печаленъ и суровъ; это впрочемъ случалось съ нимъ всегда спросонья, навѣяннаго сливяною или другою наливкою.

— Чортъ знаетъ, что такое лѣзло въ голову! — началъ Дуля, сидя на коврикѣ въ одной рубашкѣ, и плюнулъ: — приснилось, будто меня похоронили съ ящерицею, зеленою и такою толстою, какъ кошка! — и онъ опять сплюнулъ.

Торба улыбнулся.

— Чортъ знаетъ,—подхватилъ опять съ досадою Дуля: — и это часто теперь уже стало сниться мнѣ! И вы не повѣрите! Недавно приснилось, будто покойная моя Улита Романовна, въ самый день поминокъ, когда кутья съ медомъ стоитъ въ залѣ, ночью спустилась мухой на кутью и стала пить! Я крикнулъ на нее, а она сказала: «Мурѹ, мурѹ! и гы, свистунѣ, не отвертись!» Сказала и улетѣла опять въ окошко!

Торба засмѣялся.

— Да что же тутъ смѣшного? — спросилъ серьезно Дуля и не могъ понять, какъ это можно смѣяться, когда чело-вѣку снится мертвецъ.

И весь тотъ вечеръ Дуля ходилъ, охая, изъ угла въ уголъ, и былъ скученъ. Развеселился Дуля опять только за ужиномъ, когда на открытомъ воздухѣ въ саду, подѣ тою же столѣтнею грушей, пламя свѣчей стояло, не колебнувшись, и въ чудной тишинѣ слобожанской ночи только слышался по деревьямъ шелестъ кисейно-крылыхъ мошекъ, да жужжаніе золото-панцырныхъ коровокъ, которыя сыпались и падали на бѣлую скатерть, уставленную соусниками съ разными дымящимися соусами, жаркими, супами, лѣнвыми и всякими другими варениками. За ужиномъ Торба и Грушенька сидѣли молча и молча разошлись по своимъ комнатамъ... И всю ночь, разметавшись подѣ пологомъ сумрака, въ бессонницѣ, красавица-Грушенька думала, слѣдя глазами проходящія въ темнотѣ картины далекаго, туманнаго дѣтства: «Такъ ли она предполагала встрѣтиться съ хорошенькимъ Володею, своимъ будущимъ сосѣдомъ по имѣнію, съ Володею, который нѣкогда забѣгалъ къ директору, чтобъ только наговориться съ нею?»—И всю ночь Торба, припавъ горячею щекою къ подушкѣ, вышитой руками Грушеньки, думалъ: — «И какъ это можетъ завертѣть его новая шумная жизнь, такъ завертѣть, что онъ потомъ и самъ себя не узнаетъ?»

Еще Дуля слегка всхрапывалъ въ комнатѣ, завѣшанной отъ мухъ одѣялами; еще спалъ около него, на другой кровати, и гость его, которому при пробужденіи показалось, что гигантская розовая тыква лежитъ передъ нимъ въ перинахъ: а уже Грушенька, свѣженькая и веселая, умывшись рано-рано холодною крипичною водою, успѣла побывать и на пасѣкѣ, и на току, гдѣ молотили горохъ, и на бакшѣ, и въ рошѣ съ гурьбою дѣвочекъ, отряженныхъ собирать выглянувшіе послѣ дождя красновики, и въ бондарнѣ, гдѣ выдѣлывались новыя колеса на плуги и телѣги; побывала вездѣ, безъ зонтика, въ сѣренькомъ ситцевомъ платицѣ, и шла уже домой готовить чай и будить отца и гости. За нею по двору, къ тополямъ, шелъ безъ шапки высокій, подпоясанный зеленымъ поясомъ, атаманъ, перебирая пучекъ сорваннаго, зеленого еще овса. «Да мы, барышня, вотъ что!— говорилъ атаманъ, кивая пятами: — мы, барышня, сегодня подѣ ярину отрядимъ Евтѣя, а подѣ озимъ Евсѣя: Евтѣй, барышня, крестилъ сегодня дочку и легче управится съ яриною, а Евсѣй не крестилъ дочку и управится легче съ

бзымью!» — «Нѣтъ, — отвѣтила на неудачный каламбуръ барышня: — ты уже, Ничипоръ, не разсуждай, я тебя уже знаю! Евсѣй и Евтѣй пойдутъ у меня на токъ горохъ молотить; горохъ покупаютъ цареборисовскіе поставщики, и его нужно вымолотить поскорѣе». Ничипоръ зналъ уже свою барышню и потому, почесываясь, молча отходилъ назадъ и удалялся отъ тополей безъ замѣчаній... Когда Торба одѣлся и вышелъ съ трубочкою на крыльцо, Грушенька стояла у периль, перегнувшись за балюстраду и наставивъ руку зонтикомъ надъ глазами.

— Что вы смотрите, Аграфена Кировна? — спросилъ Торба, здороваясь съ нею.

— Не даромъ папенька пошелъ на сторожевую клуню глядѣть! — замѣтила Грушенька: — вонъ, посмотрите, Поплеванковскіе панки ѣдутъ къ намъ.

Не успѣлъ Торба взглянуть въ сторону сада, — за рѣкою уже закурилась пыль, и довольно грузный экипажъ сталъ спускаться къ греблю. Скоро странная картина представилась глазамъ Торбы. Громадный зеленый рыдванъ, какъ слонъ, вооруженный бойницами, пиками и флагами, сталъ сѣзжать съ крутого прибрежья, запряженный шестерикомъ круторогихъ воловъ. Кучеръ въ слобожанской свиткѣ, сиди на козлахъ, размахивалъ хворостиною, правя ею, какъ индѣйскій слоноукротитель пикою. Двое господъ, еще толстѣйшихъ самого Дули, въ желтыхъ сюртукахъ и такихъ же фуражкахъ, сидѣли въ рыдванѣ и, чуть сѣхали къ рѣкѣ, начали махать платками, очевидно разглядѣвъ на сторожевой клунѣ Дулю. Новые гости, предводимые хозяиномъ, скоро вопли въ комнаты, гдѣ тотчасъ имъ былъ представленъ Торба. Оглядѣвшись, Торба замѣтилъ, что гостей около него было уже не двое, а что еще третій, миниатюрный, какъ безнерый цыпленокъ, выпорхнулъ изъ-за ихъ желтыхъ сюртуковъ и сталъ, шаркая, возиться у его ногъ.

— Это нашъ помѣщикъ Ненейводы! — сказалъ хозяинъ, указывая на одного изъ толстяковъ въ желтомъ сюртукѣ: — а это помѣщикъ Ненейквасу! — прибавилъ хозяинъ, указывая на другого толстяка: — а вотъ это — милый Паль Палычъ Павленко, или иначе — Пейводочку, какъ мы зовемъ его кетати!..

Торба улыбнулся и услышалъ звонъ канельнаго колокольчика, какой привязывается на шею дѣтскимъ деревяннымъ

конькамъ; онъ поднялъ глаза и увидѣлъ, что это маленькій третій гость хохоталъ, обрадованный обычною выходкой Дули. Пока подавалась закуска, грибки и огурчики, рыбка и водочка, пока раскуривались ифнковые трубки и пошли наконецъ всѣ за столъ, уставленный блюдами и тарелками,— Торба успѣлъ поймать въ коридорѣ Грушеньку, которая среди хлопотъ была въ большомъ духѣ, и она весело разболтала ему всю подноготную о прѣѣхавшихъ панкахъ. Одинъ изъ этихъ панковъ, именно панокъ Непейквасу, купивши съ публичнаго торгу клочекъ земли умершаго безъ роду и племени половищаго владѣльца Поклеванковской пустоши, ѣхалъ поселиться на новомъ жилищѣ и на сосѣдней станціи столкнулся съ другимъ владѣльцемъ пустоши, который съ ближайшей ярмарки сѣѣшилъ туда же.—«Какъ ваша фамилія?»—спросилъ Непейквасу, рекомендуясь новому знакомцу.—«Непейводы!»—отвѣчалъ новый знакомецъ.—«Какъ-съ? я не слышалъ, кажется!»—Новый знакомецъ повторилъ свои слова и прибавилъ:—«А ваша какъ?»—Непейквасу отвѣчалъ: «Непейквасу!» Сначала панки приняли отвѣтъ другъ друга за скрытую пронию; но потомъ, взглянувъ на полные животики каждаго, расхохотались, весело усѣлись въ одинъ экипажъ и скоро убѣдились совершенно, что пронія далека отъ ихъ мыслей. О встрѣчѣ Непевойды съ Непейквасомъ побили еще нѣсколько времени поболтать словоохотливыя сосѣднія пани; но потомъ и словоохотливыя пани замолчали, и Поклеванковскіе друзья зажили привольно и весело. Одинъ изъ нихъ, именно Непейводы, былъ очень добрый человекъ, но тупулся, во что бы то ни стало, сыграть роль богача. Домъ его представлялъ подобіе городского,—совершенно городского дома! Непейводы выгнали его въ три этажа, покрылъ желѣзомъ, вывелъ залы подъ лакъ и стѣны подъ мраморъ,—залы съ хорами и паркетными полами, и это все на сто только своихъ душъ; въ три зимы сжегъ на этотъ домъ чуть не весь свой лѣсъ, для убранства заложилъ и перезаложилъ имѣннице и пришелъ-таки къ тому, что домъ по-нынѣ до половины стоитъ безъ стульевъ и креселъ, важныхъ гостей по сосѣдству вовсе и не знаетъ, мраморныя подоконники его просверлены, и зимою сквозь нихъ, въ подвѣшенныя пустыя бутылки, стекаетъ вода со стеколь, а самъ хозяинъ лѣжится въ какой-то маленькой бильярдной. И еще какъ лѣжится! Такъ не лѣжится и немѣющіе городскиххт

домовъ! Среди лѣта, тоже какъ-то ночью, со двора у Непейводы свезли возъ сѣна, и никто изъ дворни до утра этого и не замѣтилъ. Говорятъ, что при этомъ затѣйливые воры еще на мѣстѣ стога воткнули палку съ слѣдующею юмористическою запискою на веревочкѣ: «Пришли Иванъ да Данила, наложили сѣна на вилы; а чортъ же тебя просилъ, что ты для нихъ косилъ!» Другой пайбкъ, именно Непейквасу, былъ тоже очень добрый человѣкъ, но ѣздилъ не иначе, какъ на волахъ, объѣдался, какъ журавль, былъ лѣнивъ до того, что, получивъ гдѣ-то наслѣдство, собирался ѣхать за нимъ болѣе десяти лѣтъ и кончилъ тѣмъ, что наслѣдство его перешло къ другимъ, а онъ только спивалъ весь окозотокъ. Былъ у него одинъ напитокъ, состоявшій изъ спирту и какихъ-то ягодъ, такой крѣпкій, что упомянутая настойка Дуля,—настойка, которую выпить значило то же, какъ выражался Дуля, что проглотить кошку и потомъ ее тянуть за хвостъ,—была передъ этимъ напиткомъ прѣсною водицею. Этому напитку, словно настоенному на огнѣ и на гвоздяхъ, имя было спотыкачъ, и одна рюмка его заставляла спотыкаться самаго крѣпкаго уничтожителя настоекъ. Владѣтель этого напитка любилъ обыкновенно говорить, нѣсколько въ пику своему строителю-сосѣду: — «Что мнѣ ваши мраморы, да паркеты! Вы, вотъ, попробуйте, милостивый государь, этой водички, тогда и говорите, нужны ли мраморы и паркеты!» Вслѣдъ за этимъ, кто ни пробовалъ водичку, дѣйствительно, соглашался, что мраморы и паркеты были вовсе не нужны! А самъ хозяинъ, посѣщавшій сосѣдей, у которыхъ не водилось спотыкача, заливалъ жажду чѣмъ ни попало. Однажды не засталъ онъ дома кумы своей, пани Цындри. жившей въ слободкѣ подъ Камынивахой, нащупалъ вечеромъ въ шкапу у нея бутылку настойки на шанскихъ мушкахъ и выпилъ ее до капли! Насилу потомъ откачали его и отпояли.

— Да вы, господа, почти ничего не ѣдите! — замѣтилъ Дуля въ то время, какъ двѣ дѣвки разносили чуть не восьмое блюдо.

— Мы сыты!—отвѣчали на это гости:—и васъ, Кирикъ Андренчъ, благодаримъ! а вотъ, рюмочку мы—такъ выпьемъ!

Кирикъ Андренчъ наливалъ гостямъ рюмочку, и гости весело выпивали.

— Боже мой!—сказала, вырвавшись послѣ стола въ садъ, Грушенька:—что это они только дѣлаютъ!

Липо Грушеньки было блѣдно, и на глазахъ дрожали слезы...

— И неужто они постоянно такъ проводятъ время? — спросилъ Торба. Грушенька закрыла лицо руками и ничего не отвѣчала. — «Вотъ она, деревня-то!» — подумалъ Торба и тоже замолчалъ. Во весь обѣдъ онъ не сводилъ глазъ съ лица чудной дѣвушки; во весь обѣдъ жадно ловилъ онъ каждый взглядъ, каждое движеніе, каждое слово ея, и теперь, кажется, навѣки ложились въ воображеніи его и это печальное раздумье Грушеньки, и этотъ долетающій изъ комнатъ звонъ ножей и тарелокъ, и веселыя рѣчи веселыхъ стариковъ - собесѣдниковъ, и маленькій домикъ, гдѣ прикована была судьбою подруга его дѣтства. Мысль, неожиданная мысль, какъ звонъ зовущей трубы, раздалась въ воображеніи Торбы: онъ былъ влюбленъ въ Грушеньку! — «На колѣни, къ ногамъ этой рѣдкой дѣвушки! — шептало ему неокамѣлое еще юношеское сердце: — посмотри на эти косы, посмотри на этотъ бюстъ, на это доброе, кроткое созданье!» А голосъ другой, непонятный еще голосъ говорилъ ему: «Погоди! подобныя шаги въ жизни не дѣлаются такъ опрометчиво!» И Торба, въ смущенныи глядя на Грушеньку, молчалъ, молчалъ и самъ не могъ дать себѣ отчета, что дѣлалось внутри его. Кажется, впрочемъ, ничего не дѣлалось важнаго, какъ это подтвердили потомъ и послѣдствія...

— Котикъ, поди сюда! — кричалъ между тѣмъ нѣжнымъ голоскомъ раскраснѣвшійся Дуля, появляясь съ двумя остальными толстяками на балконѣ: — поди сюда, потанцуй, котикъ! Паль Палычъ будетъ намъ на скрипочкѣ играть!

— Папенька, я не могу танцевать! у меня голова болить! — отвѣтила Грушенька и молча пошла на другое крыльцо въ свою комнату.

— Ну, какъ знаешь, котикъ! — произнесъ Дуля, становясь подъ руку съ двумя другими толстяками въ позы танцующихъ грацій: — а мы уже будемъ непременно танцевать!

И вслѣдъ затѣмъ раздались въ комнатѣ звуки скрипочки, и толстыя граціи, отпихивая журавля, пустились въ присядку...

Покачиваемый въ подушкахъ легкой крытой таратаѣчки, которая вдругъ пошла по кочковатой луговинѣ, какъ бы свернула со столбовой дороги на проселокъ, Торба очнулся и сталъ припоминать, что съ нимъ произошло въ два или

три послѣдніе дня. Звонъ ножей и тарелокъ, тиликанье скрипочки и громъ веселаго журавля, слезы и чья-то тихая, тихая рѣчь въ саду — все это мѣшалось въ его мысляхъ. Но вотъ, набѣжала въ ночной темнотѣ дождевая тучка, пыль прибило, и въ воздухѣ посвѣжѣло. Таратаечка пошла лѣсомъ, поминутно цѣпляясь за вѣтви, и Торба сталъ припоминать прошлое яснѣе... Очевидно, онъ до того времени дремалъ, покачиваясь въ подушкахъ таратаечки. — «Поѣзжайте, поѣзжайте, Владиміръ Авдѣичъ, — говорила Грушенька, подъ общій шумокъ выпроваживая его черезъ садъ изъ хутора: — поѣзжайте, а то вамъ долго еще отсюда не уѣхать!» Вслѣдъ за этимъ Торба помнитъ ея ласковыя напутствія и ласковыя желанія, помнитъ и свои горячія, горячія, невольно вырвавшіяся слезы... «Ахъ, Грушенька, — говорилъ взволнованный Торба: — такъ тяжело мнѣ, такъ тяжело съ вами расставаться!» — Сердце шептало ему еще сказать слово, слово послѣднее, окончательное; но Торба замолчалъ — и не сказалъ этого слова... «Вамъ не здѣсь, — говорилъ онъ взамѣнъ этого слова: — вамъ въ столицѣ суждено блистать яркою жемчужиной! И я вѣрю, я надѣюсь, вы будете блистать въ столицѣ!» — «Э, Владиміръ Авдѣичъ! гдѣ намъ до жемчужинъ! Останемся и при своихъ хуторскихъ садикахъ да домикахъ!» — «Нѣтъ, Аграфена Кировна, — продолжалъ Торба: — клянусь вамъ, не пройдетъ и года, я вернусь сюда, только получу мѣсто, вернусь и тогда...» Онъ не договорилъ. «И тогда?» — спросила Грушенька съ комическою улыбкою: — и тогда Грушенька будетъ имѣть честь представить вамъ новую насѣку, которую теперь строятъ въ ливадѣ!» Торба опомнился, медленно поцѣловалъ ей руку, перелѣзъ черезъ тотъ самый плетень, на которомъ встрѣтилъ въ блескѣ и огнѣ вечера Грушеньку, и когда таратаечка отъѣхала отъ сада, онъ увидѣлъ, какъ красавица-Грушенька обернулась и тихо пошла къ домику по дорожкѣ, плывя, какъ нава, и склонивъ въ раздумьи хорошенькую головку. «Рѣшено, рѣшено!» — думалъ Торба, катясь снова по гладкой стемнѣвшей луговинѣ въ то время, какъ звѣзды одна за другою уже глянули на небѣ и издали летѣла ему навстрѣчу освѣщенная мѣсяцемъ березовая роща. «Рѣшено: я только обзаведусь хорошимъ мѣстомъ, возьму отпускъ, прикачу сюда и женюсь на Грушенькѣ, женюсь и вырву изъ душнаго круга милое, доброе созданье, эту свѣтлую, первобытную дуну!»

И погружался снова въ золотую паутину сладкихъ мечтаний, Торба мысленно повторялъ: «Эту свѣтлую, первобытную душу!»

— Прикажете на станцію?—произнесъ голосъ незримаго въ налетѣвшей темнотѣ на козлахъ кучера.

— На станцію! — отвѣтилъ встрепенувшійся Торба и сталъ жадно глотать понесшійся ему въ глаза свѣжій воздухъ ночи.

Выйдя изъ таратаечки и отпустивъ кучера Дули домой съ тысячею поклоновъ барышнѣ, Торба остановился передъ старымъ слугою, который три дня его тщетно прождалъ на станціи, и, освѣщенный какою-то мыслию, спросилъ его: «А что, братъ Павладій, не остаться ли намъ еще тутъ?» Братъ Павладій на это горько усмѣхнулся и отвѣтилъ: «Гдѣ тутъ оставаться! хуражу совсѣмъ нѣтъ!» Торба подумалъ, махнулъ рукою, ушаль на постель и заснулъ, какъ убитый. Болѣе часу на другое утро будилъ и толкалъ его старый Павладій, объявляя, что чай уже на столѣ и что пора уже ѣхать. «А? что?» — вскрикнулъ, наконецъ, Торба и сталъ одѣваться. Пока Павладій возился съ погребцомъ, крендельками и бубликами, въ сосѣдней комнатѣ слышались шаги и чей-то свѣжій мягкій теноръ, звавшій лакея. Заглянувъ въ дверь, Торба ничего не увидѣлъ. Не увидѣлъ ничего и подошедшій въ это время къ двери компаньонъ тенора, сухой и длинный, длинный и сухой человекъ, какъ циркуль, поставленный на циркуль, и, какъ сорока, весь состоявшій изъ костей и перьевъ! Этотъ сухарь, украшенный длиннѣйшими рыжими усами и въ дѣтской курточкѣ, держалъ аранникъ и поминутно кашлялъ. «Ты, Петя, тутъ?» — спросилъ онъ, кашляя и не вида въ сосѣдней комнатѣ ничего, кромѣ дыму. — «Тутъ!» — отвѣчалъ изъ дыму пріятный теноръ Пети. — «Экъ, ты, Петя, напустилъ сколько! — замѣтилъ, кашляя, сухарь, точно билъ по лопнувшему барабану заревую дробь, и прибавилъ: — не пора ли, Петя, запрягать?» Пети на это произнесъ: «Ахъ, душа, позволь еще погадать!» и вслѣдъ за этимъ изъ дыму выставилось свѣжее, красивое лицо темноволосаго мужчины, лѣтъ тридцати, въ синей бекешѣ, какую носятъ небогатые степные поставщики хлѣба и сѣна и вообще всякіе туземные кулаки: онъ былъ сутоловатъ и румянъ, какъ майское утро, слегка улыбался и пускалъ кольца легкаго сѣренькаго дыма изъ янтарнаго

мундштука, закутаннаго, какъ старушонка-попрошайка, во фланелевую душегрѣйку; въ рукахъ темноволосаго пускателя колечекъ былъ старый экземпляръ любимой книжки слобожанскихъ холостяковъ «Новый Гадатель». Показавшись на порогъ, пускатель колечекъ, равно какъ и сухарь, поклонились Торбѣ и тотчасъ вошли съ нимъ въ разговоръ. Торба, ознакомившись съ видомъ перваго, подумалъ про себя, что это изъ породы тѣхъ, которыхъ армейскіе офицеры называютъ: «эдакой здоровенный каммертонъ»; армейскихъ же офицеровъ, въ свой чередъ, изъ породы такихъ каммертоновъ, зовутъ уже не каммертонами, а «брандеба съ гвоздикой и счастливая этакая мордемондія!» Ознакомившись и со вторымъ, Торба, кромѣ сухаря, ничего болѣе еще не подумалъ...

— Изволите въ гвардію ѣхать опредѣлиться? — спросилъ каммертонъ, разложивъ уже не въ прежней комнатѣ, а въ той, гдѣ сидѣлъ Торба, размалеваннаго «Гадателя», который былъ подаренъ ему однимъ панкомъ изъ веселой общины сосѣднихъ холостяковъ, столько извѣстной въ окружности, и бросая на его роковыя клѣтки пшеничное зерно.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Торба: — я еще не знаю, но думаю служить по министерству... по министерству... гм!.. если примутъ! — Каммертонъ пріятнымъ голосомъ изъявилъ надежду, что примутъ, потому что теперь нуждаются въ людяхъ образованныхъ и знающихъ языки. «Ну, — подумалъ при этомъ Торба, — что касается до знанія языковъ, то я пась!» Каммертонъ еще что-то сталъ говорить, но произносилъ уже эти слова одними отрывистыми, невнятными звуками. потому что въ это время совершенно углубился въ «Гадателя», а растрепанный мальчишка, лѣтъ восемнадцати, въ засаленномъ сюртукѣ, безъ брюкъ, однакоже въ военныхъ сапогахъ со шпорами, Богъ-вѣсть откуда къ нему попавшимъ, поднесъ барину двѣ трубки. Баринъ взялъ сначала одну трубку и вытянулъ ее залпомъ, потомъ взялъ другую и также вытянулъ ее залпомъ, и когда онъ вытянулъ залпомъ другую трубку, столъ, диванъ, стулья, печь и косяки двери утонули въ дыму, и остались видны только шпоры на сапогахъ мальчишки, да усы сухаря. Заинтересованный гаданьемъ новаго знаконца, Торба уже собирался-было спросить его: «А позвольте узнать, на что вы это гадаете?» — какъ сухарь снова забилъ барабанную дробь, крутить, кру-

тилъ усы, ходилъ, ходилъ по комнатѣ, наконецъ, взялся подъ бока дѣтской курточки и произнесъ: «Послушай, Петя, ты, по-моему, совершенно заслуживаешь названіе той дамской вещи, которую нельзя и назвать!» — «Отчего же заслуживаю названіе той дамской вещи, которую нельзя и назвать?» — спросилъ съ улыбкою Петя, бросая на клѣтки «Гадателя» пшеничное зерно. — «Оттого, — отвѣтилъ циркуль, шагая по комнатѣ, — что ты боишься посвататься за индикову-дочку!» — «Помилуй, какъ боюсь! — произнесъ гадающій: — да нельзя потому, что это дѣло важное, и сразу рѣшиться нельзя! А впрочемъ, — заключилъ онъ, — вотъ посмотри, что теперь вышло!» Сухарь взялъ въ руки книжку и сталъ читать: «Бысть нѣкогда человекъ и позва его мати, и положи законъ въ своемъ наслѣдствѣ — быти ему благопревознесенну въ мірѣ!» Каммертонъ не помнилъ себя отъ радости, опять принялъ отъ мальчишки двѣ трубки, задымилъ ихъ, какъ винокурня зимою, и громко приказалъ закладывать...

— А позвольте спросить, — замѣтилъ Торба, когда новые знакомцы его сѣли уже на телѣгу: — вы изволили назвать индикову-дочку; кто это такая индикова-дочка?

Каммертонъ, сіяя, какъ лѣтнее утро на пестромъ коврѣ телѣжки, поклонился и отвѣтилъ:

— Это, милостивый государь, сосѣдка моя, единственная дочка помѣщика Дули, Кирика Андреевича Дули, если знаете!..

О чемъ мечталось и думалось Торбѣ, когда онъ снова очутился на большой дорогѣ и когда пошли мимо него, по обычаю всѣхъ большихъ дорогъ, проноситься и исчезать въ туманной панорамѣ версты, трактиры, станции, мосты, лѣса, поля, города и селы? Что навѣвали ему впечатлѣнія нѣсколькихъ счастливыхъ дней, прожитыхъ въ маленькомъ хуторѣ? Много сладко-томительнаго навѣвали ему эти впечатлѣнія! Качаясь въ мягкихъ подушкахъ, онъ дремалъ, дремалъ и видѣлъ картину жизни въ высокомъ, незнакомомъ старомъ домѣ. Въ этомъ домѣ онъ учитъ дѣтей; тутъ еще живетъ гувернантка, и гувернантка эта никто иная, какъ Грушенька. Старый вдовецъ-хозяинъ скучаетъ, его утѣшаютъ старыя сестры, безобразныя старыя дѣвки. И вотъ, зоркія сестры открываютъ, что молодой, бѣдный учитель влюбленъ въ ихъ гувернантку; молодому, бѣдному учителю

и гувернантки отказываютъ отъ дома. Дѣвушка въ горячкѣ; молодой, бѣдный учитель беретъ ее къ себѣ на квартиру, ухаживаетъ за нею, ухаживаетъ и еще болѣе влюбляется, влюбляется и воскрешаетъ Грушеньку; и вотъ, идетъ и подступаетъ новая картина, и движется туманный рядъ сладкихъ грѣзъ и сладкихъ мечтаній, мучительно-сладкихъ сценъ счастливой любви!.. «Баринъ, а мы уже въ Москвѣ!» — замѣчаетъ голосъ Павладія, и, выходя изъ экипажа, Торба радуется, что на дворѣ уже ночь и что сонъ его снова начнетъ и непрерывно будетъ ткать свои обаятельные ткани вплоть до Петербурга... Что же еще сказать о сладкихъ радужныхъ впечатлѣнiяхъ? Что же еще сказать? Въ одно сѣренькое, туманное утро Торба проснулся въ Петербургѣ, и насмѣный камердинеръ, въ лаковыхъ сапогахъ и перчаткахъ, принесъ ему новый, шитый золотомъ мундиръ. Торба былъ уже генераломъ, статскимъ генераломъ, съ почтеннымъ брюшкомъ, лысый, какъ колѣно, въ парикѣ и съ порядочными морщинами. Нѣсколько просителей — кто съ рекомендательнымъ письмомъ, кто съ памятною запискою по предстоящему аппеляционному дѣлу, а кто съ просьбою о денежномъ пособіи — ожидали его появленія, потому что Торба занималъ мѣсто, съ которымъ еще соединялась должность по одному изъ человѣколюбивыхъ обществъ. Когда онъ вышелъ въ пріемную и спросилъ ласково у одного, а потомъ и у другого просителя: «Вы откуда?» просители отвѣтили, что изъ Малороссіи. Добрый старикъ, потому что Торба успѣлъ уже состариться, отъ души обрадовался землякамъ, сдѣлалъ нужныя распоряженія, отправилъ потомъ секретаря за билетомъ во французскій театръ, сѣлъ въ двуколесный кабриолетъ, взялъ вожжи и жокейскій бичъ, махнулъ на рысака въ шорахъ и покатился по торцевой мостовой на дачу — пользоваться весеннимъ днемъ. Весенній день, впрочемъ, оказался, чѣмъ-то въ родѣ табачно-бурого пейзажа старой фламандской школы, съ примѣсю неожиданной ванны изъ мелкаго дождя. Торба въ досадѣ заходилъ по кабинету легкострѣльчатой и много-оконной лѣтней дачи. Ходилъ, ходилъ Торба по кабинету, взявъ изъ рукъ секретаря привезенный билетъ, нѣжно заговорилъ съ нимъ о его родныхъ и будущности, узнать, черезъ шесть лѣтъ его службы, что онъ тоже изъ Малороссіи, обласкавъ его, подарилъ ему дублетъ какой-то заморской сигарочницы, — причемъ секретарь не

могъ надивиться, откуда взялась доброта у такого затянутаго и расфранченнаго старикашки, — и въ тотъ же день рѣшился ѣхать въ отпускъ, ѣхать въ отпускъ на родину, которой онъ не видалъ чуть не двадцать пять лѣтъ, мелькнувшихъ среди полезныхъ и тяжелыхъ занятій. Черезъ полторы недѣли быстрой ѣзды на почтовыхъ, въ двумѣстной легкой кареткѣ, Торба миновалъ военно-поселенную дорогу съ полуверстными столбами въ видѣ горящихъ на синемъ небосклонѣ бѣленыхъ, кирпичныхъ пирамидокъ, сталъ спускаться къ Дону и уже былъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Упойловки, гдѣ съ трепетомъ и страхомъ ожидалъ его извѣстный уже Павладій, состарѣвшійся въ качествѣ приказчика, — когда, проѣхавъ мимо одного кургана, вспомнилъ что-то заревенное и давно забытое въ далекихъ юношескихъ воспоминаніяхъ! Ямщикъ своротилъ на проселокъ, и когда каретка пошла по узенькой Поплеванковской межѣ, смутныя юношескія воспоминанія встали и заколыхались передъ глазами Торбы. Вспомнилъ Торба неожиданно, какъ во снѣ, и разсыпавшуюся бричку, и хуторокъ, по имени Кухня, и теплый, всеобливающий пурпурнымъ блескомъ вечеръ, и красавицу-дѣвушку на перелазѣ плетня, и громкія шѣсни за садомъ, и тихія рѣчи, и кроткую улыбку, трепетающую на милыхъ устахъ. Вспомнилъ это Торба и въ смущеніи смотрѣлъ, какъ выходилъ ему навстрѣчу старый городокъ-слободка Цареборисово съ деревянною, почернѣлою колокольнею, рядами бѣленькихъ домиковъ, фруктовыхъ зеленыхъ садиловъ и плетней, увитыхъ ползучими тыквами, выходилъ, словно воскресшее дѣтство, дѣтство, съ его невозвратными, первыми забавами и съ его первыми, невозвратными радостями. Нужно было взять вольныхъ лошадей и ѣхать далѣе, мимо Поплеванковской пустоши и маленькаго хутора Кухни, въ Упойловку. Торба вышелъ изъ каретки и разговорился съ старикомъ, отставнымъ солдатомъ, который содержалъ въ Цареборисовѣ постоялый дворъ. Съ первыхъ же словъ солдата Торба не помнилъ уже себя отъ радости: семейство Дули жило въ Цареборисовѣ, въ концѣ улицы, тамъ, гдѣ колодець и сады сливаются съ рощею! Одѣвшись наскоро, Торба кинулся по улицѣ и скоро увидѣлъ указанный домикъ. Хозяева были въ саду, около амшеника. Торба пошелъ въ садъ и скоро увидѣлъ, высокій, старый амшеникъ, изъ-за котораго летѣли ему на-

встрѣчу хохотъ и дѣтскіе крики. Семейная картина представлялась глазамъ Торбы... Мужъ хозяйки, въ которомъ Торба легко узналъ знакомаго на станціи, нѣкогда гадавашаго на «Новаго Гадателя», былъ тотъ же веселый и румяный степнякъ, только нѣсколько посѣдѣвшій; онъ помѣщался на опрокинутомъ ульѣ и сѣкъ на колѣняхъ березовымъ пучкомъ какое-то подобіе розоваго, полубогаженнаго купидона, какъ Венера на одной картинѣ сѣчетъ розою амура. Жена, стройная барыня съ пышными плечами и пышными, пепельными волосами, нѣсколько блѣдная, но все та же прежняя Грушенька, стояла въ сторонѣ и хохотала до упаду. Тепленко и его жена (такъ теперь называлась Грушенька) узнали сразу дорогого гостя и съ радостными криками бросилась ему навстрѣчу. — «Какъ! какими судьбами?» — понеслись вопросы, и при этомъ купидонъ освобожденъ. — Владиміръ Авдѣичъ, почтенный Владиміръ Авдѣичъ, былъ введенъ въ комнаты. Въ комнатахъ, кромѣ купидона, уже оправившаго свою курточку и другія, скинутыя до того принадлежности, встрѣтили Торбу еще три дѣвицы — сестры хозяйки дома. Дѣвицы-сестры, внеся въ гостиную полные воланы своихъ бѣлыхъ платьевъ, усѣлись по кресламъ въ живописныхъ позахъ. Пока Грушенька хлопотала съ ужиномъ, а хозяинъ раздавалъ приказанія о приготовленіи лошадей и экипажа владѣтелю Унойловки, старшая изъ дѣвицъ, поддерживая разговоръ съ гостемъ, успѣла изъяснить, какъ онѣ скучаютъ, очень скучаютъ въ Цареборисовѣ. Въ это время высѣченный, но опять веселый купидонъ сѣлъ передъ самымъ носомъ Торбы и, покачиваясь, замѣтилъ: «А тетя Маша все вретъ, дядя! Онѣ совсѣмъ и не скучаютъ; а онѣ ѣздили къ Цѣпетновымъ, одного улана смотрѣть ѣздили, и мнѣ уланы давалъ конфетовъ, чтобы я не говорилъ, какъ онѣ будутъ свататься за тетю!» — Дѣвица покраснѣла, какъ клубника, и вмѣстѣ съ другими сестрами готова была сквозь землю провалиться...

— «Ты, душенька, не мѣшай!» — замѣтилъ разбитному мальчишкѣ Торба и, посадивъ его къ себѣ на колѣни, увидѣлъ, какъ онъ тотчасъ же завладѣлъ его часовой цѣпочкою и печатками. Разсказчица переглянулась съ сестрами и стала снова излагать, какъ никто, рѣшительно никто къ нимъ не заѣзжаетъ. — «А тетя Маша опять вретъ! — замѣтилъ мальчикъ: — Семенъ Семенычъ изъ суда заѣзжалъ и

играла съ ними въ карты, а меня тетя въ дѣтскую тогда запирала!»—«Ну, послушай, мой другъ!—произнесъ Торба:—если ты будешь мѣшать тетенькѣ, я тебя разлюблю, разлюблю рѣшительно!» Мальчикъ притихъ, но во время новаго разговора, когда и маменька, и папенька его уже сидѣли въ гостиной, вдругъ спросилъ: «А отчего это, дядя, у тебя такіе волосы на головѣ, будто чужіе, и столько морщинъ?» Тепленько поблѣднѣлъ, стиснулъ зубы, ухватилъ опять купидона за поясъ и, какъ котенка, понесъ его на новую раздѣлку... «Хи, хи!»—смѣялся гость въ смущеніи, опраясь передъ дамами и стараясь придать своему лицу беззаботную мину:—«Какой веселый ребенокъ!» Грушенька, для ободренія гостя, завела рѣчь о Петербургѣ, о балахъ, о театрахъ, объ оперѣ, о городскихъ новостяхъ и даже о службѣ, которую, по словамъ ея, она любила и за которою постоянно слѣдила,—и Торба, оживленный своею сферою и любезностью хозяйки, чуть не таялъ передъ пышною ступенькою, хотя невольно, при взглядѣ на нее! и на себя, думалъ: «Какая же это еще роскошная и свѣжая женщина!.. И какой ты, братъ, уже истертый и измятый колакъ!»—«А ты, дядя, какой смѣшной!»—крикнулъ неожиданно розовый купидонъ, ворвавшись опять въ гостиную, очевидно въ отмщеніе новой, совершенной надъ нимъ расправы, и увлекъ въ погоню за собой и раздосадованнаго папеньку, и всѣхъ недодующихъ тѣтенокъ...

Нечего говорить болѣе о встрѣчѣ Торбы съ Грушенькой. Торба боялся завести рѣчь о прошломъ, о планахъ дѣтства, о предположеніяхъ жить въ деревнѣ и воскресить въ домашнемъ быту преданія старины и обычай тихихъ, мудрыхъ дѣдовъ. Грушенька это видѣла и также молчала. Постѣ веселаго, оживленнаго перекрестнымъ разговоромъ, ужина, хозяйка дома ушла въ маленькую гостиную и за полночь засидѣлась тамъ съ гостемъ. Когда гость вышелъ оттуда и, ласково раскланявшись, оставилъ хозяевъ съ любезностію добраго, милаго и почтеннаго старичка, Грушенька склонилась на плечо мужа, и мужъ замѣтилъ, что она была блѣднѣе обыкновеннаго и слезы дрожали въ ея глазахъ...

Еще два слова. За ужиномъ Торба разговорился съ хозяиномъ, превозносившимъ успѣхи своихъ трудовъ по имѣнію жены, и узналъ, что старичекъ-тесть его недавно передъ тѣмъ скончался. Тепленько выхлопоталъ ему мѣстечко

въ канцеляріи сосѣдняго дворянскаго Депутатскаго Собранія; Дуля бросилъ рюмочку, наполнился, что нерѣдко у насъ случается на старости лѣтъ, охотою труда и дѣятельности, болѣе семи лѣтъ служилъ честно и благородно, и, вмѣстѣ съ прежними годами, былъ награжденъ за усердіе пряжкой «за XXV лѣтъ службы». Старикъ чуть съ ума не сошелъ отъ радости, сталъ показывать всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ полученную пряжку, говоря: «Вотъ, посмотрите, какая у меня пряжка!»—сталъ рисковать и разстегиваться на морозѣ отъ радости, простудился—и умеръ. На похоронахъ его были всѣ прежніе, старые друзья, и, между прочимъ, были извѣстные уже сосѣди по Поплеванковской пустоши—Непейводы и Непейквасу, донинѣ поживающіе весело, какъ истые мелкопомѣстные панки, веселы и въ здоровьи,—кромѣ, впрочемъ, Непейквасу, у котораго недавно, отъ частыхъ возліаній спотыкача, проявилось непроизвольное шатаніе и мотаніе тѣла вправо и влево, сопровождаемое еще трепетаньемъ десницы, а иногда и шуйцы, почему сосѣди дали ему тотчасъ прозвище деревяннаго пидьщика, какой иногда продается на ярмаркахъ, покачиваемый собственною тяжестью на жерди ярмарочныхъ палатокъ...

V.

ПЕЛЬТЕТЕПИНСКІЕ ПАНКИ *).

— Что это такое?

— «Панъ на всю губу!»

Въ слободской Малороссіи, благодаря полному отсутствію мудрыхъ правилъ майората и совершенному незнанію того, что въ другихъ мѣстахъ называется золотою жизнью холостяковъ, существуетъ искони одинъ родъ любопытныхъ обывателей, средина между великорусскими однодворцами и казачествомъ старой Гетманщины, которыхъ по уличному, въ народѣ, называютъ панками, полупанками и подпанками. Эти любопытные обыватели съ недавнихъ поръ стали нѣсколько исчезать, убѣгать изъ благодатныхъ степей и перерождаться, появляясь въ отдаленныхъ городахъ и губерніяхъ въ видѣ помощниковъ откупщиковъ, помощниковъ барышниковъ и другихъ разныхъ спекуляторовъ. Но иногда путникъ наталкивается въ степяхъ на слободку, жилище такихъ панковъ, слободку странную и причудливую, слободку любопытную, какъ ветхая, полуоцѣпная рукопись на языкѣ отошедшаго безъ вѣсти, древняго нарѣчія. Подобная слободка столько же занимательна, какъ храмы друидовъ, развалины Плинеіи и мексиканскія древности! Такой слободки даже и не увидишь, проѣзжая степью съ большой дороги, потому что она всегда пригнѣздится въ глубокомъ байрацѣ, по берегамъ логовица тощей, степной рѣченки,

*) Первоначально «Пельтетепинскіе панки» и «Село Сорокопановка» составляли два отдѣльные разказа, впоследствии же оба эти разказа авторомъ были соединены вмѣстѣ подъ общимъ названіемъ: «Село Сорокопановка».

или сидить себѣ въ лѣсу, вокругъ природныхъ зеркальныхъ ключей, надъ которыми вьются и стонутъ дикія чайки. Иногда только, рано на зарѣ, съ пустыннаго косогора или кряжа мѣловыхъ холмовъ, примѣтишь, гдѣ-нибудь въ сторонѣ, на окраинѣ степного горизонта, лиловый дымокъ, который рядомъ стройныхъ, несущихся въ воздухѣ столбовъ, поднялся надъ чертою туманной дали, тихо протянулся по небу и, закудрившись на маковкѣ, какъ капитель древней колонны, ступеался и исчезъ въ тихомъ воздухѣ. Эти колонны—дымъ скрытыхъ трубъ скрытой слободки. А подъѣзжайте ближе, сотни золотыхъ скирдъ, какъ ряды гвардейскихъ драбантовъ, толпы наймитовъ и наймичекъ, съ громкими пѣснями и сверкающими серпами, и вереница вѣчно махающихъ, точно вѣчно зовущихъ кого-то со степи, мельницъ встрѣтятъ васъ у околицы. Панки живутъ себѣ весело! Панкамъ и нуждочки мало въ томъ, что иной разъ они сами ходятъ за плугомъ, сами доятъ коровъ, сами молотятъ горохъ и смолятъ откормленныхъ кабанчиковъ. Кабанчики вещь очень вкусная, и панки ихъ не промѣняютъ ни на фраки, ни на модные визиты, ни на кипучее иноземное вино. Зато, разбогатѣй панокъ, — у него является толпа наймитовъ, челядинцы совершаютъ домашнія работы. одѣваютъ, поятъ и кормятъ его, и панокъ ходитъ себѣ, заложивъ руки за спину смураго съ подпалиной бешмета, ходитъ себѣ къ сосѣду Тѣчичкѣ, поливаетъ съ сосѣдомъ Тѣчичкой наливки и водянки, водянки да запекайки, крестить съ сосѣдомъ Тѣчичкой свою пятую дочку, и прочитъ свою пятую дочку въ жены сыну сосѣда Тѣчички, и кладетъ ей на зубокъ старый бабушкинъ шумунъ, шумунъ голубой, подбитый зайцемъ, старый бабушкинъ парчевой корабликъ и алые бабушкины черевички; и, глядишь, черезъ два десятка быстро мелькнувшихъ лѣтъ, и пируетъ на задуманной свадьбѣ сосѣдей вся тихая слободка, и дивится слободка нарядами невѣсты, и никогда не выходятъ эти наряды изъ моды и вкуса незатѣйливыхъ панковъ. — Панки живутъ привольно! Панки такъ живутъ привольно, что болѣзнь — старость, а изъ жизненныхъ неприятностей икота, да чрезмѣрное плодородіе—только и извѣстны между панками. Вслѣдствіе этого, у большей части народонаселенія панковъ загорѣлыя лица походятъ на волчанскіе, переспѣлые арбузы, руки походятъ на ихъ собственныя ноги; у пожилыхъ дамъ иногда на

полныхъ губахъ сидятъ усы, а у дочекъ усось нѣтъ, зато глаза, носъ и губы рѣшительно тонуть въ молочныхъ пышкахъ щекъ.—Сынъ зажиточнаго панка, щеголь подпаноки, какой-нибудь Вайлѣнченко, у котораго отецъ былъ, по слобожанскому обычаю, Вайлѣнко, мать — Вайлѣнчиха, дѣдъ — Вайло, а бабуся — Вайлиха, и сынъ котораго долженъ именоваться поэтому Вайленя, а дѣти сына его — Вайленята, — надѣваетъ бекешу на лисьемъ мѣху и голубые ситцевые штаны съ портретами, приводящими въ азартъ всѣхъ собакъ слободки, и ходитъ рындикомъ по широкой улицѣ, и подмигиваетъ чернобровымъ панночкамъ и подпанночкамъ, и смотритъ, какъ панночки и подпанночки, среди чистыхъ двориковъ, варятъ варенье, гонятъ водку на вишневья косточки, или же, поймавъ хохлатую насѣдку, дѣлаютъ рекогносцировку ея благосостоянія и будущаго ея приплода. Весело живутъ панки, такъ весело и привольно живутъ панки, что самому хотѣлось бы пріютиться на тихой слободкѣ и пожить ихъ жизнью... А были ли вы, господа, когда-нибудь въ Волчанскѣ? Нѣтъ! что я говорю! Разумѣется, что были, потому что Волчанскъ такъ уже хорошъ, что и нельзя уже въ немъ не быть! Нѣтъ: были ли вы, господа, за Волчанскомъ, были ли вы тамъ, гдѣ идетъ дорога на Балки, и гдѣ не идетъ дорога на Зміевъ, потому что врядъ ли и гдѣ-нибудь можетъ идти дорога на этотъ скучный и однообразный Зміевъ. Если были, то навѣрно помните, что тутъ, неподалеку, съ крутой мѣловой горы, виденъ долгій-долгій лѣсъ, за лѣсомъ — гора, а за горою — рѣчка, и этой рѣчки вы не найдете не только на какой-нибудь картѣ, но даже и въ пяти верстахъ дагѣе отъ подошвы горы и отъ ея собственнаго истока. Рѣчка называется Маминька... На этой Маминькѣ, по обѣимъ сторонамъ, если взглянуть на нее съ горы, кучками и въ разсыпку разбросаны все слободки, слободки и слободки... На этихъ слободкахъ кое-гдѣ вы встрѣтите настоящихъ пановъ и паней, бывшихъ въ Харьковѣ и дальше; а на другихъ живутъ одни панки, — панки небогатые и тихіе, милые сердцу панки... Вотъ, напримѣръ, слободка Пельтетѣпинка, или, какъ ее зовутъ завистливые сосѣди, слободка Непересчитовка. Сорокъ-сороковъ окружныхъ панковъ особенно знаютъ, что такое Пельтетѣпинка, знаютъ и посѣщаютъ ее потому, что панки Пельтетѣпинскіе — самый гостепріимный и немудреный народъ въ свѣтѣ. Маминька,

раскинувъ въ этомъ мѣстѣ нѣсколько пространнѣе свои владѣнія и убравшись высокострѣльчатыми тростниками, раздѣляетъ Пельтетѣпинку на двѣ разныхъ слободки, хотя обѣ эти слободки составляютъ одно цѣлое и никогда, рѣшительно никогда, не считали себя чуждыми другъ другу. Маминька въ Пельтетѣпинкѣ была въ давнія времена украшена мостомъ, который соединялъ оба берега; но какъ-то, въ водополье, мостъ снесло, и его уже болѣе, по заведенному обычаю, не возобновляли... Говоря по правдѣ, и незачѣмъ его было возобновлять. Зимомъ одна сторона панковъ сообщалась съ другою по льду, а лѣтомъ рѣчка пересыхала. Одна весна только представляла непреодолимую преграду... Да, впрочемъ, тогда каждая сторона предавалась упоенію тайнствъ любви и совершенно забывала о своей сосѣдкѣ. Наконецъ, если бы кому нужно было и тогда что-нибудь сказать, такъ стоило только стать на берегу Маминьки и крикнуть. Маминька нигдѣ не была шире главной Бахмутской улицы, и потому слова звучно и легко перелетали съ берега на берегъ... Пельтетѣпинскіе панки не то, чтобы были совершенно богатые панки, однакоже нельзя сказать, чтобы они были и бѣдными панками, скудельнической голыдьбой, какъ ихъ называютъ еще въ нѣкоторыхъ сатирическихъ уѣздныхъ городкахъ. Хлѣба у нихъ было достаточно; бараньи бешметы и волчьи шапки были у каждаго, и ни одна панночка не засиживалась въ дѣвкахъ далѣе пятнадцатаго дня рожденія, празднуемаго подъ звуки трехъ скрипачей и слѣплого цымбалиста, оркестра пельтетѣпинской щербетуны-шинкарки. Напримѣръ, толстенькій, веселый хохотунъ, панъ Шпундикъ,—какъ онъ умѣетъ ловко набить пѣнковую трубочку табакомъ, именуемымъ самшандрѣ, и какъ въ то же время хороше алый коврикъ пана, постоянно вывѣшанный на крыльцѣ, рядомъ съ однимъ голубымъ костюмомъ пана, похожимъ на раскрытыя ножницы! Потомъ—панъ Макитра, этотъ хлопотунъ и живчикъ, который при каждомъ веселомъ словѣ, своемъ или чужомъ, прыгаетъ и шевелится, какъ картонная кукла съ контробасомъ, подергиваемая спрятанною сзади ниткою. А хоть бы и этотъ важный, молчаливый и всегда угрюмый панъ Холодный, съ животомъ, раздвигающимъ толпу, какъ крѣпостной, стѣнобитный таранъ,—панъ Холодный, у котораго куча дѣтей, какъ куча круглыхъ картофелинъ, поставленныхъ на картофелину, и у жены кото-

раго лицо до того полное и странное, что однажды, въ жмурки, рука незрячаго приняла его не за лицо, а совсѣмъ за другое... Но ни панъ Шпундикъ, ни панъ Макитра, ни панъ Холодный не сравнятся съ Антонъ Минычемъ МѢрквой, у котораго на нижней губѣ сидитъ наростъ, величиною съ игольникъ, вотъ такъ, какъ будто бы у Антонъ Миныча всегда во рту недокуренная сигарка, и у котораго всѣ сосѣди, начиная съ исправника, окружнаго, акцизнаго и судьи, до отца протопопа, матери протопопицы и двухъ сосѣднихъ арендаторовъ, объѣдаются до того, что послѣ объѣда не могутъ пошевелить ни языкомъ, ни пальцемъ, и тотчасъ прибѣгаютъ къ нѣкоторымъ облегчительнымъ медикаментамъ; съ Антонъ Минычемъ МѢрквой, у котораго, наконецъ, однажды ужиня, на его собственныхъ именинахъ, состоялъ, какъ увѣряютъ, изъ двадцати двухъ блюдъ! Нѣтъ спора, между обществомъ Пельтетепинскимъ есть, напримѣръ, такіе панки, какъ панъ Дудочка, который лжетъ на каждомъ шагу, какъ жидъ на бердичевской ярмаркѣ, лжетъ и всегда прибавляетъ: «Ну, ей-ей же, правда!» или: «Ну, чтобъ же у меня ротъ передѣрнуло, если это не такъ!» — и потомъ, какъ, напримѣръ, сынъ бывшаго гуртовщика, Пуныка, который икаетъ такъ неожиданно и такъ непристойно, что съ нѣкоторыхъ поръ его стали избѣгать въ очень многихъ домахъ, гдѣ бываетъ дамское общество... Пельтетепинскіе панки еще большіе искусники на разныхъ издѣлія и пріятныя, домашнія занятія. Панъ Шпундикъ, напримѣръ, очень недурно рисуетъ узоры для шитья и играетъ на флейтѣ; панъ Макитра весьма недурно шьетъ по тамбуру; панъ Холодный всѣмъ дѣтямъ своимъ дѣлаетъ куклы, но при этомъ, какъ говорятъ, собственноручно же и сѣчетъ ихъ каждую субботу. Панъ Дудочка — бобыль-бобылемъ и дѣлаетъ одиѣ только неприятности своимъ знакомымъ; панъ Пуныка тоже дѣлаетъ неприятности и еще болѣе пана Дудочки, о чемъ изложено выше; но зато его подбородокъ всегда такъ выбрить, что ему говорятъ обыкновенно: «А знаете ли, Саль Салычъ, за такого бритаго, какъ вы, двухъ небритыхъ дадутъ!» — Наконецъ, всѣми любимый Антонъ Минычъ МѢркава. Антонъ Минычъ — угоститель и учитель, хотя и не рисуетъ узоровъ, хотя и не шьетъ по тамбуру, не играетъ на флейтѣ и не дѣлаетъ куколъ; зато вы всегда увидите, какъ Антонъ Минычъ, иногда въ шлафрогѣ, а иногда и просто, отъ

жары, въ платьѣ Евы, сидитъ у себя въ садикѣ передъ кадочкой и дѣлаетъ загибеньки и простыя колбасы, такія вкусныя, что если вамъ дастъ онъ попробовать и тутъ же, закрывъ вамъ рукою глаза, спроситъ: «А что это такое?»— а вы и не скажете, что это такое!— И, Боже мой! сколько достойныхъ и прекрасныхъ людей, съ талантами, не менѣе достойными и пріятными, обитаетъ въ этой Пельтетѣпинкѣ, въ кругу этихъ Пельтетѣпинскихъ панковъ!.. Но чьи это два дворика стали на берегу съ двухъ сторонъ рѣчки Маминьки, стали и смотрятъ, какъ двѣ молодицы, пришедшія съ ярмарки, двѣ шибетухи, въ новыхъ платкахъ, лентахъ и дукатахъ,—смотрятъ и какъ будто сами говорятъ: «Вотъ, посмотрите на насъ, добрые люди: вотъ мы такъ заслуживаемъ того, чтобы на насъ посмотрѣли!» Чьи это два чистенькихъ и кокетливыхъ дворика?—Дворики принадлежать двумъ Пельтетѣпинскимъ дамамъ, — двумъ достойнѣйшимъ дамамъ слободки: Дарьѣ Адамовнѣ Передерій, съ лѣвой стороны, и Дарьѣ Адамовнѣ, тоже Передерій, съ правой стороны Маминьки... Какъ ни страненъ случай, но должно прибавить, что сосѣдки, жившія другъ противъ дружки черезъ рѣчку, точно носили одинакія имена и фамиліи, хотя никогда не были родня другъ другу и не имѣли рѣшительно ничего схожаго. Потомство Передерій искони существовало и по лѣвую сторону Маминьки; потомство Передерій искони существовало и по правую сторону Маминьки. — Дѣло въ томъ, что скондомки-хозяйницы обѣ были еще и совершенно разнаго характера. Дарья Адамовна съ лѣвой стороны была подвижная и румяная, съ носомъ, глядѣвшимъ вверхъ, или, иначе, съ носомъ, подающимъ большія надежды,—затѣйница подтрунить на чужой счетъ, затѣйница устроить свадьбу, устроить шумную катавасію въ посторонней семьѣ и потомъ весело и беззаботно обо всемъ посилетничать. Дарья же Адамовна съ правой стороны, хотя была также ни чуть не прочь и подтрунить, и устроить свадьбу, и устроить катавасію, и потомъ обо всемъ посилетничать, — но зато почти никогда не улыбалась, никогда не вертѣлась и не двигалась такъ, какъ ея сосѣдка, все дѣлала, напротивъ, молча и сурово, безъ смѣха и прибаутокъ, безъ вѣтренной веселости и шума, и даже была нѣсколько падка къ меланхоліи. Иначе, Дарья Адамовна съ лѣвой стороны была, если можно такъ сказать,

Дарья Адамовна — Комедія; а Дарья Адамовна съ правой стороны была, если можно такъ сказать, Дарья Адамовна—Трагедія; характеръ обѣихъ проявлялся во всемъ, до чего онѣ ни касались, и потому ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было смѣшать. И такъ какъ до этихъ двухъ сосѣдокъ главнымъ образомъ будетъ относиться вся наша исторія, мы скажемъ, какъ жили пани Передеріихи, чѣмъ занимались пани Передеріихи и въ какихъ отношеніяхъ были другъ къ другу и къ остальному обществу Пельтетѣпинки... Въ то время, какъ сосѣди двухъ сосѣдокъ, съ обѣихъ сторонъ рѣки, — (а сосѣди были: налѣво, подъ гору — панъ Кислый, за нимъ—Юнашій, за Юнашами—Билики,—далѣе пасѣчникъ Горобецъ, у котораго на головѣ не было ни одинаго волоска, зато борода была, какъ фартукъ, такая бѣлая и всегда расчесанная; съ правой стороны, подъ ольховою рощицей—панъ Вубірь, далѣе панокъ бѣдненькій и тихенькій—Цуцыня, за нимъ—ломатель жидовскихъ спинъ, весь заросшій усами и бакенбардами, панъ Чухрай-Перечухренко, возлѣ него — панъ Дешевый, рядомъ съ нимъ — панъ Дорогой; а тамъ и пошли Сморченки, Скубенки, Віенки, Павленки, Пупенки, Савченки, Миненки, и всякіе ѣнки, пока, наконецъ, у самага входа въ слободку, не вывышался домъ винокура, пана Ивана Побейшею), — въ то время, говорю, какъ упомянутые сосѣди двухъ сосѣдокъ занимались хлѣбопашествомъ, сами ходили за бороною и плугомъ, сами ковали лошадей и дергали шерсть съ козь, — сосѣдки предоставляли свое хозяйство двумъ задорнымъ и зубастымъ наймичкамъ. хуторянкамъ изъ-подъ Волчяго-Яру, а сами только солили огурчики, вялили грибки и вишенки, выпивали копейки милымъ сердцу панычамъ, — панычамъ, пожирателямъ дѣвичьихъ спокойствій, или, какъ говорятъ о нихъ, ненасытецкимъ сердцеѣдамъ и безпардоннымъ съумасводамъ, — и проводили время въ пріятныхъ разговорахъ... Въ то время, когда Маминька замерзала или пересыхала, онѣ посылали по вечерамъ просить дружку дружку на свѣчку, то-есть, какъ это у насъ водится, посидѣть, поболтать и поработать вмѣстѣ, не вводя себя въ лишній изъяснъ по освѣщенію. Когда же Маминька пышно стремилась воды свои по лону зеленыхъ береговъ, онѣ выходили, черезъ огороды, на берегъ и переговаривались другъ съ другомъ черезъ рѣчку...

— Ну, такъ какъ же тамъ у васъ все идетъ? — начинала Дарья Адамовна съ правой стороны, или Дарья Адамовна-Трагедія, поглядывая черезъ рѣчку и шевеля спицами шерстяного чулка.

— Да ничего, тётенька, очень хорошо идетъ! — отвѣчала Дарья Адамовна-Комедія веселымъ и почтительнымъ тономъ, что означало и прибавленное имя тетенки, также шевеля спицами шерстяного чулка.

— Ну, да какъ же это хорошо? — допрашивала суровая сосѣдка, прищуривая глаза черезъ оловянные очки, осѣдлавшіе ея носъ.

— Да, такъ-таки, тётенька, очень хорошо! — подхватывала веселая сосѣдка, выставляя на показъ свои румяныя и свѣжія щеки.

— И терновку перелили въ бутылки?

— И терновку перелила въ бутылки!

— И кобелька приобрѣли отъ городничаго?

— И кобелька приобрѣла отъ городничаго!

— Ну, и солодь уварили, Дарья Адамовна?

— И солодь уварила, Дарья Адамовна!

— Скажите! вѣтъ-какъ!.. Такъ, значить, и борова посадили въ сажь къ розговѣнамъ?

— И борова посадила!

— Вотъ какъ! скажите пожалуйста!.. Это очень, скажу вамъ, любопытно, Дарья Адамовна! — произносила угрюмая сосѣдка, то блѣднѣя, то краснѣя отъ злости...

— Да-съ, очень любопытно! — подхватывала, сверкая румяными щеками, сосѣдка веселонравная: — а вамъ-то что, завидно, что ли, тётенька?

— Ну, матушка, завидно не завидно, а скажу вамъ по правдѣ, что сегодня вашъ селезень переплылъ ко мнѣ въ огородъ!

— Ну, такъ что же, что селезень мой переплылъ къ вамъ въ огородъ?

— А то же, матушка, что каналья я буду, если не сверну ему голову! — произнесла при этомъ Дарья Адамовна-Трагедія, превращаясь въ полотно и едва шевеля отъ волненія спицами чулка.

— Ну, матушка, говорите это поповой кобылѣ, а не мнѣ! Да я еще и посмотрю, какъ вы свернете селезню голову!

— А что развѣ?

Да то же, что каналья и я буду, если и вамъ тогда не сверну головы!

— Мнѣ? — подхватывала мрачная сосѣдка, улыбаясь и задыхаясь отъ бѣшенства.

— Вамъ, именно вамъ!..

— Ну, тогда уже позвольте вамъ послать дулю! — произносила запальчивая Дарья Адамовна-Трагедія, свертывая пальцы въ шингъ и протягивая ихъ въ направлении къ лѣвой сторонѣ...

— А ужъ позвольте ихъ при этой вѣрной оказіи послать вамъ цѣлыхъ двѣ! — замѣчала Дарья Адамовна-Комедія и тутъ же посылала черезъ рѣчку обѣщанное... Дарья Адамовна-Трагедія на это совершенно терялась и, помолчавъ, изъясляла убѣжденіе, что съ такою злодѣйкой, какъ Дарья Адамовна (не она, а другая Дарья Адамовна!), надо говорить, набившись гороху. На это Дарья Адамовна веселонравная, въ свой чередъ, заливалась дребезжащимъ хохотомъ, который далеко разносился по рѣкѣ, и говорила:

— Да вы, Дарья Адамовна, мерзавка!..

— И, матушка! — отвѣчала на это сосѣдка суровая: — мерзавка не мерзавка, только всѣмъ извѣстно, что у васъ отъ клубники губы пухнуть!

— Какъ пухнуть? — спрашивала озадаченная Комедія: — этого быть не можетъ, этого никогда я не замѣчала!

— Очень можетъ быть, и замѣчала это я, я, я! — прибавляла съ ожесточеніемъ Трагедія.

— Ну, когда пухнуть губы, такъ я же вамъ доложу, что вы въ шкапу, въ снальной, держите водку на сосновыхъ шинечкахъ и пьете ее каждый день по пяти, а иногда по шести рюмокъ, и отъ того у васъ носъ краснаго цвѣта — отливается и наливается, какъ термометръ, и глаза не свои!

— «Тьфу!» — плевала на это негодующая пани съ правой стороны, и, сказавъ: — вотъ же вамъ за это что! — уходила домой переволновавшая и сконфуженная до-нельзя...

Иногда такая бесѣда кончалась неожиданнѣйшимъ миромъ, и каждая пани, сказавъ: — «Ну, матушка, вы себѣ, если хотите, гуляйте, а мнѣ пора чай пить!» — расходились по домамъ. Но въ другое время, вслѣдъ за дулями и громкою личною перебранкой, утомленные пани высылали на рѣку своихъ наймичекъ, и зубастыя наймички звонкими, разди-

рающими дискантами оглашали окрестность и перестрѣливались не хуже запальчивыхъ героевъ Иліады.—«Да ты уже замолчи! — кричала одна пѣймичка другой, стоя на плетнѣ огорода: — ты уже замолчи, потому что я уже знаю, какая ты!» — «А какая же я?» — подхватывала противница, также стоя на плетнѣ. — «Да такая же, какъ и твоя мать!» — «А какая же моя мать, сякая ты, такая?» — «Да такая же, какъ и ты!» — «А я какая, сякая ты, такая?» — «Такая же, какъ и твоя мать!» И этотъ речитативъ тянулся нескончаемо, при сбѣжавшихся съ обѣихъ сторонъ Маминьки зрителяхъ, разжигаемый еще поощрительными криками самихъ хозяекъ... Наконецъ и этого еще было мало: хозяйки расходились по домамъ и, въ пику дружка дружкѣ, каждая именовала свою свинью или слѣпую кобылу *Дарьей Адамовной*, и слободка долго волновалась, раздѣлившись на два враждебныхъ лагеря, ратующіе каждый за свою обывательницу и незнающіе пощады и снисхожденія... Но такова судьба человѣческаго сердца! Подходили чьи-нибудь именины или крестины, и обѣ сосѣдки, если былъ случай переправиться черезъ рѣчку, встрѣчались снова друзьями и ухватившись за руки, чмокали дружка дружку въ губы, произнося: — «Ахъ, это вы, душечка!» — и получая отвѣтъ: — «Да, душечка, это я!»

Однажды (случилась эта исторія въ самую засуху, когда Маминька не дѣлила Пельтетѣшинки на двѣ разныхъ слободки) тотчасъ послѣ обѣда Дарья Адамовна-Комедія прибѣжала, запыхавшись, къ Дарьѣ Адамовнѣ Трагедіи, залилась слезами и упала ей на грудь... — «Что съ вами, душечка?» — спросила хозяйка. — «Ахъ, и не спрашивайте, милашка, я такъ взволнована, такъ взволнована!» — отвѣтила гостья и снова залилась слезами. — «Да что тамъ такое?» — спросила хозяйка, оставляя чулокъ и снимая очки. Гостья на это достала платокъ, отерла глазки, отерла щечки и, вынувъ изъ-подъ лифа письмо, сказала: — «Вотъ, послушайте, душечка! вотъ какой со мной сдѣлался неожиданный случай!» — сказала и прочла вынутое письмо...

...«Милостивая государыня и если смѣю такъ назвать другъ не только мой, но и всего человѣчества! Успѣхи дружбы вашей ко мнѣ заставляютъ сдѣлать открытіе, я влюбленъ голову совсѣмъ потерялъ! разумѣется вотъ вамъ участь блаженство посланное а моя чѣмъ же я виноватъ,

хоть въ рѣчку! сна не имѣю, цѣлую ваши ручки, если же когда вы обратите взоръ меня то прошу не откажите подарить меня вашей рукой вы меня знаете теперь же пришлите мнѣ нитокъ на карпетки всего одинъ мотокъ и не забывайте дрожащаго

Ивана... (фамилію гостя прикрыла пальцемъ) а также и шерсти только той которую купили въ городѣ а не вашей а письмо держите въ секретѣ!»

Гостя кончила, но не могла произнести отъ волненія ни слова и сидѣла, потупясь, какъ пойманная съ папирской пансіонерка...

— Ну, что же, шерстингъ, очень рада! — возразила суровая хозяйка: — женихъ нашелся, не падо упускать! вотъ и все!

— Ахъ! — воскликнула гостя и слова повисла на шеѣ хозяйки, и снова зачастили по щекамъ ея радостныя слезы...

Вслѣдъ за этимъ сосѣдки стали шушукаться, шушукаться, и шушукались до тѣхъ поръ, какъ вечеръ наконецъ засталъ окна темнотою, и собесѣдницы совершенно потонули въ сумракѣ маленькой гостиной. Такъ шушукались сосѣдки и на другой день, и на третій день, и цѣлую недѣлю, и положили, наконецъ, увѣдомивъ милого жениха, начать дѣлать приданое... Черезъ недѣлю послѣ этого рѣшенія, сосѣдка, получившая письмо, сидѣла также дома и также сидѣла послѣ обѣда, какъ вдругъ дверь отворилась, и въ ея гостиную вошла Дарья Адамовна-Трагедія. Дарья Адамовна-Трагедія вошла молча, молча поклонилась, молча и таинственно сѣла на диванъ... На рукѣ ея, на шнуркѣ, висѣлъ походный чемоданъ (такъ называли въ слободкѣ ридикюль госты); она раскрыла стальную часть чемодана и стала оттуда вынимать на столъ разныя вещи. Вышелъ оттуда клубокъ голубой шерсти и двѣ огромныя деревянные спицы съ начатымъ чулкомъ; вышелъ оттуда бронзовый наперстокъ въ видѣ волчьей головы; вышли изъ чемодана и другія походныя арматуры госты: тамбурная иголка, оловянные очки, рогулька для лентъ, костяная палочка для ковырянья въ ушахъ, пузырекъ съ нюхательнымъ табакомъ, два хлопка корпій изъ морского каната для затыканья ушей отъ простуды, стальной игольничекъ, въ видѣ флейты, ножницы и киршичъ, обернутый въ вышитый гарусомъ чехолъ, для прищипливанія работы. Суровая гостя

разложила все это въ большой симметріи на столѣ, поковыряла въ ушахъ ухверткою, заткнула ихъ новыми хлопками изъ морского каната, надѣла нитяныя перчатки безъ пальцевъ, осѣдлала носъ очками и, вооружась спицами, произнесла:

— Ну, матушка, а я къ вамъ тоже съ новостью!

— Съ какою новостью?—спросила хозяйка, настороживъ уши, какъ моська, въ то время какъ, перележавъ всѣ бока у ногъ мечтающей хозяйки, она неожиданно услышитъ: «Жю-жю!» или: «Фиддель, ты филасёфствуешь?» и подниметъ къ хозяйкѣ оскаленную мордочку... Гостья покинула спицы, взглянула черезъ очки, покачала головою, причемя заколыхался на ней накрахмаленный, огромный чепецъ, распушенный, какъ перья на шлемѣ древняго рыцаря, и сказала:—«Ну, пропала и я, душечка!»—и, сказавъ: «Ну, пропала и я, душечка!» — вынула изъ ридикюля письмо и стала его читать:

..Милостивая государыня и если смѣю такъ назвать другъ не только мой но и всего человѣчества Дарья Адамовна! Не терзайте меня а я готовъ сейчасъ жениться на васъ! У меня наслѣдство семь десятинъ и пасѣка около Катышевахи — жду отвѣта не мучьте потому что мучить можно муху или что-нибудь другое но не мучьте меня пѣжный другъ душечка! Слова ваши льются какъ алмазы изъ вашей фортуны, когда васъ слушаю и притомъ у васъ чисто русское сердце.

Иванъ... (фамилію гостья прикрыла также пальцемъ).

«Милостив... Сіятельство... Проба пера...»

— Нѣтъ! — прибавила гостья, перевернувъ письмо: — эти слова попали сюда нечаянно, они находятся уже на другой сторонѣ письма!..

Хозяйка замерла отъ удивленія, думая про себя: «И въ такую старуху, и въ такую нюю — и влюбляются!» — и произнесла, кусая губы: — «Что же, Дарья Адамовна? счастье! Поздравляю отъ всей души! Не надо упускать такого счастья!» — Гостья при этомъ словѣ стала опять смотрѣть черезъ очки, медленно сложила письмо, закачала перьями шлема и заключила хозяйку въ объятія...

Гостья и хозяйка стали снова шушукаться, шушукались, положили также нить приданое, и носѣтительница, нагрузивъ снова извѣстный уже чемоданъ, покинула

лѣвую сторону Маминьки не прежде, какъ ночь сошла на дремлющую землю и въ рѣкѣ заколыхался живоподвижный свертокъ черволицевъ, брошенный съ неба полнымъ, яркимъ мѣсяцемъ... Вотъ, пришелъ сороковой день рожденія Антопа Миныча Мѣркви, у котораго, какъ уже также извѣстно, во рту была всегда недокуренная сигарка и однажды ужинъ состоялъ изъ двадцати двухъ блюдъ,—пришелъ день рожденія Антопа Миныча, и Антопъ Минычъ увидѣлъ вдругъ весь домъ свой полнымъ, какъ тарелка съ пшеницею, отобранною для пробы на посѣвъ. Скрипачи, съ слѣпымъ цымбалистомъ, напизивали за завтракомъ и обѣдомъ; за десертомъ предстала на столѣ вавилонская баня изъ леденца и тѣста, изъ которой выскочила потомъ живая курица и много напугала и насмѣшила дамское общество.—Послѣ обѣда, увидѣвшаго гибель двухъ или трехъ дюжинъ бутылокъ старой, неподлащенной сливянки, когда двѣ рослыя дѣвки, наймички Антопъ Миныча, въ пучкахъ и тяжинныхъ юбкахъ, висели въ залѣ дымящуюся чашу варенухи, — послѣ обѣда общество зашло — частью играть въ шашки, а частью въ карты, въ любимую игру носки...

— Да помилуйте, да что же вы дѣлаете, да этакъ вы лишите меня носа! — вскрикивалъ панъ Макитра, тотъ самый, который ходилъ на картоннаго музыканта, подергиваемаго спрятанною сзади ниткою, подставивъ пану Холодному раскраснѣвшійся носъ; а панъ Холодный не слушалъ его и, прищурившись, съ свирѣпою радостью хлопалъ его по носу картами, какъ кузнецъ по раскаленной шинѣ, хлопалъ и еще злобно приговаривалъ... Слезы давно бѣжали по щекамъ пана Макитры, панъ Макитра уже чувствовалъ ознобъ въ поясицѣ и шеѣ, который чувствуютъ всѣ подвергаемые хлопанью по носу картами, какъ вдругъ въ дальнемъ углу комнаты, въ густомъ дыму сампантрѣ, голосокъ пана Дудочки пронзесь: — «А вы, господа, не знаете, а у насъ теперь двѣ новыя невѣсты!» — Какъ мужчины Пельтепинскіе ни считали луномъ пана Дудочку, какъ они надъ нимъ ни трунили и ни потѣшались, но тутъ рѣшительно не вытерпѣли и подступили къ нему съ разпросами, позабывъ и о картахъ, и о носѣ пана Макитры...

— Да кто же это такія невѣсты? да вы о комъ говорите? — допрашивали Дудочку любопытные панки, тѣснясь къ нему со всѣхъ сторонъ. Дудочка сдѣлалъ изъ своего

лица лицо торжественное и мѣрнымъ шопотомъ произнесъ: — «А это, господа, наши пани; это — Дарья Адамовна Передерій и ея сосѣдка, тоже Дарья Адамовна Передерій!» — «Да ты, братъ, врешь?» — замѣтилъ прямо панъ Холодный, дѣлавшій дѣтямъ своимъ, какъ уже извѣстно, собственноручно куклы и въ то же время, также собственноручно, сѣкшій ихъ каждую субботу. — «Ну, ей-ей же, это правда! Ну, чтобъ же у меня ротъ передернуло, если это не такъ! — произнесъ панъ Дудочка обычное свое утвердительное слово: — а онѣ даже и приданое уже стали шить!» — Панъ Холодный на это уставилъ лобъ въ землю, а общество единогласно рѣшило идти къ хозяину дома и объявить ему услышанную новость. — Хозяинъ дома былъ найденъ обществомъ въ гостиной, гдѣ онъ стоялъ на колѣняхъ, на коврѣ, въ кругу обступившихъ его дамъ, и объяснялъ, едва ворочая языкомъ, что это не день его рожденія, а день его сердца, потому что столько милыхъ особъ сонлось привѣтствовать его сердце.

— Сердце, братъ, сердцемъ! — произнесъ на это, входя въ гостиную, съ разбитымъ носомъ, панъ Макитра: — а дѣло, братъ, въ томъ, что наши пани Передеріихи обѣ, съ недавняго времени, невѣсты!

Пани Передеріихи на это вскрикнули: — «Ахъ!» — хотѣли было бѣжать, по тутъ же и остались и взволнованнымъ голосомъ, по требованію собранія, объявили, что точно онѣ невѣсты и что каждой изъ нихъ сдѣлано предложеніе со стороны достойныхъ людей, извѣстныхъ обществу. Хозяинъ, совладавъ не безъ трудностей съ сигаркою, которая, при настоящемъ безсиліи языка, рѣшительно мѣшала ему говорить, пригласилъ взглядомъ собраніе сѣсть и спросилъ у двухъ перекофуженныхъ дамъ имя жениха каждой изъ нихъ... Гулъ и крики поднялись въ гостиной, едва дамы исполнили желаніе хозяина. Онѣ обѣ, и въ одно и то же время, произнесли требуемыя имена, и эти имена у обѣихъ оказались именемъ фельдшера сосѣдней слободки, который незадолго передъ тѣмъ гостилъ въ Пельтетепинкѣ и лѣчилъ открывшуюся тутъ болѣзнь овецъ... Въ гостиной прозвучало имя — Ивана, Андреева сына, Напрѣва.

— «Извергъ, варваръ, душегубъ, мерзкій волокита! да его надо отправить туда, гдѣ козамъ рога правятъ! — кричали гости, намекая на сосѣдній уѣздный городъ, мѣсто право-

судія:—да чтобы надъ нимъ свѣтъ не свѣталъ и праведное солнце во вѣки не всходило!»—Пошли толки, соображенія и выводы.—Но, сколько гости ни толковали, сколько ни соображали и ни выводили, сколько ни утѣшали Дарью Адамовну съ правой стороны и Дарью Адамовну съ лѣвой стороны, никто ничего не придумалъ для поправленія печальнаго дѣла. Одинъ изъ гостей, именно какой-то завѣзжій нѣмчикъ, Густавъ Густавычъ, — котораго сосѣдніе панки звали Остапъ Остапычъ и прозвище которому припечатали Мадаменко, по тому случаю, что онъ былъ сынъ гдѣ-то проживавшей гувернантки мадамы, — изъяснилъ, что надо на него подать жалобу въ уѣздный судъ; другой, именно поклонникъ французскаго языка, нанъ Чубченко, съ флюсомъ, почему у него лѣвая щека была въ видѣ огромнаго яблока, говорилъ, что жалобы подавать не надо, а надо его оттащить за виски и взерепенить ему хорошенько марфутку (этимъ намекалось на бока фельдшера); остальные, наконецъ, говорили, что не надо его ни таскать за виски, ни взерепенивать ему марфутки, а надо съѣздить къ какому-то Силентію Викентычу Школо, который хотя былъ такъ себѣ, — Богъ съ нимъ! — но все-таки былъ хорошій человекъ, курилъ не корешки, а цѣльный роменскій табакъ, и зналъ уже, какъ учить такихъ молодцовъ, какъ фельдшеръ. Посыпались новыя догадки и предположенія, догадки и предположенія смѣшались, наконецъ, въ неясный гулъ, и все въ этомъ гулѣ потонуло, какъ вдругъ въ дверяхъ гостиной показалась высокоумная и высокоуважаемая пани, пани Сенклетія Повсѣлакьевна Дратва, которую хозяинъ позабылъ пригласить на свой праздникъ и которая, между тѣмъ, какъ позабытая на крестинахъ сказочная фея, сама явилась на этотъ праздникъ. Пока Антонъ Минычъ стоялъ передъ нею и, заикаясь, излагалъ свои извиненія, гордая и рѣшительная пани выслушала наскоро рассказъ о происшедшей исторіи и, громко потребовавъ трубку, усѣлась на диванъ, затянулась, какъ любой гусаръ, пустила рядъ колецъ, пронизала эти кольца особою струйкой дыма и, подбоченясь, произнесла:

— А пани Передерихи лучше всего сдѣлаютъ, если сей же часъ сядутъ въ мою бричку и поѣдутъ со мною къ этому подлецу!

Собраніе единодушно одобрило мысль пани Дратвы и про-

водило изъ оконъ глазами скрившуюся въ концѣ слободки бричку... И покатила эта бричка прямо къ коварному фельдшеру; но куда бричка ѣдетъ къ коварному фельдшеру, скажемъ, кто была пани Дрѣтва и кто былъ самъ коварный фельдшеръ...

Сенклетѣя Повсѣкакъевна Дрѣтва представляла весьма интересныя черты. Она была необыкновенная хозяйка, сама молодила рожь, сама дергала за усы пьянаго работника, сама стряпала на кухнѣ и была грозой всей Пельтетейки. Ее боялись и слушались, какъ мы, школьники, во время оно, боялись и слушались нѣкоего бѣглаго прусскаго фельдфебеля, бывшаго у насъ учителемъ географіи и литературы, — фельдфебеля, откладывавшаго изъ жалованья постоянно часть для платы пени сторожамъ, лишеннымъ къ каждому первому числу нѣсколькихъ зубовъ на верхней или на нижней челюсти. Однажды съ пани Дрѣтвой былъ любопытный случай. Она пригласила къ себѣ исправника, и по этому случаю ея единственный слуга и косарь Микита, былъ взятъ съ поля, одѣтъ въ суконную куртку и набойчатые шаровары и введенъ въ буфетъ. — «Ну, Микита, — говорила пани Дрѣтва, вручая ему огромный подносъ съ чашками: — вотъ это тебѣ чашки! Смотри же, прежде всего подавай исправничихѣ: она такая полная, и ты, какъ войдешь, сейчасъ ее увидишь!» — Микита бережно вступилъ въ гостиную, окинулъ взоромъ полукругъ гостей и потерялся, потому что, въ двухъ или трехъ мѣстахъ полукруга, увидѣлъ одинаково полныхъ паней: пани исправничиху, пани протопопицу и пани винокуршу! Онъ кашлянулъ и ступилъ къ протопопицѣ. — «Не туда, Микита!» — шепнула съ досадою хозяйка, дергая его за поясъ. Микита повернулся и потерялъ присутствие духа; онъ захопалъ глазами и въ туманѣ направился къ какому-то невзрачному палычу. — «Не туда, Микита!» — шепнула хозяйка, опять дергая его за поясъ. И Микита ступалъ то вправо, то влѣво, до той поры, а пани Дрѣтва, говоря: — «Не туда, Микита! Не сюда, Микита!» — также до той поры дергала его за поясъ, что поясъ, наконецъ, развязался и Микита очутился среди комнаты превращенный, какъ переодѣтая въ секунду танцовщица въ балетъ. — «Вотъ такъ, пани матко! — сказалъ Микита, стоя съ подносомъ среди ошеломленныхъ гостей: — додергались до того, что теперь уже Микита совсѣмъ ни туда, ни сюда!» Это проис-

шестіе обошло далеко околотокъ, несмотря на всю любовь къ пани Дратвѣ.— Что касается до фельдшера, то послѣдній былъ еще замѣчательнѣе пани Дратвы.— Онъ былъ то, что называютъ бѣлый арабъ: съ крупными губами и курчавыми русыми волосами. Ходилъ онъ тихо, говорилъ тихо, чихалъ тихо, смѣялся тихо, даже обычные слова: «Какъ ваше здоровье?» или: «А что, какова теперь погода?»—говорилъ на ухо и шопотомъ, точно сообщалъ какія-нибудь соблазнительныя неприличности. Тѣмъ не менѣе, однако, онъ былъ большой хитрецъ и исподтишка иногда достигалъ осуществленія такихъ плановъ, о которыхъ не смѣли подумать и болѣе смѣлыя души...

Когда онъ былъ еще въ ближнемъ городкѣ и учился медицинѣ у одного доктора, весельчака, азартнаго игрока въ банкъ и общаго друга и свата, онъ обыкновенно уходилъ рано по-утру на рынокъ играть съ мясниками въ шанки и всегда возвращался домой съ бараньимъ бокомъ, связкою загибенекъ или филейкою, частью говядины для жаркого. Поселившись на слободкѣ, у какой-то троюродной тетки, Напрѣвъ сдѣлался любимцемъ всѣхъ сосѣднихъ маменекъ. Ему, на масляную, нерѣдко навязывали сюрпризомъ на ногу деревянную колодку, провозвѣстницу свадьбы, и заставляли отъ нея выкупаться... Напрѣвъ не выкупался, потому что былъ странно скупъ и не любилъ терять даромъ гривенниковъ и полтинниковъ; колодкамъ же былъ очень радъ и не упускалъ случая поволочиться за смазливими хуторянками. Иногда въ кадрили онъ вдругъ говорилъ своей дамѣ:— «Позвольте, сударыня, поцѣловать вашу ручку?»— На это дама отвѣчала:— «Ахъ! какъ это можно! у васъ есть своя!»— «Своя дѣло другое, а ваша лучше и можетъ меня осчастливить!»— замѣчалъ косвенно фельдшеръ, намекая на весьма понятный голосъ сердца, и былъ, словомъ, любезнѣйшій и милѣйшій въ околоткѣ молодой человекъ.

Однажды чуть даже не устроилъ онъ свадьбы; но дѣло неожиданно разошлось, и разошлось по весьма странной причинѣ. Невѣста Напрѣва оказалась совершенно чуждою познанія многихъ общественныхъ словъ. Пріѣхавъ однажды къ матери невѣсты и не заставъ ее дома, Напрѣвъ чмокнулъ невѣсту въ губы и произнесъ:— «Скажите, душечка, мамашѣ, что я былъ съ визитомъ!»— «Съ визитомъ?»—спросила простушка, а время тогда было зимою:—отчего же вы

не попросите его въ комнату? еще какъ бы не замерзъ!» Въ другое время, возстановляя здоровье невѣсты, нарушенное коликою отъ гречневыхъ блиновъ съ постнымъ масломъ, фельдшеръ сказалъ: — «Кушайте и борщикъ, душечка, съ аппетитомъ, и уточку кушайте, и варенички кушайте, съ аппетитомъ!» — «Да я послала уже за аппетитомъ, — отвѣчала простушка-невѣста: — да только его совсѣмъ не нашли на базарѣ!» Напрѣвъ закусилъ губы, ловко отказался отъ обѣщанной руки, и, когда аккуратная маменька невѣсты намекнула ему о долгѣ, о занятыхъ у нея двадцати пяти рублѣхъ, Напрѣвъ также ловко составилъ къ ней объяснительное письмо и въ концѣ этого письма замѣтилъ: — «А что касается, сударыня, до приведеннаго здѣсь долга, то я одинъ лишь долгъ чувствую — именно долгъ совершеннаго почтенія и преданности, съ коими имѣю честь быть навсегда и во вѣки такой-то!» — Къ такому-то коварному чело-вѣку подкатила, наконецъ, бричка съ тремя пельтешинскими дамами. Но къ чему описывать, къ чему изображать, какое печальное и тягостное окончаніе имѣла эта затѣян-ная поѣздка? Къ чему это изображать? Краска выступастъ на лицѣ автора, и если бы онъ могъ очутиться въ эту ми-нуту въ своей книгѣ, очутиться въ видѣ какой-нибудь буквы, среди изображаемыхъ имъ строчекъ, онъ увидѣлъ бы, вѣ-роятно, краску и на щекахъ читателя! Секлетѣя Повсѣ-какъевна вошла къ фельдшеру, стала передъ обманникомъ, держа за руки трепещущія жертвы, и произнесла: — «А ну-ка, голубчикъ, говори, какая изъ этихъ двухъ дамъ избрана тобою? Говори! Письма-то ты писалъ къ нимъ обѣимъ!» — Напрѣвъ, въ положеніи, которое можно сравнить съ поло-женіемъ пуделя, застигнутаго въ кухнѣ надъ пригото-вленными къ столу котлетами, сталь-было заширяться, къ ужасу обѣихъ жертвъ; но пани Дрѣтва нагнала на него такого холоду, что коварный волокита закрылъ лицо руками, опу-стился къ ногамъ дамъ и чуть слышнымъ отъ страха и смущенія голосомъ пролепеталъ: — «Это я, Дарья Адамовна, нарочно... это я не влюбленъ... это я... боровъ... я хотѣлъ выпросить у васъ борова на заводъ и сказать вамъ!..»

Предоставляю читателю вообразить все негодованіе и весь ужасъ Пельтешинскихъ дамъ, быстро покинувшихъ жилище коварнаго волокиты, и замѣчу только, что все недоумѣніе произошло вслѣдствіе того, что посланный фельдшера отдалъ

письма, наведенный въ ошибку по случаю одинакихъ имѣть сосѣдокъ, не одной, которой онѣ адресовались, а обѣимъ вмѣстѣ, и что фельдшеръ, дѣйствительно, замысливъ выманить у Дарьи Адамсхны съ лѣвой стороны для завода бора, рѣшился достигнуть этого сердечнымъ путемъ... Признаніе фельдшера было въ тотъ же вечеръ у Антонъ Миныча Мѣрки сообщено всему Пельтетепинскому обществу, и Пельтетепинское общество повело противъ безсовѣстнаго волокиты такіа мины, что не прошло и году, какъ этотъ волокита покинулъ ближнюю слободку и, подъ видомъ *будущаго*, прописаннаго въ подорожной одного проѣзжаго офицера, уѣхалъ и съ той поры пропалъ безъ вѣсти... Сосѣдки скоро успокоились и попрежнему теперь снова выходятъ на берегъ Маминьки; выходятъ переговариваться, ссорятся и мирятся, мирятся и ссорятся, и служатъ знаменемъ дружбы или раздора для двухъ сторонъ слободки Пельтетепинки, и служатъ украшеніемъ обѣихъ сторонъ общества милыхъ и достойныхъ панковъ слободки Пельтетепинки...

1854 г.

Оглавленіе.

ХVII ТОМА.

	СТР.
Бѣсъ на вечерницахъ.	3
Пенсильванцы и каролинцы.	25
Былое и новое.	56
Вечеръ въ черешняхъ.	66

Слобожане. Малороссійскіе рассказы.

Введеніе.	77
I. Степной городокъ.	86
II. Слободка.	110
III. Дѣдушкинъ домикъ.	126
IV. Хуторянка.	140
V. Пельтетепинскіе панки.	172

~~~~~

СОЧИНЕНІЯ
Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНИЕ ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,
ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1901.

ГОДОВОГО

СТАТІСЬКОГО Л. 7

ГОДОВОГО СТАТІСЬКОГО

Типографія А. Ф. Мариса, Измайл. пр., № 29.

РАЗСКАЗЫ.

ВАСИЛІЯ ПЛАНОВИЧА
Муромцова.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ НА ДНѢПРѢ.

(1787 г.)

РАЗСКАЗЪ.

«И, матушка, прошу позрѣть на здѣшнее мѣсто, какъ на такое, гдѣ слава твоя — оригинальная, и гдѣ ты по дѣлишься ею съ твоими предшественниками; тутъ ты не сдѣлаешь по стезямъ другаго».

(Письмо Потемкина къ Екатеринѣ.)

Императрица Екатерина пожелала увидѣть «свое маленькое хозяйство» — вновь пріобрѣтенную Повороссію. Она выѣхала изъ Петербурга 7-го января 1787 г. въ кругу отборныхъ лицъ двора, въ сопровожденіи пословъ французскаго, австрійскаго и англійскаго, поджидавъ на дорогѣ встрѣтить двухъ вѣнцопосныхъ гостей — польскаго короля, Станислава Августа, и австрійскаго императора, Иосифа Второго. Императрица совершала путь въ раззолоченной каретѣ; четырнадцать другихъ каретъ везли ей свиту и дворъ. Въ экипажи впрягалось по восьми лошадей. До шестисотъ лошадей заготовилось на каждой станици.

Современникамъ это странствіе Екатерины казалось истребленіемъ божества по землѣ; лица, окружавшія ее, казались гонимыми, памѣстники въ вышитыхъ золотомъ кафтанахъ — королями. Придворнымъ лакеямъ кланялись, принимая ихъ за генераловъ. Свѣтлѣйшій Потемкинъ, прозванный заповождцами *Грицкомъ Нечосой*, ничего не щадилъ, чтобы путешествіе Екатерины сдѣлать по-истинѣ волшебнымъ.

Цѣлые дворцы были построены для нея ночлега. Цѣлые

лѣса были сжжены на освѣщеніе пути для ея каретъ. По сторонамъ дороги горѣли костры и сотни смоляныхъ бочекъ. Цѣлые рынки всякой живности уничтожались на перевалахъ для насыщенія желудковъ царственнаго поѣзда. Встрѣтился ветхій хуторъ, невзрачная деревенька—долой все старое и ветхое. Подгнившія избушки снесены, и на мѣсто ихъ выстроены новыя, съ «веселыми перспективами» и «романическими переступами». Кое-гдѣ возведены триумфальныя ворота, съ амурами и стихотворными надписями. На опустѣлыя поля согнаны огромныя стада овецъ и табуны лошадей. Наступила весна. Пастухи одѣты въ красивые мѣстные наряды и на свирѣляхъ привѣтствовали свою царицу. Цѣлый городъ Алешки, на Днѣпрѣ, противъ Херсона, былъ выстроенъ въ теченіе одной зимы. Гдѣ не было вовсе деревень, были нарисованы ихъ красивыя декораціи, съ барскими домами, церквами, садами и бесѣдками. Царица остановится на почлегѣ, а той порой декораціи соберутъ и перевезутъ далѣе. Какъ было не изѣниться этими видами въ мѣстахъ, гдѣ еще недавно рыскали поляки и носилась дикая татарва. Пріятныя маленькіе обманы были во вкусѣ вѣка. О нихъ, быть-можетъ, подъ рукою и знали, но они отрадно шекотали самолюбіе.

Потинулись безлюдныя за-днѣпровскія степи. На нихъ встасть клубами пыль, несутся ряды всадниковъ. Стрѣляютъ изъ винтовокъ, вѣютъ знамена, гремятъ барабаны, штыки блестятъ на солнцѣ. Это—новая украинская армія, отряды пикинеровъ и гусарь, въ «удобныхъ и нарядныхъ мундирахъ», придуманныхъ самимъ свѣтлѣйшимъ. И тутъ же ближе, глядя на эволюціи щегольской конницы, ходять хоровами поселяне и поселянки. Крики вивать и украинскіе напѣвы несутся съ берега. На сухомъ пути знатное шляхетство, т. е. дворянство, сановники свѣтскіе и духовныя, привѣтствуютъ царицу пышно-льстивыми рѣчами. Въ Мстиславѣ мѣгилевскій архіепископъ Георгій Коннискій началъ привѣтственную рѣчь словами: «Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля около солнца обращается; наше солнце вокругъ насъ ходитъ». Первосупщенникъ въ Херсонѣ для черноморскаго флота корабль названъ именемъ «Слава Екатерины». Въ Каневѣ на Днѣпрѣ императрицу встрѣтилъ король Станиславъ-Августъ, въ ожиданіи великой гостыи Малороссіи, пожертвовавшій здѣсь, по словамъ тогданнихъ

французскихъ газетъ, «тремя мѣсяцами времени и тремя милліонами денегъ, за три часа свиданія съ императрицею русскою!»

Въѣздъ въ Кіевъ былъ совершенъ зимой, при ста тридцати одномъ выстрѣлѣ изъ пушекъ и сдачѣ ключей комендантомъ крѣпости. Сотни купчихъ и мѣщанокъ, въ малороссійскихъ одеждахъ, провожали карету императрицы. Она явилась мѣстному дворянству на городскомъ балѣ, веселая, милостивая, любезная, въ атласномъ зеленомъ молдавалѣ и въ шитыхъ золотомъ балмакахъ, проиграла до десяти часовъ въ карты и удалилась въ свои покои, повергнувъ всѣхъ въ очарованіе и восторгъ.

Объ этомъ въѣздѣ въ Кіевъ Екатерина такъ писала наутро къ генералъ-поручику и сенатору Еронкину въ Москву:

«Петръ Дмитріевичъ! Вчерашній день, въ пять часовъ за полдень, я сюда благополучно и здорова пріѣхала. Я думала найти въ сихъ полуденныхъ мѣстахъ и подь сорокъ девятымъ градусомъ воздухъ теплый, а напротивъ того. Мы въѣхали въ сей городъ съ двадцати-градуснымъ морозомъ, который и въ Петербургѣ рѣдкость. Однако, воздухъ здѣсь имѣетъ менѣе суровости; понеже, при величайшемъ людствѣ и встрѣчѣ, непримѣтно было, чтобъ кто отморозилъ уши или носъ, что бы на сѣверѣ, конечно, воспослѣдовало. Здѣсь пріѣзжихъ тьма, но, кромѣ гетмана Браницкаго, прочихъ еще не успѣла узнать. 30-го января 1787 г.»—И въ другихъ письмахъ къ Еронкину, удивляясь, что въ Малороссіи «на сто-тридцати верстахъ разстоянія дубоваго и сосноваго лѣсу столько, какъ сроду не случалось видѣть въ одинъ день»;—она, между прочимъ, писала о Кіевѣ: «Здѣсь великое множество поляковъ наѣхало и всякій день еще прибываетъ. Пронедшее воскресенье у меня былъ балъ, на которомъ персонъ до пятисотъ было обоюга пола.—Здѣсь третій день какъ не мерзнетъ, и погода весенняя. Мы всѣ здоровы, въ ожиданіи вскрытія Дибра, который въ устьѣ у Херсона и выше пороговъ уже вскрылся, а здѣсь еще продержитъ легкими морозами при солнечномъ сіяніи во весь день».

Два съ половиною мѣсяца, съ января до половины апрѣля, Дибиръ задержалъ Екатерину въ Кіевѣ. Отъ 23-го марта она писала Еронкину: «Сегодня Дибиръ тронулся, и уже въ лодкахъ оный переѣзжаютъ; однако, еще холодновато. Я надѣюсь, аще Богъ изволитъ, въ половинѣ будущаго

апрѣля отселѣ на галерахъ пуститься далѣе». Въ письмѣ къ королевско-великобританскому надворному совѣтнику и лейбъ-медику Циммерману, передъ отъѣздомъ изъ Кіева, Екатерина писала: «Завтра отправляюсь въ путь и поѣду внизъ по Днѣпру до Херсона. Кіевъ своимъ положеніемъ есть мѣсто совершенно живописное. Четыре части города весьма обширны, но очень худо застроены. Однакожъ, давно уже сей городъ не имѣлъ столь большой нужды въ хорошихъ квартирахъ, какъ во время трехъ-мѣсячнаго моего въ немъ пребыванія. Число разныхъ пріѣзжихъ народовъ было весьма велико. Трудно отгадать, что ихъ привлекло въ Кіевъ, ибо нельзя полагать, чтобъ всѣ они обмануты были нѣкоторыми газетами, которыя изо всей силы поощаляли будущее мое коронованіе въ Тавридѣ, или здѣсь, о чемъ никогда и не думано».

22-го апрѣля императрица и дворъ со свитою сѣли на галеры, раззолоченныя и убранныя флагами. На каждой помѣстился хоръ музыки. Галера «Днѣпръ» выкинула адмиралтейскій флагъ. На ней ѣхала императрица. По сигналу всѣ сходились обѣдать на галеру «Десну». Время шло быстро. Черезъ недѣлю прибыли въ Кременчугъ. Это было 30-го апрѣля. Императрица вышла рано утромъ на палубу изъ каюты, гдѣ постоянно еще топился каминъ, и изумилась. Украинская весна была во всемъ блескѣ...

Тогда уже во всей красѣ цвѣли, въ прибрежныхъ садахъ и лѣсахъ, черешни, дикія яблони и груши. Берега устигались коймами цвѣтовъ; голубые прѣлѣски цѣплялись по отвѣсамъ скаль. Алый воронѣцъ поднималъ свою голову среди моря первой сочной зелени. Лиловые присы и желтые дикіе тюльпаны мелькали по луговинамъ, а кусты и деревья стонали отъ криковъ птицъ. У мутныхъ еще водъ Днѣпра, надъ камышами, перенархивали желтогрудыя иволги и краснощекіе дятлы. Съ кормы галеръ нѣкоторые изъ свиты забрасывали удки. Между старыхъ иней по берегамъ порой мелькали золоторогія змѣйки. Рои насѣкомыхъ ронились въ вѣннихъ лучахъ. Баба-птица едва успѣвала въ исполинскій зобъ проглатывать мелкую, глотаемую у береговъ рыбу. Небо было сине и безъ единой тучки. Близость юга была слышна на каждомъ шагу. По вечерамъ, на зарѣ, гребцы, чубатые и усатые хохлы, затягивали пѣсни, и, подъ мѣрный плескъ весель, слышались напѣвы *Доли*, *Журавля* и веселыхъ

тогдашнихъ *Вербунокъ*, подъ которыя набирались изъ слободскихъ и запорожскихъ казаковъ новые полки гусарь.

Такъ подвигалось шествіе водою до 6-го мая, когда галеры были въ пятидесяти верстахъ отъ прибрежнаго мѣстечка Новыхъ Кайдакъ.

День открывался туалетомъ императрицы, при разнесеніи кофе. Вскрывались пакеты, доставленные съ гонцами сухимъ путемъ изъ Петербурга, Москвы и чужихъ краевъ. Время до обѣда шло въ разговорахъ. Императрица, въ плавучей залѣ, работала со своими секретарями и письмоводителями. Тутъ же были и аудіенціи высшимъ сановникамъ. Обѣдали за общимъ столомъ. Одушевленные рѣчи пересыпались французскимъ остроуміемъ. Прииць де-Линь, какъ знали нѣкоторые изъ собесѣдниковъ, велъ путевыя записки. Постѣ обѣда читали французскія и нѣмецкія комедіи, писали шуточные русскія и французскія анаграммы, буримѣ, загадки, сатирическіе куплеты, играли въ фанты, шахматы и въ карты. Кто-то изъ свиты красками снималъ виды скалъ и береговъ Днѣпра.

Императрица каждое утро, въ пудромантелѣ, чепцѣ и въ кофтѣ усаживалась къ столу своей каюты, открывала занавѣску у окна, выходившаго на рѣку, замыкала дверь и на листахъ переплетенной въ зеленый атласъ тетрадки упражнялась писаніемъ стиховъ. Придворные сторали нетерпѣніемъ услышать новое произведеніе царственного автора. Впослѣдствіи открылось, что это была комическая опера: «Храбрый и смѣлый витязь Архидѣвичъ», игранная потомъ въ Петербургѣ.

Въ куплетахъ оперетки отражалось собственное, пріятное въ тѣ минуты, настроеніе души императрицы. Екатерина писала:

«Днесь шумятъ потоки, тихи вѣтры вѣютъ.
И ключи изъ горокъ воду бьютъ;
Прешироки рѣки водъ плѣскають не смѣютъ,
А струи водъ свѣжихъ въ поле льютъ,
Сладко наполя землю растворенну,
Естество прекрасно обновяють,
Обоющены очи, зрящи на вселенну,
Нѣжны чувства тѣмъ увеселяють...»

«И куда ни погляжу,
Тамъ утѣхи нахожу;
Тамъ поють соловьи,
Множа радости мои...»

Литературныя занятія Екатерины были въ одно утро неожиданно прерваны легкимъ стукомъ въ двери. Она спросила: «*Wer ist dort?*»—Веселый и звонкій голосокъ дежурной камеристки Пехтеревой торопливо отвѣтилъ: — «*Da ist Jemand von dem Fürst!*»— Императрица велѣла ввести пришедшаго. То былъ посланный отъ князя Потемкина, графъ Михаилъ Петровичъ Румянцевъ. Онъ прискакалъ отъ фельдмаршала изъ Кайдакъ съ извѣстiемъ, что императоръ австрiйскiй Иосифъ II, подъ именемъ графа Фалькенштейна, около 6-го мая прiѣхалъ въ Миргородъ и 8-го вѣхалъ въ Кайдаки, въ сопровожденiи Потемкина, собираясь посѣтить Екатерину на галерахъ. Императрица сейчасъ же приказала кинуть якоря и вышла на берегъ, гдѣ, рядомъ съ галерами, по сухому пути, ѣхали ея придворные экипажи. Тамъ она пересѣла въ карету и, въ сопровожденiи Пехтеревой, графа Румянцева и графа Безбородко, поспѣшила отъ Днѣпра навстрѣчу къ графу Фалькенштейну.

— Ну, скорѣе, друзья, скорѣе!— сказала она ямщикамъ изъ мѣстныхъ жителей, усѣвшись въ раззолоченный рыдванъ и жадно впивая въ круглое, съ рѣзьбою, окно душистый свѣжiй воздухъ весенняго утра.

Главный ящикъ бойкаго, поджараго обывательскаго осьмерика повернулся и, скинувъ шапку, при чемъ свѣсился за его ухо черный чубъ, отвѣчалъ, указывая на карету:

— Коли бъ не вотъ эта золотая бричка, матинко, такъ бы бъ тебя такъ подхватили, что ажъ колеса бъ горѣли..

Императрица улыбнулась и разговорилась съ графомъ Безбородко. Карета медленно взобралась на крутой, возвышенный, правый берегъ Днѣпра и быстро покатила по узенькому проселку. Было шесть часовъ утра.

Слѣва мелькали поемные луга, покрытые туманомъ и роснiе камышами. Справа тянулись холмы, пересѣкаемые зеленѣющими «логами», сѣнокосы и нахоти кайдацкихъ обывателей. Въ одномъ мѣстѣ, въ воздухѣ, надъ головами какъ бы прозвенѣли трубы. Екатерина выглянула изъ кареты: тремъ косяками отъ Крыма за Днѣпръ тянулись по небу стаи журавлей. Форейторы скакали въ пыли и съ криками погожили лошадей.

— Я зачинаю походить приключенiями моего вѣка на Петра Великаго,—начала Екатерина, глядя на безпрестанно мѣнявшiяся вокругъ кареты картины видовъ:—но что Богъ

ни дать, а по примѣру дѣдушки — увывать не стану. Принцесса Ангальтъ-Цербстская стала Русскою Императрицею, и два вѣнценосца ей ѣдутъ навстрѣчу...

— Однако, ваше величество, — перебилъ ее графъ Безбородко: — что будетъ, если императоръ Іосифъ теперь сидитъ гдѣ-нибудь съ обломанною осью и безъ лошадей? По этой дорогѣ не слишкомъ разлетишься...

Въ самомъ дѣлѣ, толчки дороги давно давали себя чувствовать. Карета круто свернула вправо, потомъ опять влѣво и пошла по берегу невзрачной рѣчонки. Густой лѣсъ тянулся по другую ея сторону; болотистый берегъ былъ усыпанъ кочками, и лошади между ними едва бѣжали рысью. Вдругъ передовой фореиторъ замахалъ шапкою и закричалъ: «кто-то ѣдетъ!»

И въ то же время, изъ-за угла лѣса, въ полуверстѣ, навстрѣчу каретѣ показалась рессорная дорожная коляска, также запряженная восьмерикомъ. Лошади коляски неслись въ карьеръ. Это былъ Іосифъ, бросившій свою свиту и ѣхавшій съ однимъ Потемкинымъ. Встрѣча Екатерины и Фалькенштейна не замедлила совершиться. Экипажи съѣхались среди поля, въ долину, у кучки вербъ, подъ которыми была корчма сосѣдняго казацкаго хутора. Дымясь отъ пара, остановились лошади обонхъ экипажей.

Императоръ выскочилъ первый и подоспѣлъ къ откинутымъ подножкамъ кареты, изъ которой выходила императрица. Оне нѣсколько минутъ провели въ обычныхъ привѣтствіяхъ. Завидя бѣлую мазанку корчмы и чтобы дать лошадямъ вздохнуть, Екатерина предложила нѣсколько минутъ переждать. Предложеніе было принято. Екатерина и Іосифъ пошли впередъ, свита немного поодаль. Потемкинъ указывалъ дорогу.

«И что это за корчма? И чортъ бы ее побралъ! — шепталь свѣтлѣйшій, между тѣмъ, не зная самъ, куда идетъ и куда ведетъ двухъ вѣнценосныхъ странниковъ. — Ну, ожидалъ ли я, что они тутъ встрѣтятся? Строилъ города, рылъ горы, крестилъ татаръ, завоевывалъ царства, чтобы прославить Екатерину, совершилъ чудеса, чтобы въ безлюдномъ краѣ она царственно проѣхала и увидѣла многолюдство, короли польскаго заставилъ выѣхать ей навстрѣчу въ Каневъ, дождался, что и австрійскій императоръ выѣхалъ ее встрѣтить... все устроилось отлично, и вдругъ они встрѣтятся

въ гнилой корчмѣ, гдѣ попадется какой-нибудь жидъ, или хохоль, или пьяный шляхтичъ. Наговорятъ ей, наврутъ... безпорядокъ!..»

— Ваше величество, пожалуйста!—сказалъ свѣтлѣйшій, отворяя передъ императрицей дверь корчмы, точно давно знакомый и съ этимъ мѣстомъ, и съ самой корчмой, между тѣмъ, какъ глаза его напряженно и не безъ волненія слѣдили изъ-за спины гостей за внутренностью комнаты, куда они вошли.

Первыя впечатлѣнія свѣтлѣйшаго были пріятны. Чистыя лавки шли вдоль стѣнъ комнаты. Образа въ главномъ углу были утыканы сухими цвѣтами. Лампада теплилась передъ иконою Николая Чудотворца, праздникъ котораго 9-го мая былъ черезъ два дня. Двухлѣтній ребенокъ сидѣлъ у порога комнаты на полу и ложкою кашни потчивалъ подслѣноватаго котѣнка, котораго усилъ поймать и придержать между ногъ. Бѣлая курочка вышла изъ-подъ печки, причеми на только-что подметенномъ и усыпанномъ пескомъ полу оставила рядъ крестиковъ отъ своихъ осторожныхъ лапокъ и клевала на лавкѣ изъ миски, покрытой полотенцемъ, какую-то стряпню, принасенную на ужинъ. Не вида хозяевъ, Екатерина обратилась къ Потемкину:

— Вѣроятно, здѣшняя хозяйка ушла въ поле на работу или на базарь?—и, обращаясь къ Иосифу, прибавила по-французски:—не могу не замѣтить вамъ, графъ, удивительный здѣсь народъ. Простота изумительная. Вотъ тутъ, на примѣръ, весь домъ оставленъ на руки двухъ или трехлѣтняго ребенка!

— Это корчма, — замѣтилъ почтительно Безбородко:— корчма, гдѣ продается вино. Вотъ и бочка. А вѣдь никто и не трошетъ.

— Вѣроятно, потому, ваше величество, —отнесся къ Екатеринѣ графъ Фалькенштейнъ:—что все здѣшнее пародонаселеніе ушло въ надеждѣ увидѣть у Дибра свою императрицу...

Императрица ласково протянула руку Иосифу, который ее поцѣловалъ, и съ улыбкою попросила его сѣсть. Потемкинъ, Румянцевъ, Безбородко, Шуваловъ и прочіе изъ свиты Екатерины и Иосифа почтительно стали у дверей.

— Чѣмъ далѣе, ваше величество, —сказалъ Иосифъ:— тѣмъ болѣе я изумляюсь... Я думалъ встрѣтить пустыни, а увидѣлъ населенныя богатые мѣста...

— Да, —подхватила весело Екатерина, взглядывая на

Потемкина:—я рада, что сама увидѣла эти страны своими глазами. Враги князя все употребляли, чтобы очернить его передо мною и передъ свѣтомъ. Намъ сказали, что насъ встрѣтитъ жары, несносныя человѣчеству, а насъ встрѣтилъ воздухъ если не Итали, то родной вашему величеству Венгрии. Стенъ, правда, безлѣсная и почиталась безводною, а мы, однако, видѣли повсюду ручьи и рѣки, при которыхъ поселеній уже не въ маломъ числѣ. Пользы государственныхъ заведеній не всегда вначалѣ открыты понятію множества. Такъ, санктпетербургская губернія нынѣ даетъ восьмую часть доходовъ всей имперіи; она же существуетъ всего восемьдесятъ четыре года. А сколько было говорено противъ этого города Петра! Посмотримъ, какъ доходны будутъ здѣшніе порты черезъ короткое время...

— Ваше величество, — возразилъ графъ Фалькенштейнъ:— у князя Потемкина много враговъ, но еще болѣе друзей.

Екатерина продолжала:

— Кричали противъ климата, пугали и отсовѣтывали! Обозрѣвъ самолично, сюда пріѣхавши, ищу причины такого безразсуднаго предубѣжденія, — и не нахожу. Съ пріобрѣтеніемъ этихъ благословенныхъ странъ исчезнетъ страхъ отъ татаръ, которыхъ наши Бахмутъ, Украйны и Елисаветградъ такъ еще живо помнятъ... Да, графъ, я теперь съ немалымъ утѣшеніемъ ежедневно ложусь спать, видя своими глазами, что я не причинила вреда, но принесла и принесу величайшую пользу своей имперіи...

Вслѣдъ затѣмъ разговоръ перешелъ къ иностранной политикѣ и къ туркамъ. Живое любопытство предмета и обмѣнъ глазъ-на-глазъ сокровенныхъ мыслей увлекли обоихъ вѣнценосцевъ. Потемкинъ мигнулъ придворнымъ; тѣ оставили Екатерину наединѣ съ Іосифомъ. Императрица вскорѣ позвала Потемкина и стала продолжать свой разговоръ съ Іосифомъ втроемъ. Былъ уже часъ пополудни. Императрица не замѣтила, какъ прошло болѣе двухъ съ половиною часовъ. Желудки путниковъ начали себя напоминать. Первый нашелся Безбородко. Войдя въ комнату, онъ шепнулъ два слова Потемкину. Князь смѣшался и закусилъ губу. Екатерина угадала его мысли.

— Графъ, — обратилась она къ Фалькенштейну:— передъ возвращеніемъ къ моимъ галерамъ, не закусить ли намъ чего-нибудь?

— Какъ угодно! Еще Данте сказать, что можетъ родиться племя, которому не суждено умирать. Это прямо относится къ вамъ и къ вашему безсмертному странствованію...

— Но есть ли у насъ что съ собою? — спросила Екатерина.

Кинулись къ экипажамъ. Оказалось, что впопыхахъ забыли взять съ собою придворную кухню императрицы. Въ коляскѣ же графа Фалькенштейна, кухня котораго также отстала, нашли только нераскупоренную бутылку стараго венгерскаго, кусокъ сыру да краюшку сухого крестьянскаго хлѣба, которымъ графъ, охотникъ до лошадей, на станціяхъ изъ своихъ рукъ кормилъ обывательскихъ скакуновъ.

— А далеко ли до Днѣпра? сколько мы отъѣхали? — спросила Екатерина.

— Верстѣ тридцать, ваше величество. Кажется, не меньше будетъ, — отвѣтилъ Потемкинъ: — ѣхать тяжело, и лошади устали; но не худо бы сейчасъ же и продолжать путь...

Иосифъ молчалъ. Ему, очевидно, хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь перекусить и заморить начинавшійся голодь.

— Да неужели тутъ нѣтъ чего-нибудь, хоть самаго простого? — начала Екатерина. — Ну, масла, куръ, яицъ, сметаны?..

— Трудно достать, — отвѣтилъ Шуваловъ: — мѣсто глухое, и всѣ теперь въ полѣ, на работѣ. Да верстѣ на десять тутъ и поселка не найдешь... Вѣдь это, ваше величество, уже почти Запорожье...

Безбородко напелся.

— А что, ваше сіятельство, — сказать онъ по-малоросійски Потемкину: — неужели мы не нагодимъ царицы и ея гостя?

И, подвизавъ подъ-мышки, въ видѣ фартука, носовой платокъ, онъ открылъ трубу, наложилъ въ печку щепокъ, вздулъ огонь, поставилъ на треногъ сковородку; очень ловко угадалъ, что подъ лавкою, въ чистомъ горникѣ съ золою, должны быть куриныя яйца, выпустилъ ихъ съ дюжину на сковородку, и яичница вскорѣ зашипѣла. Румянцевъ и Шуваловъ отъ него не отставали: напѣли въ сѣняхъ, въ подпольѣ, крынку масла, съ чердака стащили привѣшанный въ дымникъ окорокъ, въ темной кладовой отыскали кувшинъ молока и все это устали на столъ. Этотъ примѣръ увлекъ

остальныхъ. Фрейлины чистили и на вертелѣ, импровизированномъ изъ деревянныхъ щепочекъ, поджаривали часть окорока. Иосифъ съ молока снималъ въ стаканъ сливки. Самъ Потемкинъ, въ душѣ посылая къ чорту всякія неповинныя дорожныя приключенія, въ чулкахъ и въ башмакахъ, закинувъ за спину полы шитаго золотомъ кафтана, не отставалъ отъ этихъ самоучекъ-поваровъ и стряпухъ: онъ засучилъ рукава, залихнулъ подъ нихъ блондовые маншеты и весьма усердно перемывалъ и перетиралъ для царскаго завтрака глиняныя миски и деревянныя тарелки корчмари.—«Ну, какъ вы себѣ тамъ не радуйтесь этому — думаетъ онъ, — однакожъ, желудокъ всегда игралъ великую роль въ дипломатіи! И какъ бы Иосифъ безъ этой яичницы не прибралъ насъ къ рукамъ въ начинаемомъ нашемъ поворѣ дѣлѣ съ турками...»

Между тѣмъ, пока готовился завтракъ, въ открытыхъ дверяхъ корчмы показался старикашка, согнутый, съ краснымъ носомъ и съ жиденькимъ бѣлымъ пухомъ на головѣ, бородѣ и около ушей. Онъ остановился на порогѣ и въ изумленіи сталъ глядѣть по комнатѣ. Завидя его, собесѣдники замолчали и, въ разныхъ положеніяхъ, съ любопытствомъ устремили на него глаза.

— А что, панове молодціи, — началъ старичокъ, очевидно бывший навеселѣ: — ходилъ я на царицу подивиться! Да ба! Ничего не видѣлъ... Нѣту уже. Еще вчера проѣхала!

Разбитныя движенія и шамкающій голосъ старичка были по-истинѣ забавны.

— Ты хозяинъ? — спросила Екатерина.

— Хозяинъ, пани-матко, корчмарь. А вы изъ Мирной, чи зъ Кременчука?

— Изъ Кременчуга, — улыбулась Екатерина, втайнѣ радуясь, что ее не узнали.

Глаза свѣтлѣйшаго впились въ красноватые, веселые глазки старика.

— А что, давно ли ты здѣсь торгуешь? — спросила императрица.

— Да еще какъ Пугача ловили, то я внука на войну снарядилъ, а самъ тутъ сѣлъ. Вотъ съ кажого году, считайте сами...

Имя Пугачова нѣсколько смутило слушателей.

Потемкинъ началъ оиять кусать то губы, то ногти.

— Сынь у тебя есть?—продолжала Екатерина.

— Быль, да ужь три года какъ умерь.

— Который же, дѣдушка, тебѣ годъ.

— Какой годъ? а вотъ какой. Десяносто-восьмой годъ, говорятъ. И еще и шведа не забыть, какъ подь Полтавою бился, да и самого царя Петра Алексѣевича видѣль...

Имя Петра Великаго оживило присутствовавшихъ. Всѣ тѣсно сдвинулись къ старику. Потемкинь подошелъ къ нему и ободрительно-благосклонно потрепалъ его по плечу.

— Говори, говори, старикъ! Какъ тебя звать?—подхватила Екатерина.

Старикъ кашлянулъ, вынулъ изъ-за пазухи клѣтчатый платокъ и утерся.

— Постоите, пани-мѣтко! что-то утомился! сяду немного. Ходилъ иѣнкомъ до самага Дибира на царицу посмотришь, какая тамъ она есть, да прозѣваль... Гайда—уже проѣхала. А царя Петра такъ я точно видѣль и даже говорилъ съ нимъ, какъ шведа погнали до Переволочной и мы пани-хиду на могилѣ служили. Зовутъ меня Галайда. Стойте, доброди. Выпить хочется... То иѣтъ ли у васъ, господа, горѣлки? Моя Феська гдѣ-то запропастилась, а ключъ у нея и мнѣ она горѣлки не даетъ, хоть горѣлка и моя,—бо какъ начну съ радости, то уныюся...

— Кто же это Феська?—спросила Екатерина.

— А моя наймичка, — пронамкала старикъ: — она продасть горѣлку, да меня доглядаетъ; а я уже не ослю; только кашу ѣмъ, да Богу молюся. Хорошая дѣвка, да шкодлива: отъ москалей не отобьешься...

Старика усадили.

— Такъ какъ же, какъ?—допрашивала его Екатерина:— ты, дѣдушка, дѣйствительно видѣль царя Петра?

Беззубый Галайда выпилъ водки, замѣтилъ, что Шува-ловъ изъ-за спины другихъ нюхаетъ табакъ, попросилъ и себѣ табакерку, понюхалъ, крикнуть и началъ. Графъ Безбородко переводилъ его слова.

— Быль я, пани-мѣтко, и вы, панове молодцы, быль я, голубочко, краля ты моя, тогда казакомъ и служилъ у Мазены въ войскѣ, только ему не передавался, чтобъ ему пусто было! и царю не измѣнялъ, хоть и быль еще совсѣмъ молодой... Какъ наступалъ на насъ шведъ, а меня поставили съ алебардою и пицаль въ руки дали. Только туда-

сюда, глядь, анъ велятъ уже бить не шведовъ, а москалей и шведу передаться. Не передались мы и пошли гурьбой до лагеря. Тутъ палить изъ пушекъ, а мы хлѣба съ солью поѣли, да и сами давай палить. Послѣ насъ перевели на гору за Ворсклу, черезъ Лыкощинъ-бродъ. А тутъ вблизи уже царь стоитъ лагеремъ. Какъ стали стрѣлять изъ царскаго отряда, смотримъ, шведы и побѣжали. Вотъ такъ стоялъ царь, да въ трубу смотрѣлъ, а такъ редуть стоялъ, а тутъ палатки... Ну, и побили же шведовъ, да въ Перво-лочной перетопили. Слышимъ, зоветь на панихиду. Пришли мы, а труну навалено — и Боже упаси! Чугунъ, ядра да кони. А тутъ опять и самъ царь стоитъ: такой на немъ зеленый кафтанъ, высокіе сапоги съ раструбами и шпага. Попы поютъ канонъ, крестъ высокій такой на могилѣ ставить, а царь поднялъ икону, что шведъ-антихристъ на поруганіе расписалъ въ шанечную доску и въ лагерѣ своемъ въ шанки на ней игралъ. Прослезился царь и при всемъ народѣ поцѣловалъ ту икону, а послѣ ее на освященіе отдалъ. Какъ сошелъ царь съ могилы, генералы окружили его, а онъ къ намъ. Обходить ряды. То съ тѣмъ, то съ другимъ изъ насъ поговорить. А мы, казаки, уже такъ и ждемъ, что стануть насъ перебирать. О Мазепѣ сталъ говорить. Онъ, говорить, въ турецкую землю побѣжалъ; но мы, говорить, его оттуда выволимъ. Сталъ нанскосокъ такъ противъ меня, да какъ глянеть на меня, — я обомлѣлъ. — «Ты», — говорить, — «красавецъ, откуда?» — А я, панове, былъ какъ макъ румяный, да рослый, да сильный. — «Изъ Кайдаковъ», — говорю, — «ваше царское величество!» — «Убилъ же ты хоть одного шведа?» — спрашиваетъ. — «Семерыхъ, — говорю, — убилъ, только упалъ одинъ, скурвинъ-сынъ, — говорю, — безъ сабли былъ, свалилъ меня обманомъ сзади, да платокъ съ хлѣбомъ вынулъ и удралъ опять. Такъ, дрянной народъ! Только бабъ нашихъ забиждастъ!» — Усмѣхнулся царь, постоялъ и говорить тому генералу, что выше да толще другихъ былъ и ближе къ нему стоялъ: — «Вотъ этотъ», — говорить, — «красавецъ и правду сказалъ, что шведы дрянной народъ. Мы же баталію хорошую одержали». — А тутъ уже, послѣ панихиды, насъ и распустили по домамъ; кто куда хотѣлъ, туда и шелъ. И долго мы поминали царя...

Этимъ разговоромъ не кончилось. Императрица задала старику не одинъ еще вопросъ о видѣнномъ имъ.

Въ умѣ Потемкина, между тѣмъ, зрѣла счастливая мысль. Онъ не хотѣлъ даромъ пропустить и этой случайной встрѣчи въ стѣни съ живою скрижалю времени петровскихъ. Обратясь къ императрицѣ, онъ сказалъ:

— Ваше величество! на обратномъ пути изъ Крыма, въ Полтавѣ, я намѣренъ устроить вамъ зрѣлище, матери отечества и мудрыя царицы достойное: именно маневры воинскіе, гдѣ бы два разныя лагеря представили на дѣлѣ примѣрно полный бой блаженныя памяти императора Петра Великаго съ королемъ Карломъ XII, и, для вѣщней вѣрности въ расположеніи войскъ и хода боя, возьму въ руководители этого старика. Ему совершенно можно повѣрить, и онъ все отлично расскажетъ по памяти.

Сказано и сдѣлано.

Старику, наконецъ, сказали, кто передъ нимъ быть. Онъ нѣсколько мгновений остался въ совершенномъ столбнякѣ, потомъ упалъ на колѣни и вскрикнулъ: «мамо, царица, помилуй!»

Императрица милостиво подняла его, снова обласкала, садясь въ карету, поручила его графу Безбородко, и видя, какъ онъ занялъ ея гостей и въ особенности Юсифа II, спросила у старика:

— Ну, дѣдушка, скажи же ты мнѣ, чего ты желасишь? Все, что скажешь, исполню. Говори. Не робѣй...

Старикъ взглянулъ на пышныхъ странниковъ, на придворныхъ, которые суетились вокругъ кареты, и задумался. Хмель его прошелъ.

— Ваше царское величество!—сказалъ онъ:—коли просить, такъ вотъ чего я попрошу. Дайте мнѣ денегъ рублей двадцать, коли ваша милость... Есть у меня племянникъ—полюбилъ одну дѣвку и посватался за нее, а батько ея не отдастъ, за тѣмъ, что бѣдный онъ. Ну, онъ и продался въ рекруты, нанялся за одного мѣщанина за двадцать карбованцевъ—ну, и гуляетъ теперь! Такъ коли бы его спасти отъ солдатчины, пропитыя деньги мѣщанину воротить, а его женить! Вотъ бы мнѣ подмога и была... Да и жаль его: малюетъ, вотъ какъ малюетъ всякія картины, что поискать! Въ Борисовкѣ учился и совсѣмъ вышелъ маляръ, и въ Переяславлѣ въ ученѣ, въ бурѣ былъ! Грамотный и совсѣмъ хорошій человекъ...

— Гдѣ же твой племянникъ?—спросила Екатерина.—И не поздно ли? Можетъ быть, ему уже и лобъ забрали?

— Ни, мамо,— отвѣчалъ Галайда:— срокъ еще до завтра! а онъ въ Мирномъ! тутъ неподалеку, на ярмаркѣ, гуляетъ со своимъ наемщикомъ...

Императрица обратилась снова къ графу Безбородко, поручила ему устроить судьбу племянника старика, назначила сумму на выкупъ его изъ рекрутъ и на его свадьбу, и уѣхала снова на Дибирь, къ своимъ галерамъ, съ графомъ Фалькенштейномъ и съ остальною свитой.

Старый Галайда, котораго уже теперь и Потемкинъ не желалъ упустить изъ виду, очутился въ раззолоченной каретѣ и съ графомъ Безбородко понесся на ярмарку въ Мирное. Графъ, пользуясь тѣмъ, что Екатерина должна была переждать нѣсколько въ мѣстечкѣ Кайдакахъ и потомъ спуститься ниже, для заложения города Екатеринослава, и, чтобы угодить императрицѣ, поѣхалъ лично устроить судьбу племянника Галайды.

Невыразимо было впечатлѣніе ярмарочнаго люда, когда царская золотая карета вѣхала на торгъ и изъ кареты вышли важный панъ, въ шелку и въ бархатѣ, и старый дѣдъ, въ онучахъ и въ свиткѣ. Кинулись искать рекрута. Онъ явился къ каретѣ, какъ былъ, съ музыкантами и съ толпою гулявшаго съ нимъ народа.

Новому рекруту оставалось докучивать еще одинъ день, и онъ кутилъ «во всѣ заставки». По мѣстному обычаю, сохранившему и донинѣ, Боровиковскій (такъ звали племянника стараго Галайды) еще съ утра обвѣшался лентами и платками, взялъ музыкантовъ, выговоренныхъ у своего нанимателя, и пошелъ на торгъ. Наниматель, толстый мѣщанинъ, въ долгополой свиткѣ, съ трепетомъ слѣдилъ и по уговору исполнять малѣйшее желаніе своего рекрута. По уговору было положено: ему, Боровиковскому, казаку и ремесломъ маляру, идти волею въ рекруты за мѣщанина, а мѣщанину за это дать ему двадцать рублей денегъ да горьки вдоволь и цѣлую недѣлю быть въ его распоряженіи. И вымѣщалъ же за это Боровиковскій, и всякій продававшійся въ рекруты, на его мѣстѣ, за потерю свободы! Чего только онъ ни придумывалъ, въ своей простотѣ, въ эту буйную и роковую недѣлю! Напримѣръ, въ первый же день онъ напивался до омертвѣнія, ложился среди улицы, приказывалъ прикатить боченокъ водки и собравшейся толпѣ кричалъ: «пейте, всѣ пейте!» Всѣ пили, и наниматель не смѣлъ отказать въ этомъ.

Воспользовавшись ярмаркой, Боровиковскій водилъ гурьбу народа за собой. Подплясывая подь музыку, онъ хваталъ съ купеческихъ прилавковъ шелковые платки, серьги, ленты и гранаты, кричалъ: «на-те, это вамъ, люди добрые! берите!» и швырялъ забираемое въ народъ, а мѣщанинъ молча расплачивался. Остановясь передъ бочкой съ дегтемъ онъ кричалъ мѣщанину: «мажь осьми!» Всѣ подставляли ноги. Купецъ мазалъ кому сапоги, кому черевики, и мѣщанинъ снова безмолвно за все расплачивался. А попробуй онъ не заплатить! Продающійся въ такомъ случаѣ имѣлъ право тотчасъ отказаться идти за него въ рекруты, и всѣ угощенія и данная сумма терились безвозвратно. Подойди къ торгу, Безбородко, остановился противъ любопытной гурьбы съ рекрутомъ.

— Ты наемщикъ въ рекруты? ты Боровиковскій?—спросилъ онъ, вглядываясь въ забулдыгу, который уже не могъ какъ слѣдуетъ танцевать, но все еще подь хоръ музыки переминялся на мѣстѣ и подплясывалъ.

— Я... а вамъ что, пане-добродію?

— Ну, Боровиковскій, готовься же: меня послала сама царица. Бросай своего наинимателя... Вотъ деньги за тебя и за все, что ты растратилъ.

Мѣщанинъ вытаращилъ глаза и, дрожа, лепеталъ:

— За что же, помилуйте, не погубите!

— А за тебя,—сказала Безбородко съ улыбкой:—я попрошу государыню,—она, милостивая, проститъ тебя за противный законамъ подкупъ. Только, чтобы загладить вину противъ царицы, за нехотѣніе служить, ты долженъ сейчасъ же поступить на службу. Вотъ твои деньги.

Мѣщанинъ взялъ сто рублей и, довольный тѣмъ, что получилъ внятеро болѣе, чѣмъ задолжалъ ему его рекрутъ, на другой же день самъ охотно сдался въ солдаты.

Боровиковскій проснулся и не вѣрилъ глазамъ. Онъ уже былъ дома. Дѣдъ Галайда зажегъ свѣчку у образовъ, закурилъ ладанъ въ ручной поливной курильницѣ и молился. Феська, стоя у дверей, плакала. Дѣдъ досталъ изъ сундука завязанныя въ холстъ деньги. Царица дала на свадьбу Боровиковскому особо сто рублей. Нечего говорить, что это въ тѣ годы была почти баснословная сумма для простолюдина на Украинѣ, да и вездѣ. Молодой маляръ, еще вчера рекрутъ, не выдержалъ, ужалъ на колѣни передъ дѣдомъ и

залился слезами, цѣлуя царскія деньги. «Господи Боже! за что такая милость! Спаси и помилуй царицу! А тебя, дядю, вотъ какое спасибо!» — И онъ трижды поклонился ему въ землю. Старику и маляру было велѣно немедленно снаряжаться и ѣхать на царской подводѣ въ Полтаву.

Въ Бахчисараѣ Екатерина написала стихи Потемкину:

«Лежала я вѣчёръ въ бесѣдкѣ ханской
Въ среднѣхъ бусурманъ и вѣры мусульманской.
«О, божья чудеса! изъ предковъ кто monkъ
«Спокоенъ почивалъ отъ орды и хановъ ихъ?»»

О Крымѣ, гдѣ императрица изъ оконъ дворца въ Инкерманѣ любовалась юнымъ севастопольскимъ флотомъ, Екатерина выразилась: «Приобрѣтеніе сіе важно; предки дорого заплатили бы за него».

На возвратномъ пути изъ Крыма, подѣ Полтавою, императрица смотрѣла неслыханныя и невиданныя дотошъ маневры, гдѣ были искусно представленъ примѣрный бой русскихъ и шведовъ. И эти маневры были устроены по указаніямъ стараго Галайды. Конечно, онъ не могъ помнить въ частностяхъ подробнаго расположенія частей войскъ и хода боя. Зато съ невыразимою ясностью онъ помнилъ главные черты побойща и — самое важное — могъ указать, гдѣ стоялъ, въ такое-то время, гдѣ скакалъ и гдѣ распоряжался самъ царь. — «Вотъ тутъ онъ глядѣлъ на шведовъ! А тутъ понесся къ пушкамъ! А тамъ и вовсе погналъ врага съ поля! И мы всѣ за ними гнались»...

Боровиковскій отличился на другомъ поприщѣ.

Полтавское дворянство, въ самомъ городѣ, выстроило залу для встрѣчи императрицы. Его маршалу кто-то шепнулъ о происшествіи близъ Кайдакъ и о любопытной судьбѣ племянника Галайды, руководившаго приготовленіями къ царскимъ маневрамъ. Маршалъ призвалъ маляра.

— Можешь ли ты расписать царскую залу? — спросилъ онъ.

— Могу.

— А какъ брешешь?

— Ни, убей Богъ, не брешу!

— Ну, смотри же! Вотъ тебѣ краски и кисти, что остались отъ новаго иконостаса въ соборѣ. Малюй, да берегись! Инакогостишь дѣло, дамъ тебѣ двѣсти батоховъ въ спину...

Боровиковскій принялся за работу и изумилъ всѣхъ.

Когда императрица вѣхала въ Полтаву и вошла въ изукрашенную дворянскую залу, четыре картины на четырехъ стѣнахъ представились ей глазамъ.

На одной былъ изображенъ, во весь ростъ, Петръ Великій, въ видѣ плугатаря, пахавшаго тяжелымъ плугомъ пустынную, заросшую терніемъ и бурьянами почву Россіи.

На противоположной стѣнѣ была изображена Екатерина Вторая, въ видѣ сѣятельницы, бросавшей изъ лукошка на плечѣ сѣмяна въ эту разрыхленную уже почву.

На третьей стѣнѣ изображалась опять Екатерина, съ перомъ въ рукѣ и со вдохновенно-откинутой головой, за работой надъ знаменитымъ Наказомъ о составленіи проекта новаго уложенія.

На четвертой были изображены семь греческихъ мудрецовъ, удивлявшихся и ломавшихъ голову надъ этимъ мудрымъ Наказомъ.

Дальнѣйшая судьба Галайды неизвѣстна. Боровиковскій же получилъ ходъ и внослѣдствіи прославился въ Петербургѣ своими работами по церковной и портретной живописи.

ЦАРЬ АЛЕКСѢИ, СЪ СОКОЛОМЪ.

Было весеннее время.

Выѣхалъ восемнадцатилѣтній царь Алексѣй Михайловичъ изъ села Измайлова, вдоль береговъ Москвы-рѣки, на любимую потѣху, на охоту съ соколами и кречетами.

Это былъ еще второй годъ его царствованія. Государствомъ правилъ царскій дядька, Борисъ Ивановичъ Морозовъ, и радъ былъ, что государь тѣшится. Охота выѣзжала, какъ слѣдуетъ: всѣ верхами, кто на буланомъ, кто на гнѣдомъ, съ соколами на правой рукавицѣ. На головкѣ каждой изъ ловчихъ птицъ былъ алый, бархатный клубочекъ, съ золотою оторочкою; на ногахъ суконныя «ногавки», родъ чулочекъ, съ тесменными «опутинками»; а въ хвостѣ, чтобъ слышать, гдѣ соколъ сядетъ, серебряный колокольчикъ. Тутъ были всѣ любимые царскіе охотники, и за каждымъ его «поддатень». За всадниками ѣхалъ обозъ, со слугами, царскою кухней и палатками. Стража изъ стрѣльцовъ замыкала шествіе. Сокольники были въ цвѣтныхъ кафтанахъ, въ горностаевыхъ и лисьихъ шапкахъ и въ сафьянныхъ саноггахъ. У каждого на боку висѣлъ серебряный рогъ. Птицы были также въ большихъ выѣздныхъ нарядахъ. Самъ царь ѣхалъ безъ сокола. Онъ ожидалъ къ сборному мѣсту изъ Москвы, отъ главнаго ловчаго, Аѳанасія Ивановича Матюшкина, — гонца съ нововыношеннымъ соколомъ, птицей, какъ увѣдомлялъ Матюшкинъ, неслыханнаго лета и силы. Самъ же царскій любимецъ Матюшкинъ лежалъ въ Москвѣ въ лихорадкѣ и не могъ присутствовать на этой забавѣ. И каждый соколь-

никъ, помня урядъ по уставу, вздѣвалъ рукавицу «тихо и стройно», принималъ сокола и кречета, перекрестясь, «красновато, премудровато и молодцовато» и выносилъ его по уставу: «бережно, явно, смѣло, подправительно, подъявительно, къ вѣдѣнію человѣческому и къ красотѣ соколей».

Было еще рано. Туманный, сѣроватый денекъ общалъ птицъ рѣзвую и нестомчивую гоньбу. Царь, ожидая посла отъ Матюшкина, то и дѣло оглядывался къ проселку, откуда долженъ былъ показаться гонецъ. Съ косогора, поросшаго мелкимъ ивдякомъ и березками, выѣхали на широкое, низменное поле, усѣянное озерками, кочками и кустарниками. Нигдѣ, въ свои разѣзды по московскимъ окрестностямъ, ни близъ селъ Тайнинскаго, Сущева и Воробьева, ни близъ Преображенскаго и Напруднова, царь не находилъ столько дичи, какъ здѣсь, по болотнымъ «прыскамъ» Москвы-рѣки. Здѣсь кишмя-кишѣли безчисленные стаи утокъ, гусей, чаекъ, куликовъ, цаплей и всякой дикой птицы.

Спустившись мимо капустныхъ огородовъ чьей-то подгородней земли, царь остановилъ коня. Изъ-подъ его ноги черезъ болото взлетѣлъ гусиный выводокъ. Царь указалъ рукою.

— Знать, гонецъ-то отъ Аѳанасія Ивановича не скоро выѣдетъ!—сказалъ онъ, взглядываясь, какъ гуси полетѣли и плавно спустились на ближнее озеро.

Всадники стали готовиться къ охотѣ.

Первый выпустилъ птицъ Парештій Табалинъ. Его кречеты, Анпрасъ и Арбасъ, были изъ породы «дѣрбниковъ», то-есть брали, какъ соколъ, падая съ высоты, и, какъ ястребъ, ловя птицу въ уголь. Взлетѣла чайка. Кречеты брошены съ рукъ и стали всходить кругами, одинъ выше, другой пониже, такъ что чайка вскорѣ очутилась между ними и кинулась къ землѣ. Нижний кречеть помчался полемъ, плывя какъ ласточка и чуть не задѣвая земли крыломъ. Вмигъ онъ подбилъ чайку кверху. Она взвилась. Верхній кречеть кинулся внизъ на нее. Чайка взмыла въ сторону и промахнулась. Оба кречета, почти разомъ, вѣдѣнились въ песъ и вмѣстѣ съ нею, звеня бубенчиками, упали въ траву. Табалинъ поскакалъ прятать добычу.

За нимъ пускали птицъ Комчатый, Хомяковъ и Лабутиный. Кречеть Комчатаго, Бумарь, между двухъ лѣсковъ кинулся на молодого гуся и, послѣ двухъ угоновъ, сшибъ

его въ траву. Вѣжливая птица даже не сѣла на добычу, а опустилась возлѣ, къ сторонкѣ, и, поводя разгорѣвшимися отъ злости глазами, стала охораливаться, чисти клювомъ перья и кивая алою шапочкою. Затравили еще двухъ куликовъ и утку. Царь все поджидалъ гонца и почти не принималъ участія въ охотѣ. Стоя на пригородкѣ, подѣ деревомъ, онъ смотрѣлъ вдаль и изрѣдка переговаривался съ Хомяковымъ. Пестрые «вѣршники» то разсыпались по лугамъ, то скакали кучами въ догонку за соколами. Царскій стрелянной затрубилъ въ рогъ сборъ къ мѣсту. Всѣ сокольники сѣхались къ царской палаткѣ. Пошли толки о добычѣ, о соколиныхъ ставкахъ. Какъ ни строго былъ дворцовый урядъ, между сокольниками, все почти сверстниками царя, то тамъ, то здѣсь слышались шутки или веселый смѣхъ.

— Ну, знать, доподлинно Аванасій-то Ивановичъ позамѣшался. Сытый голоднаго не разумѣеть! Давайте ѣсть!— сказалъ царь. Слуги разостлали у палатки шелковый коврикъ. Все мѣсто отдыха обнесли подвижными рогатками и поставили у входовъ стражу. Царь велѣлъ, безъ чиновъ, сокольникамъ садиться по ковру, а самъ помѣстился у входа въ палатку.

Не успѣлъ царь съ охотниками закусить, на лугу послышался звукъ рога. Всѣ повели глазами съ косогора. Изъ-за кучки березъ показался гонецъ отъ Матюшкина и съ нимъ нѣсколько сокольниковъ. Посланный подѣхалъ, сѣвшился у рогатокъ и поднесъ царю вновь обученнаго сокола. Царь взглянулъ на птицу, и охотничье сердце его запрыгало. Такой красоты онъ еще и не видывалъ...

Что за птица! Взять онъ былъ не съ гнѣзда отъ матери, а выношенъ уже «слѣткомъ». Дикости и смѣлости онъ былъ удивительной. Весь бѣлый, какъ серебро, только ножки красныя. Сидѣлъ онъ степенно и гордо. Головка была маленькая, спина широкая, грудь крѣпкая, крылья и хвостъ перо къ перу, а глаза такъ и горѣли, ярко-желтые, «наигранные» и сверкавшіе смѣлою, дикою ясностью...

— Хороша птица! Какъ-то ловить?—сказалъ царь, осмотрѣвъ сокола съ полнымъ вниманіемъ цѣшителя и знатока.

Палатку собрали; всадники сѣли на коней. Обозъ тронулся впередъ. Царь указалъ охотѣ ѣхать къ Коломенскому. Подвели царскаго коня. Царь ухватился за холку,

прыгнувъ въ сѣдло и протянувъ за соколомъ руку. Рука его дрожала, грудь порывисто поднималась. Неровнымъ взоромъ онъ окинулъ сокольниковъ, повелъ поводомъ. Тяжелый, коренастый конь тронулся рысью по кочковатому полю, Бубенчикъ зазвенѣлъ въ хвостѣ сокола.

Молча ѣхали сокольники, минуя то озерко, то мелкій кустарникъ, то бѣгущій въ сторону узенькій проселокъ. Всадники забились въ лѣсистые дуга, съ которыхъ еще не сошли весенніе водные застои. Сокольникій Лабутичъ первый завидѣлъ въ сторонѣ между длинныхъ прошлогоднихъ камышей выводокъ нырковъ. Онъ подалъ знакъ. Всѣ остановились и замерли въ ожиданіи царскаго приказа. Царь укоротилъ поводья, взглядемя, медленно поднялъ правую руку и бросилъ сокола съ рукавицы въ воздухъ. Шнурокъ развязался, соколъ взмылъ и кругами сталъ всходить вверхъ... все выше и выше, такъ что скоро чуть стало его видно, и когда показалось, что вотъ онъ исчезнетъ въ облакахъ, вдругъ, распластавши хвостъ, онъ сдѣлалъ ставку и, склоня голову, зорко посмотрѣлъ внизъ... Утокъ согнали.

Не успѣлъ царь прищипорить коня, какъ соколъ свернулся въ комокъ, ринулся сверху, вцѣпился въ добычу и вмѣстѣ съ нею упалъ въ ближніе кусты.

Всѣ бросились туда. Чины позабыты. Охотники толпятся, чтобъ только взглянуть, какъ взята птица: жива ли она, изранена, или убита до смерти? Только не видно сокола въ кустахъ. Разсыпались охотники по всему перелѣску, по ближнимъ пригоркамъ, стали спускаться въ овраги, прислушиваться къ бубенчику; нѣтъ да и нѣтъ. Или соколъ спустилъ утку и, невиданный за кустами, съ другой стороны пошелъ въ угонъ за иною какою птицей; или не выпускалъ ее и, на полномъ раздолѣ, ѣлъ ее гдѣ-нибудь въ гущинѣ деревьевъ. Наконецъ, могъ оборваться бубенчикъ, а онъ тутъ же, въ кустахъ, гдѣ-нибудь сидѣлъ, охораниваясь и чистя перья. Что за диво!

— Ищите, ребята!— сказалъ царь, снуя на конѣ по травѣ и между кустовъ: — кто изловитъ мнѣ сокола, дамъ тому пару соболей!

Пронажка сокола, особенно въ первый уловъ, была не рѣдкость. Часто соколовъ уносило вѣтромъ, а еще чаще они отбивались и дичали въ сосѣднихъ лѣсахъ.

Сокольники, для лучшихъ поисковъ, спѣшили; коней

привязали къ кустамъ, а сами, съ новымъ рвеніемъ, кинулись по лугамъ и по сосѣднимъ оврагамъ. То тамъ затрубить рогъ, то здѣсь отзовется. Желтые, голубые и красные кафтаны мелькаютъ между деревьямъ. На сосѣдней пашнѣ мужикъ пахалъ сохою подъ озимь. Остановился, оперся на присошникъ и дивуется, что это за бояре охотится: не Борисъ ли Ивановичъ Морозовъ выѣхалъ поразмяться, или дворскіе травить птицу на государеву кухню; а можетъ-быть, и самъ царь тутъ же, недалече, гдѣ-нибудь между ними?..

Затрубилъ опять государь. Собрались къ нему охотники уже въ другомъ мѣстѣ, на какой-то лѣсистой лоцинкѣ, у берега небольшого ручья, впадавшаго въ Москву-рѣку.

— А что, ребята, не нашли сокола?

— Нѣтъ, государь, не нашли!

— Что за притча!

Государь очень досадовалъ, что пропалъ еще неиспытанный соколъ.

Охотники выѣхали въ другомъ мѣстѣ на крутой берегъ ручья и увидѣли сокола въ травѣ: утка билась у него въ когтяхъ. И въ то же время, на ясной поверхности воды, между склопенными съ берега камышами, показалась передъ охотниками рѣдкой величины, вся бѣлая, какъ лунь, цапля. Она бережно шла неглубокой водою, поглядывая издали на всадниковъ и вынимая изъ воды то одну ногу, то другую. Царь принялъ утку, снова сѣлъ на коня, спугнулъ цаплю и указалъ ее соколу. Цапля взмахнула крыльями, медленно поднялась надъ водою и полетѣла въ сторону. Соколъ кинулся за нею не прямо, а сталъ забирать вверхъ, забрался въ недосыгаемую высоту и оттуда полетѣлъ вровень надъ цаплею...

Царь далъ коню шпоры и поскакалъ, слѣдя за соколомъ. Сокольникъ не отставалъ отъ царя. Такъ мчались они долго по лугамъ и просохнувшимъ полямъ, черезъ рвы и кочки, мосты и гати. Цапля была сильная, и, — ноги назадъ, а грудь впередъ, — на огромныхъ крыльяхъ шила, какъ бѣлошарусная ладья, по вѣтру. Соколъ не отставалъ отъ нея и забирался выше и выше. Цапля его видѣла. Всадники выскочили на возвышенную, гладкую поляну. Вдали мелькали крылья мельницы и огородъ какого-то селенія; вправо шель проселокъ въ лѣсъ, глядѣвшій изъ-за косогора. Вдругъ цапля, отъ усталости, или съ особою хитростью, замедлила

полетъ и стала забирать влѣво, какъ бы желая опуститься въ лѣсъ. Въ тотъ же мигъ соколъ всюю силою полетѣлъ внизъ на нее. Онъ былъ уже близко; оставался послѣднй ударъ, какъ цапля обернулась хвостомъ къ землѣ и отбила его толчкомъ длинныхъ ногъ и огромнаго носа. Соколъ сдался, пошелъ книзу, но, не долетая до земли, опять собрался съ силами и еще быстрѣе сталъ забирать надъ цаплей. Царь оглянулся: за нимъ скакалъ одинъ Хомяковъ. Другіе охотники чуть видѣлись въ-разсыпку, далеко позади, гдѣ одинъ, а гдѣ два и три вмѣстѣ. «Ну, Семенычъ, не отставай!» — крикнулъ разгорѣвшійся царь и, стегнувъ коня, еще быстрѣе поскакалъ за соколомъ.

Незамѣтно миновали опять какую-то панию, со свѣжими зеленѣющими всходами. Съ грохотомъ пронеслись кони черезъ старыи распатанный мостъ, надъ узенькимъ ручьемъ какой-то усадьбишки. Путь начиналъ идти въ гору, къ лѣсу. Замелькали березы. Показался песокъ. Овраги зачернѣли чаще. «Не отставай, Семенычъ, не отставай! Еще пробѣжимъ, и возьметъ соколъ!» — кричалъ царь, то и дѣло устраниаясь отъ вѣтвей. Конь подъ Хомяковымъ задѣлъ копытомъ за пеню и грохнулся съ ѣздокомъ о-земь. Чуть успѣлъ оглянуться царь, какъ соколъ, надъ опушкою лѣса, сдѣлалъ полукругъ, ударилъ грудью въ цаплю и, вмѣстѣ съ нею перевалившись за деревья, пошелъ оврагомъ далѣе. Царскій конь взобрался па гору и съ послѣднимъ усилиемъ, вмѣстѣ съ нимъ, влетѣлъ въ просѣку лѣса вдоль оврага. Не проскакавъ онъ и ста шаговъ, какъ остановился на всемъ размахѣ. Царь глянувъ: конь, фыркая, уперся ногами въ обрывъ...

За обрывомъ шла рѣка. За рѣкою, по зеленому откосу берега, разсыпавшись бревенчатыми избами, клѣтками, журавлями колодезь и овинами, располагалась у рѣки деревня. Деревянная, почернѣлая церковь стояла въ сторонѣ, на крутомъ пригоркѣ. А прямо за рѣкой въ гору шель обширный садъ. Надъ нимъ чернѣли вышки боярскаго терема, съ пристройками, крылечками и голубятней. Но не село, не садъ и не теремъ заняли царя. Остановившись на всемъ скаку и ухватясь рукою за гриву коня, онъ повелъ глаза вслѣдъ за цаплей и остолбенѣлъ. Прямо противъ обрыва, надъ которымъ онъ сталъ, между безлистныхъ еще деревьевъ сада, возносились рѣзныи, расцвѣченныя качели. А на качеляхъ, лицомъ къ рѣкѣ, сидѣла и качалась, въ

зеленой душегрѣйкѣ, въ красномъ монистѣ, въ желтыхъ башмачкахъ и въ золотомъ съ травами сарафанѣ, боярышня, очевидно, дочка хозяина. Сѣнные дѣвушки толпою, съ пѣснями и смѣхомъ, раскачивали качели. Долго не могъ опомниться царь. Дѣвушки увидѣли его, взлетѣвшаго на пригорокъ съ конемъ; передъ ними обрисовались его растегнутый на скаку ошапенъ, высокая соболя шалка, цвѣтная перевязь на груди. Онѣ вскрикнули, побѣжали отъ качелей къ дому...

Хомяковъ, прихрамывая, привязалъ къ дереву коня и въ безпокойствѣ побѣжалъ къ обрыву, надъ которымъ, вырвавшись изъ-за деревъ, стоялъ и слѣдилъ за уходившими дѣвушками царь. Глаза Алексѣя Михайловича, казалось, все еще видѣли передъ собою высоко взлетавшія качели, красные башмачки, бѣлое лицо, черныя брови и прыгавшее на груди монисто боярышни. Царь уже не думалъ о соколѣ. Онъ самъ въ этотъ мигъ походилъ на сокола, вперяющаго взоръ въ красную и славную добычу.

— Чтò, Семенычъ?—сказалъ въ волненіи царь, завидѣвъ Хомякова:—а вѣдь соколъ-то нашъ съ цаплею, кажись, свалился вотъ въ этотъ садъ.

Хомяковъ, потирая ушибленную ногу, не показавъ виду, что замѣтилъ волненіе царя, и отвѣтилъ: «какъ знаешь, государь; тебѣ виднѣе. Ты сюда прежде подосѣль!»—И оба охотника, пока остальные всадники доскакали до лѣсу, спустились къ рѣкѣ, отыскивали мостокъ и стали подниматься, мимо сада, къ боярскимъ воротамъ. Ворота были заперты. Хомяковъ затрубилъ. Конюхи выскочили изъ людской. Черезъ дворъ къ воротамъ, переваливаясь, сбѣжала грузная боярская домоправительница, въ бархатной кичкѣ и въ мѣховой душегрѣйкѣ.

Ворота растворили. Домоправительница, пугливо разглядывая посѣтителей, отвѣсила низкій поклонъ.

— Мы охотились тутъ,—сказалъ царь:—нашъ соколъ съ добычею уналъ, должно статься, въ вашъ огородъ или садъ. Не видали ли?

— Охъ, батюшки, охъ, кормильцы мои! Точно уналъ вашъ соколъ: видѣли, какъ и опустился, у самой той вонъ горенки. Тамъ и щиплетъ дичину! А вы кто такіе?

Царь молча переглянулся съ Хомяковымъ и отвѣтилъ:

— Дворскіе, царскіе охотники. А вашъ бояринъ дома?

— Нѣту-ти бояринъ! Въ свою Касимовскую вотчину отлучился съ боярынею.

— Чье же это село и чьи хоромы?—спросилъ царь, радуясь, что его не узнали.

— Рафа Родіоновича Всеволожскаго.

— Ну, коли вамъ запрета нѣтъ,—сказалъ царь:—мы заѣдемъ, на отсутствіи боярина вашего, отдохнуть и коней напоить. Мы московскіе, далече отъ своихъ отбылися, а до вечера еще путь великъ.

— Милости просимъ, кормильцы! Чай, бояринъ-то васъ, али вы его знаете?—сказала старая домоправительница и, суетливо переваливаясь, пошла къ терему. Теремъ былъ красиво выстроенъ. Бояринъ Всеволожскій не былъ близокъ ко двору. Онъ еще съ конца предыдущаго царствованія удалился изъ Москвы, безвыѣздно проводилъ время въ своихъ деревняхъ и только изрѣдка служилъ пищею для толковъ о своихъ затѣяхъ: всѣмъ была извѣстна его страсть къ садамъ и цѣтководству.

У крыльца всадники слѣпились. Боярскіе конюхи повели ихъ лошадей къ конюшнѣ.

— Вотъ вашъ соколъ, вотъ! — говорила домоправительница, вводя гостей въ особую загородку сада. Хомяковъ принялъ цаплю, царь взялъ сокола. Дворня толпилась у калитки, желая поглядѣть и на нарядныхъ охотниковъ и на птицъ.

— Ну, спасибо же вамъ,—сказалъ царь, осмотрѣвъ сокола и отдавая его Хомякову:—только нѣтъ ли у васъ водички испить? устали съ погони за птицей.

— Квасъ, кормилецъ, есть, хорошій, яблочный, съ нибиремъ и грушевый. Прикажешь подать?—Царь попросилъ.— Ну, Прои! — обратилась старуха къ одному изъ слугъ:— вотъ ключи: бѣги самъ да нацѣди стону. А мы тѣмъ временемъ садъ покажемъ. Хотите ли, гости милостивые?

Царю понравилось это приглашеніе.

— Покажи, матушка, покажи. Мы дворскіе и очень хотѣли бы поглядѣть на ваше сельское домостроительство. Вѣдь, чай, изъ семьи-то боярской... никого тутъ не осталось?

— Боярышня, родимый, осталась, боярышня,—отвѣтила, какъ-то съ разстановкой, старуха и медленно пошла по главной дорожкѣ сада.

Царь молча пошелъ за нею. Сердце его сильно билось.

Сперва вошли въ дикій садъ. Дорожки стали перекрещиваться и ввели въ хитро-извернутое между кустовъ «*путище*», родъ лабиринта. За путищемъ начался разсадникъ грушъ, вишень, сливъ и яблонь, а дальше вереница ягодныхъ кустовъ. Среди послѣднихъ возвышался подъ «*шатрикомъ*», или бесѣдкою, на четырехъ столбахъ колодець съ колесомъ и бадьей на веревкѣ.

— А это виноградный садъ нашей боярыни,—замѣтила домоправительница, провожая гостей вправо. — Щеки царя вспыхнули.

Открылся прудъ, обпесенный кустами жимолости и березками. На одномъ его концѣ возносилась деревянная острокопечная «*смотрѣльня*», родъ башенки, съ воздушнымъ крыльцомъ. Противъ смотрѣльни, на другомъ берегу пруда, были три размалеванныхъ маленькихъ «*чердачка*», родъ навильоновъ, со стеклячатыми стѣнами. Вокругъ чердачковъ хитро извивались «*пути*», дорожки. По бокамъ чердачковъ цѣплялись ползучія вѣтви дикаго винограда.

Царь подошелъ къ пруду, на которомъ была устроена рыба сажалка. Въ сторонѣ отъ пруда, между деревъ, открывались «*перспективы*». Это были натянутыя на большія деревянныя рамы картины, писанныя красками. На одной изображались гора и рѣка, надъ горою замокъ и висячій мостъ, на мосту поѣздъ всадниковъ, въ шлемахъ и съ распущенными знаменами. На другой «*перспективѣ*» видѣлись море, корабли съ парусами, птицы, а надъ моремъ огненное солнце. На третьей—какой-то чародѣй, а кругомъ его чуда, грифы, кентавры и змѣи. На четвертой — городъ, точно Москва: съ церквами, теремами и башнями.

Царь остановился и со вниманіемъ сталъ разсматривать «*перспективы*».

— Кто это все такъ хорошо и мудро тутъ расписалъ?—спросилъ онъ.

— А вотъ кто—нашъ садовникъ,—отвѣтила домоправительница.

Царь оглинулся. Вправо, сначала незамѣченный за шпалерою кустовъ, показался, въ зеленой курткѣ и въ красной визаной шапочкѣ, съ лейкой и ножницами, старичокъ-иностронецъ. Онъ снялъ шапочку, поклонился и продолжалъ поливать цвѣты.

— Откуда онъ?—спросилъ царь.

— Бояринъ нашъ его выписалъ изъ-за моря, какъ садъ строить. Никакъ иѣмецъ, али фряжанинъ. Вонъ и помощникъ его — толмаченокъ. Тоже у насъ состоитъ.

Царь ласково подозвалъ садовника и мальчика, его ученика. Между заморскимъ садовникомъ и царемъ начался такой разговоръ:

— Ты кто?

— Гарлемскій садовникъ и аптекарскій ученикъ Индерикъ Бартбустъ, — отвѣчалъ, переводя его слова, мальчикъ толмаченокъ.

— Давно ли ты тутъ?

— Девятый годъ.

— Много ли бояринъ тебѣ дастъ въ годъ оклада?

— За строеніе и урядъ сада пятьдесятъ рублевъ, да толмачу шесть, да одежда и кормъ.

— А ты еще что знаешь?

— Я, сударь, столяръ и огородный стройщикъ; перспективы я тоже ставилъ.

— А кромѣ Нѣмецчины былъ ты еще гдѣ-нибудь?

— Былъ у флоренскаго князя, въ италійской землѣ, и много тамъ дивъ видѣлъ: а такимъ дивамъ, сударь, въ Московіи и не бывать!

— Отчего же?

— Больно здѣсь лѣто коротко и зимы студены: надо зимою кусты и деревья, какія понѣжише, обвертывать въ войлоки, а не то мерзнутъ.

— А какія же ты дива видѣлъ у флоренскаго князя? — спросилъ царь.

— Дива хорошія-то, пожалуй, есть и у насъ на родинѣ, въ Гарлемѣ. Только мѣсто у насъ ужъ больно плоское, а тамъ теплѣе и горы. Какъ тебѣ сказать? Видѣлъ я тамъ въ грунтѣ кедръ и кинарисъ, и лимоны, — плоды по дважды въ годъ зрѣютъ. Видѣлъ на княжемъ дворѣ — вода взведена сажени съ четыре — фонтанъ прозывается, — въ саду вверхъ бьетъ тоже высоко. А о Крещеніи жары тамъ великія! Яблоки и слива въ тѣхъ краяхъ величествомъ по шапкѣ. А красоты въ садахъ не описать, нѣтъ-де тамъ ни зимы, ни снѣгу ни на одинъ мѣсяць. Да еще игръ, органовъ, кимваловъ и музыки много. Такіе люди-кумиры изъ мрамора подѣланы въ садахъ, и иные сами играютъ, а никто ими не движетъ. А много и не описать. Кто не видѣлъ, тому и въ умъ не придетъ!

Царь слушалъ со вниманіемъ.

— Лѣто здѣсь больно коротко и зимы студены,—продолжалъ Бартбусъ.— Ничто здѣсь хорошее не дозрѣваетъ: ни виноградъ, ни орѣхъ волоскій, ни яблонь, ни аркатъ, ничего въ прокъ не идетъ. Кабы еще не здѣлняя боярышня,—ужь такая-то любительница сада и цвѣтовъ!—не дожилъ бы тутъ и уговоренныхъ годовъ. Такъ бы и ушелъ, не во гнѣвъ будь сказано боярской милости.

У царя чуть не сорвался при этомъ съ языка еще вопросъ, а именно о боярышнѣ. Онъ молча, со вздохомъ, окинулъ взоромъ пріютъ ея дѣвическихъ игръ и прогулокъ, дорожки, чердачки, смотрѣльню, и тамъ, и здѣсь размалеванныя перспективы.

— Благодарствуемъ тебѣ, Индерику Бартбусъ, и тебѣ, хозяйка! Мы люди близкіе къ царю, и скажемъ ему, какія дива тутъ видали. А боярину кланяйтесь! Дворскіе, молъ, кланяются.

Съ этими словами царь пошелъ обратно изъ саду.

— Какъ же, бояринъ, хоть въ боярскіе покои зайдѣ посидѣть,—сказала старуха:—да вотъ и кваску испей, ишь ты, въ погребу-то позамѣшались.

Царь подумалъ: «что же заходить? Вѣдь ее и мелькомъ и невзначай тамъ не увидишь. Забилась она, по обычаю, куда-нибудь въ верхнюю горенку и не сойдетъ оттуда».

— Итъ,—отвѣтилъ онъ:—намъ пора ѣхать. Не осудите, что не заходили. Въ иное время заѣдемъ. А квасу дайте испить.

Отъ погреба показался съ ковшомъ слуга. Царь отпилъ, далъ напиться Хомякову, сѣлъ на коня, взялъ сокола и поѣхалъ.

— А коли бояринъ станетъ пытать, кто былъ, какъ отвѣчать?—спросила еще разъ вслѣдъ ему домоправительница.

— Скажи, матушка, что дворскіе, царевы были. А коли будетъ время, можетъ статься, и не впоследствии заѣхали...

Старуха, облокотясь о перилы крыльца, долго слѣдила всадниковъ, не сходя по лѣстницѣ. Наконецъ, медленно и охая, взобралась она по ступенькамъ на вышку, въ боярышнину горницу, выслала всѣхъ дѣвушекъ, заперла дверь на ключъ, и, разставивъ руки, сказала боярышнѣ, чуть не задыхаясь отъ волненія:— «ну, свѣтикъ ты мой! А вѣдь я его спознала, видѣвши на выходѣ о Казанской: вѣдь это

царь!»—Боярышня вскрикнула и кинулась глядѣть къ окну.

Царь, между тѣмъ, спустился околицей къ мосту, переѣхалъ рѣку и на полянѣ подъ обрывомъ увидѣлъ остальныхъ охотниковъ. Они стояли кучкой, толкуя и недоумѣвая, куда могъ скрыться царь. Хомяковъ разсказалъ имъ, какъ соколъ окончательно взялъ цаплю и какъ его нашли въ саду. Всѣ поѣхали обратно къ Измайлову.

Царь былъ замѣтно не въ духъ.

Начинало уже вечерѣть, когда поѣздъ подѣхалъ къ первымъ березамъ заповѣдной измайловской рощи.

Никто не зналъ остальныхъ подробностей охоты. Догадывался одинъ Хомяковъ. Бояринъ Всеволожскій, воротясь изъ Касимовской вотчины, добился тоже только одного, а именно, что прѣзжали-де какіе-то дворскіе съ охоты, соколъ ихъ упалъ черезъ рѣку въ садъ возлѣ огорода; ходили-де они по саду, дивовались на прудъ, на чердачки и на перспективы дивовались, а заходить въ хоромы не заходили.

Лѣто прошло и Измайлово опустѣло. Царь переѣхалъ въ Москву.

Началась обычная жизнь въ Кремлевскихъ теремахъ: выходы на службу, въ соборы, пріемы пословъ, слушаніе и рѣшеніе дѣлъ.

Какъ вдругъ, незадолго до новаго года, въ трескучіе, безконечные холода, когда небо заволоклось тучами, а метели, кружась и сыпая вѣрохи снѣгу, застилали предъ окнами окрестные дома и храмы, Морозовъ получилъ такой приказъ отъ царя: собрать со всего царства на смотрины дѣвицъ. Царь задумалъ выбрать себѣ жену «красотою и честью великую, тихую и разумную, въ свое царство счастье и въ наслѣдіе своего государскаго рода». Гонцы полетѣли во всѣ стороны. Засуетились и взволновались отдаленныя и близкія семьи. Бояре и окольнічы, думные люди и стольники, стряпчие и приказные, стрѣльцкіе старшины и неслужилые дворяне стали готовить своихъ дочерей на показъ и на выборъ царю. Патріархъ съ причтомъ служили молебны. Къ февралю стѣхались въ Москву двѣсти почетнѣйшихъ семействъ.

Назначенъ день смотра и выбора. Послѣ множества смуть и всякаго рода происковъ со стороны родни, дѣвицы свезли въ Кремль и посадили за царскій обѣдъ. Во время стола,

въ числѣ немногихъ изъ приближенныхъ бояръ, царь, не узнанный и въ маломъ нарядѣ, вошелъ въ обѣденную палату и осмотрѣлъ дѣвицъ. Изъ двухсотъ указаны сперва шесть. Наконецъ, и послѣдній жребій брошенъ. Царскій выборъ, изъ шести, палъ на Ефимью, дочь дворянина Рафа Родіоновича Всеволожскаго. Роковая вѣсть потрясла весь блестящій сонмъ невѣстъ, всѣ малые и великіе чины двора, Москву и окрестности, и тайкомъ передаваясь изъ устъ въ уста, пошла по всему Русскому царству. А выбранная невѣста обезнамятѣла отъ испуга и отъ неслыханной радости и счастья.

Царя поздравили. Всеволожскіе съ почетомъ пріѣхали въ Москву. Начали готовиться къ царской свадьбѣ. Хомяковъ сталъ явно близокъ къ царю. Царь его и ласкаетъ, и хвалитъ, и жалуется. Что ни день, подсокольничій либо съ вѣстью, либо съ привѣтомъ, либо съ государскимъ подаркомъ у царевой невѣсты. На языкѣ у всѣхъ Хомяковъ и Всеволожскій. Значеніе Морозова стало меркнуть, какъ ни хлопоталъ онъ, устранивая и уряжая все къ царскому браку. Запечалился Борисъ Ивановичъ и взялся за умъ крѣпкою опытною думою.

Наступилъ день свадьбы.

И вдругъ, какъ громомъ, всѣхъ поразила другая неожиданная вѣсть. Во время уборки волосъ къ вѣнцу, невѣста упала въ обморокъ. Ее обвинили въ скрытой падучей болѣзни. Иные, правда, тутъ же сказали, что она упала отъ страха и волненія; другіе, что, по неностижимой причинѣ, по недоумѣнію ли, или по какому злобному расчету, одна изъ приставленныхъ къ ней для одѣванія женщинъ сильно стянула ей косу: кровь бросилась въ голову, и боярышня упала безъ чувствъ. Языки тотчасъ затрубили тревогу и осилили сердце царя: рѣшили, что выбранная невѣста испорчена. Свадьба отмѣнена, а Всеволожскаго съ семьей, за чары, косный разводъ и за умыселъ противъ царя, сослали сперва въ Касимовскую вотчину, а потомъ въ Тюмень на воеводство. Тамъ онъ вскорѣ отъ горя и умеръ.

А черезъ годъ царь женился на дочери медынскаго стольника, Ильп Даниловича Милославскаго, на Марьѣ Ильиничнѣ. Морозовъ, черезъ десять дней послѣ царской свадьбы, обвѣнчался на сестрѣ новой царицы, на Аннѣ Ильиничнѣ.

Москва пировала на царской свадьбѣ, и толкамъ о государевыхъ пиршествахъ не было конца.

На виду и на почетѣ у всѣхъ стали недосыгаемо вознесенные: царскій тесть, Илья Даниловичъ Милославскій, и царскій своякъ, Борисъ Ивановичъ Морозовъ.

Свадьба была зимой.

Только не въ прокъ пошла близость къ царю его бывшего дядьки. Весною Москва взволновалась. Граждане, покорствуя великому царю и безъ шапокъ стоя у Кремля, требовали выдачи головою измѣнника, грабителя и корыстолюбца, боярина Бориса Ивановича Морозова. Онъ былъ удаленъ.

Прошли года. Многое позабыто. Но часто вспоминала боярышня Всеволожская свое подмосковное село, садовые качели, рѣку и всадника, взлетѣвшаго на обрывистый берегъ. До конца жизни она осталась безбрачною. Царь впоследствии узналъ о ея невинности, много сѣтовалъ о ея судьбѣ и богато одарилъ ее и ея семейство.

(1856 г.).

II.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ТЕРЕМЪ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ.

Прошло тридцать лѣтъ. Новыя времена были не за горами. Носились странные слухи.

Молва передавала вѣсти о потѣшныхъ теремахъ въ Кремлѣ и въ селѣ Коломенскомъ. Иноземцы отписывали на родину о присылкѣ къ московскому двору новыхъ заморскихъ игрушекъ «клавикортовъ», «охтавокъ» и «часовъ съ курантами», и выхваляли щедрость и общедоступность царя. Гонцы боярина Матвѣева чаще сповали отъ государскихъ теремовъ къ посольскому приказу и обратно. Бояринъ, въ тишинѣ своихъ палатъ, изыскивалъ способы къ отпечатанію разумныхъ книжекъ: «Космографіи», «Риторики», «Фундаментовъ» или «Максимовъ фортификаціи». А въ теремномъ саду, гдѣ надъ деревьями, отъ птицъ, были раскинуты мѣдныя сѣтки и въ шелковыхъ клеткахъ висѣли любимыя царскія птицы, перепѣлки, его же хлопотами были устроены размалеванныя деревянныя горы. Съ нихъ, по праздникамъ, на повозочкахъ катались царевны, сокровенныя еще отъ постороннихъ взоровъ. Въ другомъ углу сада устраивались веселая потѣшная площадка и прудъ для младшаго изъ царевичей, четырехлѣтняго младенца Петра, также стараніями боярина Матвѣева, и старшаго брата царевича, разслабленнаго Феодора. На площадкѣ устанавливались деревянные пушки, на рѣзныхъ лафетахъ, а на прудъ спускались маленькій катеръ и шлюбъ.

Что ни вечеръ, съ недавней поры, въ низенькой комнатѣ посольскаго приказа усаживался на залавокъ толстый дьякъ

и съ посольскимъ толмачомъ считывалъ какія-то бумаги. Передъ дьякомъ, на столнѣ, лежали разбросанные свертки и листы вѣдомостей, гамбургскихъ, гарлемскихъ, венецейскихъ, кёнигсбергскихъ и амстердамскихъ, получавшихся въ Москвѣ съ той поры, какъ голландецъ Фанъ-Сведенъ устроилъ сюда, отъ нѣмецкой границы, постоянную почту, чрезъ Новгородъ и Цесковъ. Полюхивая изъ-подъ полы запретное зелье, табачекъ, дьякъ занимался любопытнымъ дѣломъ: онъ повѣрялъ переводимыя ежедневно, на сонъ грядущій царю, зѣло предивныя выписки изъ курантовъ о заморскихъ дѣлахъ и слухахъ. Въ комнатѣ слышалось: «о Кесарской же землѣ изъ Амстердама каки пишутъ, что Кесарская земля тебѣ, Государь, и всему твоему царству самое невѣрное сосѣдство, и дружба вельми коварственная. А и гдѣ же то вѣрность, коли отъ франкского короля тайно и индѣ чужія войска затыгаетъ и свои даетъ, и съ туркомъ водится, и бусурману, и султану кланяется, и всей Московіи ископи невѣрность и гибель сулитъ. И, аки рыба левіаѳанъ глаголемая, своихъ ближнихъ поѣдаетъ»...

Куранты занимали царя. Но, будучи вещью хорошею, почта въ то же время пускалась и на лихія продѣлки. Нѣмецъ Мерселисъ, содержатель ея и преемникъ Фанъ-Сведена, былъ торжественно уличенъ въ томъ, что прежде лицъ, къ кому писались письма, распечатывалъ ихъ и тайкомъ вычитывалъ изъ нихъ разныя новости. Вышло множество ссоръ и пересудовъ.

Но ничто такъ не волновало умовъ, какъ недавно возникшія забавы царя въ потѣшныхъ теремахъ. Иныя, побывавшіе въ чужихъ краяхъ, или въ сосѣдней Польшѣ, говорили, что это просто театръ, гдѣ играетъ музыка и комедіанты пляшутъ. Другіе, посмѣляе, или изъ партіи недвольныхъ, утверждали, что царь, съ приближенными и съ бояриномъ Матвѣевымъ, переодѣвается тамъ въ заморскія платы, читаетъ нѣмецкія книжки и готовится поворотить Россію въ бусурманы.

Вездѣ, и за прилавками въ гостиномъ ряду, гдѣ, развѣсивъ бухарскіе ковры и мѣха и шелкая орѣхи, толковали и перебрасывались шутками молодые сидѣльцы, и въ боярскихъ палатахъ, вездѣ шли рѣчи о новыхъ царскихъ забавахъ. Въ хоромахъ боярина Мосальскаго, зазванный отъ ранней обѣдинъ набожною боярыней, сидѣлъ, въ обгертой

скуфейкѣ и босикомъ, разстрига-дьяконъ и, поводя косыми глазами, поминутно вздыхалъ и крестился. «Что тебѣ, Касьянычъ?»—допрашивала заботливая боярыня, доставая гостю изъ стекольчатого поставца графинчикъ и серебряную чарку. «Миръ, матушка, къ концу клонится, миръ!»—отвѣчалъ онъ. А въ углу той же горенки молодой князь Пехтеревъ, изъ хозяйскихъ илемяшниковъ, уже обвѣянный новымъ духомъ, рвавшимся сюда сквозь запоры и стѣны, сидѣлъ у рѣшетчатого окна и полушопотомъ, наскоро, пересказывалъ двоюроднымъ сестрамъ, какъ онъ былъ въ Коломенскомъ и какъ увидѣлъ въ шелку двери, что такое потѣшные терема и что тамъ дѣлается. — «Мишенька, голубчикъ! Что же тамъ такое, говори?»—допытывались двоюродныя сестры. «Дѣйства, миленькія, дѣйства!»—«Какія дѣйства?»—«А вотъ какія!»—И онъ рассказывалъ, подъ набожную бесѣду тетюшки съ Касьянычемъ: — «намедни играли о томъ, какъ Алаферну голову отсѣкли; а тамъ другое: какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, по царицыну челобитью и по Мардохеину наученю! И такъ-то все это мудрено, сестрицы, такъ мудрено! Это выходитъ, сперва всѣ чинно усядутся, вотъ хоть бы какъ и мы; царь съ царевичами по одну сторону, а царевны съ няньками по другую. Дворскіе и гости сядутъ чинно сзади, поодаль. Тутъ виситъ такая занавѣсочка шелковая и свѣчки разныхъ цвѣтовъ горять. Проиграютъ на гуслихъ да на трубахъ. А бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ выйдетъ, ударить въ ладоши, занавѣсь и отдернется. Тутъ явится палата, и часовые стоятъ, и цвѣты, и звѣрь кентавръ, и городъ заморскій, а потомъ и выйдетъ человѣкъ. А на немъ всего наверхено, наверхено! Разведетъ руками и станетъ говорить скоро, али виршу. А тамъ выдерпетъ мечъ, другой человѣкъ тоже выскочитъ. Вотъ, ходятъ они, ходятъ, говорятъ виршу. Занавѣсь и задернется. Тутъ опять въ гусли да въ трубы заиграютъ. Дѣйство и кончено. Тогда уже бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ только подойдетъ къ царю, въ поясъ поклонится. А царь такъ милостиво говоритъ съ нимъ, али съ царевичами шутить, забавляется. А то еще было такое, говорятъ, дѣло, что какъ отдернули разъ занавѣсь, а тамъ стоятъ человѣкъ десять, одинъ на другомъ. Выходитъ, пирамидъ дѣлали. Балансеръ тоже, скоморохъ, изъ Марселіи града, съ имперскими полами прѣвзжалъ. Натянулъ это канатъ передъ царемъ, да

и ходить по немъ, вотъ какъ по мосточку, да все качается, да царю красными платочками машеть, и такой-то нарядно одѣтый. Эхъ, вѣдь какъ мило-то! Не вышелъ бы оттолѣ! А наши бояре еще ершятся, кобенятся!»—«А что?»—«Да то, сестрицы, что царю они непокорны! Нынче уже не охотою токмо, а вѣсьмъ и нарочито велятъ быть при дѣйствахъ: кто нейдетъ, за тѣмъ посылають, силою берутъ и велятъ идти! Самъ намедни видѣлъ, какъ Горюпкина Илью, да Лыкова Александру танцали по Басманной, такъ-таки царскіе вершники, какъ застали ихъ въ дидевыхъ хоромлахъ, и тянули къ дѣйствамъ. Инда со смѣху помирали вѣ!»

На святки царскія забавы увеличались. Къ нимъ, заботами главы посольскаго приказа, допускались и заморскіе послы. Царь не разумѣлъ чужеземныхъ языковъ, послы тоже не понимали по-русски. Но посредствомъ переводчиковъ дѣло улаживалось, и заморскіе гости возвращались домой, не хвалясь царскими ласками и царскими угощеніями.

Однажды, незадолго передъ вечеромъ, постельничій Парамоновъ вошелъ въ покои посольскаго приказа и объявилъ, что царь на завтра приглашаетъ голландскаго чрезвычайнаго посла Фанъ-Кленка, имперскихъ пословъ, Франциска де-Баттони и Карла Тирлингера-де-Гусмана, на свои царскія забавы и на вечернее кушанье. Заморскихъ гостей повѣстили и въ раззолоченныхъ колымагахъ привезли въ Коломенское къ царскому терему. Они шли, предводимые переводчикомъ, рядомъ невысокихъ жилыхъ царскихъ покоевъ, гдѣ носился легкій запахъ ладана отъ близости теремныхъ молельнь, въ которыхъ еще недавно было на молитвѣ царское семейство. Передъ дверью на половину царевичей и царевенъ послы увидѣли на часахъ стрѣльцовъ. Стоя на маленькомъ коврикѣ, стрѣльцы перешептывались между собою. Ихъ разноцвѣтные кафтаны, золоченныя винтовки и обтянутыя по древкамъ краснымъ бархатомъ алебарды ярко отсвѣчивались въ отблескѣ вечерней зари, проливавшей радужные огни сквозь разностекольные, рѣшетчатые окна терема. Послы вошли въ обширную комнату, съ изразцовою зеленою печью и съ желтыми, въ золотыхъ травахъ кожными обоями. Тутъ послы увидѣли самого царя...

Царь Алексѣй Михайловичъ, окруженный боярами, сидѣлъ за небольшимъ столикомъ. Онъ доигрывалъ съ княземъ Ромодановскимъ игру въ шахматы и, оспаривая у против-

ника побѣду, едва замѣтили вошедшихъ иностранцевъ. Почти пятидесятилѣтній царь Алексѣй былъ дородень, съ просѣдью, но свѣжъ. Нарядъ его ослѣплялъ обиліемъ золота и драгоценныхъ камней. Смѣлые каріе глаза, смотрѣвшіе нѣсколько исподлобья, и важное, горделивое лицо оправдывали народное прозванье: царь-соколъ. Онъ сидѣлъ на рѣзной высокой скамеечкѣ, облокотясь бѣлой полной рукой о шахматную доску. На головѣ его была золотая шапочка съ лисьимъ мѣхомъ, утыканная жемчугомъ и изумрудами. На немъ были шелковый зеленого цвѣта ошашень; на груди — наперсный, усыпанный алмазами, крестъ. А возлѣ, по бокамъ царя, неотлучно стояли два рында, съ нѣжными, отроческими лицами, въ бѣлыхъ серебристыхъ одеждахъ до земли. Одинъ держалъ царскій посохъ, изъ чернаго индійскаго дерева, а другой — царское полотенце.

Одна изъ дверей комнаты была занавѣшена легкимъ парчевымъ пологомъ. Онъ поминутно колыхался, точно нетерпѣливая и вмѣстѣ робкая рука его отдергивала. Пока царь донгрывалъ игру, пологъ отодвинулся. Изъ-за него вошли двѣ тучныя мамы, въ бархатныхъ кичкахъ и въ шелковыхъ душегрѣйкахъ. Съ одною объ руку вошла бѣлокурая дѣвочка, старшая царская дочка, царица Софія Алексѣевна, въ алой, подбитой горностаемъ шубкѣ и въ мѣховой шапочкѣ. Она усѣлась поодаль, съ неотлучною своей забавницей, съ маленькой, сморщенной служкой — карлицей, столѣтней царицой дуркой — шутихой. Вслѣдъ за нею явился и тотчасъ занялъ иностранцевъ черноглазый и чернокудрый мальчикъ, тотъ самый четырехлѣтній царевичъ Петръ Алексѣевичъ, для котораго стараніями старшаго брата устраивались стрѣльцовая площадка и потѣнный прудъ. Стоя возлѣ полной и статной мамы, онъ быстрыми глазками слѣдилъ за движеніями заѣзжаго рыжаго нѣмчина. Помѣстившись на скамеечкѣ у печи, нѣмчинъ заводилъ и устраивалъ заморскій органъ, только-что привезенный изъ чужихъ краевъ и подаренный бояриномъ Матвѣевымъ больному царевичу Феодору, вмѣстѣ съ голландскими клавикордами и венеційскими охтѣвками. Полная мама, восклицая: «ахъ ты, соколъ мой, ахъ ты, батюшка-непосѣда!», то и дѣло останавливала быстрые порывы царевича, который размахивалъ ручками и, потягиваясь къ нѣмчину, допрашивалъ у него едва внятыми дѣтскими рѣчами:

гдѣ дѣлають такіе органы, и далеко ли живутъ нѣмцы, хорошо ли у нихъ и ѣздятъ ли тамъ на корабляхъ и стрѣляютъ ли изъ пушекъ?..

Никто не зналъ навѣрное, чѣмъ угостить теперь царя на своей вечеринкѣ: придетъ ли балансёръ и станетъ съ помощниками «пирамидъ» дѣлать; будутъ ли только играть на органѣ, да обносить сладкими; дѣйства ли покажутъ? Ничего не знали.

Царь кончилъ игру. «Ну, бояринъ,—сказалъ онъ, вставая:— ты враговъ лучше бьешь, чѣмъ берешь коней да ферязей!» Царь выигралъ и былъ, очевидно, въ духѣ. Завидѣвъ пословъ, онъ тутъ же ласково кивнулъ имъ головою; поручилъ черезъ переводчика сказать имъ, что по случаю новаго года позвалъ ихъ къ себѣ на веселье; спросилъ, довольны ли они содержаніемъ и обхожденіемъ окружающихъ и, обратившись къ голландцу Фанъ-Кленку, сказалъ ему: «*Минъ-геръ*, поди сюда!» Минъ-геръ подошелъ и нѣсколькими словами съ царемъ возбудилъ зависть не очень-то довольныхъ недавнимъ объясненіемъ царя съ смѣлыми моряками и торговцами-голландцами. А между тѣмъ, нѣмчинъ, по данному знаку, завертѣлъ ручку органа, сначала невпопадъ, но потомъ оправился, и веселыя извѣстныя варьяціи тирольской плясовой мелодіи наполнили комнату...

Царь уже не въ первый разъ говорилъ съ голландскимъ посломъ. Онъ говорилъ съ нимъ о торговлѣ и о чужихъ странахъ, о наукѣ и о морскомъ дѣлѣ; разспрашивалъ его о дворѣ франкскаго короля, у котораго Фанъ-Кленкъ былъ незадолго передъ тѣмъ; перенелъ потомъ къ своей особѣ, говорилъ, что намѣренъ улучшить у себя воинское и судное дѣло; жаловался на то, что пропалъ его любимый соколъ, и что онъ самъ ужъ какъ-то старѣетъ и охладѣваетъ къ этой охотѣ; спрашивать у Фанъ-Кленка, какъ бы ему завести настоящей театръ, съ комедіянтами, такой, какъ, по слухамъ, заведенъ у польскаго короля.

Въ это время вошелъ бояринъ Матвѣевъ и что-то сказалъ царю, склонившись передъ нимъ. Царь отвѣтилъ ему легкимъ мановеніемъ головы и, вслѣдъ затѣмъ, обратившись къ Фанъ-Кленку, сказалъ: «передай своимъ товарищамъ, что сегодня придется услышать вамъ у меня захожаго изъ вятскихъ лѣсовъ русскаго сказочника. Вамъ это, чай, въ диковинку?» И дѣйствительно, царь Алексѣй Михайловичъ

хоть и любилъ заморскія игры и забавы, но, по его собственнымъ словамъ, не было для него ничего слаще, какъ слушать, въ часы отдыха, разнообразныя и поучительныя повѣствованія странниковъ. «Въ ихъ рѣчахъ о старинѣ,— говорилъ онъ:—складные уроки для новаго времени; а въ разсказахъ о новомъ времени познаешь то, чего не увидѣть своими глазами!» Еще не далѣе, какъ мѣсяць назадъ *передъ тѣмъ*, царь оплакалъ и, какъ друга проводилъ до могилы лучшаго изъ своихъ дворскихъ повѣствователей, Венедихта Тимофѣева. Послѣдній по-истинѣ былъ скрижалю лѣтъ давно минувшихъ и услаждалъ царскіе досуги разсказами о кievскихъ и новгородскихъ князьяхъ и о татаринѣ.

Бояринъ Матвѣевъ снова вошелъ въ комнату и, въ полъ поклонившись царю, сказалъ: «по твоей по волѣ, государь, привели ко двору твоему вѣрнаго раба и слугу твоего, прохожаго бѣхара-сказочника. А зовутъ его Устиномъ, а скazujeтъ онъ сказки и пѣсни изъ дѣтства, и идетъ изъ далека. Былъ въ Кіевѣ, на Волгѣ и за Ураломъ. Прикажешь его звать?» Царь сказалъ: «зови!» Вошли два покоевыхъ стражника и стали у двери. За ними на ^{порогѣ} показался сказочникъ, мало чѣмъ выше средняго роста, лѣтъ подь шестьдесятъ, невзрачный, въ старомъ потертомъ кафтаникѣ, съ рѣдкою бородою клиномъ и стриженный въ скобку. Онъ низко поклонился и сперва было оробѣлъ и смѣшался. «Здравствуй!» сказалъ звучнымъ голосомъ царь. Сказочникъ устремилъ несмѣлый взоръ на царя. «Не робѣй!» продолжалъ царь: «ты гость нашъ и нашихъ гостей. Откуда ты идешь и гдѣ жилъ?» Устинъ, Иволга по прованію, оправился, глянулъ на бояръ и на прочихъ гостей, стоявшихъ вокругъ царя, ступилъ отъ двери и отвѣтилъ: «иду я нонѣ, царь-батюшка, изъ далекой Украины, изъ даурской, зауральской стороны, мѣховой да золотой твоей земли. Въ Сибири руду копалъ. Много тамъ у насъ, по заводамъ да раздольямъ, гудочниковъ да пѣсенниковъ. Холодно жить, и людишки все переходятъ. Ну, да весело жить, и милостью твоею сыты и вскормлены!» «Ну, выней же чарку вина да повѣдай намъ, Устинъ, сказку или притчу какую, повесели насъ, да и семью нашу. Вотъ и господа послы заморскіе, хоть не поймутъ тебя, да послушаютъ».

Царь сѣлъ. За нимъ сѣли и всѣ присутствующіе. Сказочнику внесли его гусли, и онъ сѣлъ ихъ ладить. Дворскіе

слуги тѣмъ временемъ пошли между скамьями, съ кубками романен, мальвази и ренскаго. Царскимъ дѣтямъ, и кому хотѣлось, подавались леденцы, шептала, обсахаренныя дышныя корки и индійскія сласти, мускатъ и инбирь въ меду. Царь спросилъ: «а гдѣ же князь Θεодоръ?» Дверь растворилась, и старшій сынъ царя, разслабленный царевичъ Θεодоръ, появился въ носилкахъ изъ чернаго дерева. Взоры присутствующихъ съ жалостію обратились къ нему. Тутъ царскіе гусельники и скрипѣтки проиграли родъ взводной музыки. Бояринъ Матвѣевъ вышелъ передъ царя и произнесъ: *«посѣть по преподобному Нестору злыо предивна о князь Владиміръ и о томъ, какъ парень Янгъ побѣдилъ Печеньжину!..»*

Сказочнику поднесли романен. Онъ вышелъ, утерся и сталъ, изрѣдка понгрывая на гусяхъ, нарасиѣвъ сказывать:

* * *

То не въ небѣ разыграло двѣ радуги,
 Въ княжемъ теремѣ стало двѣ радости.
 А и первая радость великая—
 У него ли, у свѣтъ у Владиміра,
 У кіевскаго Краснаго Солнышка:
 Побивалъ свѣтелъ князь силу вражію,
 Покорялъ поморянъ-поберѣжниковъ;
 И вторая-то радость не малая—
 На воскресной зарѣ, на утренней,
 Только стали звонить, свѣтъ княгинюшка
 Даровала ему сына-первенца...
 Собирались во дворъ няньки-мамушки,
 Во злату во купель клали княжича;
 И кушали его, пригѣваячи,
 Во злату пелену целенаючи.
 Князь въ тайницы сходилъ заповѣдныя,
 Отпиралъ погреба съ медомъ, брагою.
 И скликали гонцы Русь со веѣхъ сторонъ
 Славить князя и княжаго первенца...

Надъ быстрымъ Днѣпромъ, по взгорію,
 Словно по полю кинуты цвѣтики,
 Все стоятъ терема княженѣцкіе,
 Со рѣсетками, бѣлыми крыльцами,

Съ пѣтушками на вышкахъ, съ перильцами:
Вдоль по горенкамъ стѣны тесовыя
Узорѣчьями все изувѣшены;
А въ углу, гдѣ кивоть златокованный,
Княженецкое знамя поставлено,
Парчевое, древко кипарисное;
На томъ знамени шелкомъ вытканы—
Чуденъ Спасъ, со своею Пречистою,
Гаврилъ и Михайло Архангелы,
Еще все ли тутъ силы небесныя.
Въ княжемъ теремѣ окна растворены;
Смотритъ въ нихъ со двора чернь служивая.
По десную жъ и лѣвую сторону
Вокругъ князя сидятъ други вѣрные,
Вся дружина его богатырская.
И на каждомъ шапка бѣбрияная,
По краямъ чернымъ соболемъ браная;
На ногахъ семицвѣтныя лапотки.
А кафтанъ распашной, онъ камки дорогой,
Не камка дорогая, узоръ хитерь:
Словно по небу звѣзды разметаны.
Изъ окошекъ летятъ во все стороны,
Будто гусли поютъ златострунныя,
Рѣчь и гулъ со стола княженецкаго...

Выходилъ свѣтель князь изъ-за трапезы,
И вставали за нимъ, Солнцемъ Краснымъ,
Сотрапезники, рать богатырская.
Они вышли, съ тесоваго глянули—
Шапки вверхъ надъ толпой заматалися.
Началось угощенье на мѣрь, народѣ.

Князь идетъ, таково смотритъ весело:
На лоткахъ стоять жарены лебеди,
Кабаны, пѣгухи, рыба всякая;
Виночерпнн черпаютъ чарочки,
Хлѣбодары подносятъ всемъ прянички,
Тутъ, когда пили все, потѣшались,
Приворотники игрища зачали...
Они зачали свайкою тѣшиться.
И самъ князь, ласковъ князь, выступаючи,

Парчевой кушачекъ оправляючи,
Свайку бралъ, щуриль глазъ и кидаль
Опъ гвоздемъ во кольцо золочёное...
Вдоль по выгону дѣти посадскія
Межь собой стали тѣшиться бабками.
Подходилъ свѣтель князь со дружиною,
Въ бѣлы руки бралъ битку свинчатую,
Въ костяной городокъ съ ходу цѣбился,
И съ поска разбиваль частокольчатый.
А и было веселье великое,
Въ славу князя и княжаго первенца.

* * *

А тѣмъ часомъ гроза подымалася,
Подъ горою труба откликалася...
Разступается людъ на двѣ стороны,
Подбѣгаетъ ко князю Владиміру
Въ рысей шапкѣ гонецъ, самъ запыхался,
Таково говорить, въ поясъ кланяясь:
— «Свѣтель князь, выводи свои полчища!
«Подступастъ къ твоему граду Кіеву
«Сила велія, рать печенѣжская.
«Самъ Каганъ съ ней идетъ, сталъ оконами,
«А тебѣ шлетъ привѣтъ, слово ханское:
«Я не даромъ-де шель и не попусту—
«Я пришелъ покорить князь-Владиміра;
«А и полно войсками намъ тѣшиться,
«Изберемъ отъ себя поединщиковъ.
«Покорить твой маво—я отправлюся
«И три года въ войнѣ жить закаюся;
«Если жъ мой побѣдитъ—не прогнѣвайся...
«Въ Кіевъ-градъ я къ тебѣ—ханъ—пожалую,
«Златоверхую сѣнь выжгу, вырублю,
«Богатырскую рать возьму въ конюхи,
«А тебя самого, со княгинею,
«Въ кандалы закую—уведу въ полонъ».
Усмѣхнулся тутъ, князь, слово вымолвилъ:
— «У меня ли, у князь-Владиміра,
«Не найтись на врага супротивника.
«Коль дружина моя богатырская,
«Не побита никѣмъ, вся кругомъ стоитъ:

«Щелканъ богатырь, сынъ Дудентьевичъ,
«Самсонъ богатырь, Кольвановичъ,
«Полканъ богатырь, сынъ Ивановичъ,
«Свѣтогоръ богатырь, и Полканъ другой,
«И Суханъ богатырь, съ богатырской семьей
«Да и онъ ли Добрыня Никитьевичъ?
«Ты бѣги, скороходъ, къ хану грозному,
«Отвѣчай ты нечу печенѣжину:
«А и день не зайдетъ, въ путь я выступлю—
«И отыщемъ ему поединщика.
«Не силачъ богатырь, пойдетъ всячина;
«Да и нѣтъ той души во поднѣбесной,
«Чтобъ сломила когда силу русскую!»
Скороходъ побѣжалъ по дорогѣ вспяты,
Только ныль по слѣдамъ закурилася...
А народъ загудѣлъ и задвигался,
Будто лѣсъ загудѣлъ въ бурю-нѣпогодъ.
И со всѣхъ-то сторонъ бойцы-соколы
На борьбу выходить выкликалися.

*

Не сизы орлы, не кречеты
Ко Днѣпру слетались, къ широкому—
Свѣтель князь выступалъ со дружиною;
И стѣной становились, какъ встрѣтились,
Печенѣжская рать противъ княжеской.
Возсѣдалъ тутъ Каганъ на сѣдалищѣ,
Ставилъ боги, изъ камени сѣчены,
Возжигалъ противъ нихъ жертвы цѣнныя.
Солнце-князь становился подъ яворомъ,
Вкругъ него его вои, прислѣшники,
А надъ нимъ поднимали съ молитвами
Княжепецкое знамя походное,
Парчевое, древко кипарисное...

Ой, не слонъ во чистомъ полѣ слѣнится,
Не сырой дубъ во полѣ качается,
То качается, слонится чудище,
Человѣкъ-Печенѣгъ, сила крѣпкая.
Онъ идетъ, не идетъ, озирается.
Охомъ сирь-человѣкъ подпирается.
А на цемъ-то броня трехпудовая,

Шапка рысія, очи крысія;
Черепъ голъ, какъ котель, самъ собака хитерь:
Что куда онъ пёсъ ни повёрнется,
Тутъ въ народѣ и вольныя улицы—
Плакуны ревунамъ громко плачутся,
Бѣгуны скакуновъ гонять взапуски.
Да какъ сталь-то силачь, пріосанился,
Онъ на весь народъ и расхвастался:
— «Выходи, говоритъ, Русь запечная,
«Не робѣй, а узнай, каковы-де мы!
«Ужъ и нѣтъ па землѣ нашихъ супротивъ:
«Кистенемъ мы метнемъ—караванъ въ плѣнъ возьмемъ;
«Выходите на битву, не бойтесе...
«Я не всѣхъ положу въ пищу воронамъ—
«Сохраню челоуѣка на сѣмеси!»

Да не долго орда потѣшалася.
Разстунается людъ на двѣ стороны.
Къ князю старецъ выходитъ засѣльщина,
Слово молвить ему деревенщина:
— «Сударь князь, не казни, слово выслушай!
«У меня на селѣ есть дѣтинушка,
«Парень Янъ, Усмошвѣць по прозванію.
«Его силъ, осударь, я не вѣдаю,
«Только съ дѣтства никто съ нимъ не игрываль,
«Шутки съ нимъ въ забавахъ не шучиваль,
«Было разъ, мяль онъ кожи на торжищѣ,
«На меня, старика, младъ разгнѣвался
«И порвалъ пополамъ кожи крѣпкія,
«Сыромятныя, вдвое полджены!
«Не обидь ты его, сударь-батюшка,
«Прикажи съ супостатомъ помѣряться!»
Говорилъ свѣтель князь:—«Старець, честный мужъ!
«Гдѣ же сына тваво намъ отыскивать?
«Врагъ не ждетъ, да и время намъ спѣшное»...
— «Во кружалѣ искать парня надобно...
«Со голыдьбою тамъ со кабацкою
«Младъ-дѣтина любить забавиться,
«Хороводы водить, въ волю бражничать,
«Свѣто-русскую душееньку тѣнити!»
Посылалъ князь гонцовъ во все стороны,

Ждалъ-пождалъ, оглядалъ свои полчища;
А тѣмъ часомъ къ ставкѣ княжеской
Привели парня Яна посыльные.
Свѣтлорусъ шель дѣтина, приземистый,
Бородачь, да плечистъ, лапти драные;
Набивные порты, въ бѣломъ тѣльникѣ.
И пытали его силу крѣпкую—
Выпускали быка разъярённаго,
И какъ быкъ побѣжалъ вдоль по выгопу,
Ухватилъ его Янъ, не шелохнувшись
И ногою на пядень не сдвинувшись:
Какъ заяць пятаерней грудь рогатаго,
Такъ и вырвалъ клокъ мяса, съ кожею.

Вышли въ поле тутъ княжьи глашатаи,
Вольный конь по уставу размѣряли.
Становились на конь поединчики;
Вѣстовая труба откликалася,
Борьба смертная начиналася...

Поглядѣлъ на бойца малорослаго,
Сталъ смѣяться силачь надъ дѣтиною:
— «Ужь и гдѣ же бывало то видано,
«Чтобъ такой мелкотой битву красили?
«А остался бы лучше ты съ бабами,
«Веретѣна бѣ строгаля, спалъ безъ просыпу!»...
Выходилъ парень Янъ на противника,
Словно вдругъ заробѣлъ, не умѣючи,
На врага-то и глянуть не смѣючи...

И схватились бойцы, крѣико обнялись,
Будто братья родимые, кровные...
Они такъ ужъ и такъ изловчались,
Какъ съ невѣстой женихъ цѣловались.

Тутъ и дрогнули рати дозорныя,
Громкій кличь пролетѣлъ надъ Дрѣпромъ-рѣкой...
Парень Янъ подхватилъ Печенѣжина,
Подхватилъ онъ его, поприжалъ къ груди;
Да потомъ, какъ отвелъ руки крѣпкія,
И съ размаха ударилъ имъ ѓ-землю—

Индо вольная степь перебликнулась...
Поломалъ ему сразу всѣ кости онѣ,
Всѣ суставы, всѣ ребра и голени...
Тутъ смерть ему приключилася.
Оробѣла орда, заметалася,
Во всѣ стороны вдругъ разбѣгалася.
А покаместъ бойцы свѣто-русскіе
Выходили въ погоню за ворогомъ,
Свѣтель князь созывалъ слугъ-приспѣшниковъ,
Нарекалъ тѣ мѣста Переяславомъ—
Переяль-де онѣ тамъ славу вражію...
И опять пили всѣ, прохлаждалися,
На честномъ пиру потѣшались.
Они славили князя съ княгинею,
Первороднаго княжата первенца,
Кіевъ-градъ, и весь свѣтъ, и веселіе...
На пиру тутъ сидѣли старѣйшины
И сложили такое вѣщаніе:
— «Не удачей возьметъ, не уловкою,
«Не мудреной какою споровкою—
«Своей силой возьметъ Русь-кормилица:
«Передъ ней же ничто не схорѣнится...
«Какъ поидеть, все на свѣтѣ сторѣнится!»

Разсказчикъ замолкъ. Одобрительный говоръ пошелъ между слушателями. Переводчики передавали иностранцамъ содержаніе сказки. «Ну, спасибо тебѣ, Устинь! И тебѣ спасибо, Артамонъ Сергѣевичъ!» сказалъ царь. Матвѣевъ далъ знакъ. Царскій кравчій поднесъ Устину на серебряномъ блюдѣ кубокъ ренскаго. И кубокъ, и блюдо царь пожаловалъ сказочнику. «Ну, Устинь,—продолжалъ царь:— не полно ли тебѣ шататься по свѣту? Оставайся-ка у насъ на Москвѣ. Ты замѣнишь намъ Венедикта Тимофѣева...» «Прости, государь,—возразилъ сказочникъ:— смилуйся и не прогнѣвайся! Канарейка-птица хорошо поестъ въ клѣткѣ, а супротивъ слова въ лѣсу ей не справиться! Тѣсно мнѣ будетъ въ твоёмъ теремѣ, да и платья-то золоченаго носить не сумѣю. Отпусти, царь-батюшка. Довольны мы твоею государскою милостью. И влукамъ, и правнукамъ о ней скажемъ». Царь не настаивалъ и отпустилъ его съ миромъ.

Когда иностранцы разошлись, два стрѣльца внесли и

поставили на столъ передъ царемъ невысокій желѣзный ящикъ, съ ликами святыхъ угодниковъ по сторонамъ и съ скважиною въ крышкѣ. Ящикъ былъ запертъ на замокъ, ключъ отъ котораго висѣлъ у царя за поясомъ. Его вносили, такимъ же порядкомъ, каждый вечеръ въ царскіе покои. Этотъ ящикъ прикрѣплялся къ столбу, у оконъ, для всѣхъ проходящихъ.—«А! челобитныя! Это по твоей части, Фроль Демьяновичъ!» сказалъ царь, обращаясь къ пивенькому сѣдому старичку, правившему судными дѣлами, и подавая Демьянычу для прочтенія челобитныя, опущенныя въ ящикъ съ утра того дня. Старикъ читалъ: — «Челобитная на Степанка, да на Ивапка, да на Алексѣйку Карнахова, да на Микитку Груздева; бьютъ тебѣ, великому царю и государю всея Русіи, сироты твои хресьяне, Ортемка, да Лука, да Костя Суздальскіе. А намъ, господине, жалоба на нихъ, что взяли они у насъ и оттягали прудъ и меленку; а гуси ихъ огороды наши, и сады, и грядки портятъ. Смилуйся, батюшка, и защити!» — «Отпиши, Демьянычъ, къ воеводѣ, чтобъ собралъ и выслушалъ челобитниковъ, и дѣло бы рѣшилъ, и намъ бы отписалъ». — «Челобитная Ѳедьки Чемеря, — продолжалъ старикъ: — на Аонасія Периннова! Доцѣшу, осударь отецъ, что онъ, лихой человекъ, Аеонька Перинновъ изъ пограничной крѣпости, изъ Тора на Донцѣ бѣжалъ, и съ Туркомъ не дрался, и въ бой не шелъ. А у меня, Ѳедьки Чемеря, укралъ шубу баранью, да нить алтынъ денегъ, да новую ширинку». — Царь улыбнулся. — «Запиши, Демьянычъ: сдѣлать обыскъ, и коли вернется Аеонька изъ побѣгу, за воровство бить батоги нещадно, и отдать Ѳедькѣ Чемерю взятое, шубу, деньги и ширинку». — Старикъ продолжалъ: «Челобитная тебѣ, великому царю и многомилостивцу, сирыхъ защитнику и правды поборнику, на ярославскаго воеводу, на грабителя и губителя. Заграбилъ онъ у насъ, сиротъ, и у немощныхъ, и убогихъ, всякое состояніе и гонить всѣхъ, и губить. А у Андрея Шестипалова дочь огнялъ и держитъ... Донесеніе смиреннаго раба и богомольца твоего, инока Евстигнея». — Долго царь не произносилъ рѣшенія. Наконецъ онъ сказалъ: «нарядить сейчасъ гонца за воеводою, везти его сюда неуклонно. Давно я считаю за пимъ грѣхи и добираюсь до него. Инока же Евстигнея подь стражу взять и держать до конца дѣла. Правъ будеть,

дать ему мѣсто архимандрита, али вотчину изъ воеводскихъ, а нѣтъ — такъ батоги! Смотри, Демьянычъ, не покривить душою! Гляди, чтобъ судьи судили по истинѣ, правили бы дѣло по правдѣ и отнюдь бы не стыдились лица сильныхъ!»—Старикъ читаль далѣе: «Батюшка, царь, берегись! Тебя извести хотять! Ондрейко Лодіевъ, да Сухоня Василій, да поновичъ Серѣжка, на торгу, на Москвѣ-рѣкѣ, она-медни ходили и хвалились извести тебя, и всякія зелья собирали, и злобныя словеса говорили, и тебя и твоихъ бояръ корили, и царское твое имя поносили!..» — Царь не дослушалъ. — «Брось, Демьянычъ, эту ябеду, да и самъ не читай, кто писаль! Мало ли что языки мелютъ! Одни корить и хулять, другіе хвалять. Коли смотришь на собаку, что ластъ, такъ еще подумаетъ, что и на льва похожа...» — Демьянычъ прочель еще двѣ незначительныя челобитныя. Въ одной погорѣлые зарайскіе крестьяне просили помощи, а въ другой жена жаловалась на мужа. Царь вслѣлъ про-извести слѣдствіе, пожаловать погорѣлыхъ крестьянъ, а обвиняемаго мужа, коли окажется виноватымъ, постращать хорошенько, чтобъ жилъ въ мирѣ и согласіи съ женою..

Царь снова заперъ челобитный ящикъ, отдалъ его Фролу Демьянычу и пошелъ въ опочивальню. Тамъ онъ зажегъ лампадку у образа Казанской Богородицы и долго молился. Царь заснулъ, когда занималась заря и въ донскомъ монастырѣ раздаеся благовѣсть къ заутренней.

(1856 г.)

ШАРИКЪ.

Жилъ въ Москвѣ бѣдный портной, еврей Айзикъ Шмуль. Трудолобивый и выносливый, онъ проводилъ съ семьей цѣлые дни впроголодь, копясь, отъ ранняго утра до поздней ночи, въ подвальной конурѣ, надъ разнымъ посылнымъ хламомъ, который бралъ отъ рыночниковъ и небогатыхъ людей въ починку, передѣлку и перелицовку.

Работалъ онъ безъ вывѣски. Исполняя заказы, ходилъ съ конца въ конецъ Москвы за деньгами, въ одномъ и томъ же, сильно поношенномъ сюртучникѣ безъ нѣсколькихъ пуговицъ, въ нестрыхъ, узкихъ брюкахъ и въ помятомъ цилиндрѣ, похожемъ болѣе на воронье гнѣздо, чѣмъ на шляпу. Отъ одежды Шмуля постоянно почему-то отдавало страннымъ запахомъ, напоминавшимъ запахъ жаренаго рябчика. «А, рябчикъ уже тутъ!» говорили себѣ заказчики, заслыша въ передней робкое переступаніе худыхъ ногъ портного, обутыхъ въ истоптанныя, съ искривленными каблуками, ботинки.

Большіе, черные, постоянно унылые и какъ бы заплаканные глаза Шмуля съ жаднымъ вниманіемъ устремлялись на руки входящаго заказчика, а длинный, мясистый носъ и толстыя, безусыя губы, при видѣ вынутыхъ денегъ, освѣщались блаженною улыбкой, и весь онъ, съ принесенною въ черномъ чехлѣ работой, отвѣшивая низкіе поклоны, какъ-то судорожно дергался сверху внизъ, точно у него силой отнимали эту работу, а онъ боролся, увертываясь и не выпуская ея изъ рукъ.

— Отчего, Шмуль, у тебя постоянно такіе унылые глаза?—спрашивали портного заказчики.

— У бѣднаго еврея печаль, — отвѣчать онь со вздохомъ: — чего ему радоваться и веселиться?

— Но почему же?

— Еврей иначе не можетъ смотрѣть на свѣтъ, за неправду, какъ съ печалью, презрѣніемъ и скорбью.

— А почему отъ тебя рябчикомъ пахнетъ?

Шмуль краснѣлъ, какъ ракъ.

— Баринъ шутить, — отвѣчать онь съ гордымъ недоумѣніемъ, оглядываясь на свою одежду: — бѣдный еврей, можетъ, давно не только рябчика въ глаза не видѣлъ, но и ничего не ѣлъ.

Въ окранныхъ Москвы свирѣяствовала повальная оспа. Заболѣли жена и двое дѣтей Шмуля. Жена умерла; дѣти-близнецы, сынъ Юська и дочь Ривка, выздоровѣли, но ихъ лица до того были разрисованы осной, что казались тѣрками, на которыхъ трутъ рѣдку и хрѣнь. Сильно горевалъ и убивался портной, схоронивъ жену. Жить стало еще тяжелѣе. Дѣтямъ шелъ пятый годъ. Надо было ходить за ними, обшивать ихъ, чесать ихъ вклокоченныя, курчавыя головы, варить имъ лапшу на молокъ, и въ то же время не разгибать спины надъ заказами. Работа валилась изъ его рукъ. Голодать еще болѣе Шмуль съ дѣтьми. Голодалъ и выкормленный покойною Суррой, вихрастый, съ кривыми лапами, песъ Шарикъ.

Эту собаку жена портного, однажды осенью, нашла подъ Москвой на огородѣ, куда ходила съ корзиной за покупкой дешевыхъ остатковъ капусты и картофеля. Услыша тихіе, жалобные стоны изъ канавы, поросшей травой, Сурра подошла и увидѣла въ травѣ свернувшуюся въ жалкій комокъ и дрожащую отъ холода, голода и увѣчій собачонку. «Злые люди били тебя, видно, на-смерть, — подумала Сурра, — и бросили сюда издыхать, но ты еще жива и будешь жить!» Она подняла собаку. Та еле двигала искалѣченными ногами; съ боковъ ключьями висѣла шерсть. Взявъ собаку въ корзину, портниха принесла ее домой, накормила, а вечеромъ, когда купала дѣтей, сварила щелокъ и для собаки, бережно вымыла ее и уложила въ подвальный чуланъ, прикрывъ ее старыми рогожами.

Долго Сурра носила въ чуланъ собакъ, тайно отъ мужа, ѣсть и пить. Шмуль не любилъ собакъ, говори, что отъ нихъ, обжоръ, кромѣ блохъ, никакого нѣтъ толку. Портниха

размышляла: «Выздоровѣть бѣдный песъ, наберется съ силами, тогда выпущу его на волю; кто-нибудь сжалится надъ нимъ и возьметъ его себѣ... Бываютъ красивыя и изъ уличныхъ: можетъ-быть, и это такая». Собака попомногу оправилась, вылѣзла изъ-подъ рогожи и, въ отсутствіи портного, была вынуждена—размяться и побродить на дворѣ. Сурра взглянула на нее и увидѣла, что о красотѣ найденной собаки нечего было и думать. Острая, съ торчавшими ушами, морда и кривыя, крѣпкія лапы ея съ перваго взгляда папоминали какъ бы пѣчю, похожее на таксу. Но неуклюжій, съ глупою закорючкой, хвостъ, а вмѣсто черныхъ глазъ и гладкой, черной, съ желтыми подпалинами, шерсти такъ, длинныя лохмотья какой-то буро-лиловой шерсти и разномастные—сѣрый и голубой—глаза найденной собаки прямо указывали на ея происхожденіе отъ простой и самой заурядной дворняжки.

Оправясь отъ увѣчій, собака, впрочемъ, оказалась весьма веселой и рѣзвой. Она стрѣлой носилась за Суррой и волчкомъ вилась у ея ногъ, когда та ходила въ лавочку или во дворѣ развѣшивала бѣлье. За эту веселость и рѣзвость портниха назвала его Шарикомъ. Какъ-то Сурра обронила на улицѣ свертокъ съ покупкой. Шарикъ поднялъ его и принесъ въ зубахъ за хозяйкой.

— Что это? откуда уродина?—спросилъ Шмуль, увидѣвъ впервые эту собаку, беззаботно прыгавшую за Суррой.

— Шарикъ,—отвѣтила, смутясь, жена.

— Шарикъ, — ну, и пусть Шарикъ, — а откуда онъ и зачѣмъ?—настаивалъ Шмуль.

Портниха объяснила, какъ, гдѣ и въ какомъ видѣ она нашла его.

— Онъ, представь, и поноску носить,—прибавила Сурра, стараясь такъ или иначе смягчить мужа.

— Поноску? вотъ что! — сказалъ Шмуль, недогадливо разглядывая собаку, которая, въ свой чередъ, пристально глядѣла ему въ глаза.

— А—ну!—произнесъ портной, бросая черезъ рѣшетку въ садъ свою шапку:—пиль!

Шарикъ кинулся кубаремъ въ калитку и притащилъ изъ сада шапку. За шапкой были туда брошены платокъ, хлѣбный сухарь и говяжья кость. Все это Шарикъ также нашелъ и принесъ.

— Держи его, закрой ему глаза,—сказала портной жёнѣ. Онъ вынулъ изъ кармана копейку, поплевалъ на нее, швырнулъ ее въ траву, на конецъ двора, и крикнулъ снова: пиль!

Шарикъ сначала не понялъ, въ чемъ дѣло, и смотрѣлъ, склоняя то одно, то другое ухо, въ разные стороны. Слыша повторенія приказа и видя, что въ его услугахъ, попрежнему, нуждаются, онъ, обнюхивая землю, кинулся-было въ садъ, исколесилъ его нѣсколько разъ вдоль и поперекъ, возвратился и, съ высунутымъ языкомъ, недовольный пописками, сѣлъ на заднія лапы.

— Пиль, шельма, пиль!—твердилъ портной.

«А, такъ вотъ что,—какъ бы подумалъ Шарикъ,—значить, все-таки, что-то брошено, только не тамъ!» Онъ шевельнулъ хвостомъ, увидѣлъ, что хозяинъ смотритъ въ конецъ двора, бросился туда, уткнулся носомъ въ траву, росшую подъ заборомъ, прошелъ по ней нѣсколько шаговъ и, съ радостнымъ визгомъ, подбѣжалъ къ Шмулю: въ зубахъ у него была копейка.

Портной, однако, остался не вполне доволенъ собакой. «Поноску, дѣйствительно, она носитъ,—разсуждалъ онъ,—но зачѣмъ намъ этотъ пестъ? Самимъ тѣсно и голодно, лишній только ротъ...» Сурра замѣтила это недовольство мужа и стала придумывать, чѣмъ бы расположить его въ пользу собаки.

Какъ-то къ обѣду Шмуль долго не возвращался отъ заказчиковъ. Проголодалась портниха съ дѣтьми; еще болѣе проголодался и Шарикъ. Сидя, какъ вкопанный, съ подведенными, тощими боками, онъ давно поглядывалъ на припертую, варистую печь, изъ которой такъ вкусно пахло молочною кашей и щукой съ лукомъ. Шмуль, наконецъ, пришелъ и усѣлся, съ женой и дѣтьми, за обѣдъ. О собакѣ никто не вспоминалъ. Слыша дружное чавканье ртовъ, Шарикъ попрежнему степенно и вѣжливо сидѣлъ вдали отъ стола, изрѣдка только склоняя то на одинъ, то на другой бокъ голову и, точно для развлечения, слѣдя за сонными, вялыми мухами, ползавшими, въ ожиданіи зимней снѣжки, по пагрѣтому карнизу печи. Сурра, впрочемъ, не покидала мысли о собакѣ.

Раздумывая, какъ бы окончательно расположить въ ея пользу мужа, она въ концѣ обѣда сказала ему:

— Шарикъ, можетъ-быть, собака не простая.

— Это почему?—спросил портной:—носить поноску; не-мудрено, — научень и еще что дѣлаетъ. Вотъ вздумала! И кто такую паршивую барбоску станетъ учить? на что она, кому?

— Ну, не говори, — можетъ, онъ былъ у фокусниковъ, а тѣ научили его и не такимъ штукамъ, да обѣднѣли и бросили его, либо потеряли,—говорила Сурра, подкладывая мужу лакомые куски.

— Попробуй, попытай,—отвѣтитъ, съ усмѣшкой, Шмуль:—ты его нашла, ты съ нимъ и возись.

— Самъ попробуй,—развѣ я что знаю въ такихъ дѣлахъ, или ходила съ фокусниками?

Портной былъ въ духѣ въ тотъ день отъ полученныхъ заказовъ и еще болѣе отъ фаршированной съ лукомъ щуки. Онъ оглянулся на Шарика, который, въ прежнемъ ожиданіи подачи, сидѣлъ неподвижно, не спуская глазъ съ хозяйскаго стола. «Осрамлю ее, — подумалъ о женѣ Шмуль, — такъ и быть, испытаю собаку; только она, разумѣется, не отличится». Не вставая со скамьи, портной кольцомъ сложилъ руки, наставилъ ихъ противъ собаки и едва сказалъ: «аванцъ!»—Шарикъ слегка пригнулся и мгновенно проскочилъ черезъ руки Шмуля, какъ сквозь обручъ. Присѣвывая къ столу, Сурра ахнула отъ восхищенія. «Что время терять!» — подумалъ, между тѣмъ, Шарикъ. Видя, что озадаченный его подвигомъ хозяинъ, нагнувшись, недовѣрчиво разсматривалъ его лапы, точно удивляясь, какъ такой невзрачный пестъ, и на такихъ кривуляхъ, могъ произвести подобный прыжокъ, — Шарикъ шевельнулъ хвостомъ, еще ниже пригнулся, вскочилъ на скамью и легче мухи перелетѣлъ черезъ спину самого Шмуля. Сурра, покотившись со смѣху, припала къ столу; а Шарикъ, недолго думая, опять прыгнулъ на скамью и перемахнулъ черезъ спину хозяйки.

— Да, собака изъ ученыхъ, — невольно согласился съ женою Шмуль: — и кто могъ ожидать? съ виду — плюгавая навка: а за такую, пожалуй, охотникъ дастъ не меньше синей, а то пожалуй и красную.

Съ той поры Шарикъ водворился на жительство у портного, дѣля съ хозяевами сытые и голодные, веселые и горестные дни, служа имъ въ видѣ забавы за столомъ, срывая съ прохожихъ шапки и расхаживая, въ видѣ солдата, на

заднихъ лапахъ, со вложенной въ переднія лапы палкой, какъ съ ружьемъ. Веселые дни портного, со смертью его жены, окончательно прошли и не возвращались. Овдовѣвшій Шмуль вналъ въ безысходную бѣдность и горе. Онъ выбился вовсе изъ силъ и сталъ роптать: «Богъ Исаака и Иакова, гдѣ Ты? — восклицалъ онъ мысленно, не попадалъ отъ слезъ ниткой въ иглу: — почему Ты, о Господи, глухъ ко мнѣ? за чтѣ губишь бѣднаго еврея и его неповинныхъ дѣтей? Отчего христіанамъ хорошо? Смотришь, никуда негодный, пьяница завалищій, шарлатанъ, живетъ хорошо, а бѣдному еврею вездѣ неудача и тѣснота! Даже вонъ, русскій песь Шарикъ — и тотъ счастливъ, такъ весело вѣчно возится съ друзьями своими, собаками сосѣдей».

Былъ жаркій, пыльный и душный день. Портной съ утра ходилъ по заказчикамъ за деньгами и нигдѣ не получилъ ни копейки. Особенно огорчилъ его одинъ мелкій адвокатъ, задолжавшій ему болѣе ста рублей и постоянно говорившій: «приходи завтра, денегъ вѣтъ». Отмахалъ Шмуль съ Ирѣсни за Покровку, въ Шлетенки, и оттуда къ Серпуховской заставѣ, на Замоскворѣчье. Усталъ и проголодался онъ до невозможности, и пить ему сильно хотѣлось. Пирожники кричали: «вотъ горячію, съ пылу!» На лоткахъ красовались горы моченыхъ грибовъ, всякихъ ягодъ и квасъ, а въ карманѣ было пусто. Къ вечеру доплелся онъ на Садовую и присѣлъ въ ближнемъ переулкѣ, на столбикѣ, у какихъ-то воротъ. Черезъ каменный заборъ изъ сада, возлѣ котораго онъ сидѣлъ, повѣяло прохладой. Послышалось тихое, стройное пѣніе. Шмуль оглянулся.

Неудали, въ глубинѣ переулка, сквозь вечернюю мглу, онъ увидѣлъ деревья, за чугуною оградой, а за ними ярко освѣщенные окна церкви. На панерти, полулежа, дремало нѣсколько нищихъ. Дорога Шмулю была мимо этой церкви. Отдохнувъ, онъ всталъ, пошелъ далѣе, поровнялся съ церковною оградой и повернулъ къ панерти. «Дай, посмотрю, — подумалъ онъ, — какъ молятся христіане; никогда не былъ въ ихъ храмѣ». Дверь въ церковь была отворена. На портного, въ сумеркахъ, никто не обратилъ вниманія. Онъ вошелъ въ церковь.

Былъ канунъ приходскаго праздника. Убранный особенно торжественно, со множествомъ горящихъ передъ иконами свѣчей, позолоченный алтарь, въ кадильномъ дымѣ, точно

плавать на воздухѣ по облакамъ. Въ его раскрытыхъ вратахъ стоялъ, въ бѣлой, изъ серебрянаго газета, ризѣ, съ сѣдою, длинною бородой, священникъ. Онъ тихо возглашалъ моленіе. Хоръ любителей, изъ кунцовъ этого прихода, вторилъ ему, съ незримаго за колоннами клироса, передивами иѣжныхъ, на диво снѣвшихся голосовъ, среди которыхъ, какъ отъ звука дальняго грома, изрѣдка и въ мѣру слышалось гудѣніе мощнаго баса. Шмуль почувствовалъ, какъ бы иѣчто вдругъ подхватило его и стало уносить куда-то вверхъ, далеко-далеко. Надъ нимъ и вокругъ него звучало и вѣяло что-то волшебное, неземное. «Свѣте тихій», слышалось отъ клироса. Волосы певельнулись на головѣ Шмуля, и весь онъ стоялъ, охваченный мучительнымъ и сладкимъ трепетомъ. Церковь опустѣла, служба кончилась. Вслѣдъ за прочими богомольцами, вышла на улицу и портной.

Долго ли онъ пробылъ въ церкви и какъ добрелъ до своего подвала, раздѣлся и легъ спать, онъ мало впоследствии помнилъ. Ясно сознавалъ онъ одно, что усталость и голодъ въ то время мгновенно оставили его. Онъ почувствовалъ себя бодрымъ, спокойнымъ и готовымъ на новую работу. Должникъ-адвокатъ выигралъ безнадежное выгодное дѣло и неожиданно расплатился съ нимъ. Прочіе заказчики, точно условия, также въ непродолжительномъ времени уплатили свои долги. Одни прислали деньги черезъ прислугу; другіе для расплаты сами явились къ Шмулю на квартиру, да еще съ извиненіями за просрочку. «Что за диво! — изумлялся портной, — не только рыночники, капитанша-ростовщица, даже сквалыга участковый приставъ не только расплатился до копейки, а еще заказалъ другое платье и, чего не бывало прежде, на матеріалъ дать впередъ деньги». Новые заказы посыпались въ то же время такъ, что портной взялъ къ себѣ въ помощь подмастерья, вскорѣ затѣмъ другого, а спустя полгода перебрался изъ подвала въ просторную и теплую комнату, о двухъ окнахъ, на антресоляхъ двухъ-этажнаго деревяннаго дома, въ переулкѣ на Плющихѣ. Дѣтямъ онъ купилъ по полдюжинѣ бѣлья, новые сапоги и шубейки, и себя не забылъ: справилъ себѣ, вмѣсто помятаго цилиндра, еще малоподержанную, поирковую шляпу котелкомъ и — съ чьего-то плеча — теплое, длинное пальто съ барашковымъ воротникомъ. Дѣти по двору стали бѣгать сытыя, пузатыя, такъ какъ постная лапша съ лукомъ у Шмуля смѣнилась

теперь бараниной, клецками и рубцами. Отощавший до крайности, кривоногий пестъ Шарикъ тоже теперь ходилъ сытый и пузатый, лукаво помахивая закорюченнымъ, наполовину облизымъ, въ голодные дни, хвостомъ, какъ бы говори: «что взяли? вотъ мы каковы!» Дѣла Шмуля вскорѣ наконецъ пошли такъ хорошо, что онъ сталъ подумывать и о вывѣскѣ. Въ одномъ было препятствіе: домъ, гдѣ онъ жилъ, стоялъ въ глубинѣ грязнаго деревяннаго двора, такъ что вывѣски изъ-за дровъ, съ переулка, пожалуй, не было бы видно.

Кончая теперь заказанную работу, Шмуль весело бралъ ее подъ мышку и съ тросточкой, въ модномъ котелкѣ и новомъ пальто шелъ по улицамъ въ такомъ духѣ, что самъ удивлялся. «Это все за мою правду и честность Богъ послалъ, — разсуждалъ онъ, гордо выступая двойными подошвами по папелю: — за то, что я всѣ обряды и правила Израиля соблюдаю, какъ слѣдуетъ».

И дѣйствительно, евреи того и ближнихъ околотковъ знали доподлинно, что Шмуль никогда въ ротъ не бралъ свинины, — не только въ видѣ жирной ветчины, но и самыхъ невинныхъ, тонкихъ сосисокъ, а съ пятницы подѣ субботу, какъ ни требовали того срочные и сибинные заказы, сидѣлъ съ дѣтьми въ потемкахъ, не зажигая огня. Что же касается празднованія субботы, онъ соблюдалъ ее до того строго, что не ходилъ въ этотъ день ни къ заказчикамъ, ни въ лавку за припасами, и даже не топилъ печки, заготавливая щипцу, какъ установлено Талмудомъ, накапушѣ. Разъ, впрочемъ, встрѣтился великій соблазнъ: приходилось отправиться съ работой за деньгами именно въ субботу. Шмуль и помедлилъ бы, но выгодный заказчикъ жилъ на другомъ концѣ Москвы и въ тотъ день съ утра покидалъ городъ. Памятуя, что Израилю въ день субботній воспрещены всякія поѣздки, кромѣ морскаго путешествія, то-есть ѣзды на водѣ, Шмуль сѣлъ въ вагонъ конки, подложивъ подѣ себя бутылку съ водой, и спокойно на ней сѣзидилъ за деньгами.

«Вотъ, говорятъ, — разсуждалъ онъ: — плохо евреямъ. Оно правда: на улицѣ мальчишки показываютъ тебѣ, свернуувъ изъ полы платья, свиное ухо, зовутъ тебя пархагымъ, нечистымъ. А отчего нечистота? Отъ бѣдности. Дай евреямъ волю вездѣ жить, дѣлать честно дѣла, богатѣть, развѣ то будетъ? Не одинъ ли у всѣхъ Богъ? Я тружусь, не пьянствую, забочусь о дѣтяхъ, вотъ Богъ оттого и склонился

ко мнѣ, за правду, оттого и улучшились мои дѣла». — «Оттого-ли, однако? — раздумывалъ иногда Шмуль: — не было ли тутъ другой причины?» Въ голову ему сама собой приходила мысль, что поправка въ его дѣлахъ началась, какъ нарочно, съ того вечера, когда онъ, истомленный ходьбой, голодомъ и жаждой, неожиданно зашелъ въ христіанскій храмъ и постоялъ тамъ какихъ-нибудь полчаса. «Случай, не болѣе! — старался себя увѣрить Шмуль: — вѣдь я вовсе не молился тамъ... фуй! развѣ я осмѣлился бы? Ну, и что такое, наконецъ, если я, зайдя въ ту церковь, послушалъ, какъ съдой пошь читаетъ тамъ молитвы и какъ поютъ купеческіе пѣвчіе? Впрочемъ, очень хорошо поютъ и столько въ церкви образцовъ, такъ пахнетъ въ ней ладаномъ и свѣтло, — не то, что въ нашей темной, бѣдной и всегда печальной синагогѣ».

Дѣла портного становились все лучше. Явились у него заказчики и изъ военныхъ. Нѣкій подполковникъ, получивъ въ командованіе батальонъ, заказалъ ему для себя цѣлую новую обмундировку: лѣтнюю, зимнюю, будничную и парадную. Шмуль нажилъ на этомъ не мало. За командиромъ обратились къ нему съ заказами и офицеры того батальона.

— Отчего ты, любезный, не заведешь вывѣски? — говорили ему офицеры: — шпень не хуже модныхъ портныхъ, а тебя почти никто не знаетъ...

Шмуль подумалъ и завелъ вывѣску. Дровъ къ началу лѣта во дворѣ стало менѣе, и огромная вывѣска: «Портной изъ Варшавы — Августъ Самойловъ. — стала всею видна съ переулка. Въ числѣ новыхъ давальцевъ къ Шмулю, передъ осенью, явился, съ заказомъ новой суконной рясы, не старый еще сосѣдній протоіерей. Шмуль снятъ съ него мѣрку, сходилъ въ гостиный дворъ, гдѣ забиралъ товаръ, и, зайдя на квартиру протоіерея, выложилъ передъ нимъ штуку тончайшаго, съ заграничной пломбой, сукна. Заказчику очень понравился товаръ.

— Суконце важное... А давно ли мастерилъ въ нашихъ краяхъ? — спросилъ священникъ, глядя сукно по ворсу и противъ ворса и приглядываясь къ нему на свѣтъ.

Польщенный похвалою важнаго духовнаго лица, Шмуль сообщилъ ему о своемъ прошломъ и не утерпѣлъ, кстати, рассказать, какъ онъ случайно, годъ назадъ, зашелъ вечеромъ въ церковь и какъ съ той поры совершенно неожиданно поправились его дѣла.

— Крестись, чадо!—отвѣтилъ ему на это священникъ:— перстъ Божій указываетъ тебѣ, какъ и что дѣлать.

Шмуль не нашелся, что отвѣтить на это, и промолчалъ. Выйди въ нѣкоторомъ смущеніи отъ священника, онъ несмѣло прошелъ нѣсколько шаговъ по улицѣ и тряхнулъ головой.

«Вотъ еще что выдумалъ! — сказалъ онъ себѣ въ неудовольствіи: — точно не всякая вѣра сильна у Бога, — точно ихъ вѣра праведнѣе и сильнѣе! Не мало господь и прежде, — да какіе, — генералы, графы, богачи, — особенно полковникъ Ульянова, — два дома у нея, на Стоженкѣ и Мясницкой, — предлагали мнѣ то же... Устоялъ, однако, бѣдный еврейчикъ въ вѣрѣ въ дни всякаго горя, — теперь же и пуще того устою!»

Съ осени Шмуль принялъ, рядомъ съ прежнею своею комнатою, на антресоляхъ, еще другую; въ прежней помещался онъ самъ съ дѣтьми, а въ новой работали и спали его подмастерья. Старуха-кухарка пижнихъ жильцовъ, — сапожниковъ, тоже еврейскъ, — была договорена варить ему обѣдать и ставить самоваръ. Къ зимѣ дрова опять завалили дворъ. «Надо весной искать другую квартиру, — думалъ портной, — вывѣски не видно съ переулка; впрочемъ, еще мѣсяць-другой такой работы, можно перейти не только на Арбатъ, а хоть и на Тверскую».

Стояла морозная погода. Дѣти Шмуля рѣже стали выбѣгать во дворъ и на улицу и скучали взаперти. Онъ справилъ имъ теплыя шапки, рукавицы и калоши. Рѣзвый сынишка спускался разъ въ новыхъ калошахъ по крутой обледѣлой лѣстницѣ, поскользнулся и со второго этажа скатился по ступенькамъ внизъ.

— Тату, тату!—закричала Ривка, вбѣгая къ отцу:—тамъ Юська упалъ, лежитъ и не дышитъ.

Шмуль бросился къ сыну, поднялъ его: мальчикъ былъ какъ мертвый. Онъ внесъ его въ комнату, тѣръ ему виски, брызгалъ въ лицо водой, — Юська лежалъ бездыханный.

«Умеръ! а не умеръ, непременно помретъ!» въ ужасѣ думалъ Шмуль, прислушиваясь къ чуть слышному дыханію сына и вглядываясь въ его безжизненное рябое личико. Сбѣжались сосѣди; были приведены знахари и знахарки. Но что они ни дѣлали, что ни предпринимали, мальчикъ не приходилъ въ себя. Такъ онъ, въ безсознательномъ сс-

стоявнн, пролежалъ нѣсколько дней. Въ длинныя, темныя ночи, просиживая, при свѣтѣ ночника, надъ сыномъ, Шмуль безнадежно ломалъ надъ нимъ руки, билъ себя въ грудь, или, по обычаю единоплеменниковъ, босой, въ разорванномъ бѣльѣ, забивался въ уголь, посыпалъ себѣ голову золой и, тихо всхлипывая, повторялъ: «Богъ Исаака и Иакова! опять Ты отвернулся отъ меня, жестокой, опять караешь и казнишь неповиннаго! за что, вай-миръ, за что?»

Вьюга гудѣла на дворѣ, снѣгъ ледяными ворохами билъ въ окна. Почникъ догоралъ, а Шмуль до утра не смыкалъ глазъ, не отходилъ отъ сына. Въ одну изъ такихъ ночей, измученный долгою бессонницей, онъ забылся короткою дремотой и вдругъ, точно ударилъ его кто-нибудь по головѣ, очнулся. Впотѣмахъ надъ нимъ прозвучало странное слово. Онъ явственно разобралъ чей-то тихій, но властный голосъ: «Крестись!» Думая, что это ему приснилось, онъ закрылъ глаза; но опять услышалъ: «Хочешь спасти дитя, крестись!» Вскочивъ съ постели, на которой онъ прилежъ у кровати сына, Шмуль оправилъ потухшій ночникъ, осмотрѣлся кругомъ. Въ комнатѣ, кромѣ дѣтей, не было никого. Рѣвка мирно спалъ на лежанкѣ, въ одномъ углу комнаты; въ другомъ, поцѣжнему, какъ мертвый, лежалъ неподвижно Юська. Шмуль отошелъ къ окну, вперилъ глаза въ надворье, гдѣ, злобно кружась, гудѣла вьюга, и задумался.

— Крестись! — громче раздался за его плечами тотъ же голосъ.

Ужасъ охватилъ Шмуля.

«Да для чего же?—сказалъ онъ себѣ:—чѣмъ одна вѣра выше другой? сына моего, мертваго Юську, не спасти теперь никому!» Шмуль оглянулся и замеръ. У кровати сына стояло что-то бѣлое. На слабыхъ, худыхъ ножкахъ, кто-то, шатаясь, шелъ къ нему, протянувъ руки. Портной бросился къ призраку: то былъ его очнувшійся Юська. Весь домъ утромъ сбѣжался на радостные крики Шмуля, дивясь на мальчика, который столько времени былъ какъ мертвый и ожилъ.

— Это по вѣрѣ моей, по вѣрѣ отцовъ!—всѣмъ твердилъ и объяснялъ Шмуль:—Богъ израиля, владыко нашъ, явилъ мнѣ такую милость!

Въ несказанномъ счастьѣ отъ спасенія сына, Шмуль сталъ обдумывать, чѣмъ бы ознаменовать эту радость, и рѣшилъ пожертвовать въ синагогу цѣнную пелену на свитки свя-

ценныхъ книгъ Торы. Справившись, однако, о ея стоимости, онъ остановился съ исполненіемъ жертвы. «Дорого, не по карману! — разсуждалъ онъ, вспоминая жену: — будь жива Сурра, купилъ бы одну матерію, а она вышила бы; теперь лучше пожертвую коврикъ къ каедрѣ, — это будетъ дешевле... Да и коврикъ не подождать ли, пока болѣе соберусь со средствами? Вѣдь тоже не мало обойдется; дешевый неприлично, да и не примутъ. Къ тому же времени и Юська подрастетъ, станетъ учиться грамотѣ; введу его въ синагогу, да кстати простелю тамъ, при всѣхъ, и коверъ»...

Мысли о возвращенномъ къ жизни сынѣ не выходили изъ головы Шмуля. Онъ думалъ объ его будущности, воображалъ его себѣ красивымъ, стройнымъ отрокомъ, потомъ разумнымъ юношей, на выучкѣ въ хедерѣ, у первыхъ по знаніямъ меламдовъ. Юська давно вытвердилъ по Сидеру всѣ молитвы, прошелъ Хумень (Пятикнижіе) и изучаетъ Мишну и Талмудъ. На степеннаго остролова-ученика заглядываются въ синагогѣ первые еврейскіе тузы. Его черныя кудри выются до плечъ, какъ у Авессалома; рябины на лицѣ съ годами исчезли, а уменъ и находчивъ онъ, какъ его соименникъ, прекрасный Юсифъ, и стихи пишетъ, какъ Давидъ. Наука кончена, Юська поступилъ въ банкирскую контору, да какія дѣла дѣлаетъ! — Вотъ, изъ тщедушнаго и жалкаго мальчика выйдетъ если не самъ реббе Ротшильдъ или реббе Монтефіоре, то по крайней мѣрѣ баронъ Френкель.

Прошло еще нѣкоторое время. Шмуль выгодно купилъ, по случаю, мягкой мебели, горшковъ съ цвѣтами, ситцевыя занавѣски на окна.

У какого-то закладчика, также случайно и выгодно, онъ купилъ къ дивану и красивый коверъ. Совѣсть шевельнулась у него.

«Какъ же это? — мыслилъ онъ: — я положу коверъ у себя, а обѣщаль на синагогу? — Ничего! — утѣшалъ онъ себя: — я обѣщаль новый, а это поддержанный, для синагоги не идетъ».

Жиле Шмуля совсѣмъ перестало походитъ на скучный уголь убогаго поденщика. Фарфоровая посуда красовалась за стекломъ на горкѣ, по стѣнамъ были развѣшаны хромо-литографіи, на столѣ передъ диваномъ стояла лампа. Одно смущало его: по комнатамъ ходилъ все тотъ же лохматый и кривоногий, съ закорюченнымъ облѣзлымъ хвостомъ, Ша-

рикъ. Собака съ нѣкотораго времени такъ опротивѣла Шмулю, что онъ сталъ забывать объ ея нищѣ, а когда дѣти кормили ее, ворчалъ и гналъ ее отъ себя. «Надо сбыть эту уродину! — думалъ портной, глядя на Шарика, умильно ластившагося къ нему, — у полковницы Ульяновой отличные бѣлые пуделя, ходятъ наполовину стриженные, задъ безъ шерсти и морда прострижена, такъ что торчатъ только усы да брови, а на шеѣ голубые банты; непременно выпрошу у нея щенка, а этого хоть отдать прохвостамъ, на живодерню, — одно жаль, покойница Сурра выкормила его. Отвелъ бы на толкучку, подъ Сухареву, — да кто купитъ?»

Рѣшеніе сбыть Шарика такъ засѣло въ голову Шмуля, что онъ безъ досады уже не могъ видѣть его, а когда тотъ при встрѣчѣ бросался по привычкѣ къ нему, онъ даже угощаль его нищками.

«Вотъ чортовъ пестъ, — отмахиваясь, думалъ Шмуль, — лѣзетъ на грудь, выпачкать всего гризлыми ланищами и не думаетъ, гдѣ вскорѣ очутится».

Спивъ на собаку ошейникъ, портной выбралъ бечевку и повелъ Шарика на рынокъ; но собака, всегда охотно слѣдовавшая за портнымъ, тутъ вдругъ почему-то запрыгала, вмѣсто четырехъ, на трехъ ногахъ, поджавъ одну изъ заднихъ, — можетъ быть, вълѣдствіе примерзнаго къ ней комка снѣга.

«Нѣтъ, подожду, — подумалъ Шмуль, — пусть выхоятся, еще забракують хромую».

Судьба Шарика была отерочена.

Быль холодный и темный вечеръ въ концѣ зимы. Порывистый вѣтеръ раскачивалъ безлистья, обледенѣлыя деревья сзади дома, въ которомъ была квартира портного. Жильцы двухъ нижнихъ этажей этого дома давно погасили огни и спали. Дѣти Шмуля, набѣгавшись на дворѣ, также уже улеглись. Спали въ сосѣдней комнатѣ мезонина, побывавъ съ вечера въ банѣ, и оба подмастерья. Шмуль, пока было свѣтло, наскоро выутюжилъ конченную чью-то пару платя и тоже улегся, сердясь на кухарку нижнихъ жильцовъ, которая съ обѣда куда-то отлучилась и во-время не поставила вечерняго самовара, и когда внесла его, онъ такъ сильно дымилъ, что вообще покладастый нравомъ Шмуль раскричался и велѣлъ вынести его на лѣстницу за дверь. Подмастерья, послѣ обычной еженедѣльной бани, показались

ему тоже подозрительными: смѣялись громко, отвѣчали, точно хмельные, невпопадъ, а дожась спать, такъ долго возились за тонкою дощатою стѣной, что Шмуль не выдержалъ и крикнулъ:

— Цыцъ! шарлатаны! пьяницы! Откуда взяли денегъ, надрызгались? Я васъ!

Наморившись за день на ходьбѣ по заказчикамъ и на работѣ, портной вскорѣ заснулъ. Холодный вѣтеръ продолжать еще шумѣть на дворѣ, раскачивая деревья; зато въ комнатѣ было такъ уютно и тепло. Къ полночи вѣтеръ замолкъ. Кругомъ настала тишина. Слышно было въ комнатѣ, гдѣ-то въ углу, только позвизкиванье сверчка, да Шарикъ, переходя отъ жарко натопленной печи на болѣе прохладную средину комнаты и опять возвращаясь къ печи, то мирно дремалъ, то вдругъ поднималъ голову и тревожно, съ протосонья, наострялъ уши, точно обнюхивалъ темный воздухъ.

Шмулю приснился дивный и радостный сонъ. Онъ увидѣлъ себя вдругъ въ раззолоченной какой-то комнатѣ, въ компаніи пышныхъ богачей. На каждомъ были дорогія платья и каждый съ похвалою говорилъ, что это работа Шмуля. Среди хвалившихъ и славившихъ его богачей, портной разглядѣлъ и своего Юську; но это уже былъ не Юська и даже не Юсель, а гордый, съ крупными брилльянтами на машинкѣ и на перстняхъ, миллионеръ-балкиръ, баронъ Юсифъ Шмуленштейнъ. Все были веселы и шумны, пили дорогія вина и играли въ карты по большой. Одно обстоятельство нѣсколько безпокоило Шмуля, а именно, не совсемъ чистый и пріятный воздухъ въ раззолоченной палатѣ. Нахло какъ бы дымомъ или гарью. «Треклитая стряпуха забыла, значить, на дѣстницѣ самоваръ!»—подумалъ Шмуль и самъ неволью улыбнулся во снѣ этой неподходящей мысли.— «Какая глупость!—рѣшилъ онъ, сладко потягиваясь на кровати: — ну, можетъ ли стряпуха Мавра даже понасть въ такой домъ?»

Бдкая гарь, однако, усиливалась. Кто-то протоналъ у изголовья портного, кто-то тронулъ его чѣмъ-то теплымъ за руку, потомъ за лицо. «Тыфу! не Шарикъ ли вадумалъ ластиться? — пришло въ голову Шмуля: — и зачѣмъ я этого асида оставилъ тутъ, не прогналъ на морозъ?» Портной очнулся. На дворѣ была еще ночь, но въ комнатѣ что-то свѣтилось, Шмуль протеръ глаза. У кровати, странно визжа,

дѣйствительно метался Шарикъ. Портной уже собирался вытолкать его за дверь, но остановился. Комната наполовину была полна дымомъ. Очевидно, горѣло гдѣ-то невдали, чуть ли даже не здѣсь, на антресоляхъ. Сквозь щели притворенной двери изъ коридора мерцалъ огонь. Шмуль вскопчилъ, отворилъ дверь и вскрикнулъ. Коридоръ былъ полонъ дыма. Онъ поспѣшилъ къ лѣстницѣ. Пламя хлынуло ему навстрѣчу. Огненные языки вились надъ выходомъ и уже касались перегородки, за которою спали подмастерья. Портной бросился къ дѣтямъ, подхватилъ ихъ сонныхъ на руки и, прикрывъ одеяломъ, побѣжалъ сквозь удушливый дымъ къ выходу и замеръ въ ужасѣ. Путь на лѣстницу былъ уже прегражденъ. Портной распахнулъ выходную дверь... Лѣстница сверху до низу пылала. Шарикъ съ визгомъ скользнулъ мимо Шмуля и стремглавъ кинулся по ступенямъ въ это пламя.

«Боже Господи! Богъ Единый! — въ смертномъ страхѣ мыслить портной, кинувшись обратно въ комнату и запирая за собою дверь въ коридоръ, — лѣстница въ огнѣ, другого выхода нѣтъ, а дымъ и пламя увеличиваются, скоро всыхнетъ и это послѣднее убѣжище. Что дѣлать? Что принять?»

Спустивъ на полъ испуганныхъ огнемъ, кричавшихъ и хватавшихся за него дѣтей, Шмуль подошелъ къ окну. Во дворѣ было тихо. Жилыцы нижнихъ этажей, очевидно, еще спали, не зная, какая бѣда грозила имъ. Портной выбилъ стекла въ окнахъ, выломалъ рамы, высунулся паружу и сталъ кричать:

— Пожаръ! вай-миръ! гевальт! спасайтесь! горимъ!

Отклика не было. Шмуль еще громче повторилъ крики. Въ переулкѣ замелькали тѣни. Кто-то оттуда сталъ ломиться въ запертыя ворота. Верхній этажъ дома, между тѣмъ, разгорался, застилая дворъ дымомъ и освѣщая краснымъ отблескомъ остатки сложенныхъ возѣ дома дровъ.

«Сгоримъ, сгоримъ, какъ солома! — съ содроганіемъ думалъ портной, — а чѣмъ спасти хоть бы дѣтей?» Онъ упалъ ницъ и сталъ горячо молиться. «Спаси Израиля, Богъ Авраама, Исаака и Іакова! Богъ Единый, помилуй и помоги!.. Не меня, спаси хоть малыхъ дѣтей...» Шмулю вспомнилось, что онъ обѣщаль жертву на синагогу и не выполнилъ ея. «Не только коверъ, целену куплю и внесу!—

инталь онъ трысуцимся отъ страха губами: — все про-
закладую, отдамъ... все!» — И онъ бросился къ кроватямъ,
сорвалъ съ нихъ простыни и одѣла, связалъ ихъ въ длин-
ный канатъ и сталъ концомъ его обматывать плачущую
дочку. «Она легче, не оборвется и крѣпче стянетъ узлы! —
думалъ онъ, — за нею спущу и сына».

— Не плачь, Ривка! — говорить онъ дочери: — спасу тебя
въ оконко, не бойся, видишь, на этихъ связкахъ, а ты,
какъ только станешь на-земь, развязывайся скорѣй.

Дымъ врывался въ комнату болѣе и болѣе; въ ней ста-
новилось трудно дышать. Огонь, треща за дверью, охватилъ,
очевидно, весь коридоръ. Надъ притолокомъ коридорной двери
уже мелькали огненные змѣйки. Портной быстро спустился
изъ окна дѣвочку, вздернулъ канатъ обратно и сталъ обви-
зывать имъ сына. Ворота во дворъ растворились. Подъ
окнами, въ дыму, который валилъ уже изъ остальныхъ эта-
жей, двигались люди. Нижніе жильцы проснулись, выбра-
сывая въ окна, виюныхахъ, разную рухлядь.

— Помогите, держите! — закричать Шмуль, бережно спу-
ская изъ окна сына.

Снизу увидѣли его, отстрашились отъ дыма, протянули
руки и приняли Юську, но при этомъ такъ потянули ка-
натъ, что портной не удержалъ его и выронилъ изъ рукъ.

Шмуль обмеръ въ ужасѣ. Онъ понялъ, что спасенія ему
болѣе нѣтъ. Онъ долженъ былъ неминуемо сгорѣть. Удушли-
вый, жгучій дымъ, захватывая дыханіе, летѣлъ къ откры-
тымъ окнамъ, вырываясь сквозь нихъ багрово-темными клуб-
бами. Портной высунулся на мгновение въ окно, взглянулъ
внизъ и увидѣлъ, что бросится туда съ трехсаженной вы-
соты — значило разбиться вдребезги. Онъ схватилъ коверъ,
набросилъ его на голову и безпомощно припалъ въ уголъ
подъ окномъ.

«Здѣсь постигнетъ меня послѣдняя участь, — думалъ онъ,
замирая, — хлынетъ пламя, вспыхнетъ одежда, задохнусь,
сгорю...» Ему веномнился въ этотъ мигъ Шарикъ. «Бѣдный,
вѣрный песъ! — сказалъ онъ себѣ: — я гналъ его, хотѣлъ
сбить, а онъ-то и разбудилъ меня, сохранилъ жизнь дѣтямъ
и самъ, какъ бы показывая путь, бросился въ огонь...»

Странныя секунды летѣли. Шумъ и гулъ пожара увели-
чивался. Пылавая коридорная дверь съ трескомъ рухнула.

Портной невольно выглянулъ изъ-подъ ковра и обмеръ. Ярко-освѣщенная комната была въ огнѣ; горѣла мебель и занавѣски оконъ. Шмуль сбросилъ съ себя коверъ... Внезапная мысль охватила его.

«Богъ Израіля не далъ мнѣ всей помощи, отвернулся отъ меня!—подумалъ онъ,—неужели же точно есть другой Богъ, милостивѣе и сильнѣе? И неужели оттого только, что я зашелъ въ Его свѣтлый храмъ, вся жизнь моя стала лучше? И я не понялъ Его зова, остался глухъ къ нему... Лучше сразу разбиться, чѣмъ медленно сгорѣть...»

Шмуль вскочилъ на подоконникъ, уцѣпился за него, свѣсилъ ноги наружу и на мгновеніе помедлилъ. Клубы дыма душили его; волосы на головѣ и бородѣ затрепали. Шмуль закрылъ глаза, поднялъ руку и, мысля: «Богъ христіанскій! Іисусъ, спаси меня, бѣднаго!» — оцѣпилъ себя крестомъ и бросился изъ окна...

Черезъ недѣлю въ церкви близъ Садовой полковница Ульянова принимала отъ купели новаго христіанина. То былъ портной Айзикъ Шмуль. Въ бѣлой, длинной рубахѣ, съ розовою лентой вмѣсто пояса, онъ принялъ крещеніе не одинъ, а съ дѣтми. Сіяющій и радостный стоялъ онъ во время обряда, слушая молитвы и думая: «Нѣтъ, не простой случай, не выкинутая изъ нижняго жилища чья-то перина, какъ увѣряли тогда, спасла меня. Едва я сорвался и бросился въ темную, страшную пропасть, точно нѣкія, огненно-голубыя крылья подхватили меня, и на нихъ-то я бережно спустился и невредимъ сталъ на ноги... Святъ Господь Іисусъ Христосъ! И нѣтъ выше, радостнѣе вѣры въ Него!»

А у воротъ новой квартиры портного, въ домѣ его крестной, Ульяновой, въ обществѣ бѣлыхъ пуделей хозяйки, сидѣлъ на заднихъ лапахъ, съ виляющимъ хвостомъ, уцѣлѣвшій на пожарѣ Шарикъ. Онъ не былъ выстриженъ, такъ какъ изъ огня выскочилъ совершенно безъ шерсти; но зато былъ чисто вымытъ и въ голубомъ ошейникѣ, какъ и пуделя, поглядывалъ на улицу съ такимъ спокойствіемъ, какъ бы ничего особаго съ нимъ и не было.

ДѢВОЧКА.

(ЛБЕДИНАЯ ПѢСНЯ ОБЪ ОДНОЙ ПТАШКѢ.)

Его высокородіе господинъ полицеймейстеръ Сантуринъ вѣпчался съ туземною барышней. Розами устилался путь повобрачныхъ. Будочники стояли въ новыхъ мундирахъ и съ нафабранными усами. Зивитые и распомаженные щеголи выскакивали изъ зала перваго губернскаго изрикмахера, мосье Исидора, что на Московской улицѣ (въ какомъ городѣ ихъ у насъ нѣтъ!), и уносились, — кто въ церковь, а кто домой, въ ожиданіи вечера.

Непомѣрно скверенъ былъ только день, мрачно противорѣчившій восторженному настроенію гражданскихъ сердець.

Въ ту минуту, какъ среди смолкнувшаго городского шума и горячечной суеты купцовъ, готовившихъ иллюминацію, кончилась брачная церемонія и счастливый *молодой*, носившій въ одномъ ухѣ вату, а въ другомъ волокна морского каната, протянулъ свои губы къ розовымъ губкамъ сочтавшейся съ нимъ барышни, — въ отдаленнѣйшемъ изъ закоулковъ города къ небольшому домику подкатила коляска, вся перепачканная грязью. Въ коляскѣ былъ губернской землемѣръ вообще и краснорѣчивый Жюль Фавръ въ особенности, Щуковичъ, нерезабный до-цельзя подь октябрьскимъ туманомъ и голодный отъ неустанпаго сидѣнія за планами безконечнаго, тщетнаго полюбовнаго размежеванія туземныхъ аборигеновъ. Онъ радъ былъ, что пара сѣрыхъ рысаковъ наконецъ примчала его къ домашнему порогу, и,

вбѣжавъ въ переднюю, крикнулъ: «обѣдать!» Нанятый слуга его, Михайло, вмѣсто отвѣта, ушаль ему въ ноги...

— Это что такое? Что за китайскія церемоніи?

— Такъ и такъ, ваше высокоблагородіе, смилуйтесь! Защищите и спасите сироту безродную; не оставьте моей племянницы...

— Да что ты за чепуху несешь? Денегъ тебѣ, что ли, на выпивку нужно? Говори прямо!

Михайло опять въ ноги.

— Нѣтъ, не денегъ, а вотъ какая притча...—Съ этими словами онъ выдернулъ за руку изъ своей конурки дѣвочку лѣтъ четырнадцати-пятнадцати, въ платочкѣ на головѣ, съ красными и отъ слезъ припухшими глазами.

— Это-съ моя племянница,—началъ Михайло, всхлипывая:—мы одной деревни; и по паспорту, извѣстно вашей милости, а она въ бѣлошвейной, въ обученіи, у парикмахера Исидора, на Московской, при магазинѣ отдана. Уже второй годъ она у него... Только французъ этотъ — пріударилъ за ней... Ну, извѣстное дѣло, дитя... Что-же-съ? Убивалась она, плакала, плакала,—сбѣжать хотѣла... А вчерась онъ, окаянный, съ ночи опоилъ ее чѣмъ-то, или такъ задобрилъ,—задарилъ, выходитъ, что ли, лакомствами всякими,—заперъ ее подъ видомъ ареста за дѣвность... Ну, а нынче вотъ сбѣжала ко мнѣ... Что ужъ тутъ!.. Какъ его земля носить, окаяннаго!..—продолжалъ Михайло, уже громко рыдая и произнося каждое слово съ усиленіемъ.

— Вотъ что! — повторилъ про себя Щуковичъ, качая головою, и спросилъ дѣвочку:—Какъ тебя зовутъ.

— Фрося...

— Правда ли все это, что говоритъ твой дядя?

Слезы закапали изъ глазъ дѣвочки... Круглыми, побѣлѣвшими отъ страха и отчаянія, полными губки вздрогнули. Посинѣлое, маленькое личико отклонилось въ сторону. Она стала перебирать конецъ косынки...

— Говори же, не бойся! Правда это?

Дѣвочка опять смолчала. Наконецъ, послѣ долгихъ приставаній Щуковича и Михайлы, чуть слышно отвѣтила:

— Правда...

Кровь кинулась въ голову Щуковича. Онъ былъ грозою мѣстныхъ Донъ-Жуановъ и казнокрадовъ, и тщетно три губернатора сряду, правившіе губерніею, старались сбить его

съ рукъ. Его спасало собственное начальство. Онъ представлялъ зародынь тѣхъ адвокатовъ, которымъ суждено, вѣроятно, вскорѣ начать новую эпоху въ русскомъ судопроизводствѣ. Онъ могъ ясно, почти осязательно излагать самыя запутанныя дѣла, онъ уже прославился рѣшеніемъ нѣсколькихъ давнишнихъ процессовъ, ежегодно загромаждавшихъ мѣстныхъ присутствій горами бумагъ, и губернія кричала о немъ. Со всеѣмъ увлеченіемъ пылкаго юриста, не смотря на свои сорокъ лѣтъ, Щуковичъ бросался на каждое дѣло и велъ его побѣдоносно до конца. Ничѣмъ не пренебрегалъ онъ. Богачи осыпали его за рѣшеніе своихъ тяжбъ огромною платой, подарками каменныхъ домовъ, рысистыхъ лошадей, экипажей и просто золотомъ; съ бѣдняковъ онъ не бралъ ничего. Разводя въ свободное время садъ при маленькомъ домикѣ, въ концѣ города, гдѣ жилъ онъ самъ, Щуковичъ, кромѣ того, страстно слѣдилъ за родною литературой, втихомолку пописывалъ стишки, любилъ декламацию и, читая много медицинскихъ сочиненій, занимался даромъ врачебною практикой. Множество бѣдныхъ людей ходили къ нему совѣтоваться, и онъ всеѣмъ помогать, а сосѣднія мѣщанки, вдовы-солдатки и хуторяне подгороднихъ селъ считали его отцомъ, за нѣсколько счастливыхъ и дѣйствительно поразительныхъ опытовъ лѣченія самоучкой. Вотъ этотъ-то господинъ крикнулъ: «лошадей не отпрягать!» Посадилъ съ собою въ коляску Михайлу и дѣвочку и полетѣлъ нескать суда на обидчика-француза. Никогда еще задоръ такъ не овладѣвалъ Щуковичемъ, какъ теперь. Не обращая вниманія на то, что было уже четыре часа пополудни и что голодъ давно уже его мучилъ, онъ хотѣлъ разомъ накрыть преступника, и, разумѣется, въ голову ему не приходило, чтобы тутъ не одержалъ побѣды *онъ*, одержавшій столько побѣдъ въ мірѣ юридическомъ.

Коляска подлетѣла къ дому младшаго полицеймейстера. Какъ угорѣлый, влетѣлъ Щуковичъ въ переднюю и въ пріемную.

— Павелъ Николаевичъ! Нужны ваши быстрыя и неотразимыя мѣры! Вы у меня въ долгу: помогите! Дѣло вопиющее. Я привезъ дѣвочку, одну дѣвочку здѣшнюю. Такъ и такъ...

Младшій полицеймейстеръ, въ ожиданіи вечера у своего главы отдыхавшій послѣ жирнаго обѣда у какого-то купца

и разбуженный собственно для Щуковича, выслушала его съ измятымъ лицомъ, зѣвнула, подошла къ зеркалу, взглянула на свой языкъ и, глядя багены отъ ушей къ носу, отвѣтила:

— Охъ, ужъ вы мнѣ, адвокаты! Не оберется отъ васъ Россія хлопотъ! Оно, дѣйствительно, — этотъ Исидоръ извѣстный пакостникъ и негодяй! Да что же дѣлать съ нимъ, хоть бы и мнѣ? Не далѣе, какъ вчера, губернаторъ велѣлъ мнѣ подать въ отставку... ну, я и подалъ! Оно, разумѣется, я еще не уволенъ... Да кто же поручится, что мой преемникъ не соблазнится на благодарность со стороны обвиняемаго и не повернетъ слѣдствія въ его сторону? Въдѣ дѣло уголовное, тутъ пахнетъ острогомъ, — и французъ ничего не пожалѣеть... Знаю я его!.. А кто-съ началъ слѣдствіе-съ? А? Кто началъ? Я-съ, Павелъ Николаевъ, сынъ Трощенко! Ну, и унекутъ меня же подѣ судъ... Не могу, никакъ не могу принять вашего дѣла, — извините.

— Къ кому же мнѣ обратиться?!

— Коли такой уже задоръ наналъ тягаться съ французомъ, поѣзжайте къ частному приставу. А еще лучше, оставьте... Оставьте это безъ вниманія! Мало ли этихъ дѣвчонокъ шляется по городу, и все съ такими же жалобами. На всякое чиханіе не наздравствуешься! Бросьте! Это мой благой совѣтъ!..

Поѣхалъ Щуковичъ къ частному. Везетъ опять лакея, везетъ и дѣвочку. Уже пять часовъ вечера... Частнаго пристава застаютъ онъ за бумагами, мрачнаго и небритаго... Это былъ дикій, зелено-блѣдный, темный, грязный и несообщительный человекъ. Онъ всегда смотрѣлъ внизъ, взятки бралъ, не глядя и молча, и колотилъ будочниковъ собственно-ручно и также въ полномъ безмолвіи.

— Максимъ Ивановичъ! — началъ опять Щуковичъ: — такъ и такъ, окажите содѣйствіе. Надо наказать одного негодяя... Исидора! Ей-Богу, надо! И привезъ дѣвочку, вотъ она! Такъ и такъ!..

Вмѣсто всякаго замѣчанія, приставъ обратился къ писарю: — Степанъ! дѣло мѣщанин Саможаренковой! — Писарь уткнулъ носъ въ уголь, повозился тамъ и подалъ нильную связку бумагъ.

— Вотъ, вотъ, видите? А?! Это дѣло-съ того-же-съ самаго Исидора. Такихъ дѣлъ его у насъ же восемь другихъ...

Ну? И вы думаете выиграть свое?.. Отложите попечение. Лбомъ стѣны не прошибешь! Такъ-то-съ!

И приставъ началъ опять писать.

— Да я однако же прошу васъ начать слѣдствіе...

— Дудки!.. Вы думаете, что вы на своемъ вѣку кончите это дѣло? Повторяю: у этого Исидора таковыхъ наберется восемь уже, и все у бестіи насчетъ седьмой заповѣди... Дѣла эти, разумѣется, идутъ своимъ махомъ, а онъ живетъ въ свое удовольствіе! И какъ живетъ, мы и сами не знаемъ... Отписывается, должно быть, ловко — и все тугъ!

— Это срамъ! У васъ нѣтъ совѣсти, господа, я вижу! Такое вопиющее беззаконіе, и нѣтъ ему расправы... Я васъ прошу, требую...

Приставъ понюхалъ табакъ, потеръ лобъ и вдругъ, оборотись всѣмъ тѣломъ къ Щуковичу, отійтиль:

— Милостивый государь, увольте! У меня жена и дѣти... Увольте меня, ради Бога, увольте! У васъ связи и знакомства; вы же и законы хорошо знаете! А у меня дѣлъ гибель... Куда намъ? Избавьте, обратитесь лучше къ младшему полицеймейстеру...

— Да я у него сейчасъ былъ; онъ къ вамъ меня направилъ. Его отставляютъ...

— Ну, и меня отставляютъ! Я и забылъ вамъ передать, — даже съ радостью поспѣшилъ подхватить пристава: — я также подаль уже въ отставку, коли хотите знать! Не приму такого дѣла къ слѣдствію. Не могу...

«Какъ тутъ быть?» — думалъ Щуковичъ, выходя отъ пристава: — одинъ отказывается, другой отказывается! Къ кому же ѣхать? Къ старшему полицеймейстеру? Но онъ теперь на верху счастья, какъ индійскій набобъ, и до горя ли ближняго ему теперь? Женится, жена его станетъ составлять аллегри и всякія лотереи въ пользу бѣдныхъ. Увидитъ ли она, услышитъ ли хоть разъ истинно-бѣднаго и страдающаго? И что такое моя дѣвочка? Соблазненная служанка! Романъ съ горничной! Эка невидаль! Да и мало ли ихъ въ самомъ дѣлѣ! Пируйте, ваше высокоблагородіе! Все въ городѣ обстоитъ благополучно: и права, и обычай страны, и честь, и совесть, и имущество гражданъ...

— Куда прикажете ѣхать? — спросилъ кучеръ, лезя безъ цѣли по мостовой.

— Къ Безходанцеву...

Лошади понеслись опять. На дворѣ уже совсѣмъ стемнѣло...

Безходанцевъ былъ прежде полковникъ изъ гвардейцевъ. Въ свѣтѣ щеголь и дамскій угодникъ, онъ отличался отъмною чистоплотностью; въ дѣлахъ былъ сухъ и кратокъ, стригся подъ гребенку, носилъ изящные бѣлокурые усыки, запускалъ длинные розовые ногти, душился тонкими духами и тайкомъ дома нѣлъ итальянскія аріи, вѣроятно, въ память своей гвардейской молодости. Его вообще любили, но какъ-то нехотя, скупо и пугливо. Самая исторія въ полку, по которой онъ перешелъ изъ гвардіи въ провинцію, впрочемъ, не набросила на него особенной тѣни. Онъ любилъ книги и стоялъ за молодое поколѣніе. Тѣмъ не менѣе, собственный его казачекъ трепеталъ его, какъ огня... Щуковичъ засталъ его послѣ обѣда, за роялемъ. Казачекъ сейчасъ его ввель. Красивый полковникъ принялъ его безъ эполетъ, извинился, далъ ему сигару и, видя волненіе своего знакомаго и гостя, попросилъ его говорить откровенно. Не забывъ опять Щуковичъ и «человѣколюбія», и «воля поруганной невинности», и «надежа скорбящей добродѣтели», и множества другихъ, трогательныхъ и размягчающихъ душу, выраженій. Щуковичъ копчилъ. Чувствительный полковникъ тотчасъ взялъ перо, провелъ имъ по своимъ щегольскимъ усамъ, помолчалъ, взглянулъ на свои розовые ногти и сталъ писать. Это было письмо къ младшему полицеймейстеру, письмо, — надо отдать ему справедливость, — такого ѣдкаго содержанія, что когда Щуковичъ опять заѣхалъ къ младшему полицеймейстеру, этотъ послѣдній утеръ лобъ, мгновенно орошенный холоднымъ потомъ, и помѣтилъ прошеніе Щуковича словами: «Такого-то года и числа: принять къ слѣдствію».

«Ну, слава Богу!» — думалъ Щуковичъ и поѣхалъ съ помѣченной бумагой въ канцелярію городской полиціи.

— Это, впрочемъ, очень любопытно, если *мы*, губернскому пресловутому адвокату, не удалось до этого часа начать этого дѣла, то каково же было бы начать его самой этой дѣвочкѣ?

Онъ вошелъ въ душную и темную канцелярію. Груды ежечасно растущихъ бумагъ требовали отъ жрецовъ ихъ и вечерняго присутствія. Канцеляристы хорошо знали Щуковича; любовались ежедневно его рысаками, передавали другъ другу его юридическія побѣды, встрѣчали его съ поклонами, съ улыбками, и вообще смотрѣли на него дружески.

— Какъ? и вы здѣсь? — спросилъ его одинъ изъ столоначальниковъ, добивавшійся со всѣми быть за нанибрата:— и вы въ насъ, грѣшныхъ, имѣете нужду?

— Да, здѣсь! Что же дѣлать!

— А что у васъ за дѣльцо? Должокъ, чай, на комъ-нибудь, или свидѣтельство какое отъ полициі нужно?

— Нѣтъ, а вотъ что-съ...

И Щуковичъ разсказалъ снова свое дѣло. Бумага его, съ помѣткой младшаго полицеймейстера, прочтена.

Канцеляристы окружили адвоката и его сопутниковъ.

— Господа, я васъ прошу скорѣе начать это дѣло...

— Да что же вы торопитесь? Не хотите ли посидѣть? Вотъ папироска: не угодно ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, господа, избавьте; я еще не обѣдалъ! Начинайте слѣдствіе, и съ Богомъ...

Любезный столоначальникъ пожалъ плечами.

— Вы торопитесь непременно? — сказалъ онъ: — не понимаю! А, впрочемъ... Дневальный! Позвать сюда Мароу!

— Кто это Мароа? — спросилъ Щуковичъ.

— А это одна солдатка! Она у насъ ходокъ по этой части! Вѣдь такихъ дѣлъ у насъ каждый мѣсяць гибель...

— Да помилуйте, — перебилъ Щуковичъ: — тутъ нужна врачебная управа, а не солдатка Мароа!

Столоначальникъ расхохотался во все горло.

— Управа?! Полноте; ну, стоитъ ли созывать для всякой дряни врачебную управу! Мы и такъ обойдемся, полноте...

— Ну, уже нѣтъ, не обойдетесь: взгляните сюда!

Щуковичъ раскрылъ сводъ законовъ, на-скоро передлистовать его, указавъ статью, и чиновники, волей-неволей, должны были уступить ему.

Было восемь часовъ вечера, когда Щуковичъ, послѣ первыхъ успѣшныхъ формальностей, поѣхалъ домой. Городъ уже горѣлъ иллюминаціей, экипажи сновали и прыгали по мостовой, а соборная церковь кишѣла свидѣтелями счастливаго событія въ семьѣ главы городской полициі. Вѣнчаніе совершилось, и гости выходили уже изъ церкви. Хожалые кричали: «карету Мыррина!» — «карету Стовбенко!» и просто: — «Иванъ Васильича кѧ-рѣ-тѣ!»

Наконецъ, Щуковичъ сѣлъ за столъ и налилъ тарелку борщу. Тутъ же возлѣ него, на особомъ столигѣ, велѣно

было приготовить обѣдать и виновницѣ поѣздокъ къ центрамъ правосудія.

— Ну, Фрося, много же васъ всѣхъ у француза? — начала Щуковичъ. Фрося не отвѣчала и не трогала пищи.

— Эка, бѣдная ты, точно горемъ подавилась! — замѣтилъ Михайло.

Щуковичъ не наставлялъ; копчилъ обѣдъ, выслалъ Михайлу и сталъ разспрашивать Фросю о ея житѣи - бытѣи у француза. Сперва она отмалчивалась, то тупо глядѣла въ полъ, то вертѣла конецъ стараго головного платка, то вдругъ заливалась самыми горькими, быстрыми слезами и, ломая руки, взглядывала то въ окно, откуда будто ей грозила невидимая рука, то на образъ. Не больше всего убивала мысль: «Что скажетъ ей и что сдѣластъ съ нею мать?»

Щуковичъ побожился, что защититъ ее передъ матерью и у нея, жившей въ сосѣдней губерніи, выпроситъ ей позволеніе воротиться домой въ деревню. «Нѣтъ, не пуститъ меня мать въ деревню! И уже два года въ обученіи и уже англицкимъ питьемъ стала пить. Не пуститъ! А еще четыре тоже дѣвочки учатся въ швейной у Исидора! Не пуститъ!» Изъ словъ Фроси оказалось, что подъ видомъ родства Исидоръ помѣстилъ, этажомъ выше себя, надъ магазиномъ своимъ, какую-то французенку, *мамзель Пуссенъ*, и выхлопоталъ ей право держать швейную; что эта швейная содержится на его деньги, а мамзель Пуссенъ только принимаетъ заказы; что въ первыхъ комнатахъ у нея чисто, а во внутреннихъ духота и нечистота; что дѣвочки у нея голодаютъ, а по ночамъ работаютъ на себя, чтобы хоть два раза въ недѣлю на складчину ѣсть мясо; что у нихъ нѣтъ ни бѣлья, ни одѣялъ, ни шубъ; что всѣ спятъ въ-повалку на полу и чередуются зимой, кому спать ближе къ печи, а кому къ двери, откуда иногда надуваетъ на полъ изъ сѣней снѣгу; что мамзель Пуссенъ — старая дѣвка, бьетъ утюжными брусками дѣвочекъ по головѣ до крови и со злости выпципываетъ иногда съ головы имъ волосы, а у одной вырвала въ бѣшенствѣ бровь, за то, что ту всѣ подруги хвалили за хорошенькія соболиныя бровки; что многія бѣлошвейки слѣпнутъ у нея надъ питьемъ золотомъ; что, наконецъ, «новенькихъ» она всегда ласкаетъ, и какъ только такая явится къ мамзель Пуссенъ, сейчасъ снизу начинается Исидоръ ходить обѣдать, а послѣ пристаётъ къ новенькой съ глупо-

стями, и когда та обратитъ вниманіе на него, то такую всё другія дѣвочки долго зовутъ послѣ того французенкой и аристократкой. А взрослымъ и сама мамзель Пуссенъ говоритъ: «На тебя твои родные шлютъ одежду, да я ее продаю; а теперь ты и сама на возрастъ и можешь себя одѣть!» Ну, и одѣваются онѣ на свой счетъ...

Заварилось дѣло. Начали писать и отписываться.

Щуковичъ лѣзъ изъ кожи, чтобы побѣдить.

Благодѣтели, безъ сомнѣнія, тотчасъ перекинули вѣсточку самому Исидору, что вотъ, моль, на него поступилъ такой-то и такой-то искъ, и еще не отъ простого какого-нибудь челобитчика, а отъ самого Щуковича. Потерялся-было, не на шутку, съ перваго разу Исидоръ, знавшій таланты Щуковича по слухамъ и брившій лично нѣсколько разъ его благородныя щетки; даже гнусно потерялся, до того, что безъ причины надѣлъ старенькую рыжую шинельку, въ которой впервые явился въ Россію изъ Франціи и которую надѣвалъ только по ночамъ, и въ ней пошелъ ходить по улицамъ. Его просто пришибла неожиданная мысль: «Чѣмъ я куплю мосея Щуковича, чѣмъ я куплю его? Его ничѣмъ не купишь! Да!» — думаетъ онъ и, дрожа отъ трусости, чувствовалъ уже, какъ его вели по улицѣ русскіе солдаты и какъ за нимъ со скрипомъ замыкались двери губернскаго острога. Поздно онъ воротился въ тотъ же день домой и двое сутокъ лично не принималъ гостей въ своемъ магазинѣ, гдѣ такъ ловко онъ покручивалъ всегда свои бѣлокурные усики, картавя безъ милосердія и встрѣчному и поперечному рапортуя о своихъ маленькихъ любовныхъ интрижкахъ, причемъ, разумѣется, смиренныя личности Фроси и какой-нибудь Маша дерзко замѣнялись фамиліями туземныхъ великосвѣтскихъ барынь и даже барышень. Сильно затосковалъ французъ...

Только черезъ пять дней дѣло его устроилось какъ-то такъ, что печальный Исидоръ неожиданно поднялъ носъ, съ улыбкой появился снова въ магазинѣ и сталъ еще болѣе прежняго развязенъ. Имя Щуковича болѣе не пугало его. Онъ даже самъ затѣялъ дать острастку знаменитому адвокату. Въ видѣ диверсіоннаго отряда былъ для этого посланъ къ нему коммій изъ магазина...

Сидѣлъ Щуковичъ дома вечеромъ и пилъ чай. На порогѣ явился развязный незнакомецъ въ общинномъ кургузомъ подуфрактѣ съ пуговицами въ ладонь величиною и въ желто-

зеленыхъ крокодиловыхъ брюкахъ. Это былъ подмастерье Исидора, ярославскій мѣщанинъ, съ сѣрыми глазами на выкатѣ, съ румяными щеками и съ лошадиными губами, корчившій изъ себя француза, для чего постоянно кричалъ другимъ мальчишкамъ въ магазинѣ: «мальшикъ, шиши!»— или: «мальшикъ, мосье папирось э-дю-фѣ!»— Войдя къ Щуковичу, офранцуженный Этьенъ, а православный Стенка, бойко тряхнулъ волосами и отрапортовалъ: «Мосье Исидоръ поручили вамъ сказать, что если вы переманиваете изъ швейной ихъ сестры лѣнливыхъ дѣвокъ, то они вамъ и остальныхъ всѣхъ оттуда выплюютъ!»— Щуковичъ вспыхнулъ... «Ахъ ты, мерзавецъ!»—крикнулъ онъ и схватилъ шандалъ, въ намѣреніи пустить имъ въ мшиаго француза Этьена. Но консервативная природа взяла верхъ, и Стенка выскочилъ невредимъ и цѣлъ изъ квартиры Щуковича. Исидоръ, однакоже, не уgomонился и, съ безпримѣрною пошлостью, буквально исполнилъ свою угрозу. Какъ-то опять Щуковичъ воротился поздно изъ присутствія; во дворѣ его встрѣтила толпа изъ семи дѣвочекъ, безъ платковъ на головѣ и босикомъ по морозу. Всѣ дрожали и, заливаясь слезами, объявили, что ихъ прогнали къ нему мамзель Пуссенъ и мосье Исидоръ. Щуковичъ долженъ былъ помѣстить ихъ у себя на хлѣбахъ, пока полиція приметъ свои мѣры.

«Нѣтъ, это уже изъ рукъ вонъ!—подумалъ Щуковичъ,— это превосходить всякую степень дерзости! Была-не-была!» И онъ поѣхалъ объясниться къ губернатору, лицу дѣйствительно очень доброму и любившему показать, что онъ самостоятеленъ. Губернаторъ принялъ дѣло къ сердцу. Самъ осмотрѣлъ всѣ бумаги по слѣдствію, гдѣ оказались уже и подчистки, и ложныя показанія. Все дѣло поручено переизслѣдовать губернаторскому адъютанту. Юноша-адъютантъ, принялся за дѣло тѣмъ, что цѣлый вечеръ просидѣлъ у Щуковича, выкурилъ пять отличныхъ сигаръ, много говорилъ о злоупотребленіяхъ всякаго рода въ отечествѣ, признался, что не получаетъ никакихъ журналовъ, но что теперь «подпишется непременно!»— («и опять вретъ!»— подумалъ на это Щуковичъ), рассказалъ нлаицъ, по которому думалъ начать слѣдствіе, и кончилъ тѣмъ, что на первомъ же балѣ въ городѣ завертѣлся и забылъ обо всемъ сказанпомъ.—А въ дѣлѣ явился новый эпизодъ...

Сидѣлъ какъ-то, снова подъ-вечеръ, Щуковичъ дома и

пилъ чай. Говорятъ ему, что за нимъ присланъ экипажъ отъ госпожи Дымогловой.

— Кто это такая Дымоглова?

— Это по довѣренности матери Фроси!—робко отвѣчаетъ Михайло:—прѣехала, говорятъ, нарочно изъ своей вотчины и остановилась въ трактирѣ Венеціа...

Поѣхалъ Щуковичъ въ Венецію, мимоходомъ взглянувши, при надѣваніи шубы, за перегородку, въ конурку Михайлы. Фрося, съ тѣмъ же напряженіемъ, молча сидѣла въ углу и шевелила ногой оборку поношеннаго своего, старенькаго платья. Покраснѣвшій кончикъ носа ясно выражалъ, что до нея уже дошелъ слухъ о прѣздѣ Дымогловой и что она хорошо обдумала встрѣчу съ нею.

Въ указанномъ номерѣ гостиницы Щуковича привѣтствовала довольно суровая и полная барыня, круглая и неповоротливая, какъ кочанъ брюквы, съ короткими руками и въ чепцѣ съ лиловыми лентами. Стоя у стола и судорожно тормоша на груди кашемировый платокъ, она двинулась было впередъ и остановилась, какъ бы совѣстись...

— Рекомендую—мужъ мой!—сказала она, сунувши руку въ направленіи къ мужчине средняго роста и заспанной наружности, который тѣмъ временемъ, однако, довольно спокойно миселъ у стѣны.—Благодаримъ васъ за хлопоты, что вы приняли на себя труды... такъ сказать... постарались за эту дѣвку!—прибавила прѣзжая.

— Помилуйте,—подхватилъ Щуковичъ, садясь въ кресло и съ жаромъ обращаясь къ ласковымъ супругамъ:—да это былъ мой долгъ совѣсти, человѣколюбія!—Заспанный мужъ, крутя усы, крикнулъ и подступилъ ближе. Это былъ чистѣйшій образецъ отставнаго бурбона, съ вздутыми, толстыми губами, точно пчелы ихъ укусали, съ широкимъ краснымъ затылкомъ, прикрытымъ галстукомъ съ пряжкой, и мѣдноцвѣтнымъ, рябоватымъ лицомъ, на щекахъ котораго къ губамъ уздечкой протягивались тоненькіе, рыжеватые бакены.

— Э, милостивый государь! Э, мы вамъ очень-съ благодарны; э, по...—Онъ немного говорилъ въ носъ.

Мужъ и жена приблизились къ столу.

— Что такое?—спросилъ Щуковичъ.

Прѣзжая госпожа крикнула и судорожно, безъ нужды, стала подтягивать подъ бородою ленты у чепца.

— Э, но,—продолжалъ супругъ:—хоть мы и благодарны вамъ, но просимъ васъ болѣе не вмѣшиваться въ это дѣло!

Ноги у Щуковича дрогнули сами собою.

— Какъ-съ не вмѣшиваться?

— Да такъ же-съ! — замѣтилъ, подступая уже почти въ упоръ и крутя усы, супругъ:— мы думаемъ идти съ французомъ на мировую...

Щуковичъ улыбнулся.

— На мировую? Да развѣ вы съ нимъ ссорились?

Онъ думалъ не на шутку, что его мистифицируютъ.

— Безъ каламбуровъ, безъ каламбуровъ! Па-ажалуйста, прошу васъ!—замѣтилъ еще громче и грознѣе супругъ Дымогловъ:—мы прѣхали, чтобы покончить это дѣло домашними средствами... Понимаете? Исидоръ—добрый человекъ, и его оклеветали... А мы имѣемъ отъ ея матери полную довѣренность во всемъ!..

Щуковичъ былъ разгромленъ. Онъ рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать: смѣяться ли, плакать ли, или, недолго думая, взять да и хлопнуть прямо въ сѣрые, заплывшіе и сонные глаза нецеремоннаго бакенбардиста...

— Да-съ, полную довѣренность! Не хотите ли покурить?—спокойно добавилъ супругъ Дымогловъ и отирая глаза набивать себѣ трубку. У жены глаза такъ и бѣгали, а руки попрежнему возились то у чепца, то у кашемировой шали.

— Но бѣдная дѣвочка? — залепеталъ Щуковичъ:—честь ея? Вѣдь это единственное, единственное достоинство этого существа... все, что она только имѣетъ и что можетъ въ будущемъ принести въ наслѣдство своимъ дѣтямъ...

Дымогловъ опять, плечомъ впередъ, подступилъ къ нему.

— А не угодно ли вамъ, милостивый государь,—сказалъ онъ шопотомъ и держа кулакъ передъ собою:—убираться съ вашими нѣжностями... Мы-съ люди простые-съ, военная кочка... мы смотримъ на вещи прямо, по уму...

Щуковичъ всталъ, хотѣлъ что-то сказать и поклонился.

— Мнѣ точно остается только уйти! — сказалъ онъ съ улыбкой, видя, на какихъ людей попалъ:—успокойтесь! Защищайте, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, Исидора! Но онъ ли и вызвалъ васъ сюда?.. Но знайте, этому дѣлу только два исхода: или дѣвочка останется при своемъ показаніи, и тогда французъ попадетъ въ острогъ; если же она покажетъ, что оболгала его понапрасну и внесетъ бѣду на

другого... въ послѣднемъ случаѣ ее оставить до совершен-
нолѣтія подѣ присмотромъ полиціи, а потомъ сошлютъ...
Какъ-то тогда, сударыня, заневелится у васъ совѣсть?!

Сударыня, однакоже, пребыла въ полномъ молчаніи, и
спокойны остались торчавшія на ея головѣ ея лиловыя ленты.
А мужъ, куря трубку, просто указаль Щуковичу двери..

Фрося, между тѣмъ, продолжала жить у дяди за перего-
родкой, копаясь въ разной рухляди, штоная старое платье,
перетирая посуду и изрѣдка порываясь нагвѣвать подѣ носѣ
разныя пѣсенки. Она уже успокоилась, и свѣженькая улыбка
не покидала ея прежде убогаго и запуганнаго лица; синень-
кіе глазки смотрѣли ласково, а косы тщательнo заплетались
уже и клались вокругъ головы толстенькимъ вѣночкомъ.

Но не далѣе, какъ черезъ двѣ недѣли, Щуковичъ уже
не узналь ея болѣе. По утрамъ прежде онъ училъ ее мо-
литвамъ и простому счету, купилъ ей ситцу на платье и
любовался ея дѣтскою копотливостью. Тутъ вдругъ она опять
услась въ уголь, надулась, стала рѣдко отвѣчать на всѣ
вопросы, перестала заботливо чесаться, болѣе не штопала,
выходила уже за ворота, болтала съ прохожими, а одинъ
разъ, какъ-то послѣ обѣда, пріодѣлась и безъ спросу куда-то
ушла тайкомъ, не возвращалась до поздняго вечера и при-
шла тихо за перегородку, но уже не съ пустыми руками,
а съ узелкомъ орѣховъ и въ поль-шьяна. Михайло все это
видѣль. Замѣтилъ и Щуковичъ...

— Михайло! Это что?! Гдѣ Фрося была?—спросилъ онъ.

Михайло злобно покачалъ головой, вытирая стаканы, гля-
нулъ въ сторону перегородки и проиниѣль:

— Таскалась тоже въ Венецію!

— Это какъ?

— Сестру мою, а ея, значить, мать привезли тоже изъ
деревни, съ нарочнымъ...

— Ну?

— Мать-то ее сдуру и выманила отсюда тайкомъ, еще
и вчера за ней на извозчикѣ пріѣзжала; значить, сбиваютъ,
чтобъ отказалась отъ всѣхъ своихъ показаній... Весь вечеръ
уговаривала ее, безстыжая корга, сама... свое дѣтище-то,
на кухнѣ; говоритъ, даже медомъ потчивали... Ну, и по-
шатнулась, видно, дѣвка! Сама уже и хвастаетъ, что мать-то
ей и серьги купила, и въ театръ обѣщала взять...

— Гдѣ она? гдѣ Фрося? — крикнулъ Щуковичъ, идя за перегородку...

Михайло, передъ тѣмъ уходящій на кухню, глянулъ за перегородку, откуда былъ другой выходъ въ коридоръ, и ахнулъ.

— Нѣту-съ... Опять, должно быть, ушла туда же, завидѣвши, что вы рано воротились домой; да вѣрно и вовсе убѣжала, такъ какъ и тряпье свое разбросала...

Вошелъ Щуковичъ за перегородку. На тюфякѣ Михайлы лежалъ кусокъ дрянного ситца, а въ платкѣ лежало нѣсколько горстей орѣховъ. Новенькіе козловые, должно быть тоже подаренные, башмаки засунуты были подъ подушку.

— Ахъ, ты, иташка, иташка! И за что себя продала! — крикнулъ Михайло, ударивши себя въ грудь. А Фрося, точно, уже совсѣмъ переселилась въ Венецію. На ней явилось новенькое зеленое съ мушками платье. Въ карманѣ ея завелся полтинникъ, а отъ волосъ стало нести розеткой. По вечерамъ, когда фонари зажигались на главной улицѣ, у воротъ Венеціи, окруженная поварами и конюхами, Фрося садилась на лавочку, и, смѣясь и грызя во весь ротъ орѣхи, рассказывала о своемъ житьѣ-бытьѣ у француза, отпускала иногда бессмысленныя, на французскій ладъ, фразы, въ родѣ: «Команъ-ву-порте-ву!» или: «Ке-ле-ма-шеръ, боку-са-ва!» — и праздною челядь награждала ее взрывами самаго дурацкаго хохота и навязчивыми грубыми ласками.

— Что тутъ, однако, дѣлается? — подумалъ однажды Щуковичъ и рѣшился узнать о ходѣ дѣла у самого губернатора: — здѣсь что-то темно и загадочно! — Онъ поѣхалъ къ губернатору.

Губернаторъ, на первый вопросъ, съ грустною улыбкою подаль Щуковичу бумагу, принятую имъ отъ Дымоглотовой, слѣдующаго содержанія: «Ваме превосходительство! Извѣстныя всѣмъ благодѣянія ваши несчастнымъ и обижаемымъ страдальцамъ побуждаютъ меня на сей разъ прибѣгнуть къ вамъ. Извѣстный кляузникъ и крючокъ, здѣшній адвокатъ Щуковичъ, вмѣшался въ дѣла дочери довѣрительницы моей, по имени Евфросиніи Александровой Индюковой, замарать понапрасну доносомъ бывшаго французскаго, а нынѣ русскаго подданнаго, извѣстнаго здѣшняго парикмахера, Исидора Салэ. — Дѣвочка же эта давно замѣчена нами въ порочномъ и безнравственномъ поведеніи и отдана для испра-

вленія въ швейную при модномъ магазинѣ двоюродной сестры Исидора, мамзель Пуссенъ. Она тамъ лѣнилась, не хотѣла учиться и бѣжала къ этому Щуковичу, гдѣ служить ей дядя, Михайло Индюковъ. Тамъ она Щуковичу, а при его содѣйствіи и самой полиціи, дала ложный извѣтъ на Исидора, а нынѣ, при моемъ вразумленіи о пагубѣ своей души, во всемъ чистосердечно раскаялась и созналась на бумагѣ при подписаніи свидѣтелями: отставнымъ квартальнымъ надзирателемъ Бордуновымъ и кучеческими сыновьями Сырѣйщиковыми и Добросвѣтовыми. А носему, проси ваше превосходительство о прекращеніи названнаго дѣла по жалобѣ указанной Евфросиніи на парикмахера Исидора и о взысканіи по законамъ съ Щуковича за непрощенное вмѣшательство въ неподлежащія ему и вымышленныя дѣла, пребываю такая-то подпоручица Дарья Аркадьевна дочь Дымоглотова».

— Ну, что-съ?—спросилъ губернаторъ.

— Это верхъ наглости, ваше превосходительство!..

— Что же дѣлать? У нея довѣренность... Но, вѣтъ, разбить ихъ стачку, разбить!—говорилъ съ сердцемъ губернаторъ и велѣлъ своему адъютанту, тому самому, который за танцами одного вечера забылъ вовсе о порученномъ ему дѣлѣ, принять къ этому тотчасъ, немедленно и самыя строжайшія мѣры...

Адъютантъ опять исполнился. Ему совѣстно было передъ Щуковичемъ. Да еще передъ тѣмъ онъ сильно проигрался въ карты и почему-то усердно сталъ работать по службѣ. Кинулся онъ съ Щуковичемъ къ дѣвочкѣ, призвали ее въ полицію; но она уперлась на своемъ: «Обнесла я по злобѣ мосье Исидора!» да и баста. Ничего болѣе отъ нея не узнали.—Кто же... на кого же ты покажешь?..—допрашивали ее въ полиціи.—Нынѣ поваръ Никишка, это онъ!—не красиба, сказала Фрося. Позвали Никишку. Но отъ этого ничего уже не добились. Черепуганный зовомъ въ полицію, онъ только молчалъ, глупо смотрѣлъ на всѣхъ сърыми, потухшими отъ страха и блуждающими глазами и едва шевелилъ бѣлыми, камъ мѣлъ, губами... Тѣмъ исторія и кончилась.

Щуковичъ, озабоченный кучею другихъ дѣлъ, тоже ее бросилъ.

Мосье Исидоръ остался въ томъ же магазинѣ и въ томъ же городѣ.

Фресь, говорятъ, совершенно утѣшилась и живетъ уже на вольной квартирѣ, работая той же мамзель Пуссенъ поштучно. Недавно я видѣлъ ее на извозчикѣ съ толстымъ драгуномъ. Зато, проѣзжая нашъ украинскій городъ, вы можете видѣть на главной его улицѣ рядъ зеркальныхъ оконъ, чугунное крыльцо и рѣзныя двери прелестнѣйшаго парикмахерскаго магазина. Раззолоченныя вывѣски, въ сажонъ величиною, цѣпляются по всемъ стѣнамъ, карнизамъ и даже по крыльцу магазина. А въ окна смотрятъ кучи блестящихъ тросточекъ, цѣпочекъ, банокъ, стклянокъ, запонокъ, бѣлья, платя, книгъ и галстуковъ. Уже въ самыхъ дверяхъ, при входѣ, встрѣчаетъ васъ запахъ лоделаванда и прижатыхъ волосъ. За дверью же самъ хозяинъ, прелюбезнѣйшій господинъ съ тонкими, нѣжными чертами лица, очаруетъ васъ своею постоянною улыбкой и бѣлокурыми усиками. Подъ предлогомъ завивки волосъ, онъ сбываетъ вамъ голландское бѣлье; подъ предлогомъ стрижки, сбываетъ романы новѣйшей парижской фабрикаціи. И, пересыпая работу свою и своихъ подмастерьевъ анекдотами о своихъ похожденияхъ, онъ тутъ же лепечетъ о Бонапартѣ и объ англійскомъ парламентѣ, о дѣлахъ Китая и о турецкомъ займѣ, вскрикивая: «Voici le dernier numéro de l'Indépendance Belge! Lamartine est hors de Paris! Lamoricière revient... Мальшійкъ, индѣ шинсѣ!» И православный Степка, въ кургузомъ полуфрактѣ и въ желто-зеленыхъ, крокодиловыхъ брюкахъ, передаетъ его приказъ далѣе, тѣмъ же тономъ: «Мальшійкъ, индѣ шинсѣ!»

На вывѣскѣ магазина красуется та же надпись:

Isidor de Paris.
Gants-Linges-Frisure.
Perruques.
Salon pour la coupe des cheveux.
Bibliothèque de lecture.

Прохожіе любятъ золотыми словами вывѣски, хлыстками, банками и галстуками. А въ кругу искреннихъ пріятелей, двухъ-трехъ соотечественниковъ-магазинщиковъ изъ мѣстной французской колоніи, мосье Исидоръ даже вовсе не церемонится и говорить, весело отзываясь о заведен-

ныхъ съ нимъ разными матерями дѣлахъ и выпивши стаканъ родного шабли, по-русски, какъ любить говорить вообще подкутившіе иностранцы въ Россіи: «О!! я такой шилавѣкъ, такой шилавѣкъ, que lorsque je veux, когда я хочу, чтобъ никто не кадилъ по моей улицѣ, то никто, personne, personne, и не будить кадить!»

И пріятелямъ его кажется, что дѣйствительно, если Исидоръ захочетъ, то не только человекъ, даже самое солнце, освѣщающее окрестные смиренные поля и луга, не посмѣетъ заглянуть въ улицу, гдѣ широко раскинулись блестящія вывѣски магазина безцеремоннаго и блаженнаго французика...

Это, господа, были!..

1859 г.

ПАСЪЧНИКИ.

(РАЗСКАЗЪ ЗЕМЛЕМЪРА.)

Однажды, среди хлопотъ по полюбовному размежеванію, провозился я, въ одной изъ отдаленнѣйшихъ частей *** уѣзда, что-то очень долго. Дѣло шло о поемныхъ лугахъ и о водяной мельницѣ, между старухой помѣщицей и ея сосѣдомъ-однодворцемъ. Посредники выходили изъ себя. Нашъ братъ, землемѣръ, въ такіа минуты оказывается рѣшительно лишнимъ. Вѣтхіе старички иногда еще коротають время, прохаживаясь, съ астролябіей и вѣхами въ рукахъ, по пустыннымъ окрестностямъ, подготавливая очерки спорныхъ луговинъ, гдѣ-нибудь подъ горою, что въ Шѣстушахъ, или планъ сельца Колокольниковова, что въ Подзозудиной-балкѣ. Но мы, пылкіе юноши, у которыхъ на ногахъ еще не видно мозолей отъ свершенныхъ прогулокъ по свѣту, мы просто не знаемъ, что дѣлать отъ скуки. Изволь бесѣдовать съ отряженными къ тебѣ вѣховниками, которые, особенно въ теплую погоду, такъ и смотрятъ въ лѣсъ. «Дѣло понятное!—думаль я, проживая въ старомъ флигелѣ у помѣщицы:—съ такой хозяйкой просто со скуки умрешь!» Въ предчувствіи близкаго пораженія, необузданная барыня питала ко всему нашему сословію ненависть непримиримую. За хозяйскій столъ меня не звали; порція паливки въ рукахъ буфетчика уменьшилась. А на бѣду еще посредники и предводительскій чиновникъ уѣхали, по случаю дворянскаго засѣданія, въ городъ. Къ счастью, я вспомнилъ объ одной сосѣдкѣ, о милой дамочкѣ, съ которой встрѣтился зимою на вечерѣ у предводителя, и рѣшился, отъ нечего дѣлать, завернуть къ

ней на село и, замѣтите, завернуть пѣшкомъ, потому что объ экипажѣ нечего было и намекать разобитенной любовнымъ размежеваніемъ барынь...

Стояла весна.

Сборы были не долги. Село Бѣлобабовка, на рѣкѣ Грунь-сухая, лежало какихъ-нибудь въ семи или восьми верстахъ; пройти ихъ землемѣру было такъ же легко, какъ иному мужику, ворочающему жернова и чугунные берковцы, смолотить лишній десятокъ сноповъ въ день. Я закурилъ трубку, захвася инструментами, въ надеждѣ, если не застану самой помѣщицы дома, позаняться съ ея приказчиками провѣркою ея участковыхъ плановъ; разспросилъ о дорогѣ и пошелъ.— «Идите, этакъ, прямо!— говорилъ мнѣ тоненькою фистулою, ломаясь и важничая, главный поваръ барыни, Доримедонтъ, стоя, съ трубкою въ зубахъ, на крыльцѣ кухни:— спуститесь подъ горку; тутъ вамъ будетъ, такъ сказать, поворотка въ боръ, тамъ ступайте все прямо, прямо, одна дорога и есть; тутъ, около дороги, затѣнка, непросту лѣсная пасѣка, и живетъ на ней пасѣчникъ Гордѣй; окликните его, а онъ уже васъ и доведетъ!— прибавилъ убѣдительно поваръ, силевывая въ сторону и косясь на мои пятки:— а онъ и доведетъ!»

Я спустился подъ-гору, свернулъ на воротку и не замѣтилъ, какъ охватили меня темные своды бора. На души моей повеселѣло; я забылъ и старую помѣщицу, и хлопоты по любовному размежеванію, и самую цѣль своей прогулки въ село Бѣлобабовку...

Шаги мои робко раздавались по узкой просѣлкѣ. Въ два ряда, по сторонамъ, стояли такія сосны, что взглянуть на нихъ, такъ шапка валилась. Вообще, этотъ боръ принадлежалъ къ рѣдкимъ исключеніямъ безлѣснаго *** уѣзда, составляя вѣковое достояніе множества мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ отъ рѣки Грунь-тихой вплоть до ея сосѣдки, Грунь-сухой. Любо было даже издали глядѣть на его ровный, сосна къ соснѣ и вершина къ вершинѣ, нетронутый и многолѣтній островъ. Гордо высились даже мелоча, разбѣжавшіяся отъ главнаго клина кудрявыми и веселыми древесными высеками, по легкимъ водомоинамъ и приземистымъ хоямамъ гладкой, какъ стрѣла, степи. Въѣзжихъ дорогъ въ этотъ боръ было очень мало. Причиною этому, впрочемъ, была не столько заботливость владѣльцевъ о сохранности его, сколько

обширная, болотистая низменность, лежащая по ту сторону бора, съ извилистыми, влажными тропинками, по которымъ съ трудомъ пробирались окрестные поселяне, искони знаменитые садовники и пчеловоды. Часто, проѣзжая здѣсь, вы встрѣтите большой обозъ съ дровами.

— Откуда, братцы, ѣдете?

— Изъ-подъ Трофимцовъ!—отвѣтятъ вамъ.

— А какія дрова?

— Груша да яблоня лѣсная!

И вотъ нынѣшняя участь старинныхъ грунтовыхъ садовъ и заповѣдныхъ заѣкъ стараго украинскаго юга.

Боръ неожиданно смѣнился кущами чернаго лѣса. Надменно затемнѣла и сдвинулась свѣтчатая листва берестняка и кленовъ. Въ ея зелено-золотистыхъ просвѣтахъ съ легкимъ свистомъ, шнырили дрозды и тѣ странныя степныя птички «ракши», которыхъ иногда можно встрѣтить у дороги, на коннѣ сѣна или на кочкѣ, и при взлетѣ которыхъ кажется, что зеленый вѣтеръ, брошенный изъ-за угла, раскрылся и летитъ по воздуху. Замелькали свѣтлыя лужайки. Близость воды была очевидна. Въ простѣнкахъ мелкихъ орѣшниковъ мелькнула верхушка куреня.. И чѣмъ ближе къ пасѣкѣ, деревья становились свѣжѣй и зеленѣй. Точно пчелы смакивали лучинныхъ красавцевъ бора. Всѣ деревья кругомъ стояли, какъ въ праздничныхъ нарядахъ, распространяя то первое, еще не прискучившее весеннее благоуханіе, которое такъ радуетъ живущихъ вблизи лѣсныхъ мѣстъ. Вездѣ стояли столбы иѣжныхъ черемухъ, окунутыхъ медвянодушистымъ цвѣтомъ. Вездѣ покачивались стрѣльчатая лозы, усыпанныя пушистыми, голубоватыми куколками, и гордо красовались кудрявыя дикія яблони, точно одѣтыя въ розовыя и палевныя мантіи, съ которыхъ, при легкомъ вѣтрѣ, сыпалась на кусты и на травы душистая метель крылатыхъ бабочекъ...

Я обошелъ маленькій ровъ и вступилъ на пасѣку. Въ куренѣ не было ни души. Я окликнулъ пасѣчника Гордѣя. Отвѣта не было; только эхо, звонко отозвавшись въ иѣсколькихъ мѣстахъ бора, вызвало прежнюю, еще болѣе торжественную тишину...

Будучи не чуждъ хозяйственныхъ соображеній, къ которымъ невольно привыкаешь, живя между нашими помѣщиками, охотниками потолковать о хозяйствѣ, я оглянулъ па-

сѣку, въ которой было мало чѣмъ меньше сотни ульевъ, и тутъ же пожалѣлъ, что пасѣчникъ, хотя и выбралъ такое удобное мѣсто для первой перекочевки пчелъ, по всей очевидности ходилъ за этимъ дѣломъ спустя рукава. Ульи стояли маленькіе, кривые, наскоро прикрытые черенками и лубками и почернѣвшіе отъ дождей и вѣтра. Другіе, пустые, печальною грудой лежали тутъ же, въ сторонѣ, въ ожиданьи близкой поры росенья. Тѣсные домики кралатыхъ медоносницъ топили въ густой травѣ, которая такъ вредна для пчелъ, заводя сырость и пасѣкомыхъ. А между тѣмъ, повторяю, лучшаго мѣста для пасѣки трудно было выбрать. Тутъ же, внизу площадки, видѣлось и маленькое озерко. Пчелы въ это время еще не носили меду, а собирали по лугамъ и деревьямъ воскъ для новой «дѣтвы», какъ говорится, «новили»—заново мебелировали восчанья клѣточки своихъ домиковъ. Недавно еще слабыя и черезъ силу преодолевающія легкій весенній вѣтеръ, онѣ уже съ мятежнымъ шумомъ вылетали изъ ульевъ за душистымъ, цвѣтовымъ «взяткомъ», и пасѣка издавала пріятное, такъ знакомое пчеловедамъ гудѣнье. Между разною утварью кинулся мнѣ въ глаза неуклюжій, заиндевшій самоварчикъ и какая-то замачканная книжка. Посуда и кое-какое платье были разбросаны тутъ же, по угламъ. Исключеніе составлялъ большой муравлений кувшинъ съ водою, поставленный на полкѣ и заткнутый пучкомъ только-что сорванной, свѣжей клубники. Я опустился въ курень, на солому. Смятое, належаемое мѣсто на ней было такъ уютно, что, казалось, здѣсь больше ничего нельзя было и дѣлать, какъ только лежать и ничего не дѣлать...

Со стороны бора слышались шаги. Кто-то обошелъ деревья, миновалъ ульи и сталъ у куреня, молча, какъ бы слушающій. Нѣсколько минутъ прошло въ тишинѣ...

«Осторожный человѣкъ!»—подумалъ я и приподнялся на солонѣ. У низенькаго, треугольнаго входа въ курень показалась голова съ рыжеватыми усами и рука съ наломанными вѣтками. Это былъ пасѣчникъ Гордѣй, полу-мужикъ и полу-мѣщанинъ, изъ вольноотпущенныхъ.

Назвавъ себя, я вышелъ изъ куреня, причемъ худощавый и длинный пасѣчникъ обрисовался передо мною во весь ростъ, въ зеленомъ замасленномъ картузѣ, долгополомъ сюртукѣ изъ голубой нанки, какую носятъ въ мелкихъ городкахъ мѣщане въ первую пору счастливыхъ барышей, и въ

темныхъ съ цвѣточками брюкахъ, заботливо всунутыхъ въ высокіе сапоги. И не одинъ пасѣчникъ явился передо мною. Рядомъ съ нимъ на веревкѣ стояли еще двѣ огромныя собаки, мохнатыя и полуслѣпыя отъ нависшей клокками сивой, почти красной шерсти, почему постоянно имъ простригали косые, зеленоватыя глаза.

— Не кусаются?—спросилъ я.

— Даже и не лаютъ!—отвѣтилъ отрывисто Гордѣй, бросивъ въ курень вѣтки и картузь и молча отправившись привязывать собакъ къ дальней соснѣ, за ульями.

Собаки Гордѣя, точно, не лаяли. Зато ходили грудью на волка и, кинувшись, безъ всякаго шума, на какую бы то ни было добычу, тутъ же ее и душили на смерть. Въ такихъ собакахъ особенно нуждаются южные поселенцы не храброй руки, которымъ приходится водворяться въ степныхъ слободскихъ и придѣиловскихъ участкахъ.

— Не можешь ли ты, братецъ, провести меня на Бѣлобабовку?—спросилъ я Гордѣя.

Пасѣчникъ молча оглянулъ меня и сталъ ближе, какъ бы изъ уваженія, но въ то же время съ напряженнымъ любопытствомъ осматривалъ меня. Погладивъ, на мой вопросъ, голову, онъ только переступилъ съ ноги на ногу и закинулъ руки за спину, причемъ сухощавый сталъ его нѣсколько сторбился. Такъ, сколько замѣтилъ я, обыкновенно держатся дворовые люди не первой молодости и резонерскаго характера, отшедшіе, посредствомъ отпускной, на такое житье, гдѣ можно сразу успокоиться и вдоволь належаться и выспаться. Гордѣй принадлежалъ къ числу ихъ. Слѣды былой, избалованной и исковерканной на дармоѣдствѣ жизни проглядывали у него во всемъ. Впрочемъ, хотя онъ сѣлъ на пасѣку и не прямо отъ плуга, совершенно лѣнивымъ назвать его было нельзя. Встрѣчаясь съ нимъ не одинъ разъ впоследствии, я узналъ, что онъ былъ даже человѣкъ старательный и особенно усердно заботился о своемъ прибыткѣ. «А кого вамъ, смѣю спросить, надо на Бѣлобабовкѣ?—возразилъ Гордѣй.

Я рассказалъ ему свои намѣренія. Осторожный Гордѣй, какъ видно, успокоился (онъ на Бѣлобабовкѣ снималъ участокъ бора и опасался назойливыхъ соперниковъ), тутъ же разговорился и объявилъ, что ему всѣ бѣлобабовцы чуть не кумовья, что онъ тамъ бываетъ почти каждый день, у при-

казчика недавно крестилъ сынишку, на церковь пожертвовалъ новую икону и у помѣщицы снимаетъ уже второй годъ на бору, тутъ же недалеко, еще мѣсто для пасѣки.

— А что? — спросилъ я, закуривъ трубку и заинтересованный Гордѣемъ: — какъ идетъ хозяйство бѣлобабовской помѣщицы?

Гордѣй подумалъ и не отвѣтилъ ни слова.

— А что? плохо идетъ? Да ты, братъ, не бойся: я чело-вѣкъ посторонній и сору изъ избы не вынесу...

Гордѣй, улыбувшись, сталъ водить рукою по листьямъ орѣшника.

— Странное дѣло! — продолжалъ я, въ то время, какъ каріе, рысьи глазки Гордѣя такъ и слѣдили за мною: — вѣдь вотчина этой барыни чего не захватываетъ: отъ Печерековскихъ пустошей и до Пяти-Колодцевъ, — все ей луга да залежи!

— «Да! — замѣтилъ, какъ бы въ раздумьи, Гордѣй: — много угодій... только-съ говорится, велика Оедора...» и, замолчавши, отвернулся; въ подвижномъ лицѣ его играла каждая жилка...

— Вотъ оно какъ! — подхватилъ я не безъ любопытства: — а поди ты съ нашимъ братомъ землемѣромъ; вѣдь мы, отмѣривая-то каждый день этикія линіи взадъ и впередъ, и Богъ знаетъ, чего не заберемъ въ голову!.. И богатство-то, и раздолье-то, и всякое довольство!..

Гордѣй оживился.

— Да, сударь, всякія бываютъ земли; вотъ хоть бы и на долю нашей сосѣдки! Измѣрилъ и я не мало дорогъ и бездорожья на свѣтѣ; цѣну земелькѣ знаю!

— Такъ, стало-быть, мы съ тобой одного болота кулики? — подхватилъ я, желая еще болѣе подзадорить неразговорчиваго собесѣдника.

— Да-съ! — продолжалъ Гордѣй: — такихъ плодородныхъ земель, какъ въ этихъ мѣстахъ, такъ я еще и не видывалъ! Это правда, вотъ хоть бы и въ Бѣлобабовкѣ: рабочихъ рукъ точно мало, за то земли по тридцати, да по сорока десятинъ на душу; три водяныхъ мельницы обѣ осьми жерновахъ; лѣсъ дубовый, весь строевой, а по рѣчкѣ сплавъ, — только подавай: берутъ и на колеса, и на сваи, и на доски; а конскій табунъ такъ еще покойный отецъ паслѣдницы

завель, какъ былъ въ здѣшнихъ мѣстахъ исправникомъ! Нѣтъ-съ, имѣніе хорошее, хорошее! Нечего жаловаться!

— Да отчего же баринѣ-то бѣлобабовской тутъ не живется? вѣдь, чай, и теперь въ городѣ?

— Да-съ, въ городѣ! Такъ уже, не живется, видно, да и только!—отвѣтилъ Гордѣй, усмѣхнувшись...

Мы этакъ не мало ходили, бесѣдая, съ Гордѣемъ по парку, съ площадки которой видѣлась вся обширная болотистая низменность, отдѣлявшая боръ отъ возвышенности, за которою, въ туманномъ просвѣтѣ синѣющаго далекаго лѣса, очевидно обозначавшемъ логовице большой рѣки, чуть видѣлась верхушка бѣлобабовской церкви.

Въ это время заворчали собаки. Между сосенъ, въ кустахъ орѣшника, показались два старика, одинъ повыше, другой пониже, оба бѣлые, какъ черемухи въ цвѣту, въ бѣлыхъ шапкахъ и въ бѣлыхъ, широкихъ кафтанахъ до земли. Гордѣй извинился и пошелъ къ нимъ. Нѣсколько минутъ онъ съ жаромъ о чемъ-то говорилъ съ ними, размахивая руками, и вернулся не въ духѣ. Старики еще стояли, поглядѣли на меня и въ своихъ бѣлыхъ кафтанахъ и шапкахъ, колышась, какъ тѣни, медленно удалились къ повороткѣ просѣлки.

— Кто это?

— А! — отвѣтилъ, съ неудовольствіемъ и какою-то неприязненностью Гордѣй: — прахъ ихъ побери! Тѣнинскіе богачи, тоже пасѣчники; тутъ на бору близъ меня и заведеніе; отецъ съ сыномъ; такъ сюда все и ползутъ, мѣста нѣтъ! Одному сто-пятнадцать, а другому восемьдесятъ лѣтъ! Шутка ли? Деньги лопатами загребаютъ, а туда же попрошайничаютъ: улы, вишь, понадобились,—пчелы роиться стали! У кого что, а у нихъ уже роятся!..

Гордѣй плюнулъ; онъ былъ, очевидно, разсерженъ.

— Что же ты, обѣщаль имъ?

— А съ какой стати я буду обѣщать? ну ихъ! — отвѣтилъ Гордѣй и молча глянулъ въ ту сторону, гдѣ между кустовъ орѣшника уже едва видѣлись бѣлые шапки тѣнинскихъ пасѣчниковъ...

Мы ходили еще нѣсколько между куренемъ и соснами.

— Ну, а у тебя какъ дѣла идутъ? — спросилъ я, оставившись у обрыва площадки и невольно продолжая любоваться зелеными тѣнями.

— Ничего!—отвѣтили Гордѣй:—идуть себѣ, плетутся!

— То-есть какъ же это?

— Да такъ же; плохо идуть, коли хотите знать, да и все тутъ!

— Быть не можетъ! Пчелы идуть плохо? При такой-то веснѣ? Расскажи, пожалуйста! Что-то странно это, когда подумаю, что весь нашъ край только и хвалится, что вашими, да еще волганскими пчеловодами...

Рыжіе усы и каріе глазки Гордѣя задвигались. Видно было, что внутри его опять кипѣло. И немудрено, какъ я узналъ впоследствии: Гордѣй былъ, какъ выражаются о такихъ людяхъ, «придорожное гореванье»...

И выбралъ мѣстечко у края площадки, сѣлъ на перевернутый улей и занялся вооруженіемъ большой пѣвковой трубки, которая составляла неизмѣнную утѣху мою во всѣхъ многообразныхъ походахъ «дѣловой практики» уѣзднаго землемѣра. Гордѣй началъ:—«Скажу вамъ, сударь, то-есть, по чистой по правдѣ, что нѣтъ тому на свѣтѣ большого такого горя, какъ видѣть гоненіе судьбы-сѣ! А опричь того, еще просто непонятныя дѣла!»

Гордѣй на минуту переможъ и началъ опять тихимъ, какимъ-то плаксивымъ и будто размякшимъ для большей жалости голосомъ:

— Пришелъ я, сударь, въ эти мѣста изъ крѣпостныхъ, какъ вольную получилъ. Много на первыхъ-то порахъ, сгоряча, путей и дороженекъ я поиспробовалъ! Глупъ былъ! Кидался и въ паемъ по камердинерамъ, и въ трактирные, и въ мелкое, какъ есть, торгашество по мостамъ, да на перекресткахъ въ городахъ. Я изъ Великороссіи, сударь; на Окѣ, если изволите знать, и родина моя. Понамаялся! Ну, да этому и давно, лѣтъ уже съ десять, и больше будетъ; ходилъ и въ тонкомъ сукнѣ, и при часахъ, и въ бархатныхъ жилеткахъ; а случалось и такъ, что спозаранку-то, какъ народу еще мало на улицахъ, и милостыню просилъ. Всего было! Глупъ былъ! Опомился я, однако, въ-время; осадилъ меня одинъ, изъ вольноотпущенныхъ тоже, — старикъ уже былъ, безсемейный и совсѣмъ, какъ говорится, прогорѣвшій съ перваго размаху; говорить: «Куражь куражемъ, а о спасеніи души тоже помышляй!» Шла молва въ нашей сторонѣ о здѣшнихъ пасѣчникахъ; меня вотъ такъ и подмануло... Мѣста въ лѣсахъ, я думалъ себѣ,

ни по чемъ, да и сбытъ хорошій; въ городѣ, по близости, какъ извѣстно и вашей милости, свѣчная восковая фабрика, а медъ и помѣщики, и монастыри, и нашъ братъ, здѣшній поселенецъ, берутъ—только подавай! Ну, я и съѣлъ на насѣлку; да что,—дѣло совсѣмъ выходитъ плѣвое! Эти, старыето здѣшніе пчеловоды точно заворожили всѣ мѣста на бору, хоть брось!

— Что-жъ такъ, однако? Времена дурныя подошли, что ли?

— Нѣтъ, сударь, нѣтъ!—отвѣтилъ Гордѣй мягче и какъ-то грустно-задумчиво: — на время пожаловаться нельзя, травы родятся по колѣно: пчела только носи! Маломедкости въ здѣшнемъ краѣ и не знаютъ. А не идоть у меня, однако, да и только! Какъ заколдовано, другого и не придумаешь. Да вотъ, просто, сударь, вамъ сказать, — продолжать Гордѣй, присѣвъ на траву: — видали-ль вы когда, какъ на живѣ иной колось стоитъ въ ростъ человѣческій; а тутъ же, въ серединкѣ-то, завелась худосочинна, отъ земли или и такъ, отъ сѣмени; не родится на ней хлѣба, да и полно! Вотъ такъ и у меня! То вдругъ гнильцовая зараза ударить передъ утренниками, какъ наступягъ первыя росы, то пасѣлка съ пасѣкою чужою въ сѣчку ударится, вотъ какъ бы настоящее сраженіе происходитъ, — ажно страшно становится; и переводется иногда, въ одинъ разъ, поль-завода. То такъ, видно кто-нибудь дорогу перейдетъ, стануть вдругъ всѣ пчелы, какъ сонныя, и мрутъ до той поры, что и на рой ничего не останется. Ходилъ я и къ бабамъ, и солдатъ одинъ ворожилъ: ничего не беретъ! А вотъ года съ три, такъ случилась такая оказія. До тысячи колодокъ было; семерыхъ работниковъ держалъ; повѣрите ли, господа съѣзжаться стали смотрѣть; губернаторъ мальчика въ ученье отдалъ! Ну, и перебился я зиму; кормилъ пчелу лучшимъ медомъ и еще прикупалъ. Привалила, хоть бы и теперь, весна да заналилъ жаръ, и зароились мои пчелки, — да такъ, что ульевъ въ городѣ на сто цѣлковыхъ подрядилъ. Что же, сударь: въ поль-лѣта это вдругъ налетѣли жуколки такія, «шершни» здѣсь прозываются, съ хоботкомъ да съ рожками, стали бить и поѣдать пчелу; а тутъ пошли дожди, завелась тля, да такая, что какъ перевернули ульи, а тамъ даже и воску нѣтъ, — одна паутина да гниль! Такъ тутъ, повѣрите ли, хоть въ воду, какъ изъ тысячи-то колодокъ, да осталась вся пасѣлка на тридцати! Вотъ оно, какъ

идуть у меня дѣла, если вы желаете знать! Теперь и другую, особенную пасѣку развожу второе лѣто, тутъ же на бору, — да что?.. Проку нѣтъ, вотъ что! Проку, барышей... нѣтъ...

И Гордѣй, съ усиленіемъ проговоривъ послѣднія слова, нагнулся къ землѣ и замолчалъ. Я также молчалъ, смиренно потягивая изъ погасавшей уже и хрипѣвшей трубки.

Въ это время за кустами, внизу площадки, послышалось тельканье колокольчика; раздался быстрый и мягкій стукъ неокovanýchъ колесъ, и изъ-за холма, въ сторонѣ кустовъ, показался на тельжкѣ человекъ пожилыхъ лѣтъ, въ полотняной фуражкѣ и старомодномъ сюртукѣ домашняго покроя.

— Сысончъ, приказчикъ изъ Тѣшина, — шепнулъ Гордѣй, испѣшино вскакивая съ травы...

Не успѣлъ онъ приподняться, какъ голубая тельжошка круто повернула вниз, между раkitниками, и подвезла къ обрыву площадки коротенькаго румянаго толстяка, сидѣвшаго среди мѣшечковъ и какихъ-то связокъ. Тельжошка, при помощи краснощеккаго и сутуловатаго мальчишки-кучера въ долгополомъ армякѣ, остановилась; только разбитый колокольчикъ на дышлѣ долго еще не могъ успокоиться и неистово заливался, потому что косматыя и, какъ видно, пріобрѣтенныя въ разное время лошадежки въ дышлѣ были чуть не полъ-аршина одна выше другой и долго не могли найтти точки равновѣсія. Сысончъ съ усиленіемъ повернулся между клажи, позвалъ къ себѣ Гордѣя и спросилъ тихо, однакоже такъ, что я слышалъ: — «А кто это?»

Гордѣй назвалъ меня и, какъ видно, тутъ же, наскоро, выболталъ ему всю подноготную о моихъ намѣреніяхъ идти на бѣлобабовку и повѣрить тамъ запущенные участковые планы помѣщицы. — Слова Гордѣя погрузили тѣшинскаго приказчика въ раздумье, причемъ онъ нѣсколько разъ поднималъ на меня красноватые, заплывшіе жиромъ и весьма глуноватые глазки.

— Ну, миленькій, вотъ же что! — заговорилъ опять шопотомъ Сысончъ: — сходи, миленькій, въ курень и захвати кувшинчикъ съ водицею; страхъ хочется испить! Просто, какъ будто вотъ горитъ что внутри! — И онъ пощупалъ животъ. — «А куда изволите?» — спросилъ Гордѣй развязно, косясь на меня и устанавливаясь поближе къ тельжкѣ, съ

хозяиномъ которой опъ былъ, очевидно, на пріятельской ногѣ, или, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ это показать...

— А къ Семенычу, къ вишокуру, голубчикъ!—возразилъ, зѣвнувъ, толстый приказчикъ: — вообрази, звать новосіѣлою отвѣдать; это на какихъ-то косточкахъ, шельма, настоялъ! Говорить, какъ нальешь, такъ точно масло, — не льется наливка, а капаетъ; чуточку только послѣ въ постъ понибасть!

Гордѣй на это льстиво замоталъ головою и пошелъ въ глубину площадки.

— Да ужъ и медку, мамочка, захвати кстати!—крикнулъ ему вслѣдъ, пожираемый жаждой, толстый Сысончъ...

И, не слѣзая съ тельжки, Сысончъ снялъ бѣлую фуражку, — причесть на полномъ и розовомъ, какъ яблоко, темени его не оказалось ни одинаго волоска, — и, поклонившись мнѣ, произнесъ:

— Честь имѣю-съ!.. Тѣшинскій управитель изъ разночинцевъ, Ардальонъ Сысончъ!

Я также отрекомендовался.

— Въ наши мѣста изволили пожаловать?—спросилъ онъ съ деликатною улыбкой.

— Да-съ, есть одно дѣло по сосѣдству по размежеванію; а пока теперь предпринять прогулку на село Дарьи Романовны Стебликовой, если знаете?

— Какъ не знать? какъ не знать?—произнесъ Сысончъ и, вздохнувъ, прибавилъ: — А вотъ, я никакъ, простите, въ толкъ не возьму: отчего это теперешніе господа совсѣмъ не живутъ въ своихъ вотчинахъ, то-то они имъ и не нужны?

Я счелъ долгомъ сослаться на пріятности нынѣшней городской жизни, такъ сманивающей нашихъ деревенскихъ хозяевъ, и пустился развивать мысль объ общественныхъ увеселеніяхъ. Но толстый собесѣдникъ меня не слушалъ. Онъ съ усиленнымъ вниманіемъ глядѣлъ на площадку и вдругъ спросилъ меня:

— А что, изволили вы говорить съ здѣшнимъ пасѣчникомъ?

— Говорилъ, а что?

— Такъ-съ, хорошій человекъ! — замѣтилъ приказчикъ какъ бы въ раздумьи и продолжая глядѣть въ ту сторону, откуда долженъ былъ появиться хлопотавшій для него Гордѣй.

— Не шеть, не буянить и всёми приятень! — продолжал онъ:—только вотъ бѣда, дѣла-то его какъ-то того, не клеятся! Дѣла-то его...

Я спросилъ о причинѣ, Сысойчъ подмигнулъ.

— Причина очень простая! — скромно замѣтилъ онъ, какъ бы готовясь читать самое отрадное, похвальное слово Гордѣю:—очень простая причина! Есть здѣсь въ стѣняхъ, въ простонародьи, такое слово, еще непокончѣвѣку идетъ между здѣшними хозяевами, что дѣло пчельное удастся только людямъ *чистымъ*, непорочнымъ, такъ сказать, безъ всякаго изъяну! Это, можно выразиться, оселокъ человѣка!.. Присмотритесь-ка: вѣдь здѣсь, по этой причинѣ, погой не пустягъ на насѣвку человѣка, который бы лишнее слово иногда любилъ ввернуть въ разговорѣ! Сказано бо есть въ народѣ: «ходи за пчелою, какъ за твоею душою!» Ну, а у Гордѣя безъ изъяну не обойдется; и хорошій онъ человѣкъ, и о прибыткѣ заботится, да и вытерпѣлъ много на своемъ вѣку, а не обойдется! Бывали за нимъ грѣшники, и небольшие грѣшники, а бывали! Есть за нимъ одна маленькая исторійка, такъ-себѣ, дѣльце прошедшее и почти давно позабытое... а дѣльце нечистое... и я его знаю... Мистическій Ардальонъ Сысойчъ замолчалъ. Въ концѣ площадки, между сосенъ, показался ликующій Гордѣй съ кувшиномъ воды и крынкой меду. Видно было, что онъ особенно старался угодить гостю. Навившись и уложивъ крынку на тѣлѣчку, Сысойчъ сказалъ мнѣ еще два-три слова, лукаво подмигнувъ на Гордѣя и тронулся далѣе. Пасѣчникъ пошелъ съ нимъ рядомъ. — «А что же-съ, — заговорилъ онъ почтительно:— когда же-съ насчетъ прибавки платы тѣшинскимъ плотникамъ? Я уже, сударь, обѣщаль ихъ артельному!» — Сысойчъ на это съ улыбкою погрозилъ ему пальцемъ, еще разъ кивнулъ мнѣ и поѣхалъ далѣе.

— Очень добрый человѣкъ! — произнесъ отрывисто Гордѣй, возвращаясь ко мнѣ, причемъ, однако, въ лицѣ у него не было ни кровинки:—только нечего ему совсѣмъ дѣлать у насъ при старостѣ, да при конторщикѣ! Въ здѣшнемъ околоткѣ, скажу вамъ, совсѣмъ никакихъ даже происшествій не бываетъ; народъ самый тихій и работающій! Такъ вотъ только, отъ скуки, все ѣздитъ по знакомымъ! — И, засмѣявшись, Гордѣй запахнулся кафтаномъ.

На дворѣ начинало вечерѣть. Я вспомнилъ о цѣли своей прогулки.

— Ты мнѣ, Гордѣй, сказывалъ, что другую теперь пасѣку разводишь на бору? Не по дорогѣ ли она намъ будетъ? Проведи, братецъ, на Бѣлобабовку, уже время!

— Да куда же вы, сударь? — заговорилъ быстро Гордѣй: — еще успѣете на село; чай, пѣшкомъ-то устали; да и приказчикъ тамонній теперь еще въ полѣ; вечеромъ тоже немного наработаете! Лучше посидите еще, да и медку не пожелаете ли? У меня прошлогодній принасенъ, а то можно и самоварчикъ взогрѣть; а завтра холодкомъ, на зарѣ, и пойдете; и пасѣку мою другую тогда лучше поглядите. Авось, съ легкой руки вашей, и счастье мнѣ привалитъ!..

«А и въ самомъ дѣлѣ, пережду я у него! — подумалъ я. — торопиться нечего; погода славная, я же и усталъ!»

— Ну, благодарствуй, Гордѣй! — сказала я: — быть по твоему, остаюсь у тебя! Угощай гости!

Гордѣй засуетился; вздулъ сухой дождевикъ, родъ гриба, который постоянно дымился у него на пасѣкѣ, съ подвѣтренной стороны, отгоняя отъ ульевъ комаровъ и мошекъ; и скоро на травѣ у куреня задымился низенькій, пузатый самоварчикъ. Гордѣй повеселѣлъ; суровое и рѣзкое выраженіе его узкихъ и блѣдныхъ губъ, его сухощаваго лица исчезло; острые глазки увлажнились; рыжеватые усы заботливо шевелились. Онъ отъ души хотѣлъ меня угостить; и, несмотря на свое постоянное отвращеніе къ самоварамъ и самоварникамъ, которые такъ не ладятъ съ нашею несложною, степною простотою, я обрадовался, когда налитой стаканчикъ очутился передо мной..

А между тѣмъ стѣны исполнинскихъ сосенъ, площадка съ ульями и островерхимъ куренемъ, долина внизу и камыши, все уже подернулось вечернимъ отблескомъ. Солнце скатилось къ окраинѣ горизонта. И на всемъ,—на островерхомъ куренѣ и стволахъ сосенъ, на голубомъ кафтанѣ и брошенномъ поодаль картузѣ Гордѣя, на крышкахъ ульевъ и головахъ страшилищныхъ собакъ, на дальнихъ озерахъ и на концахъ моихъ сапогъ,—вездѣ легли желтопурпурныя, перебѣгающія пятна..

И вотъ, слышавъ близкія сумерки, слетѣлись первые отряды рабочихъ пчелъ. Бодрыя и радостныя работницы,

какъ бы нехотя, какъ бы желая еще разъ взглянуть на отдаленные луга и перелѣски, гдѣ цѣлый день металась и звонко гомозились онѣ, не опускались еще къ темнымъ отверстіямъ знакомыхъ ульевъ и, забывъ свои гнѣсни, медленно плавали вверху деревьевъ, надъ нашими головами, и, будто засыная, золотистыми искорками висѣли въ вечерюющихъ потокахъ соннаго воздуха...

Совеѣмъ стемнѣло.

— А кто тебѣ, Гордѣй, обѣдать готовить?—спросилъ я, перевертывая послѣдній стаканъ и развалившись у куреня, на травѣ.

— Кумунка одна, молодка, готовить, на деревнѣ; тутъ недалеко и живеть!.. — отвѣтилъ развязно Гордѣй, суетясь за собираніемъ посуды.

Стаканы скоро были унесены. Сонъ меня сталъ сильно одолавать. Я перебрался въ курень, упалъ на мягкую солому и скоро заснулъ. Но въ первыя минуты мнѣ все слышался голосъ Гордѣя. Впослѣдствіи я сообразилъ, что Гордѣй въ самомъ дѣлѣ рассказывалъ мнѣ о сосѣдяхъ-старикахъ, тѣщинскихъ пасѣчникахъ, къ которымъ онъ шталъ нерасположеніе, о стоиятнадцатилѣтнемъ отцѣ и восьмидесятилѣтнемъ сынѣ.

— Вы не повѣрите, — рассказывалъ насмѣшливо Гордѣй:—что это за сквалыги! Отецъ сталъ ужъ совеѣмъ, какъ не человекъ, ничего не понимаетъ; а скунгъ, говорить, и деньги зарываетъ! Продать, съ годъ назадъ, меду и зашилъ два цѣлковыхъ въ голенище; а сынъ-то подмѣтилъ и вырѣзалъ! Вотъ, пришелъ отецъ жаловаться къ исправнику. — Такъ и такъ, говорить, уймите сына; шалить, говорить, надо посѣчь, батюшка, обворовать меня! — Позвать сына!—говоритъ исправникъ:—а какой ему годъ?—Восьмидесятый годокъ пошелъ, батюшка! — Разсмѣялся на это исправникъ и успокоилъ старика. Можетъ, это и неправда, а только говорить, и я въ городѣ слышалъ...

Многое еще говорилъ Гордѣй, сидя у двери куреня, склонивъ голову и обхвативъ колѣни руками; но я скоро почувствовалъ сладкое обаяніе неудержимаго сна; голосъ Гордѣя сталъ мнѣ казаться голосомъ комара, который будто возился гдѣ-то у меня надъ ухомъ; треугольный просвѣтъ куреня превратился въ зеленоватый шаръ, убѣжалъ прочь

и сталъ колыхаться вдали межъ кустами, будто поддразнивая меня. Словомъ, всякая чепуха полѣзла въ голову...

Когда я опять раскрылъ глаза, была уже черная, черная ночь. Я приподнялся. Гордѣй, раскинувшись навзничь, спалъ у куреня. И онъ измаялся. По лѣсу шли какіе-то глухіе, завывающіе звуки, точно перекликались въ его чащѣ волки. Собаки пастѣчника не лаили, но слышно было, какъ онѣ иной разъ тревожно метались на длинной привязи, точно высматривали кого въ кустахъ. Я посидѣлъ еще немного и опять упалъ, какъ убитый... Было ясное утро, когда я проснулся. Гордѣй уже исчезъ. Онъ до зари еще снялся и пошелъ съ разными своими снадобьями, въ сопровожденіи собакъ, на другую свою пастѣку, а меня не захотѣлъ разбудить. Онъ, какъ дѣловой человѣкъ, торопился; время росныя было не далеко, барыни его подмывали...

Вмѣсто Гордѣя, у куреня сидѣлъ приземистый, плехенькій, грязненькій и, какъ говорится, пришибленный мужичокъ, въ обдерганной шапкѣ и въ старой свиткѣ съ прорванными локтями. Въ немъ я тотчасъ узналъ савинскаго *Михрютку*, какъ его прозывали въ окрестностяхъ,—одного изъ работниковъ, проживавшихъ въ наймахъ у того самаго однодворца, о которомъ я упомянулъ въ началѣ разказа.—«А! Михрютка! — закричалъ я, протирая съ полусонья глаза:—ты здѣсь?»—Михрютка закивалъ головою и что-то забормоталъ, причемъ его подслѣповатыя глазки изъясняли уже несказанное удовольствіе при видѣ знакомаго. Онъ сидѣлъ и рылся въ землѣ. Это было его вѣчное ремесло. Куда бы его ни послали, онъ шелъ безъ отговорокъ, на пути заглядывалъ подъ каждое бревно, подъ каждую вѣточку, собирая грибы, обчищая травы и безирестанно разсуждая съ самимъ собою вслухъ. Прозвище Михрютки было ему дано по случаю неказистой и заглавной его фигурки. Съ боку припека и пятая спица въ колесницѣ во всемъ, онъ, однако, былъ любимъ всѣми. Оно точно: суровый и дубоватый однодворецъ, хозяинъ его, держалъ его, какъ бы не замѣчая, и Михрютка, работая на него, какъ лямовая лошадь, также какъ будто не выражалъ къ своему хозяину ни особой пріязни, ни особаго отвращенія. Но посторонній глазъ могъ примѣтить въ этихъ отношеніяхъ тѣнь затаенной симпатіи. Хозяинъ и работникъ жили, какъ живутъ на свѣтѣ, по выраженію народа: «ложка да миска, петля да пуговка,

топоръ да топорище». Они были нужны другъ другу. Пу-
женъ оказывался, впрочемъ, Михрютка и не одному угне-
тенному сосѣдкой однодворцу. Всякой работѣ его у хозяина
было свое время; да и немного было работы, съ тѣхъ поръ,
какъ сосѣдка-номѣщица вздумала отнять у него поемные
луга и мельницу. Онъ сталъ подмога и вѣстовникъ всѣхъ
почти окрестныхъ поселенцевъ: одному несъ въ поле брусокъ
для косы, другому забытаго въ хатѣ ребенка, съ третьимъ
по цѣлымъ часамъ просиживалъ, толкуя по-своему, отры-
вистыми и какими-то слезливо-насмѣшливыми фразами, о
томъ, что: «Вотъ, точно, Гарасько, возьмутъ у тебя сына
въ косари, возьмутъ!» или: «Нечего, друже, дѣлать; околѣла
твоя корова, околѣла, бѣсъ ее поберитъ!» И утѣшалъ онъ, и
задумывался, какъ бы принскивая средство помочь горемыкѣ,
и двигался во всѣ стороны, какъ лихорадочный, пригова-
ривалъ: «Ахъ ты, бѣда-бѣда! Горе, да и только!» Такъ и
теперь Михрютка занесъ Гордѣю обѣдать по пути, Вогъ
вѣдаетъ, какимъ образомъ, изъ далекой Вѣлобабовки на
свои выселки.

— А что, какъ? того... ваше благородіе... какъ насчетъ
той пани? Возьмутъ у насъ мельницу, возьмутъ?—спраши-
валъ онъ дрожащимъ голосомъ, завертывая въ дырявый
платокъ съ полъ-десятка набранныхъ подъ кустами грибовъ,
должно быть для дѣтей своего хозяина, и выводя меня, по
просьбѣ ушедшаго утромъ Гордѣя, на тропинку къ другой
пастѣкѣ послѣдняго.

— Ничего, братъ, не бойся!—говорилъ я:—по законамъ
рѣшать дѣло! Скажи своему Федеру Ивановичу, чтобы не
опасался и даромъ не ѣздилъ въ городъ! Скажи, по зако-
намъ все рѣшится! Да прибавь, что дѣло его правое, по-
средники давно признали это, и только надо еще, пони-
маешь, собрать нѣкоторыя справки! — Михрютка притихъ
и шелъ, слушая меня, съ замирающимъ, трепетнымъ вос-
торгомъ.

— Вотъ, вотъ... — началъ онъ, останавливаясь на пере-
кресткѣ и утирая слезившіеся глаза: — вотъ оно, какъ те-
перь! вотъ оно!—И быстро пошелъ въ сторону, размахивая
руками. — «Куда же ты? Пстой!» — Но Михрютка ничего
уже не слышалъ; дырявая свитка его залихватски колы-
халась, платокъ развернулся, и грибы посыпались на траву,
а ноги утащали скорѣе и скорѣе. «Куда же ты?» кричалъ

я ему вслѣдъ. Михрютка обернулся. Лицо его сіяло, брови двигались, по бородѣ текли слезы. — На слободку! Туда!.. Ѳеодоръ Иванычъ... Дѣтки его!..—Михрютка не договорилъ и скрылся за кустами...

Я пошелъ далѣе.

Въ лѣсу стало темнѣть. Сосны смѣнились дубомъ и берестнякомъ. Въ просвѣтѣ, между ихъ маковокъ, скоро кинулся мнѣ въ глаза улей-бортовникъ, высоко подвизанный къ вершинѣ исполинской липы. Но, вмѣсто гладкой поляны, на которой, по словамъ Гордѣя, онъ пробивалъ мѣсто для новаго пчельника, передо мною предстала дикая, глухая просѣка, въ тѣни развѣсистыхъ дубовъ, съ десятками бѣлыхъ, огромныхъ ульевъ, надъ которыми жужжали и металась тучи пчелъ. «Это не то!—подумалъ я,—сбилъ съ дороги, должно быть!» И въ то же время передо мною, изъ-за кучи зеленого хвороста, навалеинаго по близости, очевидно для ограды, поднялся весь бѣлый, какъ призракъ, старикъ съ густою и широкою бородою. Этотъ день ознаменовался для меня еще однимъ знакомствомъ.

Не трудно было узнать въ представшемъ старикѣ одного изъ видѣнныхъ мною вчера пасѣчниковъ-сосѣдей Гордѣя; другой старикъ, помоложе, хотя такой же бѣлый, накинувъ черную сѣтку на лицо, стоялъ поодаль, нагнувшись передъ кустомъ и готовясь собирать въ улей новый рой, тогда, какъ разомъ изъ двухъ ближнихъ ульевъ поднимались другіе рои и, то свиваясь, то развиваясь въ воздухѣ, клубомъ стояли надъ пасѣкою. Старикъ, по завѣту старины, готовясь переселить молодыхъ медоносницъ въ новый улей, заботливо обмахивалъ и освѣжалъ его бѣлою, чистую средину вѣнникомъ изъ первыхъ, благовонныхъ травъ, обрызгавъ ихъ медовою сытою съ молокомъ и крещенскою водою. Заботясь о будущемъ жилищѣ для молодого роя, онъ совершенно былъ углубленъ въ работу и не замѣчалъ моего прихода. То были образцы старинныхъ украинскихъ пчеловодовъ, какихъ уже теперь мало, старцевъ чистыхъ и благородныхъ, сурово степенныхъ и важныхъ на слова.

— Богъ въ помощь! — сказалъ я, подходя къ старшему обитателю бора и невольно любуясь живописными и рѣзкими морщинами его лица, которос, среди благоухающаго лѣса и всегда на вѣтрѣ и свободѣ, цвѣло здоровьемъ и какою-то мудрою веселостью, въ то время какъ глаза его, уже едва

глядѣвшіе изъ-подъ густо-нависшихъ, клочковатыхъ бровей, ласково встрѣчали гостя.

— Спасибо!—отвѣтилъ съ улыбкой и поклономъ старикъ, щурясь на меня изъ-подъ ладони и едва передвигая ноги.

— Или уже роятся?—спросилъ я, оглядывая съ затаеннымъ наслажденіемъ его пасѣку, отъ которой такъ и вѣяло стариной и таинственностью.

— Да, роятся; дакъ Господь! Вошь, какое тепло! Хорошее время! — произнесъ старикъ медленно, обращаясь лицомъ къ солнцу и почесывая рукою открытую, загорѣлую грудь.

— А какъ тебя звать, старинушка?

— Тарасомъ!—отвѣтилъ старикъ, ласково прищуриваясь на меня.

— Ну, Тарасъ, я же у тебя и отдохну! — сказалъ я и вошелъ въ курень, сопровождаемый медленными шагами и поклонами старика.

Какая разниа съ Гордѣемъ и его обстановкой!

Въ куренѣ было и бѣдно, и пусто. Но малиновка лучше не свила бы своего гнѣзда. Самовара и чашечекъ, правда, здѣсь не было, и трава обильно проростала плоскую крышу куреня, походившаго, вслѣдствіе этого, на зеленую, кудрявую голову, выглядывавшую изъ-за ульевъ. Зато всѣ нужные средства для лѣченья и сбереженья ичель стояли тутъ же, на полкахъ, а въ главномъ углу куреня, на рѣзной липовой подставкѣ, видѣлись образа угодниковъ *Савватія и Зосимы*, завитыхъ покровителей ичеловодства. Заговорилъ я съ Тарасомъ; его рѣчи не были рѣзки и холодны, какъ рѣчи Гордѣя, который и стариковъ-сосѣдей не щадилъ, и Ардальонъ Сысонча охаялъ, и на самихъ ичель смотрѣлъ какъ-то равнодушно-непріязненно, видя въ нихъ одно средство къ прибылку..

Не то было съ Тарасомъ. Послѣдній о ичелахъ говорилъ не иначе, какъ съ какимъ-то сіяющимъ, торжественнымъ увлеченіемъ, причемъ широкая, сѣдая борода его такъ важно покачивалась на груди; не иначе называлъ ихъ, какъ непорочная, чистая ичела. Упомянулъ я о Гордѣѣ; онъ и о Гордѣѣ выразился:

— Да, жаль; челоуѣкъ работающій, только не удастся ему дѣло что-то; жаль!—И только.

— Ну, а сыщъ твой, доволенъ ли ты сыномъ, дѣдушка?— спросилъ я.

— Ничего, доволенъ!— отвѣтилъ кратко старикъ:— человекъ онъ тихій и праведный!

«Навралъ!»— подумалъ я, вспоминая вчерашній рассказъ Гордѣя объ исправникѣхъ и о вырѣзанныхъ деньгахъ. Долго еще сидѣлъ я въ куренѣ стараго пасѣчника; съ особеннымъ восхищеніемъ вслушивался я въ тихія рѣчи его, межъ тѣмъ какъ вѣтеръ, съ тихимъ шелестомъ пробираясь сквозь соломенные стѣнки куреня, доносилъ ко мнѣ медвяный запахъ травъ съ ближней луговины.

Провожая меня, Тарасъ остановился подъ темнымъ дубомъ и на вопросъ, кто первый завелъ у нихъ пасѣку, степенно-торжественнымъ и однозвучнымъ голосомъ разсказалъ мнѣ:

— Охъ, годы мои, годы! Какъ вспомнишь, такъ просто тяжело становится, что до этой поры не прибралъ Господь!

Долго живу я, пожалуй и Потемкина князя помню, какъ мимо насъ въ Туречину ѣздили; а отецъ-то мой еще долгие жилъ! Завелъ покойникъ пасѣку тогда еще, какъ населялось Тѣшино, Бѣлобабовка, да и всѣ почти ближнія наши слободы... То было хорошее время... И старикъ на минуту поникъ головой. — Зато же и любо было, какъ караваны, въ десятки возовъ, шли отъ насъ за Кіевъ и въ Крымъ съ медомъ да воскомъ. Повѣрите ли: у нашего брата, простого казака, на Ворсклѣ да на Донцѣ иной разъ бывало по двѣ и по три тысячи колодокъ ичель! И ичелы не те-перешнія, выродившіяся, а дикія, отъ созданія свѣта, вылетали изъ нашихъ затинокъ. А теперь... и народъ выродился, и ичелы выродились.

Тарасъ, внезапно освѣщенный пробившимся сквозь листву дуба лучомъ, опять замолчалъ.— Да что! молодые изъ хозяевъ не обращаютъ вниманія теперь на эту прибыль. Что имъ она? Много ли дастъ барышей? Вотъ нашъ тѣшинскій, умный такой, приказчикъ, а вырубилъ весь свой лѣсъ, да обстроилъ конскій заводъ. Былъ я на мѣстѣ, какъ онъ рубилъ старый, запущенный липнякъ, за Грунью. Топорь-то какъ хватилъ, а двухсотлѣтняя липа и повалилась; смотримъ, а въ дуплѣ ея старая борть; и вынули изъ нея бѣлую, какъ слезу, глыбу дикаго меду, пудовъ тридцать. Мы такъ и ахнули! Пчелиная семья давно уже за грѣхи наши улетѣла,

а хозяйство намъ оставила: па-те, значить, берите, а мнѣ не нужно, Богъ съ вами!—Тарасъ замолчалъ. Поднявшійся вѣтеръ перебиралъ листочками сосѣдней ясени. Старикъ, подъ вдохновеніемъ завѣтныхъ воспоминаній, стоялъ передо мною, полузакрытый низенькими порослями дуба, какъ таинственное лѣсное видѣніе...

— А вотъ, хоть бы и отецъ мой покойный, — началъ онъ:—не намъ былъ чета. Силы неимоверной былъ! Черезъ три года, подъ осень, какъ пчелъ на зиму въ амшенинкѣ складывалъ, къ родичамъ за Полтаву ходилъ. И ничего; перевалить-было за плечо котомку и пойдеть отмѣривать, по сто верстъ въ недѣлю дѣлалъ! И какой чудной еще былъ; дожилъ до того, что уже какъ дитя сталъ. Напослѣдокъ только сидѣть все на солнцѣ у куреня, да грѣлся... Я только, бывало, смотрю на него. Вотъ однажды и призываетъ онъ меня къ себѣ: «Возьми ты, говоритъ, меня, Тараско, и вынеси на гору, что надъ большою профъзкою дорогою, за селомъ, гдѣ лѣсъ!» Богъ знаетъ отчего, только забилось у меня сердце, какъ я это услышалъ. Взялъ я его на плечи (посильнѣй, знаете, тогда еще былъ) и понесъ. Несу его огородами за околицу. Вынесъ... «Ну, теперь опусти ты меня, говоритъ, на травку. Посади, говоритъ, послѣдній разъ поглядѣть на все: и откуда, говоритъ, пришелъ я, и какъ день и солнце заходятъ!»—Опустилъ я его на траву, надъ горою, а самъ чуть живой стою и себя не помню. Сидѣлъ онъ этакъ долго, да все озирается, да все смотритъ и точно усмѣхается, а вѣтеръ волосы перебираетъ на головѣ. Страшно мнѣ стало... Погода была, вотъ хоть бы и теперь, весенняя, теплая; птицы щебетали, по дорогѣ шли косари, пѣсни пѣли... Да вдругъ онъ обернулся ко мнѣ и говоритъ не своимъ голосомъ: «Ой, что же это? слѣпну я, что ли, Тараско?» Протянулъ передъ собою руки, точно шарилъ, искалъ чего, поводилъ-поводилъ руками, да тутъ же и отошелъ... Повѣсилъ я голову и какъ ни судилъ, а пришлось просить священника; похоронили его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ желалъ... И глядитъ онъ теперь денно и ноцно на столбовую дорогу и на поле и видитъ, какъ день начинается, какъ солнце заходитъ...

И простился съ Тарасомъ.

Разговоръ съ Михрюткой, отыскиваніе Гордѣя, бесѣда съ Тарасомъ и новые поиски Гордѣя — все это отняло у

меня не мало времени; и когда я нашелъ опять Гордѣя, солнце снова начинало уже опускаться къ закату. Я чувствовалъ себя въ какомъ-то особенно пріятномъ настроеніи. Закусивъ пирогами и ухю, которые были принесены утромъ Михрюткой со слободки, я вступилъ съ Гордѣемъ въ подробные разспросы о сосѣдяхъ и не разъ улыбался на его ѣдки, острия выходки противъ окрестныхъ чудаковъ. Онъ вообще былъ смысленый и даровитый человекъ. Желая помочь ему докончить къ вечеру расчислку лунокъ для ульевъ и подготовку забора, я тоже принялся подскабливать траву и обтесывать колышки.

— Ты говоришь, что пришелъ изъ дворовыхъ? — спросилъ я, | между прочимъ, Гордѣя, вспоминая рассказъ Ардальона Сысонча и любознѣтствуя узнать, что за грѣшки водились за Гордѣемъ и что могло повредить благодатному успѣху его занятій пчелинымъ дѣломъ. Я и самъ не разъ слышалъ, что, по степнымъ повѣрьямъ, особенно грѣховные поступки въ отношеніи къ женщинамъ вредятъ этому...

— Да-съ! — отвѣтилъ Гордѣй: — точно такъ; баринъ нашъ скончался, а тутъ, видите ли, по его духовной, всей дворѣ и дали отпускныя.

— Что же, гдѣ же теперь проживаетъ ваша дворня, твои бывые товарищи?

— Да по правдѣ вамъ сказать, при жизни покойнаго барина дворня-то наша была велика, шестьдесятъ семь человекъ, и при этомъ еще была очень распушена, все шляется больше безъ всякаго дѣла, дармоѣдничала; а тутъ уже и совсѣмъ разбрелась. — Когда въ сумерки уже, отвелъ опять собакъ на старую пасѣку, повелъ меня Гордѣй къ долинь, на Вѣлобабовку, онъ какъ-будто о чемъ-то все думалъ, о чемъ-то хотѣлъ все поговорить со мною. Я исподтишка наблюдалъ его: голубой кафтанъ его какъ-то особенно козыристо покачивался на немъ, а зеленый картузь, свѣшанный на-бокъ, просто отчаянно сидѣлъ на его головѣ. Молча шагалъ онъ, взглядывая то вдаль, то на меня, то въ землю, то на кусты, и вдругъ произнесъ: — «А вѣдь я знаю, сударь: вѣдь вы вчера говорили, должно-быть, обо мнѣ съ тѣшинскимъ приказчикомъ?»

— Говорилъ! А что развѣ?

— Да такъ-съ, ничего! Онъ изъ нашихъ мѣсть и тоже, какъ и я, сюда прѣхалъ! Другого только барина былъ!

— А, такъ вотъ онъ откуда! Я этого и не зналъ!

И замолчалъ. Онъ тоже. Такъ мы вошли въ первые кусты долины...

Видно, терпѣніе Гордѣя наконецъ лопнуло. Онъ какъ-то особенно передернулся, притиснулъ къ носу козырекъ и обратился ко мнѣ. Лицо его было блѣдно, узенькіе глаза пристально слѣдили за мною...

— Досадно мнѣ, право, сударь,—началъ онъ:—что этотъ человѣкъ выноситъ соръ изъ избы и вездѣ меня порочить одною вещью!

Гордѣй, пройдя съ форсомъ нѣсколько шаговъ, замолчалъ, какъ бы выжидая, какое впечатлѣніе произведутъ его слова на меня. Но мнѣ было особенно грустно; я шелъ молча... Гордѣй раза два еще взглянулъ на меня, прошелся, еще порывистѣе придернулъ къ носу замасленный картузь и возразилъ:

— А вотъ, видите ли, сударь, а вотъ теперь уже мнѣ и понятно: тѣшинскій Сысончъ отлично успѣлъ на меня вчера наговорить. Ну, да пусть его знобитъ! Пусть... Эка звѣрь! Вотъ душа-то; нѣтъ, вотъ бездумный!..

И когда я сказалъ, что Сысончъ рѣшительно ничего мнѣ такого не говорилъ, Гордѣй задумался и сказалъ:

— Нѣтъ, сударь, не обманывайте меня: я сразу замѣтилъ, что онъ уже успѣлъ поговорить обо мнѣ. Была со мной точно одна исторія; и хотя она давно уже была, а все еще такъ вотъ и стоитъ передо мною... И я хочу, сударь, вамъ рассказать ее!

И онъ началъ:

— Былъ я у барина сперва на селѣ, мужиченкомъ съ косою ходилъ. Услышалъ разъ баринъ, какъ я пою на работѣ, и взялъ меня во дворню, въ нѣвчѣе. Такъ я и жилъ при немъ. Ну, нельзя сказать, чтобъ въ первую пору опять не манило на деревню. Жила у насъ на селѣ дѣвка умная и красивая. Одна осталась на хозяйствѣ сиротою, да на какомъ хозяйствѣ! Изба новая, большая, хоть на двѣ семьи, огородъ чуть не на десятину; а лѣсъ—такъ дикихъ однихъ яблочь, да грушъ, изъ ея участка, по три воза продавали! И я сталъ за нею приволакиваться. Слюбились мы. Передъ петровками все это уладили: приходимъ къ барину и бухъ въ ноги. А баринъ, какъ я уже докладывалъ, былъ очень старъ, ничего не помнилъ и все только сидѣлъ въ креслѣ,

а камердицеръ ему книжки читалъ. — «Я, говоритъ, голубчики, — Богъ съ вами, — ничего не знаю! по мнѣ — Богъ васъ да благословить; только дѣло это отъ старосты зависить, какъ опъ рѣшигъ!» Мы къ старостѣ. А это былъ преехидный человекъ. — «Нѣтъ, говоритъ, какой онъ мнѣ работникъ! Женится на Дарьѣ, на село перейдетъ; а какой онъ мнѣ пахарь! Мужикъ намъ, батракъ пужень, а не дворовый, картежникъ, да лѣнтаяй. Богъ съ ними, съ этакими!» — Такъ и отрѣзалъ барину. А баринъ любилъ и почиталъ его. Что ты будешь дѣлать! Ужъ я и мать къ нему съ поклономъ засылалъ, и самъ носилъ мадеру, и Дарья женѣ его новый полушубокъ снесла. Не беретъ ничего, да и баста! Честности былъ удивительной! Такъ мы бились цѣлый годъ... Вижу, певѣста моя совсѣмъ измѣнилась, на себя не походитъ; всѣ смотрять на нее да головами качають... «Ну, Гордѣюшка, говоритъ: что хонь, вели, все для тебя сдѣлаю; не пожалѣю теперь ни себя, ни добра своего!» Сидѣли мы этакъ и говорили. Поглядѣлъ я на нее, а она вся не своя, дрожить, и жаръ въ глазахъ. — «Что-жъ, говорю, Дарья; приходится намъ, видно, съ тобою разлучиться! Такъ долгие уже нельзя намъ любиться; и ничего между нашихъ душенекъ не было, только баринъ узнаеть, плохо будетъ мнѣ!» — Она, какъ была, такъ и ударилась; руки упали, головою бултыхнулась объ стѣну, и ни слова, вся помертвѣла... Я къ ней: «Пошутить я, говорю, душа моя, пошутить! Еще не все пропало!» Вотъ она и говоритъ: «Ну, Гордѣй, хорошо же, приходи завтра опять сюда, объ эту же пору; увидишь тогда!» — сказала, встала этакъ и пошла улицею. Пошелъ и я на барскій дворъ, а сердце такъ и колотится. Вотъ, занялось утро, позвали насъ къ обѣду; и только что я хлебнулъ первую ложку, слышимъ, бѣгутъ. «*Пожаръ, пожаръ!*» Выбѣжали... Дарьина изба вся въ полымъ, а искры уже перекидываетъ на крестьянскіе хлѣба, которые тутъ, къ сторонкѣ, стояли; осенью только-что мужики и собрали. Вѣтеръ былъ отъ села; другихъ дворовъ не тронуло, а Дарьина изба и весь мірской хлѣбъ сгорѣли до тла. Да еще та бѣда: подъ скирдами прилежь соснуть нашъ лѣсничій, старичекъ такой тихій былъ, только немного изъ себя тучновать; чуть, бывало, пригрѣеть солнце, онъ уже и тычется гдѣ-нибудь, въ холодкѣ приляжетъ и проспитъ до вечера. Сгорѣлъ такъ же. Схватили дѣвку, ведутъ къ допросу. «Такъ и такъ», говоритъ старостѣ, а

сама убивается: «неповинна я въ дугѣ человѣческой, видѣть Богъ, неповинна; а несла золу изъ печи, да и обронила уголь!» Стали ее судить. А мнѣ такъ на чистоту, шальная, все сказала: «Любила я тебя больно, Гордѣюшка, больно любила и хотѣла выжечь все свое богатство: пускай себѣ не зарятся! Судомойкою бы пошла во дворню, а доказала бы тебѣ любовь свою!»

— Ахъ ты дура, дура! — подумаль я. — Ну, подите жей! Да что! Такова уже видно моя участь, еще въ тѣ поры, была!

— Что же ты, женился на ней? — перебилъ я, невольно заинтересованный его рассказомъ...

— Гдѣ жениться, помилуйте! — замѣтилъ иронически Гордѣй и пристально взглянулъ на меня: — вѣдь на поселеніе присудили сумасбродницу, за поджогъ и причиненіе смерти, по закону присудили, а мнѣ же не идти за нею...

Онъ продолжалъ:

— Какъ теперь это помню: захотѣлось мнѣ увидѣть, какъ везти ее стануть. Выпросилъ у кучеровъ барскаго коня, да ночью, до свѣта, и махнулъ въ городъ. Что же вы думаете? Все наше село ужъ тамъ! Вѣдь хлѣбъ и всѣхъ погубила, лѣсничаго сожгла, а ничего! Таковъ ужъ народецъ! Староста было слово, а они: знаемъ, моль, кормилецъ, знаемъ, что она преступленіе сдѣлала, знаемъ; судъ ее и караетъ за это, идетъ она въ Сибирь; да утѣшеніе-то ей нужно, кормилецъ, утѣшеніе! И стали съ иконами на дорогѣ, и всего-то надавали ей на телѣгу конвойную, и такъ это жалобно все говорить, да кланяются: голубушка, роденькая, бѣдненькая ты, дѣвчоночка наша! Такъ что, вижу, конвойнаго офицера даже до слезъ прошибло; а я, стоячи за угломъ, такъ просто чуть головой объ стѣну не бился!

Мы вошли въ камыши, между которыми извивалась и терялась вдали узенькая, влажная тропинка...

Солнце, между тѣмъ, давно закатилось; боръ едва уже видѣлся за озерами, и низменность тонула въ туманѣ. Впрочемъ, лучи солнца какъ будто еще носились въ сумеркахъ и захватывали кое-гдѣ выступившіе верхи зеленыхъ кустарниковъ да синеватыя полосы водныхъ застоевъ.

Гордѣй молчалъ. Молчалъ и я...

И вдругъ, точно благовѣсть въ глухую, передъ-праздничную ночь, со стороны бора раздалась громкал, въ нѣсколько

десятковъ голосовъ, пѣсня. Быстро перелетѣла она черезъ кусты и камыши и, пройдясь по долинѣ, сначала замерла и затерялась въ отдаленнѣ. Но опять и еще громче зазвучали голоса, точно сердились и на жалобы Гордѣя, и на мое тоскливое раздумье. Свѣжею и благодатною струею повѣяло отъ нихъ. И не прошло пяти минутъ, какъ промежъ камышей затонали десятки шаговъ, и на дорогу высыпала цѣлою деревнею толпа крестьянъ съ граблями и косами. Парядныя бабы и дѣвки, всѣ въ цвѣтахъ и лентахъ, шли впереди; статные мужики шли сзади; сбоку, въ припрыжку, съ цѣлыми ворохами цвѣтовъ и болотныхъ порослей, бѣжали босонogie ребятишки...

Толпа, поровнявшись со мною, поклонилась и на время замолкла; но, уже на близкой плотинѣ, опять раздалась ея пѣсня.

— Чьи это?—спросилъ я Гордѣя.

— Бѣлобабовскіе! Съ косовицы ранней идутъ! Вы не повѣрите, — прибавилъ онъ: — травы у мужиковъ уродило столько, что и не запомнить! Просто благодать! Даже досадно!

Въ потемкахъ уже не было видно Гордѣя; мы шли почти оцупью. Но я замѣтилъ, что пѣсня и вообще вся картина неожиданно выступившей крестьянской толпы сильно подѣйствовала и на него. Можетъ быть, вспомнилъ онъ молодость, когда, бодрый и свѣжій, разгуливалъ съ косою и пѣсней по лугамъ и сѣннымъ раздольямъ.

Повѣяло неожиданно сыростью. Между вербъ сверкнулъ въ потемкахъ прудъ; запахло дымомъ, и на косогорѣ, тихо вздрогнувъ, будто развѣшенные по окраинѣ неба, мелькнули огоньки деревни. Мѣсяць еще не вырѣзывался. Домъ помѣщицы выступилъ среди пространнаго двора, и во всемъ селѣ ни одна собака не лаяла... Въ Бѣлобабовкѣ я пробылъ недолго. Несказанно обрадовался я, когда прикатилъ за мною верхомъ на саврасомъ, толстобокомъ битюгѣ ликующій Михрютка и, задыхаясь отъ радости, объявилъ, что дѣло его хозяина кончено и меня зовутъ нарѣзать на участки законныя межи.

1855 г.

МЕЛКІЯ СТАТЪИ.

I.

КАРИКАТУРА ВЪ РОССІИ

ВЪ СТАРИНУ.

Въ Россіи карикатура существуетъ давно. Въ Публичной Библиотекѣ хранятся два собранія лубочныхъ картинокъ, принадлежавшихъ Погодину и Далю. Последнее (шесть тетрадей, въ большой листъ) заключаетъ въ себѣ: 1) картины духовнаго содержанія, изображенія лицъ библейской исторіи, числомъ 177; 2) изображенія духовныхъ событій, мѣстъ и аллегорій, 144 картины; 3) картины поучительныя, примѣры въ лицахъ, иносказанія, явленія природы и перелицовки, 120; 4) въ большой листъ — духовныя и иносказательныя картины, до 100; 5) картины шуточные и сказочныя, сказки въ лицахъ и сказочныя преданія, до 80, и 6) картины шуточно-балагурныя, какъ онѣ названы въ надписи надъ фолиантомъ. Последнихъ помещено до 112.

Первыя народныя карикатуры въ Россіи встрѣчаются въ лубочныхъ изданіяхъ. Что такое лубочныя картинки? По словамъ Снегирева («Историческій Сборникъ» Д. Валуге, 191 — 221 стр., 1845 г.), изъ псковской грамоты 1148 года видно, что писывали въ старину на «лубѣ» — «тое вы бы досмотрѣли, да и на лубѣ выписали» — по рѣдкости и дороговизнѣ бумаги и пергамента. Лубочныя картинки развѣшиваются донныѣ для продажи на лубкахъ. Въ Москвѣ есть улица «Лубянка», близъ которой находится урочище «Печатники» — Печатная Слобода въ XVII вѣкѣ, гдѣ рѣзались на лубахъ картинки, называемыя суздальскими, по разнозчикамъ-суздальцамъ, которые въ свою очередь на-

зываются еще въ Сибири напками, а въ Осташковѣ богатырями, отъ продаваемыхъ ими «богатырей». Множество рукъ занято доныгѣ въ Москвѣ и подмосковныхъ деревняхъ вырѣзываніемъ и испещреніемъ этихъ картинокъ. Самоучки-рѣзчики не отступаютъ ни на шагъ отъ вѣковыхъ образцовъ и красятъ, какъ красили еще при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, корни зеленою краскою, деревья сандалною, наряды сурикомъ, а лица баканомъ. Морозовъ, наставникъ Царя Алексѣя Михайловича, училъ своего питомца по картинкамъ. Зотовъ, учитель Петра I, извѣстный подъ именемъ Князя-Паны, также прибѣгалъ къ рисункамъ, развѣшивая ихъ по учебной комнатѣ питомца. Живопись въ Россіи, встрѣчаемая на древнѣйшихъ памятникахъ, «Святославовомъ Сборникѣ», «Житіи Бориса и Глѣба», лицевыхъ псалтыряхъ XV и XVI вѣковъ, произвела гравированіе, заимствовавъ его, позже, черезъ Польшу и Литву изъ Германіи. Печатное дѣло явилось въ Москвѣ и называлось прежде фряжскимъ дѣломъ. «Смѣта въ што стануть двѣ штанбы печатныя здѣлами, да станы на фряжское дѣло» — (1612 г.). — Къ первой книгѣ Апостола, печатанной въ Москвѣ 1564 г., приложенъ эстампъ, изображающій Св. Евангелиста Луку. Въ 1629 году явился эстампъ, хранящійся въ библиотекѣ гр. Ѳ. П. Толстого, съ подписью: «Темница богогородная святыхъ осужденникъ». Съ тѣхъ поръ рѣзба и печатаніе на деревѣ у насъ утвердились. Въ царствованіе Петра I стали извѣстны имена граверовъ: Ѳедора Никитина, Мартына Нехорошевскаго, Григорія Тентегорскаго, вырѣзавшаго въ 1713 году, въ Москвѣ, «Мѣсяцесловъ въ лицахъ». Въ началѣ XVIII вѣка въ Москвѣ учреждено особенное гравировальное заведеніе подъ надзоромъ Брюсса, выпустившее въ свѣтъ первыя наши географическія карты, портреты и разные эстампы. При Екатеринѣ I, въ Петербургѣ, открыта въ Академіи Наукъ фигурная типографія. Наконецъ, въ царствованіе Екатерины II и въ послѣдующіе годы гравированіе въ Россіи, подъ вліяніемъ Академіи Художествъ, расширило свои предѣлы и произвело такіе таланты, каковы гр. Ѳ. П. Толстой, Юрданъ, Уткинъ, Иванъ Терещеневъ и другіе.

Въ XVII вѣкѣ впервые появились у насъ и сатирическія картинки, или такъ называемые: «Нѣмецкіе потѣшныя листы».

Въ приходорасходной книгѣ Оружейной Палаты 1634—

37 годовъ, по словамъ Снегирева, сказано: «июня въ 16 день дано торговымъ людямъ оводнаго ряду за Нѣмецкіе за печатные листы 20 алтынъ; а взяли тѣ листы изъ Государевы Мастерскія палаты въ хоромы государю Царевичу Алексѣю Михайловичу». Въ другой говорится: «Торговому человѣку Андрюшкѣ Петрову за девять листовъ потѣшныхъ 8 алтынъ и 2 деньги». Любопытно еще, что въ «Журналѣ изящныхъ искусствъ», изд. на 1807 г. профессоромъ Буле, по замѣчанію одного путешественника, сказано: «Видѣнныя на ярмаркѣ въ Сентъ-Клу французскія лубочныя картинки—ничто передъ нашими. московскаго издѣлія. И тѣ, и другія рѣшительно въ одномъ стилѣ. Но во французскихъ нѣтъ той замысловатости, какую мы находимъ въ нашихъ».

Первые потѣшные листы, изобличавшіе житейскія глупости, пороки и нелѣпности, явились въ видѣ разговоровъ: мальчика съ мудрецомъ, профессора съ мужикомъ и глунаго жениха со свахою. Далѣе являются уже болѣе полныя карикатуры: 1) денежный дьяволъ сыплетъ на землю деньги, а подбираютъ ихъ цѣловальники, портные, сапожники, стряпчіе, яржки прошлаго вѣка и франтихи; 2) изображеніе быка, ставнаго мясникомъ, мужика—судіею, осла—погонщикомъ, дѣтей, сѣкущихъ старика, и другихъ нелѣпостей; 3) извѣстная притча: Голландскій лѣকারь и добрый аптекарь; 4) Омушка музыкантъ, да Ерема поплюхантъ; 5) Прохоръ да Борисъ—поссорились, подрались; 6) головные уборы чудовищнаго вида у дамы и кавалера шеголей XVIII вѣка; 7) спеленанный нѣмецъ, гдѣ уже прямо виденъ задатокъ будущаго, болѣе-художественнаго направленія нашей карикатуры, и 8) веселое гулянье кота съ кошкою, на шестеркѣ мышей, цугомъ, въ коляскѣ,—сатира на старосвѣтскіе поѣзды прошлаго времени.

Скоро явились и политическія карикатуры. Въ тетради собранія Даля «Балагурныхъ лубочныхъ картинокъ» (въ Публичной Библіотекѣ) рядъ народныхъ сатиръ открывается литью образцами извѣстной картинки: Небылица въ лицахъ, найдена въ старыхъ свѣтлицахъ, оберчена въ черныхъ тряпичахъ, какъ мыши кота погребаютъ, недруга своего провожаютъ, послѣднюю честь съ церемоніею отдавали. Снегиревъ говоритъ, что безотчетное преданіе относить эту лубочную карикатуру ко времени Царя Ивана Васильевича. Другіе ее относятъ ко времени Петра I;

третью — къ погребенію въ Римѣ папы, который ревностно старался, черезъ своихъ комиссіонеровъ, сѣять въ Россіи сѣмеца католицизма. Въ сочиненіи Чеха Вѣнцеслава Гайка, 1552 года, изданномъ въ Вѣнѣ въ 1783 году, упоминается объ этомъ покушеніи римскаго первосвященника, и при этомъ на поляхъ отмѣчено: «Изготовили-было такую же сатиру, какую лютеране съ прочими, о погребеніи kota» («Вѣстникъ Европы», 1821 года, № 9). Сюда же относятся насмѣшки надъ нашимъ старымъ сутяжествомъ и дѣлопроизводствомъ въ лубочныхъ картинкахъ: «Шемякинъ Судъ» — «Челобитная лещъ на окуни» и «Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Шетинниковѣ», полнѣйшая изъ всѣхъ (въ далевскомъ собраніи, въ Публичной Библіотекѣ, въ четырехъ превосходныхъ образцахъ), гдѣ является лещъ-сутяга и крючкотворъ. Подписи послѣдней карикатуры не имѣютъ ничего равнаго себѣ, кромѣ развѣ «Притчи о пѣтухѣ и о курицѣ», гдѣ пѣтухъ приговоренъ къ наказанію: «за его отлучку изъ своего дому, отъ своихъ куръ, и о возымѣнніи съ чужими амуръ». Извѣстны остроумныя подписи въ «Повѣсти о Ершѣ»:

Пришелъ Богданъ — ерна Богъ далъ; пришелъ Устинъ — ерна упустилъ; пришелъ Иванъ — оный ерна поймалъ; пришелъ Потапъ — сталъ ерна топтать; пришелъ Давыдъ — сталъ ерна давить; пришелъ Лазарь — по ерна слазилъ; пришелъ Мартынь — Константину барыня алтынь; пришелъ Назаръ — понесъ ерна на базаръ! Пыль дороги! Пришелъ Аносъ — и даромъ ерна унесъ; пришелъ Павелъ — котель поставилъ; пришелъ Селиванъ — воды въ котель наливалъ; пришелъ Глѣбъ — принесъ хлѣбъ; пришелъ Вавила — поднялъ ерна на вилу; пришелъ Филиппъ — сталъ ерна пилить; пришелъ Андрей — Тита по плѣни огрѣлъ; пришелъ Елизаръ — только полизалъ и пр.

Войны Россіи съ Турками, Поляками и «ностылыми Цѣмцами» въ особенности давали поводъ къ народнымъ карикатурамъ. Такъ, любопытно, что семилѣтняя война увѣковѣчилась карикатурами: гдѣ «казаки берутъ верхъ надъ толстобрюхими прусскими драбантами». Первые выѣзжаютъ съ пиками въ рукахъ, а послѣдніе съ трубками въ зубахъ.

Кромѣ войны, моды и борьба новизны съ стариною давали также пищу русской лубочной сатиры. Изображены

барыни прошлаго вѣка, съ цепцами на головѣ на подобіе кораблей, дававшими поводъ острякамъ говорить: «Щеголихи носятъ на головахъ цѣлыя деревни!» Тутъ же «фип-бейны», «бочки» и «черныя мушки», означавшія, какъ извѣстно, цѣлыя рѣчи: мушка на концѣ носа — отказъ, среди носа — отказъ не всѣмъ; на подбородкѣ — надежда; между бровей — вѣрность; подъ щекою — пылъ страсти. Не забыты и парики, съ трехъэтажными пуклями, длинными косами и кошельками. Наконецъ, являются совершенно опредѣленные сатиры на позднѣйшій семейный бытъ: 1) «Старый мужъ и молодая жена», 2) «О богатомъ купцѣ, пропившемъ упрямую жену», 3) «Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро», 4) «Ограбленный медвѣдь, нарядившійся метромъ», и 5) «Репримантъ хвастливымъ людямъ, которые въ гости къ себѣ много зовутъ, а сами отъ того изъ дома бѣгутъ». Сюда же относится и знаменитое «Сказаніе о честномъ Семикѣ и о честной Масляницѣ», которое въ далевскомъ собраніи, въ Публичной Библиотекѣ, въ V тетради, находится въ шести превосходныхъ образцахъ; одинъ изъ послѣднихъ даже отличается отдаленною древностію и очевидно претерпѣлъ множество переходовъ по нашимъ деревнямъ и станціоннымъ домамъ.

Въ далевскомъ собраніи находятся еще слѣдующія картинки: 1) Куре доброгласное, воспѣваніе твое великое и красное, звѣримъ снѣтъ очень сластное; 2) медвѣдь съ козою проклажаются, на музыкѣ своей забавляются (семь экземпляровъ разныхъ изданій), 3) голландскій лѣкарь и добрый аптекарь (четыре образца), гдѣ, между прочимъ, такая подпись: «Объявилъ своей науки, чтобъ старухи не были въ старой скукѣ, я всѣхъ старухъ молодыми переправлю и ума прибавлю; вотъ и машина изготовлена, и все къ ней приновлено; всякая старуха помолодѣетъ и прежнее чувство возымѣетъ; старики телѣжки покунали, старухъ съ радостью къ лѣкарю отпускали, иныхъ же на себѣ таскали; въ машину сажаютъ, мѣхами раздуваютъ; старуха заскакала, заплисала и въ пятнадцать лѣтъ себя показала. Кто знаетъ это ученіе — поправлять старухъ безъ мученія? А я много переправилъ, и себя вездѣ прославилъ». На рисункѣ старухи подають просьбы о перерожденіи, старики ихъ ведутъ и несутъ; а голландскій лѣкарь стоитъ съ лѣкарствами. 4) Пословица: змѣя хоть и умн-

расть, а зелье все хватаетъ; 5) разговоръ между профессоромъ и крестьяниномъ; 6) книжникъ и мальчикъ; 7) пьющій и непьющій; 8) о пьянствѣ; 9) пьяница; 10) аптека цѣлительная съ похмеля; 11) знаменитая картинка: печеніе блиновъ, съ подписью: «Пожалуй, поди прочь отъ меня, мнѣ нѣтъ дѣла до тебя; пришедъ, хваташь, блины печь мѣшашъ» и т. д.; 12) воръ съ курицей; 13) это, бабушка, грыжа; 14) Парамонка съ Савоською въ карты играли; 15) Прохоръ да Борисъ,—и другія.

Ходябики съ «райками», на гуляньяхъ о масляной недѣлѣ и на святкахъ, издавна показываютъ лубочныя картины, сопровождая ихъ особыми прибаутками: «А вотъ городъ Щетинъ; тамъ стоятъ два корабли, одинъ съ дымомъ, другой съ пылью; ѣдутъ въ Питеръ, дешево продадутъ, богачами вернутся, извѣстно—нѣмцы!»—или: «А вотъ городъ Парижъ, войдешь — угоришь!» — «Входитъ въ трактиръ подъячій, требуетъ пирогъ горячій».

Теребеневскія карикатуры 12-го года уже были чисто-политическими. Въ Публичной Библиотекѣ есть два сборника этихъ карикатуръ: погодинскій и принадлежащій Библиотекѣ. Въ тридцатыхъ годахъ они, какъ рѣдкость, продавались въ Петербургѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, въ лавкѣ подъ № 37 по Зеркальной линіи, у Слѣнина. Въ 1855 году онѣ изданы были вновь по мѣднымъ доскамъ, оставшимся у сыновей Теребенева, литографомъ Траппелемъ. Тогда вышла одна тетрадь, въ числѣ десяти карикатуръ, очень красиво иллюминированныхъ. По одной припискѣ на частномъ экземплярѣ значится, что въ отечественную войну эти карикатуры продавались по 5 р. ассигн. за картину. Альбомъ 1855 года изъ 10 картинъ продавался по 3 р. сер. съ пересылкой. Въ экземплярѣ Публичной Библиотеки съ теребеневскими карикатурами переиллюстрированы и другія карикатуры 1812 года, частію подражанія, частію дополненія къ первымъ. На теребеневскихъ стоитъ подпись: Иванъ Теребенева, — иногда буквы: Н. Т.; на иныхъ же вовсе нѣтъ подписи.

Въ началѣ сборника изображенъ французскій, вороній суигъ, поѣдаемый исхудалыми голышами, французами, съ подписью:

«Гдѣ намъ съ великимъ панимъ Наполеономъ:
Кормить насъ въ походѣ изъ костей бульономъ.»

Въ Москвѣ попировать свистѣть у насъ зубъ;
Не тутъ-то было! Похлбаемъ-те хоть вороній супъ!»

Картина: Зимнія квартиры Наполеона, — представляетъ Бонапарта въ снѣгу по горло, среди полей, а два генерала торчатъ рядомъ, тоже чуть видные изъ снѣга. Подпись: «Какъ прикажете записать въ бюллетенѣ?» — «Пишите: остановились на зимнихъ квартирахъ!»

Подкачиваніе на блокахъ. Союзники тянутъ француза къ потолку; другіе ѣдятъ ворону. Подпись:

«Худо въ карты играть,
А козырей не знать!
Господа! эта ворона —
Намъ не оборона!»

Баба и коза. Французы ворвались въ избу. «Что у тебя есть закусить?» — Коза! — «Ай—ай! караулъ! казаки!» и всѣ бѣгутъ вонъ.

Тріумфальное прібытіе въ Парижъ. Наполеонъ стоитъ на ракѣ, который пятится; въ рукахъ его палка; на ней висятъ лавры побѣды: собака, телѣга, трубка и лапти; Бонапартъ ползетъ въ тріумфальныя ворота, сдѣланныя въ видѣ висѣльницы; на нихъ висятъ ворона и осель; вверху надпись: «Завоевателю».

Двойникъ этой карикатуры: Возвращеніе домой русскаго ратника. Ратникъ несетъ на штыкѣ французовъ; мальчикъ, его сынъ, на древкѣ французскаго знамени ѣдетъ верхомъ. Подпись: «Для курьѣзу ребятишкамъ бирюльки несущ!»

Крестьянинъ Иванъ Долбила. «Постой, мусью! Не вдругъ пройдеши! Здѣсь хоть мужички — да все Русскіе!» Слѣдуетъ угощеніе врага, съ подписью: «Вотъ и вилы тройчатки; пригодились убирать да укладывать! Ну, мусью, полно вздрагивать!»

Подобная же картинка, съ подписью:

Русскій Геркулесъ
Загнавъ Французовъ въ лѣсъ
И давить, какъ мухъ!

Картинка: Вологодскій ратникъ. Подпись: «Французъ: «Пардонъ!» — А-га! пардонъ, колчаногій? Поминай, какъ тебя звали! Сидѣлъ бы ты дома, такъ не докорналъ бы тебя Ерема!»

Торжественный въѣздъ въ Парижъ ненобѣдимой французской арміи. Торжественное шествіе слѣпыхъ, хромыхъ,

безногихъ, на деревяшкахъ; на плочахъ несутъ похоронные знаки. По бокамъ улицы скамьи для зрителей, съ номерами для продажи мѣстъ, пустыя.

Французы-крысы въ гостяхъ у старостихи Василицы. Подпись:

Добрыхъ людей
Да званыхъ гостей
Съ честью у насъ встрѣчаютъ
И въ передній уголъ сажаютъ.
Знать, вы въ Москвѣ-то не солоно похлебали,
Что худо прежнего и тоще стали!
А кабы занесло васъ въ Питеръ,
Онъ бы вамъ всѣ бока повытеръ!

Эта картина возбуждала въ народѣ особое сочувствіе.

Глобусъ Россіи въ рукахъ врага. Подпись: «Вотъ тебѣ село да вотчина, чтобъ тебя вело да корчило!»

Русская хлѣбъ-соль. Нарисованы палка и бомба. Подпись: «Что-жь, батюшка, бѣжишь? вотъ тебѣ хлѣбъ-соль!»

Ледяная гора, съ которой катится величіе французскихъ временщиковъ. Подпись: «Не все коту масляница!»

Ловля рыбы. Подпись:

«Казакъ петлей вокругъ шей
Французовъ удить, какъ ершей:
И мелкую сію скотину
Кладеть въ корзину...»

Пляска Наполеона подъ кнутомъ ратника, при игрѣ музика на свирѣли. Подпись:

«И мы твою, братъ, слышали, поудку;
Въ присядку попляши теперь подъ нашу дудку!»

Наполеонъ пляшетъ и припѣваетъ, взявшись за бока:

Ахъ, скучно мнѣ
На чужой сторонѣ!

Смотръ французскимъ войскамъ на обратномъ походѣ черезъ Смоленскъ. Французы стоятъ, одѣтые въ пучки сѣна, въ ведра, вмѣсто шиняковъ, въ юбки, фуфайки; тутъ же лошадь, подпертая дреколемъ. Подпись: «Хотя одѣты некрасиво, да тепло!»

По «Монитеру»: «Усердная и добровольная поставка рекрутъ отъ французскаго народа своему императору». Нарисованы: калѣка, дряхлый старикъ и общипанный уличный мальчишка. Подпись: «Отъ двухъ департаментовъ три рекрута и двѣ лошади».

Ретирада французской конницы, съѣвшей въ Россіи лошадей. Нарисованы уланы, кирасиры, гусары, мамелюки, кто на конькахъ, кто на пикѣ верхомъ, кто въ салопѣ, а кто съ лошадинымъ окорокомъ подъ мышкой, про запасъ.

Карикатуры — Терентьевна, доколачивающая башмакомъ безпардоннаго француза, и Свилья-парламентеръ и Наполеонъ — отличаются мастерскимъ выполнениемъ, равно какъ и три сатиры: Французы-учителя и всякіе проходимцы, оставляющіе Россію, — французское воспитаніе и набиваніе головы ребенка западнымъ зломъ...

За карикатурой: Пусканіе Наполеономъ мыльныхъ пузырей, причемъ на мыльныхъ пузыряхъ надписи его замысловъ: «Порабощеніе Англіи! — Походъ въ Индію! — Присвоеніе всемірной торговли! — Взятіе Петербурга! — Взятіе Риги! — Взятіе Калуги!» — слѣдуютъ карикатуры: Поездъ, привезенный Наполеономъ изъ Россіи въ Парижъ, и Наполеонъ въ Парижѣ, изображенный на громадныхъ ходуляхъ, съ подписью:

Кто смѣлъ разнести столь ложны слухи,
Что будто сталъ я меньше мухи?

Въ утѣшеніе Бонапарту, карикатура: Наполеонъ, прикладывающій себѣ пластыри — листки «Монитера».

Кухня главной квартиры въ послѣднее время пребыванія въ Москвѣ. На полу валяются мыши, лягушки, всякая наядь, кошки и собаки; а бабушка Кузьминична угощаетъ французскихъ мародеровъ щами-кипяткомъ.

Наполеонъ пускаетъ змѣя бумажнаго. На рисунокѣ змѣя падаетъ, потому что штыкъ «1813 годъ» протыкаетъ его. Другой рисунокъ: Карнавалъ или парижскія игрища, гдѣ Наполеонъ изображенъ въ видѣ паяца, занимающаго публику.

Картина съ надписью: «Жидъ обманываетъ вещами, цыганъ лошадьми, французъ воспитаніемъ!» Внизу вопросъ: «Который вреднѣе?» — и другая символическая: Портретъ Наполеона; лицо состоитъ изъ труповъ; звѣзда на груди изъ его политической паутины; волосы изъ змѣй, и т. д.

На нѣкоторыхъ теребеневскихъ карикатурахъ подписи: «Взято изъ «Сына Отечества», 1813 года».

Въ числѣ десяти теребеневскихъ карикатуръ, изданныхъ въ 1855 году, находятся: 1) Французскій вояжеръ въ 1812 году. Изображенъ Наполеонъ на салазкахъ, привлеченныхъ къ хвосту свиньи. Онъ говоритъ: «Въ Парижѣ —

прокладна, на Москва—очинь жарко!» а свинья отвѣчаетъ: «Уй, уй, уй, мусью!»—2) «Наполеонъ у Русскихъ въ банѣ», съ надписями: «Наполеонъ: «Эдакого мученья я съ роду не терѣлъ; меня скоблять и жарять, какъ въ аду!» — Ратникъ: «Отдувайся, коли самъ ползъ въ русскую баню; попотѣй хорошенько, а мы не устанемъ поддавать пару». — Солдатъ: «Нагрѣмъ тебѣ и бока, и спину, и затылокъ; будешь помнить легкую нашу руку». — Казакъ: «Побрѣмъ тебя, погладимъ, молодцомъ поставимъ!» — 3) «Наполеонъ, разбитый при Люценѣ, прикладываетъ пластырь изъ бюллетеней».—4) Обратный путь или дѣйствіе русскаго слабительнаго порошка.—5) Казакъ вручаетъ Наполеону визитный билетъ на взаимное посѣщеніе въ Парижъ, съ надписью на билетѣ: Москва. 6) Казацкая шутка, извѣстная продѣлка надъ буквой П (Наполеонъ) въ Берлинѣ. 7) Наполеонъ, въ намѣреніи уничтожить Пруссію, грибокъ съѣлъ, — мастерской рисунокъ гриба, подъ носомъ Бонапарта. 8) Разрушеніе всемірной монархіи. 9) Кораблекрушеніе; корабль летитъ на раздутыхъ парусахъ, съ надписями на нихъ: Италия, Франція, Баварія, Саксонія, Рейнскій союзъ и другіе; онъ разбивается о скалу, съ надписью: Москва; Наполеонъ спасается по морю на лодочкѣ. II 10) «Угощеніе Наполеону въ Россіи», съ надписью:

Свое добро тебѣ прѣлось,
 Гостинцевъ русскихъ захотѣлось;
 Вотъ сласти русскія, поѣшь, не подавись,
 Вотъ съ перцемъ сбитенѣкъ, попей, не обожгись!

При этомъ Наполеона сажаютъ въ бочку съ «калужскимъ тѣстомъ», въ ротъ тычутъ ему пряникъ, съ надписью: «*Вяземскій* пряникъ», а въ кружку ему льютъ сбитень, съ надписью на самоварѣ: «Вскипяченъ на *московскомъ* по-жарницѣ».

II.

МОСКОВСКАЯ ЧУМА 1770—1771 ГОДА.

«Исторія — лучший наставник чело-
вѣчества».

Императрица Екатерина II.

Сто десять лѣтъ назадъ Россія вела войну съ Турціей. Пробравшись изъ Азіи, чума (Pestis Indica) долго слѣдила тогда за воюющими арміями, поражая тѣхъ, кого шадили ядра и пули, и черезъ Нѣжинъ и Кіевъ наконецъ двинулась къ Серпухову, на сѣверъ.

Въ декабрѣ 1770 г. страшные признаки чумы обозначались, по словамъ императрицы Екатерины, въ Москвѣ. («Сборникъ историческаго общества», т. XIII, 1871 г., стр. 192). Морозы задержали-было ея развитіе. Но съ *первыми теплотами весны* слѣдующаго 1771 года, моровая язва распространилась въ Москвѣ съ ужасающей силой. Ее, по словамъ Екатерины, туда завезли съ суконныхъ фабрикъ, вмѣстѣ съ шерстью, изъ Серпухова. (Тамъ же). Трупы людей, умершихъ отъ чумы, валялись по улицамъ; чернь грабила одежды съ мертвыхъ, врывалась въ зачумленные дома. Населеніе Москвы въ отчаяніи и страхѣ бросилось въ окрестныя села и города. Московскій главнокомандующій, старикъ-фельдмаршалъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, также бѣжалъ изъ столицы въ свое подмосковное помѣстье, село Мароипо; за нимъ изъ города выѣхали другія знатныя лица и всѣ, кто имѣлъ средства скрыться въ другихъ мѣстахъ.

Императрица Екатерина въ апрѣлѣ 1771 года, поручивъ генераль-аютанту графу Якову Брюссу учрежденіе вокругъ

Петербургу карантинныхъ заставъ, для предупрежденія моровой язвы, собственноручно писала ему: «Въ разсужденіе оказавшихся въ Москвѣ приличивыхъ горячекъ съ пятнами, о коихъ нынѣ еще доктора спорятъ, какъ оныя именовать». Она приказала устроить, сверхъ петербургской, еще слѣдующія заставы отъ Москвы: первую въ Твери, вторую въ Вышнемъ-Волочкѣ, третью въ Бронницахъ, и кромѣ того, на дорогахъ, идущихъ къ Петербургу, «яко знатнѣйшему въ имперіи порту», особыя заставы: на старо-русской, тихвинской, новой и старой новгородской и на смоленской дорогахъ. На этихъ заставахъ были опредѣлены «гвардіи офицеры, съ командами», для наискрѣпчайшаго смотрѣнія, чтобъ никто безъ осмотра и окуренія не былъ пропущенъ изъ идущихъ и идущихъ, съ ихъ экипажемъ и пожитками. Тогда же Екатерина велѣла отпустить въ карантинны нужные медикаменты и достаточное число врачей. Мѣсяцемъ ранѣе, а именно еще въ мартѣ 1771 г., Екатерина подобныя же полномочія дала въ Москву генераль-поручику Петру Дмитриевичу Еропкину: (Сбор. ист. общ. 1874 г., XIII т., стр. 80—81).

Между тѣмъ, 18 мая того же года Екатерина писала къ госпожѣ Бьелкѣ (урожденной Грогусъ): «Тому, кто вамъ скажетъ, что въ Москвѣ чума (la peste), скажите, что оны *солалъ*; тамъ были только случаи горячекъ, гнилой и съ пятнами (fièvres putrides et pourprées); но для прекращенія паническаго страха и толковъ, я взяла веѣ предосторожности. Теперь жалуются на строгіе карантинны. Не изувѣры ли тѣ, которые видятъ чуму тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ?» (Тамъ же, стр. 95).

Съ началомъ сентября дѣло, однако, приняло иной оборотъ; 5 сентября Екатерина отвѣчала московскимъ сенаторамъ, по поводу моровой язвы: «Мы вѣдаемъ, что безспорно великая пренена быть можетъ скорому учрежденію нашихъ предписаній обширность города,—состояніе домовъ, нравы, застарѣлыя обычаи... Но — надлежитъ преодолѣть препятствія, а не ими страниться,—помогать учрежденію, сдѣланному для общей безопасности отъ мора». — Повелѣвалось на тридцать верстъ вокругъ Москвы опорожнять подъ карантинны дома, выводя жителей въ другія мѣста, а гдѣ нѣтъ домовъ — строить ихъ на счетъ казны; для избавленія людей отъ голода и холода имѣть подрядчиковъ, подвозить при-

насы,—а наипаче предписывать смотрѣть: «чтобы гражданамъ не было сдѣлано отъ корыстолюбія подлыхъ дулъ *утишенія и угнетенія*». (Тамъ же, стр. 164).

9 сентября вышелъ собственноручный манифестъ императрицы—о принятіи общихъ мѣръ противъ чумы, со ссылкой на указы о томъ же предметѣ отъ 1738 года. Въ манифестѣ Екатерина съ соболѣзнованіемъ указывала на тѣхъ, «кон. поставляя карантинъ себѣ за великое отягощеніе, скрываютъ больныхъ и не объявляютъ о нихъ поставленнымъ въ каждой части города начальникамъ; другіе, оставляя больныхъ въ домахъ однихъ, безъ помощи и попеченія, сами разбѣгаются и разносятъ болѣзнь и трепеть, которыми заражены; третьи вынашиваютъ скрытно мертвыхъ и кидаютъ на улицѣ христіанскія тѣла безъ погребенія, распространяя заразу единственно, чтобъ не разстаться съ зараженными пожитками и не подвергнуться осмотру приставленныхъ къ тому людей». Манифестъ кончался словами: «Всѣе же угнетеніе, утѣшеніе, грубость и нахальство всѣмъ и каждому запрещаемъ употреблять,—наипаче же *наки и наки наистрожайше запрещаемъ* всѣмъ начальникамъ и подчиненнымъ, *брать взятки* и лихоимствовать, какъ при осмотрахъ, такъ и при выводѣ въ карантинъ». (Тамъ же, стр. 166).

10 сентября 1771 г. Екатерина въ письмѣ къ гр. П. П. Панину писала: «Язва на Москвѣ, слава Богу, умялется начала»...

Но черезъ нѣсколько дней въ Москвѣ произошелъ бунтъ, убійство архіепископа, и было рѣшено отправить туда съ высшими полномочіями довѣренную отъ императрицы особу. Чумный бунтъ 16—17 сентября подробно описанъ Екатериною уже нѣсколько позднѣе, а именно 3 октября, въ письмѣ къ г-жѣ Бьелкѣ и къ Вольтеру. (Сборникъ ист. общ. 1874 г., т. XIII, стр. 172—174, 175—178).

Въ письмѣ къ Вольтеру Екатерина выразилась по этому поводу «Москва—особый міръ, а не городъ». Еще позднѣе, 20-го октября того же года, описывая *чумный бунтъ* А. И. Бибикову, Екатерина объ этихъ событіяхъ сказала: «*За московскими дурнотами* я на ваши письма до днесь не отвѣтствовала. Проводили и мы мѣсяць (сентябрь) въ такихъ обстоятельствахъ, какъ Петръ Великій жилъ *тридцать лѣтъ*. Онъ сквозь всѣхъ трудностей продрался со славою; мы на-

дѣмся изъ нихъ выйти съ честью. Слабость фельдмаршала Салтыкова превзошла понятіе, ибо онъ не устыдился просить увольненія, когда своею персоною нужнѣе тамъ былъ, и не ожидавъ увольненія—выѣхалъ,—часть можно,—забавляться со псами. Обыкновенная полиція стала коротка, мать наша Москва велика; ударили въ набатъ; чернь кинулась въ Кремль архіерея искать; оберъ-полицеймейстеръ сталъ коротокъ, а отчасти и оплошалъ» и пр. (Тамъ же, стр. 179--180).

Въ половинѣ сентября 1771 г. положеніе Москвы было невыносимое. Въ день умирало до 800 и 1,000 человекъ... Дворяне и все чиновничество бѣжало изъ столицы. Присутствія сами собою закрылись. Даже медики, оставшіеся въ городѣ, опустили руки, утверждая, что до наступленія новой стужи невозможно избавиться отъ чумы. Народъ сталъ толпиться у Варварскихъ воротъ, принося даянія иконѣ Боголюбской Богоматери. Архіепископъ Амвросій Зертисъ-Каменскій, родомъ молдаванинъ, приказалъ запечатать сундукъ по сбору даяній и перенести икону въ другое мѣсто, чтобъ устранить скопленіе народа въ тѣсномъ пространствѣ, куда приходили чумные, умирая здѣсь же у воротъ. Разъяренная чернь, съ криками: «грабятъ Боголюбскую Богородицу», а по письму Екатерины къ Вольтеру (отъ 6 окт., Сбор. ист. общ. т. XIII, стр. 75—76) съ криками: «архіерей хочетъ ограбить казну Богоматери! надо его убить!» — бросилась сперва въ Чудовъ монастырь, гдѣ не нашла Амвросія (онъ въ крестьянской сермигѣ ушелъ тайнымъ подземнымъ ходомъ изъ Кремля), затѣмъ въ Донской монастырь. Тамъ его нашли, вытащили изъ алтаря и звѣрски убили. Приставъ одной изъ карантинныхъ частей города, генералъ П. Д. Еропкинъ, съ 30—40 гвардейскими инвалидами и съ двумя пушченками (по словамъ императрицы) отважился выйти противъ взбунтовавшейся черни (разбившей и выпившей винные склады въ Чудовомъ монастырѣ) и разогналъ ее нѣсколькими залпами картечи, положи на мѣстѣ до тысячи мятежниковъ. Такъ кончился памятный донынѣ въ Москвѣ «чумный бунтъ» или Софьинъ-день 1771 года.

Подробное описаніе этого бунта, составленное протоіереемъ Петромъ Алексѣевымъ, напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» 1863 г. (ч. I, стр. 910—916).

По словамъ этого очевидца, Амвросій Зертисъ-Каменскій

уѣхалъ изъ Кремля въ кибиткѣ, съ племянникомъ Николаемъ, П. Бантышъ-Каменскимъ (отцомъ извѣстнаго писателя Д. Н.), когда мятежники, избивъ консисторскаго канцеляриста и солдатъ, пришедшихъ печатать сундукъ съ деньгами у Варварскихъ воротъ, бросились въ Кремль, выломавъ и его ворота. Толпа была вооружена кольями, камнями, топорами и кистенями. Найдя Амвросія на хорахъ за алтаремъ и стащивъ его оттуда за волосы, бунтовщики дали ему, по его просьбѣ, приложиться къ образу Донской Богоматери и затѣмъ стали его допрашивать:

— Ты ли не велѣлъ хоронить покойниковъ *у церкви* (карантинное правило)?

— Ты ли присудилъ забирать насъ *въ карантинъ*?

— Кто съ тобой въ *этой думѣ* заодно?

Несчастнаго архіерея послѣ допроса били дубьемъ «близъ двухъ часовъ». Бросивъ полумертваго страдалца, убійцы возвратились къ нему опять, видя, что у него «одна рука правая отмахкою двинулася» — и стали опять бить его кольями по головѣ. То же повторилось, когда «пожался тотъ страдалецъ раменами». Одинъ «церковникъ» послѣднимъ довершилъ его ударомъ «отрубя нѣсколько отъ главы, коя часть надъ глазомъ и осталася висящею» (Русск. Архивъ 1863 г., ч. I, стр. 913—914).

Первый натискъ Еропкина чуть не кончился для него бѣдою. Мятежники такъ нажали его солдатъ, что тѣ бросились бѣжать, и Еропкинъ едва успѣлъ увести свою пушку къ Спасскимъ воротамъ съ помощью штыковъ. Ему помогъ подосланный отрядъ великолукскаго полка. Чернь разсѣялась отъ картечи; но ея расходившіеся звонари «у набатныхъ колоколовъ» до того старались, что солдаты едва стащили ихъ съ колоколенъ «на штыкахъ». Кремль и всѣ входы въ него Еропкинъ занялъ солдатами, подъ командою бывшихъ у него гвардейскихъ офицеровъ. (Тамъ же).

Императрица, еще не зная о чумномъ бунтѣ, рѣшила послать въ Москву графа Григорія Григорьевича Орлова. Объ этомъ ея рѣшеніи остался слѣдъ въ ея опубликованной перепискѣ и въ архивѣ государственнаго совѣта (т. I, ч. 1-я, стр. 412, протоколъ 19-го сентября 1771 года).

19-го сентября въ совѣтѣ императрицы была объявлена высочайшая ея воля послать въ Москву такую «довѣренную особу, коя бы, имѣя полную власть, въ состояніи была

избавить тотъ городъ (Москву) отъ совершенной погибели». Совѣтъ тотчасъ же приступилъ къ сужденію «объ изысканіи сей особы», а 21-го одобрилъ и «заготовленную для дачи *посылаемому въ Москву* генераль-фельдцейхмейстеру Орлову полную мочь въ дѣланіи тамъ всего, что за нужное найдетъ къ избавленію отъ заразы». Въ письмѣ къ Вольтеру (Переписка Екатерины съ Вольтеромъ, ч. 2, стр. 39) императрица выразилась: «Графъ Орловъ *просилъ меня* позволить ему отправиться въ Москву, дабы разсмотрѣть на мѣстѣ, какія можно пристойнѣйшія мѣры взять къ прекращенію сего зла. Я согласилась—не безъ ощущенія сильной горечи». Въ то время (около 12-го сентября) въ Москвѣ умирало *уже болѣе 800 человекъ въ сутки*. (Архивъ госуд. совѣта, т. I, ч. 1, стр. 142).

Орловъ выѣхалъ изъ Петербурга 21-го сентября въ Подберезье; по пути, 22-го числа, его встрѣтила вѣсть о московскомъ мятежѣ и объ убійствѣ Амвросія. Онъ безъ колебанія продолжалъ путь и по страшной осенней распутицѣ прибылъ въ Москву 26-го сентября. Екатерина писала Бибикову (20-го октября): «Тамо до его пріѣзда всѣ, по образцу графа Салтыкова, получа *terreur panique*, отъ язвы по норамъ распозлись, но теперь наки возвратились по мѣстамъ. Старый хрычъ фельдмаршалъ уволенъ».

Съ Орловымъ въ Москву пріѣхали искусный въ то время хирургъ Тодте (Todte) и нѣсколько расторопныхъ гвардейскихъ офицеровъ, въ томъ числѣ знаменитый впоследствии Архаровъ, преображенскій капитанъ Сем. Бор. Волоцкой и семеновскіе капитаны—князь Сер. Ив. Одоевскій и А. Дм. Симоновъ. По окончаніи чумной заразы эти офицеры получили похвальныя письма императрицы и по тысячѣ червонцевъ награды (см. Сборникъ имп. истор. общ. 1874 г., т. XIII, стр. 184).² Одинъ изъ командированныхъ офицеровъ, преображенскій капитанъ, Александръ Александровичъ Саблуковъ, оставилъ любопытные документы о пребываніи своемъ въ Москвѣ во время чумы 1771 г.—письма его въ коняхъ къ родителямъ, переписку комиссіи исполнительной и врачебной и даже свои расходныя тетради во время завѣдыванія имъ московскими карантинными домами. Эти документы, сохранившіеся въ фамильномъ архивѣ его внука, П. А. Муханова, напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 г. (т. IV, стр. 330—339).

Будучи посланъ въ Москву ранѣе своихъ товарищей (9-го августа 1771 г.), еще въ распоряженіе Еропкина, Саблуковъ находился тамъ «въ самое лютейшее и опасное время, когда зараза свирѣпствовала» — и, будучи дѣятельнѣйшимъ пособникомъ Еропкина по усмиренію чумнаго бунта, оставался въ Москвѣ до закрытія всѣхъ комиссій, т.-е. до декабря слѣдующаго 1772 г. По его словамъ, къ Еропкину было отправлено «нарочитое число другихъ лейбъ-гвардіи офицеровъ и унтеръ-офицеровъ». Чумной бунтъ, по приказу Еропкина, Саблуковъ укротилъ при помощи «своей дивизіи изъ восьмидесяти-восьми престарѣлыхъ гвардейскихъ солдатъ и одной полковой пушки». Ему помогали капитанъ Волоцкой, съ которымъ онъ, разогнавъ толпу, двое сутокъ оставался на мосту у рва, противъ Спасскихъ воротъ, охраняя входъ черезъ нихъ въ Кремль.

Радость Москвы при появленіи среди нея «ближайшей къ императрицѣ особы» — графа Григорія Орлова — была неописанная. Любимый тогдашній поэтъ-москвичъ Василій Майковъ такъ привѣтствовалъ пріѣздъ графа Орлова:

«Не тѣмъ ты есть великъ, что ты вельможа первый:—
 Достоинъ симъ почтенъ отъ русской ты Минервы
 За множество твоихъ къ Отечеству заслугъ!—
Но тѣмъ, что обществу всегда ты вѣрный другъ...
 Не самую ль къ нему ты дружбу тѣмъ являешь,
 Когда ты спастъ Москву отъ бѣдствія желаешь?
 Дерзай, прехрабрый мужъ, дерзай на подвигъ сей,
 Возстанови покой межъ страждущихъ людей..
 Когда жъ потщишься ты Москву отъ бѣды избавить,
 Ей должно образъ твой среди себя поставить—
 И вырѣзать сіи на камени слова:
«Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва!»

(Замѣчательно, что впоследствии именно этотъ самый, послѣдній стихъ Майкова вырѣзанъ на памятникъ въ честь подвига Орлова въ Царскомъ Селѣ).

Исполненіе порученія императрицы далось, впрочемъ, Орлову не легко. Его ожидали всякаго рода затрудненія и неприятели. Началось съ поджога Головинскаго дворца (нынѣ мѣсто лица Цесаревича), гдѣ Орловъ остановился, немедленно учредивъ двѣ комиссіи: противочумную и слѣдственную по дѣлу убіенія архіепископа Амвросія. («Жизнеописаніе князя Г. Г. Орлова» — А. П. Барсукова, Русскій Архивъ, 1873 г., ч. I, стр. 67—75).

Стремясь къ устраненію главнѣйшей причины размноженія заразы, т.-е. народнаго отвращенія къ больницамъ и карантинамъ, гдѣ дѣйствовали грубые и невѣжественные тогдашніе чиновники и врачи, — Орловъ лично ободрялъ москвичей, обходилъ больницы, строго наблюдалъ за пищей и лѣкарствами. Потомокъ убитаго Амвросія, Дмитрій Бантышъ-Каменскій (см. его «Словарь достопамятныхъ людей русской земли» 1836 г., ч. IV, стр. 49—53) говоритъ о немъ: «Орловъ прекратилъ *народныя сходки, посѣщала госпитали* (чумные), оказывалъ *человѣколюбивое пособіе* зараженнымъ, неослабно *надзиралъ за врачами*, приказывалъ *сжигать* платье, бѣлье, кровати *умиравшихъ отъ чумы*».

Народъ ежедневно видѣлъ среди себя Орлова, всегда веселаго, привѣтливаго, щедро разсыпавшаго пособія отъ лица государыни. Черезъ мѣсяць по его прибытіи въ Москву, тамъ среднимъ числомъ уже умирало въ день не болѣе 353 человекъ. (Архивъ государственнаго совѣта, т. 1, ч. I, стр. 423).

По преданію, строгость карантинныхъ при Орловѣ была такъ велика, что вокругъ всей Москвы былъ устроенъ высокій частоколъ; бывшимъ подъ командой гвардейскихъ офицеровъ солдатамъ, державшимъ пикеты вокругъ Москвы, вѣрно было *стрѣлять* по всякому, кто рѣшался прорываться безъ осмотра сквозь карантинную цѣпь, — причемъ особые стрѣлки обязательно убивали выбѣгавшихъ изъ Москвы *собакъ* и даже перелетавшихъ черезъ кордоны *сорокъ* и *воронъ*, какъ плотоядныхъ птицъ. Частныя и дѣловыя письма, даже проткнутыя и прокуренныя сѣрой, въ первое время, на особо-установленныхъ почтовыхъ пунктахъ не передавались изъ рукъ въ руки за цѣпь, а перебрасывались на стрѣлахъ. (Слышано отъ внука еврея Розенберга, ѣздившаго въ то время въ Москву за покушкой серебряныхъ издѣлій для Полтавы).

Ѣдущіе изъ Москвы держали въ Твери недѣльный, а въ Торжкѣ *шестинедѣльный* карантинъ (Архивъ госуд. сов., т. 1, ч. I, стр. 413).

Саблуковъ оставилъ небезынтересныя свѣдѣнія объ остромъ періодѣ московской чумы. Онъ писалъ, между прочимъ, къ своему отцу отъ 22 августа 1771 г.: «Занимать денегъ не у кого; почти всѣ господа разѣхались по деревнямъ». «У меня въ командѣ 1,000 дворовъ; ежегодно имѣю дѣло съ

300 чел. (больныхъ). Приходится сталкиваться съ полицейскими крючками» (29 августа). Далѣе онъ пишетъ:

«Язва гораздо умножилась и нѣтъ никакого способа ее совсѣмъ искоренить, да и медики утверждаютъ, что до наступленія стужи отъ нея избавиться нельзя. Народъ часть отъ часу убываетъ; все мастеровые, хлѣбники, пирожники, разношники всякіе — расходятся по деревнямъ. Изъ моей части въ шесть дней вышло около 700 человекъ. Ихъ осматриваютъ доктора и выдаютъ билеты о здоровьи» (20 авг. и 1 сентября). «Суды все заперты» (5 сентября). «Во дворахъ остается не болѣе, какъ человекъ по три, а въ господскихъ домахъ оставлено только по одному дворнику» (8 сент.). Описавъ чумный бунтъ и распоряженія Орлова, — онъ отъ 27 октября пишетъ отцу: «чума уменьшается», а отъ 5 января 1772 г. извѣщаетъ: «Въ моей части уже шесть недѣль все, слава Богу, благополучно!»

О дѣятельности Орлова Екатерина писала къ г. Бѣлке, 13 ноября 1771 г. «Вообще эта болѣзнь ходитъ только между чернью; люди высшихъ сословій отъ нея изъяты, принимая необходимыя предосторожности. *Графъ Орловъ не только запретилъ хоронить въ городъ, но даже не иначе позволяетъ народу слушать литургію, какъ оставаясь внѣ церкви, во время богослуженія.* Наши церкви малы, все молятся стоя и обыкновенно бываетъ большая давка; притомъ извнѣ слышно хорошо, такъ какъ обѣдня всегда громко служится и поется. Народъ отъ такихъ увѣщаній сдѣлался такъ благоразуменъ, что даже не поднимаетъ денегъ, если они попадаютъ ему подъ ногами («Сборникъ ист. общ.», т. XIII, 1874 г., стр. 186).

Въ собственноручномъ черновомъ наставленіи князю Михаилу Волконскому, смѣнившему Орлова по ослабленіи чумы, Екатерина писала, въ ноябрѣ 1771 г., что передъ пріѣздомъ въ Москву Орлова тамъ «отъ 800 до 1,000 человекъ въ день мерло» и что онъ нашелъ все тамошнія правительства «разныя въ незасѣданіи, всехъ людей въ уныніи, отчаяніи и худомъ послушаніи» — и что зло прекратилось Орловымъ при помощи сенаторовъ Мельгунова, Еропкина и Дмитрія Волкова, а также оберъ-прокурора Всеволожскаго и Баскакова. Посылая князя Волконскаго начальствовать въ Москву, Екатерина писала ему (6 пунктъ наставленія): «Предисугая вамъ строгое взысканіе отъ всехъ

исполненія законовъ, учрежденій и повелѣній, не разумѣемъ мы отнюдь подъ симъ, чтобы вы неумѣренною строгостью всѣхъ приводили въ *страхъ и трепетъ*...» Московскій отставной батальонъ гвардіи, столько оказавшій пользы во время чумы, императрица велѣла Мельгунову, по окончаніи заразы, перевести въ Муромъ. Ему же она рекомендовала слѣдующую разумную мѣру: «Весьма бѣ полезно было, если бѣ большіе фабриканты добровольно согласились *перенести фабрики* въ уѣздные города; ибо Москва отнюдь не способна для фабрикъ: тамо и дешевле, и работники менѣе подвержены всякимъ неистовствамъ».

По словамъ Екатерины, въ письмѣ ея отъ 3-го декабря 1771 г. къ Вольтеру, въ день выѣзда Орлова изъ Москвы (28-го ноября), тамъ было только двое умершихъ. Передъ выѣздомъ его изъ Москвы, какъ говоритъ Екатерина въ письмѣ къ г-жѣ Бьелке, изъ 1,965 больныхъ умирало только 38 человекъ. Могилы рыли каторжные, получая за работу по 30—40 коп. отъ могилы.

5-го декабря Орловъ представилъ совѣту императрицы отчетъ о своей дѣятельности, гдѣ заявилъ, что «*позущенія карантинныхъ частныхъ смотрителей* и ихъ грабежъ въ зараженныхъ домахъ были главною причиною распространенія болѣзни, народнаго отвращенія къ карантинамъ и мятежа, и что съ начала язвы по ноябрь въ Москвѣ умерло отъ чумы 50,000 человекъ. Уѣзжая изъ Москвы, Орловъ учредилъ тамъ хлѣбные магазины для пропитанія народа (Архивъ госуд. совѣта, т. 1, ч. 1, стр. 425).

Возвращеніе Орлова въ Петербургъ было привѣтствовано торжествами. Кромѣ триумфальныхъ воротъ въ Царскомъ Селѣ (на дорогѣ въ Гатчину), въ честь Орлова была выбита медаль съ его портретомъ и изображеніемъ Курціи, бросающагося въ пропасть, съ надписью: «И Россія такихъ сыновъ имѣетъ».

1879 г.

Оглавленіе

ХУІІІ ТОМА.

	стр.
Екатерина Великая на Днѣпрѣ (1787 г. Разсказъ).	5
Царь Алексѣй, съ соколомъ.	22
Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя.	37
Шарикъ.	53
Дѣвочка.	70
Пасѣчники.	87

Мелкія статьи

I. Карикатура въ Россіи (въ старину).	115
II. Московская чума 1770—1771 года.	125

185.

